

МОИСЕЙ

Петр
Люкилсон

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие5

Часть первая. ЕГИПЕТ

Глава первая. В ожидании Спасителя 16

Глава вторая. Спасенный из вод28

Глава третья. Моисей — царь Куша42

Глава четвертая. Неопалимая купина49

Глава пятая. Кто ты, Моисей?65

Глава шестая. Египет во тьме82

Глава седьмая. «Сколько чудес совершил Ты в полночь108

Глава восьмая. «Кто, как Ты, Господи?!»118

Часть вторая. ПУСТЫНЯ

Глава первая. Битва с Амалеком134

Глава вторая. У горы Синай147

Глава третья. «Кто за Господа — ко мне!» 166

Глава четвертая. Прощение177

Глава пятая. В Шатре откровения 189

Глава шестая. Рождение армии211

Глава седьмая. С кем идти в разведку? 221

Глава восьмая. Бунт 231

Глава девятая. Закон253

Часть третья. СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Глава первая. Время действовать274

Глава вторая. «Когда выйдешь на войну...»291

Глава третья. В степях Моава303

Глава четвертая. Последняя битва319

Глава пятая. Смерть 328

Глава шестая. Книга на все времена, или Кто автор Пятикнижия? 340

Послесловие 360

Основные даты жизни и деятельности Моисея (согласно Пятикнижию и устным еврейским преданиям)362

Литература364

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пожалуй, во всей мировой истории трудно найти фигуру более загадочную и величественную, чем пророк Моисей. Даже если основываться на тех сведениях о его личности, которыми располагает каждый более-менее образованный человек, они все равно поражают воображение и невольно заставляют усомниться в их достоверности.

Подобно Спартаку, но более чем на три тысячелетия раньше, Моисей стал вождем гигантского восстания рабов внутри самой мощной, самой развитой державы своего времени. Но если Спартак так и не сумел вывести свою армию рабов за пределы Римской империи, то Моисей навсегда освободил следовавших за ним людей от рабства. Если Спартак лишь поколебал могущество Рима, то Моисей оставил за спиной полуразрушенную, сломленную страну, мощь которой после этого лишь угасала, и в итоге она сама превратилась в придаток других империй.

Подобно Аттиле, но на тысячелетия раньше его, Моисей с огромной армией появился на берегах Иордана, предъявил права на земли живущих там народов, одержал ряд блестящих побед и заложил основу для того, чтобы превратить эти земли в страну своего народа.

Подобно Будде и Мухаммеду — но за тысячелетия до них! — он стал основоположником новой мировой религии. Однако, в отличие от буддизма и ислама, эта религия была абсолютно оригинальной, она не базировалась ни на одном из известных учений прошлого, она выросла из самой себя, родившись воистину из ничего. Созданная Моисеем религия послужила основой для возникновения двух мировых религий — христианства и ислама.

Подобно Гомеру, Моисей считается автором одной из величайших книг человечества, но если вновь посмотреть с точки зрения исторической перспективы, то и Гомер выглядит, по сравнению с Моисеем, как безусый юнец рядом с седобородым старцем.

При этом следует учесть, что в итоге Моисей сделал куда больше, чем все вышеперечисленные исторические или легендарные деятели. По существу, он создал целый народ, направил исторический путь этого народа и тем самым определил историю человечества.

Правда, все вышесказанное следует принимать с одной поправкой, на которой, думаю, настаивал бы сам Моисей: все его деяния стали возможны лишь потому, что он выполнял волю Бога, действовал с помощью Бога и шел только путями Бога.

Они вообще всегда рядом — Моисей и Бог, Бог и Моисей. Они неразрывно связаны друг с другом в сознании человечества, хотя сам Моисей наверняка бы пришел в ярость, если бы кто-либо посмел бы высказать мысль о сопоставимости их фигур, попытке приравнять его, обычного человека из плоти и крови, к Создателю всего Сущего.

Парадокс личности Моисея еще и в том, что она не подчиняется законам исторической перспективы. С течением времени значимость его фигуры не только не уменьшается, но и, как порой кажется, даже возрастает.

Книга, автором которой он считается, в отличие от «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, по-прежнему лежит на рабочем столе или прикроватной тумбочке даже не у миллионов, а у десятков миллионов людей во всем мире. Завещанные Моисеем нравственные максимы и духовные идеи то и дело слетают с наших губ, продолжая оставаться основой человеческой морали и движущей силой политической и общественной борьбы в разных точках планеты.

Его народ не только сумел пережить все некогда современные народы древности, но и по-прежнему играет активную роль на арене мировой истории, вызывая по отношению к себе самые противоречивые чувства. Этот народ продолжает бережно хранить его духовное наследие, читает в оригинале его книгу, ежедневно повторяет написанные им псалмы, молитвы, песни и гимны. Этот народ, или, точнее, та его часть, которая сохранила верность наследию предков, во всех подробностях знает его биографию — точные даты рождения и смерти, все перипетии его судьбы, всю историю его взаимоотношений с современниками.

Однако другой парадокс личности Моисея заключается в том, что до нас не дошло ни одного другого современного ему письменного источника, в котором хотя бы упоминалось его имя, кроме Торы — все того же Пятикнижия Моисеева, первых пяти книг Библии, автором которых он традиционно считается. У нас нет ни одного материального артефакта, подтверждающего реальность его существования. Мы даже не знаем, где его могила и существует ли она вообще.

Таким образом, все наши сведения о Моисее основываются, прежде всего, на одной книге, историчность которой, по мнению многих исследователей, весьма сомнительна, да на мидрашах — еврейских устных преданиях и толкованиях Пятикнижия, которые по понятным причинам с точки зрения науки выглядят еще сомнительнее, если не сказать большего.

Все это привело к тому, что в религиоведении и в исторической науке на протяжении столетий сложилось несколько точек зрения на реальность существования Моисея, и у каждой есть свои последователи.

Официальное советское религиоведение на протяжении десятилетий твердо придерживалось мысли о том, что фигура Моисея была изначально вымышленной; его образ — продукт народного творчества, такой же, как, скажем, герои русских народных сказок — Иван-царевич, Кощей Бессмертный или Марья Моревна. Утверждая, что нет никаких исторических доказательств факта исхода евреев из Египта, их блуждания по пустыне, да и войны, которую они вели за Ханаан, советские ученые видели в самом Пятикнижии не более чем сборник произведений еврейского фольклора, записанный еврейскими жрецами. Параллельно с рассказыванием еврейских народных сказок эти жрецы предприняли попытку кодификации ряда законов, призванных утвердить в народном сознании мысль о древности и незыблемости того общественного строя, который сложился на территории древнего еврейского государства к началу VII века до н. э.

«Миф об исходе евреев из Египта, играющий столь большую роль и в древнееврейском богословии, и в пророческих проповедях, и в мессианских чаяниях, и в современной пропаганде религиозно-националистических идей иудаизма... противоречит исторической действительности, несовместим с ней», — писал убежденный сторонник такой точки зрения А. Б. Ранович. И затем, после нескольких пассажей, подводил читателя к своему заключительному, однозначному выводу: «Таким образом, биография Моисея состоит сплошь из сказочных чудес; организованный им исход из Египта оказывается фикцией, а законодательство "на Синае" — позднейшей кодификацией норм обычного, религиозного и уголовного права ранней древности, для которой имелись готовые юридические образцы и где личность "законодателя" ни в какой степени не отражается.

Что же остается от личности Моисея? Ровно ничего. Он остается лишь мифическим родоначальником легендарного "колена" жрецов-левитов, освящавших его авторитетом свои привилегии; он — герой того же типа, что и мифический учредитель элевсинских мистерий Евмолп или первопредок жрецов Афродиты на о. Пафосе Кинир...»

Однако проблема заключалась в том, что меньше всего образ Моисея, встающий со страниц Библии, подходил под определение лубочного, сказочного героя и уж тем более вождя из народного эпоса.

Мифический вождь, ведущий свой народ от победы к победе, по определению не может страдать косноязычием — а Моисей был либо косноязычен, либо заикой, о чем прямо говорится в Библии. Мифический вождь не может отказываться от поручаемой ему свыше миссии, а Моисей поначалу делает все, чтобы от нее отвернуться. Власть мифического вождя неоспорима, подчинение ему народа и вера в него — абсолютны, ведь без этого попросту не может быть легенды! А авторитет Моисея то и дело подвергают сомнению, ему постоянно предъявляют какие-то претензии — то самая распоследняя чернь, то находящиеся с ним в родстве представители еврейской аристократии, а то вообще родные брат и сестра! Да и сам он то гневается, то сомневается, то впадает в отчаяние...

В результате образ этот оказывается слишком живым, слишком противоречивым, слишком реальным, чтобы быть придуманным. Вдобавок ко всему, все новые и новые археологические и исторические открытия подтверждали, что исход евреев из Египта на каком-то этапе истории этой страны и в самом деле имел место. Постепенно все более прояснялся и тот маршрут, по которому двигались в пустыне ведомые Моисеем израильтяне; были найдены останки завоеванных ими ханаанских городов. Да и географы, ботаники, зоологи и представители других наук шаг за шагом подтверждали точность описания Библией особенностей жизни в Синайской пустыне.

Все это невольно наводило серьезных исследователей на мысль об историчности, реальности фигуры Моисея. Правда, и сторонники этой точки зрения разделились на две научные школы.

Представители первой, признавая, что в основу рассказа об исходе положены действительно имевшие место события, все же настаивают на том, что у Моисея, возможно, был некий реальный прототип, но не более того. На самом деле, по их мнению, речь идет о некоем собирательном образе, вобравшем в себя черты сразу нескольких еврейских вождей, живших и действовавших в разное время. Ну и, разумеется, вдобавок ко всему народная фантазия, а вслед за ней и те, кто составлял Пятикнижие спустя несколько столетий после исхода, приукрасили этот образ, приписав ему множество чудес и деяний, которых он не совершал.

Однако существует и другая научная школа, adeпты которой убеждены в том, что Моисей является абсолютно реальной исторической фигурой, вождем еврейского народа, жившим в ту самую эпоху, которая описывается в Пятикнижии. Они не отрицают, что часть страниц Пятикнижия, возможно, содержит элементы народной фантазии и гиперболы, но в целом все, что описано в ней, соответствует исторической правде.

Данный базисный вывод этой школы основывается, как говорят ее adeпты, на самой исторической логике. Вот как обосновывал эту мысль русский философ А. Волин:

«Как могло произойти, что в языческом, политеистическом мире появился народ с совершенно другой, резко отличной религией? Традиционный ответ гласит: Израиль — это тот народ, которого избрал Бог, чтобы он был или стал Его народом. Я бы сказал иначе: Израиль — это тот народ, который избрал Бога как основу и смысл своего существования как народа и существования каждого его члена как индивида. В этом выборе сыграли свою роль и географические, и исторические, и климатические, и биолого-генетические условия. Но все это не могло иметь решающего значения. Условия эти не слишком отличались от тех, в которых находились другие народы этого района, у каждого из которых был свой племенной бог. Да и по своей психологии и складу ума израильтяне библейских времен в массе, наверно, ничем или почти ничем не отличались от соседних и родственных им моавитян, аммонитян, аморитян и даже филистимлян.

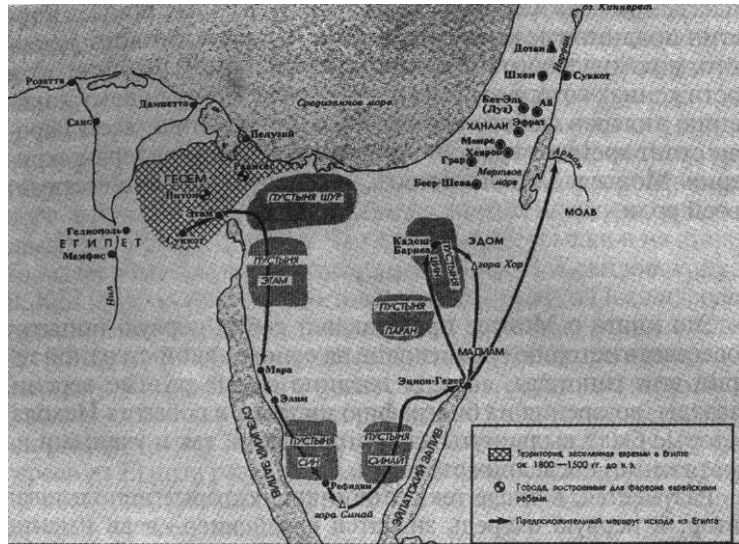
Остается лишь одно объяснение: появление религиозного гения с новым представлением о божестве, создавшего новое религиозное учение и внушившего (или пытавшегося внушить) его своему народу...»

Эту же мысль — но в расширенном виде — проводит и П. Джонсон в своей «Популярной истории евреев».

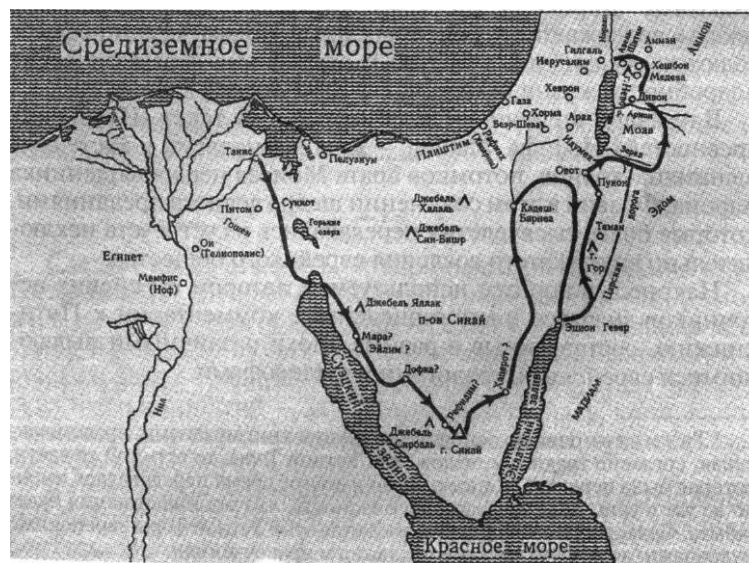
«Этому выдающемуся событию (Исходу из Египта. — П. Л.) соответствовала и выдающаяся личность, возглавившая восстание израильтян, — пишет Джонсон. — Моисей был ключевой фигурой в еврейской истории, осью, вокруг которой все вращалось. Если Авраам был праотцем нации, то Моисей был созидательной силой, формировавшей ее; именно под его руководством и благодаря ему они окончательно выделились в качестве народа, у которого имеется будущее. Моисей, подобно Иосифу, был образцом еврея, но совершенно другого типа и намного более грандиозной фигурой. Он пророк и вождь, человек решительного действия и необычной внешности; способный на страшный гнев и безжалостную решимость; но, кроме того, он человек в высшей степени духовный, склонный к общению с Богом где-нибудь на природе, а также видениям, прозрениям и озарениям. Однако меньше всего его можно было бы назвать отшельником-анахоретом; скорее, он олицетворял собой активную духовную силу, ненавидел несправедливость, горячо стремился осуществить свою утопию. Это был не только посредник между Богом и людьми, но и человек, старавшийся обратить свой высший идеализм в практические государственные труды, а благородные идеи — в повседневные дела...

Он брал обычные идеи, которые бездумно принимались на веру бесчисленными поколениями, и превращал их в нечто новое, что последовательно и радикально преобразовало мир так, что возврата к старому уже не было. Он подтверждает факт, который всегда признавали великие историки, и который сводился к следующему: человечество совсем необязательно движется вперед маленькими шажками; иногда оно делает огромный прыжок, побуждаемое энергией отдельной, но выдающейся личности. Вот почему утверждение Велльгаузена (Велльхаузена) и его школы¹, что Моисей есть продукт позднейшего творчества, а свод его заповедей — изобретение великих жрецов после Изгнания во второй половине первого тысячелетия до н. э. (точка зрения, которой придерживаются некоторые историки), есть не что иное, как скептицизм, доведенный до фанатизма, и насилие над летописью человечества. Выдумать Моисея — задача непосильная для человеческого ума; мощь его личности буквально насыщает страницы библейского повествования...»

Но, пожалуй, самое парадоксальное заключается в том, что даже если бы Моисей и в самом деле никогда бы не существовал, о нем все равно были бы написаны сотни и сотни книг — религиозных и философских сочинений, исторических исследований, романов, пьес, поэм. Потому что уже неважно, жил он на самом деле или нет — сама его фигура превратилась в архетип подлинно великого пророка и вождя, истинного духовного, политического и военного лидера нации, на ошибках и достижениях которого стоит поучиться каждому новому поколению лидеров любого народа. И, одновременно, всем народам стоит время от времени применять к своим лидерам «критерии Моисея», чтобы понять, насколько те соответствуют своей роли. Эта книга о Моисее представляет собой первую попытку воссоздать историю его жизни не на основе какой-то одной теории или гипотезы, а сведя воедино самые разные версии, взгляды, воззрения на биографию пророка и события Исхода, которые были выдвинуты как богословами, так и учеными на протяжении последних столетий. Разумеется, в числе тех источников, которые использовал автор, в первую очередь значатся еврейские — ведь именно они, в конце концов, и являются основой всех знаний о жизни Моисея, а последующие труды ставят своей целью либо подтвердить, либо опровергнуть их подлинность. При этом автору было крайне важно использовать не только относительно известный широкому читателю текст Торы, то есть Пятикнижия Моисеева, но и Талмуд, мидраши и другие, уже куда менее знакомые широкому русскому читателю, древнееврейские тексты, содержащие в себе те или иные, подчас кажущиеся абсолютно реальными, а подчас и откровенно фантастические подробности жизни величайшего из пророков древности.

Вероятный маршрут исхода евреев из Египта по М. Гилберту (*Гилберт М. Атлас по истории еврейского народа. Иерусалим, 1990. С. 19*)

Вероятный маршрут исхода из Египта и завоевания израильянами Заиорданья по А. Каплану (*Живая Тора: Пятикнижие Моисея. Нью-Йорк; Иерусалим, 1998. С. 208*)

В немалой степени автор опирался и на текст «Иудейских древностей» Иосифа Флавия — ведь принадлежа к касте священников-коэнов, потомков брата Моисея первосвященника Аарона, Флавий в этом сочинении щедро делится преданиями, которые более тысячелетия передавались из уст в уста исключительно внутри этого сословия еврейского общества.

Наконец, в корпусе используемых автором еврейских источников значатся и многочисленные комментарии к Пятикнижию, составленные в разные эпохи различными выдающимися еврейскими теологами и философами.

Немалую помощь в написании этой книги автору оказали работы христианских богословов, прежде всего, разумеется, отца Александра Меня, профессора Московской духовной академии С. С. Глаголева, иерея Николая Кима и др.

Представляемая во всех вышеназванных источниках, условно называемая религиозная версия биографии Моисея на протяжении всей книги «сталкивается лбами» с попытками «научного взгляда» на эту биографию, изложенными в работах самых различных авторов. Читатель найдет ссылки и на широко известные научно-популярные книги З.Косидовского и В. Келлера; на явно продиктованные занимаемой ими идеологической позицией работы известных советских религиоведов 20—80-х годов XX века; а также на авторитетных религиоведов Запада и США. В книге приводятся и теории, относящиеся большинством научных авторитетов к категории спорных — например, теория И. Великовского о том, что события Исхода евреев из Египта разворачивались на фоне столкновения Земли с кометой, повлекшей за собой определенные природные явления по всей планете.

Единственная теория, которая была проигнорирована автором данной книги, — это совершенно спекулятивная, на его взгляд, так называемая уфологическая теория, утверждающая, что гора Синай была местом посадки корабля представителей высокоразвитой цивилизации, которые и сообщили Моисею Десять заповедей, а затем всячески опекали странствующих по пустыне евреев.

При этом автор сознательно не отдает предпочтения ни одной из излагаемых им версий — само столкновение разных гипотез и научных подходов позволяет выявить слабые и сильные стороны каждого из них, а дальше пусть уже сам читатель решает, какая точка зрения больше его устраивает. В то время, учитывая тот факт, что даже в самых точных христианских переводах Ветхого Завета имеется немало ошибок (причем порой нелепых, как еще предстоит убедиться читателю, но оставивших огромный след в человеческом сознании и культуре), автор приводит все цитаты из кажущегося ему наиболее близким к оригиналу Пятикнижия в переводе П. Гиля, выпущенному в 1994-1997 годах издательствами «Гешарим» (Иерусалим) и «Мосты культуры» (Москва). Соответственно, при цитировании употребляются и сохраненные переводчиком принятые в иврите звучания имен, топонимов и понятия.

Названия книг Пятикнижия даются в рамках сложившейся в русском языке традиции: Бытие (Быт.; на иврите «Берей-шит» — «В начале»), Исход (Исх.; на иврите «Шмот» — «Имена»), Левит (Лев.; на иврите «Ваикра» — «И воззвал»), Числа (Чис.; на иврите «Бемидбар» — «В пустыне»); Второзаконие (Втор.; на иврите «Дварим» — «Слова»),

Некоторые трудности для читателя, возможно, представит то, что в книге часто дается двойная датировка событий — по еврейскому календарю и с указанием соответствующей даты по григорианскому календарю.

Часть первая. ЕГИПЕТ.

Глава первая. В ОЖИДАНИИ СПАСИТЕЛЯ.

Согласно Книге Исхода, второй книге Пятикнижия Моисеева, история египетского рабства берет свой отсчет в 2238 году от Сотворения мира по еврейскому летосчислению, то есть в 1523 году до н. э. по григорианскому календарю.

Именно в тот год праотец еврейского народа Иаков вместе со своими шестьюдесятью семью домочадцами пришел из Ханаана в Египет, где его с нетерпением ждал сын Иосиф, волею судьбы ставший наместником фараона — вторым лицом в самом могущественном государстве Древнего мира. Сам фараон пожелал встретиться с родственниками своего премьер-министра и, когда те предстали перед ним, повелел поселить их «в лучшем месте земли Египетской».

Так евреи оказались в располагавшейся в дельте Нила области Гесем (Гошем, Гошен). Потомство Иакова быстро освоило обильные пастбища этой египетской провинции и, построив дома, перешло от привычного еврейским пастухам кочевого к оседлому образу жизни. Сытое, благополучное существование на протяжении нескольких поколений обусловило необычайно высокие темпы рождаемости в еврейских семьях, и вскоре они стали составлять весьма заметную часть населения Гесема.

«И умер Иосиф, и его братья, и все то поколение. А сыны Израиля плодились и размножались, и стали очень многочисленны и сильны, и наполнилась ими страна» (Исх. 1:6—7) — так сообщает Пятикнижие об этом периоде безоблачного существования еврейского народа в земле Египта.

Но уже в следующем предложении тональность повествования резко меняется:

«И восстал новый царь над Египтом, который не знал Иосифа. И сказал он народу своему: "Вот народ сынов Израиля многочисленнее и сильнее нас. Давайте перехитрим его, а не то умножится он, и случись война, присоединится и он к неприятелям нашим, и будет воевать против нас, и уйдет из страны"» (Исх. 1:8—10).

Мидраши утверждают, что дело было не столько в том, что евреев в Египте стало слишком много, сколько в той огромной роли, которую они начали играть в жизни страны. С одной стороны, они держались обособленно от египтян, продолжая носить национальную одежду и упорно отказываясь, в подражание египтянам, брить бороды и волосы. С другой стороны, они занимали важные посты в государстве, были писцами, врачами, музыкантами, живописцами, так что у рядового египетского обывателя невольно возникало ощущение, что евреи заполнили страну.

И все же решающим событием, заставившим фараона резко изменить политику по отношению к пришельцам из Ханаана, стала, согласно еврейским сказаниям, очередная война египтян с то и дело совершавшими на них набеги азиатскими племенами. Обычно в случае войны, будучи верными гражданами страны, евреи выставляли в египетскую армию свои отряды. Однако египтяне предпочитали держать их в тылу, видимо, считая, что еврейские войска (за исключением отрядов колена Ефремова, о которых будет сказано особо) не слишком боеспособны. Но на этот раз против Египта выступила объединенная армия сразу нескольких азиатских народов; врагов было так много, что египтяне были обращены в бегство. Уже считавшие себя победителями захватчики бросились в погоню и... оказались лицом к лицу с еврейскими ополченцами, не поддавшимися панике и сохранившими боевой порядок. Вступив в жестокий бой с охваченными азартом преследования азиатами, евреи очень скоро переломили ход сражения в свою пользу, обратили врагов в бегство и преследовали их затем до самой границы Египта.

Египтяне, разумеется, не могли не радоваться такому исходу битвы. Но к радости победы у них невольно примешивался страх — евреи оказались куда более сильным и мужественным народом, чем они думали. Да, в этот раз они были союзниками, но кто знает, как повернется дело завтра и не захотят ли евреи получить землю Гесем в свое вечное владение? Именно этим, поясняет все тот же мидраш, и объясняются слова фараона: «Вот народ сынов Израиля многочисленнее и сильнее нас. Давайте перехитрим его, а не то умножится он, и случись война, присоединится и он к неприятелям нашим, и будет воевать против нас, и уйдет из страны».

Словом, неожиданная воинская доблесть евреев привела фараона к осознанию, что они представляют нешуточную внутреннюю угрозу для государства. И ликвидировать эту угрозу, с его точки зрения, можно было только одним способом: поставить этих зарвавшихся пришельцев на колени, превратить их в покорных рабов, которые в итоге либо сольются с коренным населением страны, либо попросту вымрут от непосильного труда. Вместе с тем, будучи трезвым и умным политиком, фараон прекрасно понимал, что в одночасье превратить десятки тысяч свободных граждан страны

в рабов он не может — это привело бы к немедленному восстанию, чреватому непредсказуемыми последствиями. Нет, ему нужно было именно перехитрить, или, если переводить слова Библии буквально, «перемудрить» евреев, выработать некий хитроумный план, так, чтобы те и сами не заметили, как из свободных, способных защитить себя людей превратились бы в бесправных и безоружных рабов.

И, разработав такой план, фараон начал приводить его в действие. Объявив, что он ценит преданность своих подданных-евреев, фараон издал указ о строительстве в земле Гесем городов Питом и Раамсес, в которых должны были разместиться склады для хранения стратегических запасов страны. Потомков Иакова пригласили принять участие в этой грандиозной всеегипетской «стройке века» за весьма приличную ежедневную плату. Причем начало строительства было назначено на субботу — день, который, согласно все тем же устным преданиям, у евреев уже тогда считался священным и запретным для любой работы.

Сообщение об этом застало тогдашних лидеров еврейской общины врасплох. Они оказались перед нелегким выбором того, что для них важнее: остаться верными заветам предков или проявить уважение к указу фараона и вывести народ на работы — тем более что владыка Египта вдобавок заявил, что он лично примет участие в столь важном строительстве. В конце концов, главы всех еврейских колен, за исключением колен Леви и Ефрема, решили, что во имя демонстрации своих верноподданнических чувств можно поступиться обычаем, и евреи вышли на работу. При этом левиты мотивировали свой отказ нежеланием нарушать заветы предков, а колено Ефрема, ведущее происхождение от старшего сына Иосифа, со времен своего родоначальника посвящало себя воинской службе. Большинство мужчин этого колена входили в кадровые части египетской армии, занимали различные командные посты, и на них этот указ не распространялся.

Вот так и состоялся первый в истории человечества субботник, в котором наряду со всеми принял участие и сам фараон, живое воплощение бога Амона, перетаскивавший вместе со своими подданными бревна и камни. Специально назначенные им писцы аккуратно записали всех вышедших на работы евреев в расчетные книги, и вечером им была выдана оговоренная плата.

Установленный порядок сохранялся в течение нескольких месяцев: каждое утро евреи исправно выходили на работу и каждый вечер они столь же исправно получали положенную плату. При этом день ото дня в земле Гесем становилось все больше египетских солдат, плотным кольцом окружавших еврейские деревни, а за ходом работ начали следить египетские надсмотрщики, регулярно повышавшие дневную норму выработки и строго требовавшие ее выполнения.

Наконец настал день, когда еврейским рабочим объявили, что в связи с возникшими в стране финансовыми трудностями фараон временно не сможет платить зарплату, но при этом они и их семьи будут получать продовольственные пайки, так что у них нет никаких оснований прекращать стройку. Евреи попробовали было возмутиться новым порядком и отказались выходить на работу, но не тут-то было. У египетских писцов были на руках списки всего трудоспособного населения еврейских деревень, и в соответствии с этими списками египетские солдаты по утрам обходили еврейские дома, выволакивали из них мужчин и бичами гнали на стройку.

Таким образом, замысел фараона удался: когда евреи поняли, что происходит, они уже были просто не в состоянии оказать египтянам сколько-нибудь организованное сопротивление, и им не оставалось ничего другого, как смириться со своей участью государственных рабов. Единственными, кому удалось избежать этой горькой судьбы, оказались, как уже было сказано, представители колена Леви и значительная часть членов колена Ефрема. Так как они в самом начале не выходили на строительные работы, то и не попали в «трудовые списки» и таким образом, по меньшей мере формально, сохранили свободу. На левитов и ефремлян, безусловно, распространялись все остальные указы фараона, касавшиеся евреев, но при этом они были освобождены от трудовой повинности.

И все же своей главной цели — резко сократить темпы роста еврейского населения страны — фараону добиться не удалось. Несмотря на то, что теперь еврейским рабам приходилось от зари до позднего вечера заниматься тяжелейшим, изнурительным трудом, после чего они должны были бы валиться с ног от усталости, евреи продолжали плодиться и размножаться, и не было в земле Гесем дома, возле которого не резвилась бы стайка еврейских ребятишек. Все тот же мид-раш говорит, что в основном это была заслуга еврейских женщин: в небольшие перерывы на обед они являлись к своим мужьям, стараясь выглядеть как можно более привлекательными. Как следствие, перерывы превращались в страстные любовные свидания, так что, не успев разрешиться от одной беременности, еврейки вскоре беременели снова. Все это не могло не подтолкнуть фараона на поиски новых, куда более радикальных мер, призванных сократить рождаемость среди евреев:

«Поставили над Израилем начальников повинностей, чтобы сокрушить их дух тяжелой работой. И строили они города Питом и Раамсес как города запасов для фараона. И чем больше подавляли их, тем больше они размножались и распространялись. И опасались египтяне сынов Израиля.

Стали египтяне заставлять сынов Израиля выполнять работу, которая сломит их тела. Сделали горькой их жизнь тяжким трудом с глиной и кирпичами и всякими полевыми работами. И вся работа, которую они заставляли их делать, была, чтобы их сломить.

И говорил царь Египта главным еврейским повитухам, имена которых были Шифра и Пуа. И сказал им: "Когда будете принимать роды у евреек, следите у родильного ложа. Если мальчик — убейте его, а если девочка — пусть живет".

Но боялись Бога повитухи и не делали так, как приказывал им египетский царь, оставляя жизнь новорожденным мальчикам. Царь Египта позвал повитух и сказал им: "Почему вы так делали и давали жить новорожденным?!"

И ответили повитухи фараону: "Не похожи еврейские женщины на египтянок — ведь они, как животные, знают, как рожать. И рожают они прежде, чем придет к ним повитуха".

И был добрым Бог к повитухам, и усиливался народ и очень умножился. А за то, что боялись Бога повитухи, Он создал им великие семьи...» (Исх. 1:11—22).

Еврейские источники расходятся в том, кем были те самые повитухи, которым фараон дал указание убивать новорожденных еврейских мальчиков — египтянками или еврейками. Большинство еврейских комментаторов

Священного Писания считают, что они были евреями. Более того, опираясь на все то же устное предание, они утверждают, что за их именами Шифра и Пуа скрываются Йохевед и Мириам (Мариам) — мать и сестра Моисея. Однако Иосиф Флавий, а вслед за ним известный комментатор Библии Мальбим настаивают, что эти повитухи были египтянками, не пожелавшими убивать еврейских младенцев не из каких-то национальных соображений, а действуя так по велению совести. Во всяком случае, трудно предположить, что фараон дал бы такое поручение евреям, да и вряд ли сами еврейки позволили бы себе сравнить своих соплеменниц с животными. А вот в устах египтянок, пусть даже и милосердных, такое сравнение, учитывая пренебрежительное отношение египтян к евреям, выглядит вполне уместным. И тогда становится понятным, почему, если переводить текст Пятикнижия буквально, там говорится, что «Бог создал им дома» (а не «великие семьи») — в благодарность за их доброе отношение к ним евреи построили этим повитухам великолепные дома.

Но вот сам указ фараона, повелевающий уничтожить именно еврейских младенцев и оставлять в живых девочек, выглядит вполне логичным. Ведь мальчики — это потенциальные будущие воины, которые могут однажды поднять восстание, в то время как девочек вполне можно использовать в качестве наложниц в египетских семьях, и тогда родившиеся у них дети уже вряд ли будут помнить о своем происхождении.

Те же еврейские источники дают и точную датировку этих событий. По их мнению, фараон непомерно усилил гнет евреев и сделал «горькой их жизнь» в 2361 году от Сотворения мира (в 1400 году до н. э.) — в тот самый год, когда у лидера колена Леви Амрама и его жены Йохевед родилась дочь Мариам. Само имя девочке было дано от слова «мар» — «горькая». Указ же об уничтожении всех еврейских младенцев мужского пола фараон издал по совету своего министра, пророка Валаама в 2365 году от Сотворения мира (1395 год до н. э.). В этом же году у Амрама и Йохевед родился сын, которого называли Аароном — «последним», так как всех родившихся после него мальчиков уже следовало убивать.

Мидраш утверждает, что сразу после этого указа фараона Амрам отдалился от жены и даже официально развелся с ней, заявив, что не желает способствовать детоубийству. И хотя, напомним, повитухи Шифра и Пуа и не думали выполнять указ властелина Египта, авторитет Амрама был так велик, что многие еврейские мужья последовали его примеру, и рождаемость у евреев действительно стала падать. И тогда шестилетняя Мариам бросила в лицо отцу страшное обвинение.

— Ты даже хуже фараона! — сказала она ему. — Ведь фараон приказал истреблять только мальчиков, ты же решил сделать это со всем народом!

Потрясенный словами дочери, Амрам поспешил вернуться к жене, снова сошелся с ней браком и вскоре после этого Йохевед забеременела. В те дни на Мариам впервые снизошел пророческий дух, и, бегая по улицам, девочка спешила сообщить каждому прохожему, что скоро мама родит ей брата, который спасет евреев от рабства и выведет их из Египта.

На дворе стояла ранняя осень 2368 года (1392 год до н. э.) и до рождения величайшего пророка всех времен и народов оставалось ровно шесть месяцев.

Разумеется, у критически мыслящего читателя не может не возникнуть вопроса о том, насколько рассказ Пятикнижия о пребывании евреев в рабстве у египтян соответствует исторической реальности, да и соответствует ли он ей вообще. Было ли нечто подобное на самом деле, или мы имеем дело лишь с хорошо придуманной и расцвеченной фантастическими деталями народной легендой?

Правда, согласитесь, трудно представить себе народ, который в основу собственного фольклора положил бы историю о том, как его превратили в стадо бесправных и беззащитных рабов. Как правило, все народные эпосы предпочитают рисовать наиболее ранний этап своей национальной истории исключительно в героических красках, и уже это отличие текста Пятикнижия от подобных эпосов невольно наводит на мысль, что в основе рассказа о порабощении евреев лежат вполне реальные события. В трактате «О древности еврейского народа. Против Апиона» Иосиф Флавий, ссылаясь на египетского историка Манефона (IV—III века до н. э.), напрямую связывает приход евреев в Египет с эпохой гиксосов — захватчиков, ворвавшихся в Египет в XVII веке до н. э. и основавших 17-ю династию фараонов.

«Так вот, — пишет Флавий, — тот самый Манефон во второй книге истории Египта пишет о нас следующее (я передаю его собственные слова, как бы предоставляя ему самому выступать свидетелем). "Был у нас царь по имени Тимаос. В его царствие бог, неведомо почему, прогневался и нежданно из восточных стран люди происхождения бесславного, дерзкие, напали на страну и без сражений легко овладели ею. И властителей ее покорив, они безжалостно предали города огню и святилища богов разрушили. А с жителями поступали бесчеловечно жестоко — одних убивали, а детей и жен других уводили в рабство. Наконец, и царем сделали одного из своих, имя его Силатис... Все их племя называлось 'гиксос', то есть 'цари-пастухи', потому что 'ГИК' на священном языке означает 'царь', а 'СОС' — 'пастух' и 'пастухи' в просторечном языке. Если же составить их вместе, получается 'ГИКСОС'. Некоторые говорят, что они по происхождению арабы"...»

Большинство историков и археологов считают, что Иосиф Флавий, вероятнее всего, был прав, соотнося историю библейского Иосифа с эпохой фараонов-гиксосов.

По версии историков, протоеврейские племена хабиру (сами евреи называли и называют себя «иврим» — «перешедшие реку», а учитывая, что «б» и «в» во всех семитских языках это, по существу, одна и та же буква, а их письменность является консонансной, такое графологическое и звуковое сходство не может быть случайным), кочуя по просторам Ближнего Востока, время от времени забредали в Египет, что и нашло свое отражение в предании о праотце Аврааме. Ворвавшиеся в Египет в конце XVIII — начале XVII века до н. э. гиксосы по происхождению тоже были семитами, и вряд ли стоит удивляться тому, что, стремясь укрепить свою власть в стране, они опирались на родственных им «хабиру», то есть евреев. Гиксосы помогли евреям осесть в земле Гесем, они назначали их на различные государственные

должности. Не исключено, что один из еврейских сановников поднялся на самую вершину иерархической лестницы, стал вторым после фараона человеком в государстве, что и привело к появлению на свет истории об Иосифе Прекрасном.

Однако сразу после изгнания гиксосов в XVI веке до н. э. гнев египтян обращается на их ближайших союзников-евреев, которых превращают в рабов и посылают на государственные каторжные работы, в том числе на строительство новых городов.

Достаточно сравнить еврейскую датировку событий Пятикнижия с различными версиями египетской хронологии, чтобы убедиться в том, что подобный исторический сценарий более чем вероятен.

Окончательное изгнание гиксосов из Египта, согласно хронологии В. Андриенко², происходит при первом фараоне 18-й династии Яхмосе (1552—1527 годы до н. э.). Яхмос, говоря словами Библии, и в самом деле не только «не знал» Иосифа, но и не хотел его знать — для него этот еврейский премьер-министр, как и все его соплеменники, был не более чем прислужником врагов-гиксосов. И все же Яхмос был слишком сосредоточен на защите страны от внешних врагов, чтобы заниматься живущими во внутренних областях евреями. Порабощение евреев, вероятнее всего, произошло чуть позже — в эпоху правления третьего фараона 18-й династии Тутмоса I (1506—1494 годы до н. э.).

А вот усиление гнета евреев в Египте тогда приходится на время правления Аменхотепа III (1402—1364 годы до н. э.), развернувшего в стране поистине грандиозное строительство. И строительство это, естественно, осуществлялось за счет жесточайшей эксплуатации рабов.

Правда, следует отметить, что в египетской истории и ее хронологии все еще существует немало белых пятен. Египтяне вообще не вели упорядоченного календаря, а с каждого нового фараона начинали отсчет нового периода. Нередко к годам царствования они добавляли и годы, когда новый фараон был принцем-наместником одной из областей Египта, вследствие чего даты правления фараонов «наслаиваются» одна на другую. Поэтому некоторые историки соотносят все эти события с именами других фараонов, живших, по египетским хроникам, на более чем столетие позже. Например, с именем Рамсеса II и его сына Мернептаха — последнего они и называют тем фараоном, при котором евреи вышли из Египта. Этой точки зрения придерживаются и многие христианские богословы.

В христианском богословии принято опираться на следующую хронологию важнейших событий в Египте в период пребывания там евреев.

Около 1280 года до н. э. — войны Рамсеса II с хеттами. (По еврейской хронологии, 1270-е годы — период завоевания евреями Ханаана. — П. Л.)

Около 1234 года до н. э. — смерть Рамсеса II. Нашествие ливийцев и «народов моря». «В начале XIII века, закончив войны с хеттами в Сирии, фараон Рамсес II переносит свою резиденцию в Дельту и приступает к обширным строительным работам. На месте старого Авариса гиксосов он воздвигает новый город Пи-Рамсес ("Дом Рамсеса"). К работам были привлечены военнопленные и невольники, а также инородцы. На стенах гробницы Рахми-ре (Фивы) изображены сирийские рабочие, изготавливающие кирпич, а в одном из документов времен Рамсеса II содержится приказ раздать пищу для воинов и аперу, которые доставляют камни из большого пилона. Термин "аперу" соответствует слову "хабири". Предание Исхода (1:11) свидетельствует, что именно евреи строили города Рамсес и Пифом (егип. Пи-Тум). Следовательно, Рамсес II мог быть тем фараоном, "который не знал Иосифа" и сделал Сынов Израиля государственными рабами (1:6—8). Призвание же Моисея произошло при его преемнике (2:23), то есть при Мернептахе», — писал отец Александр Мень в своей «Истории религии». Само объяснение, для чего фараону надо было «перемудрить» евреев и поработить их, в принципе, не нуждается в мифах о некой войне, в ходе которой египтяне вдруг осознали, насколько силен и опасен для них еврейский народ. Достаточно вспомнить, что согласно всем авторитетным научным источникам, по меньшей мере, с 2500 года до н. э. проживающие в Синае и на берегах Иордана семитские племена то и дело совершали набеги на Египет и представляли для него немалую угрозу.

Да, египтяне оказывались сильнее и в итоге заставили семитских вождей и царьков признать себя их вассалами, однако время от времени семитские племена восставали, вырезали египетские гарнизоны в своей земле, сметали пограничные заслоны и вторгались в Египет. Понятно, что в этой ситуации у египтян были все основания опасаться, что евреи в случае очередного такого набега присоединятся к родственным им племенам, и это может обернуться самыми катастрофическими последствиями для страны. Если, конечно, египтяне вообще могли различать семитов по племенам — не исключено, что для них все они были на одно лицо и говорили на одном и том же языке, так как они вряд ли могли уловить на слух те небольшие, чисто диалектные нюансы, которыми древний иврит отличался от аморейского, моавитского, да и арабского языков.

Однако не вызывает сомнений, что события, о которых идет речь в любом случае, происходили в период, приходящийся на конец правления 18-й и начало правления 19-й династии фараонов, а расхождения в датировках у сторонников различных версий обычно не превышают 160—170 лет. Если учесть, что речь идет о событиях давностью в 3500 лет, то это расхождение вполне укладывается в то, что принято называть «статистической ошибкой».

Правда, И. Великовский в работах «Столкновение миров» и «Века в хаосе» дает принципиально иную хронологию и трактовку этих событий — по его мнению, которое он тщательно обосновывает и с которым нам еще предстоит подробно познакомиться. Исход евреев из Египта, по Великовскому, произошел как раз накануне нашего нашествия гиксосов, то есть либо он происходил намного раньше даты, указываемой еврейскими источниками — в 1650 году до н. э.; либо — если довериться еврейской датировке событий — надо существенно пересмотреть общепринятую хронологию египетской истории. Сам Великовский считал правильными выкладки тех христианских богословов, которые относили Исход к 1454 году до н.э. Эту же дату называет в своем труде «Дело об Исходе» И. Мёллер¹.

Немалые споры идут и вокруг того, где же именно располагались библейские Питом и Раамсес. Еврейские источники утверждают, что Питом — это Танис, древний египетский город в северо-восточной части дельты Нила. Античные

авторы отождествляли его с Патумусом, располагавшимся чуть севернее нынешнего Суэцкого канала. Некоторые историки считают, что речь идет о Пер-Атуме (в переводе название этого города означает «Дом бога Атома»), находящемся возле Тьеку. При его раскопках было найдено немало амбаров, а также их изображений, а Библия, напомним, утверждает, что поработанные израильтяне строили именно «города-хранилища».

Однако большинство современных исследователей склонны считать, что библейский Питом располагался там, где сейчас находится холм Тель-эль-Маскута в районе озера Тимса. Что касается города Раамсеса, то честь его открытия приписывается археологу П. Монте.

«Между 1929 и 1932 годами в тридцати милях юго-западнее Порт-Саида Монте открыл необычайное количество статуй, сфинксов, колонн, обломков строений, и на всех на них был изображен шлем Рамсеса II. Теперь вряд ли можно было сомневаться, что это — руины Пер-Рамсес-Мери-Амуна, библейского города рабов Раамсеса, — пишет В. Келлер. — Так же, как и в Питоме, археологи обнаружили здесь остатки амбаров и складов.

Израильтяне стали в самом истинном смысле слова жертвами жажды строительства, бушевавшей фараона. Расположение их нового местожительства способствовало их обращению в рабство. Библейский Гесем с его богатыми амбарами начинался в нескольких милях южнее новой столицы и тянулся до самого Питома. Не было ничего проще, чем принудить этих чужеземцев, живших, так сказать, на пороге великого строительства, покинуть скот и шатры и обратиться в рабство»¹.

Раскопки, проведенные в этих местах, показали, что рацион работавших на строительстве Питома и Раамсеса рабов был достаточно разнообразным. В него входили не только ячменные лепешки, но и в изобилии водившаяся здесь рыба, выращивавшиеся в окрестных садах лук, маслины, фиги, гранаты, а по праздникам, возможно, рабы получали мясо и изобретенное египтянами пиво. Так что, когда евреи потом в пустыне вспоминали о том, как в Египте они сидели у «горшков с мясом», они говорили почти правду.

Остается последний вопрос: было ли на самом деле то «избиение младенцев», о котором рассказывает Библия? Увы, однозначного ответа на него нет. Однако известно, что во время подавления восстаний в своих африканских и азиатских провинциях фараоны нередко приказывали истребить всех мужчин. Так что даже самый критически мыслящий читатель, будучи более-менее знаком с историей Древнего Египта, должен признать, что хотя издание указа об убийстве всех родившихся у рабов-евреев младенцев мужского пола является событием маловероятным, но все же возможным.

И, наконец, нет никакого сомнения, что на протяжении всего времени своего рабства (а оно, вопреки расхожему мнению, реально длилось не 400 и не 430, а менее 200 лет) потомки Иакова не переставали мечтать о свободе, о появлении в их среде военного и политического лидера, который поможет им сбросить иго египтян.

А, значит, рано или поздно такой лидер должен был появиться.

Глава вторая. СПАСЕННЫЙ ИЗ ВОД.

По мнению большинства исследователей Библии, загадка личности Моисея во многом кроется в тайне его рождения. На протяжении двух последних столетий целый ряд теологов, историков, психологов и мистиков пытались оспорить правдивость рассказа Пятикнижия о рождении Моисея. Вслед за уже упоминавшимся здесь с легкой руки Флавия Манефоном они обращались к версии, что на самом деле Моисей был по происхождению не евреем, а египтянином, еще точнее — посвященным в сокровенные тайны египетской мистики жрецом, вставшим во главе еврейских рабов и, по существу, превратившим евреев в нацию.

Однако другие исследователи с не меньшей горячностью доказывали, что Моисей мог быть только евреем, и приводили в пользу этой точки зрения не менее убедительные аргументы.

На страницах этой книги нам еще не раз придется сталкивать друг с другом обе эти версии, а пока давайте последуем за библейским текстом и еврейскими преданиями, являющимися, как уже говорилось, единственными источниками, свидетельствующими об обстоятельствах рождения Моисея.

Осенью 2368 года от Сотворения мира (1394 год до н. э.), рассказывает мидраш, фараону приснился странный сон. Ему снилось, будто он сидит на троне, а перед ним стоит какой-то старик и держит в руках большие веса. Вдруг старик протянул руку, схватил ею всю знать Египта и положил на одну чашу весов. Затем он извлек откуда-то ягненка и положил его на другую чашу — и ягненок перевесил.

Проснувшись, фараон велел немедленно позвать к себе советников, чтобы они истолковали ему сновидение.

— Смысл сна ясен, — сказал великий маг и мудрец Валаам. — Ягненок — это символ еврейского народа, ведь евреи всегда были пастухами. Твой сон говорит, что угроза для Египта со стороны евреев возрастает, так что если мы не предпримем необходимые меры, то они разрушат Египет.

— Я думаю, твой первый советник прав, о божественный! — выступил вслед за Валаамом главный астролог. — Звезды однозначно говорят, что недавно в земле Гесем был зачат мальчик, который принесет нашей стране неисчислимые беды. Я не могу понять, еврей он или египтянин, — с этим связана какая-то загадка, но я точно знаю, что смерть к нему придет от воды.

Именно после этого, утверждает все тот же мидраш, фараон издал новый указ, согласно которому всех новорожденных мальчиков, независимо от того, родились они в египетской или еврейской семье, следовало бросать в Нил. А для того, чтобы никто из новорожденных не мог избежать этой участи, фараон велел провести перепись всех беременных женщин в стране и определить срок их беременности. Теперь Шифра и Пуа уже ничего не могли сделать — солдатам фараона была известна приблизительная дата, когда та или иная еврейка должна была разрешиться от бремени, и вскоре после родов они врывались в дома и, если младенец был мальчиком, вырывали его из рук матери и бросали в воды великого Нила. Стон и плач стояли в эти дни по всему Египту, но никто не осмеливался нарушить приказ фараона.

Жена Амрама Йохевед также была внесена в эти списки и, согласно им, должна была родить весной. Но, вопреки всем расчетам, уже зимой, будучи на седьмом месяце беременности, Йохевед неожиданно почувствовала схватки, и, поспешив на помощь, Мириам приняла у матери роды.

Так 7-го числа месяца адара 2368 года по еврейскому календарю (то есть в феврале или в марте 1393 года до н. э.) в семье Амрама и Йохевед родился мальчик, которого родители называли Еред-Авигдором, но которому предстояло войти в историю своего народа и человечества под именем Моисей.

Ребенок родился «обрезанным», то есть без крайней плоти¹, и, разумеется, это немедленно было воспринято как знак свыше.

Почти три месяца Йохевед удавалось скрывать сына от соглядатаев фараона, но с каждым днем пребывание младенца в родительском доме становилось все более опасным для его жизни. В любой момент в дом могли нагрянуть солдаты и спросить, где ребенок, которого должна была на днях родить Йохевед.

И тогда у женщины родился хитроумный план, как спасти — или хотя бы попытаться спасти — сына.

Зная, что дочь фараона каждый день окунается в Нил в надежде, что воды этой священной для египтян реки помогут ей излечиться от проказы, Йохевед взяла корзинку из тростника, обмазала ее красной глиной, соорудила над ней небольшой балдахин и, положив младенца в корзину, осторожно опустила ее в воду — в заросли росшего на берегу Нила камыша, в нескольких метрах от того места, где обычно купалась принцесса. При этом Йохевед наказала Мириам спрятаться неподалеку и пристально следить за корзиной, чтобы ее не унесло течением. И в тот же момент, говорит мидраш, главный астролог фараона поспешил к своему повелителю, чтобы сообщить радостную весть: звезды поведали ему, что потенциальный спаситель евреев только что был брошен в Нил, где, вероятнее всего, и найдет свою гибель.

Между тем расчет Йохевед оказался верным. Утром, как обычно, дочь фараона появилась на берегу реки в сопровождении служанок. Услышав доносящийся из зарослей камыша плач проголодавшегося ребенка, принцесса велела своим служанкам отправиться туда и принести его. Служанки поспешили выполнить этот приказ. Спустившись в воду, они отправились в камышовые заросли, но вскоре вернулись оттуда с пустыми руками.

— О госпожа! — сказали они. — Он обрезан. Это — еврейский ребенок! Его нельзя спасать — ведь это означает нарушить указ фараона!

Принцесса задумалась, но в это время из камышей снова послышался жалобный, словно молящий о помощи плач младенца, и сердце ее дрогнуло. Она сама направилась в камыши и вытащила корзинку. В тот самый момент, когда принцесса коснулась рукой корзинки, гласит еврейское предание, произошло чудо — она полностью излечилась от проказы, и все нанесенные этой болезнью чудовищные повреждения исчезли. Так что когда она вернулась к своим служанкам, те поначалу ее не узнали — вместо уродливой прокаженной перед ними стояла писаная красавица.

Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» утверждает, что дочь фараона звали Фермуфис, однако в еврейскую историю она вошла как Батья, что в переводе означает «дочь Бога». Все те же еврейские предания утверждают, что Батья дожила до глубокой старости, приняла иудаизм и вместе с возглавляемыми Моисеем евреями вышла из Египта.

Едва увидев отличавшегося необычайной красотой еврейского младенца, Фермуфис-Батья мгновенно привязалась к нему и решила сделать своим приемным сыном — тем более что своих детей у нее не было. Она же дала ему имя Мосе, звучание которого на различных языках варьирует. На еврейском оно произносится Моше, на английском это имя звучит Мозес на арабском — Муса, на русском — Моисей.

Некоторые исследователи утверждают, что это имя имеет еврейское происхождение, являясь производным от еврейского глагола «лямшох» — тянуть, вытаскивать. Еврейское происхождение этого имени, говорят они, вполне логично: с одной стороны, Моисей был сам вытащен из воды, а с другой — он как бы вытащил, вытянул евреев из-под ига рабства.

Однако все тот же Флавий настаивает, что будущий вождь еврейского народа носил египетское имя, означавшее «спасенный из воды»: «мо» на египетском языке означало «вода», а «усес» — «спасенный». По мнению же библеистов, этимология имени Моше-Мосе объясняется куда проще: «мое» на египетском означало «сын», и это слово входило в качестве составляющего во многие имена фараонов и их приближенных: ЯхМОС, ТутМОС, РаМСес, ПтахМОС и т. д. В тексте Пятикнижия также подчеркивается, что имя Моисей было дано ребенку дочерью фараона и имеет египетское происхождение.

Но мы отвлеклись, а тем временем спасенный Фермуфис младенец продолжал отчаянно плакать и требовать есть. Принцесса велела привести кормилицу, но мальчик наотрез отказался взять у нее грудь. То же произошло со второй кормилицей, и с третьей, и с четвертой, и тогда на берегу Нила как бы случайно появилась Мириам.

— Напрасно, царевна, ты вызываешь всех этих женщин: если это еврейский ребенок, то он возьмет грудь только у еврейки! — сказала Мириам.

«И сказала сестра младенца дочери фараона: "Не сходить ли мне позвать еврейскую женщину, чтобы выкормить тебе младенца?" И ответила дочь фараона: "Иди!" Пошла девочка и позвала мать младенца. Дочь фараона сказала ей: "Возьми младенца и выкорми, а я за это тебе заплачу".

И взяла женщина младенца и выкормила его. И вырос ребенок, привела она его к дочери фараона. И стал он ей сыном, и назвала она его именем Моше и сказала: "Потому что из воды я вытащила его"...» (Исх. 2:7—11).

Так и случилось, что до двух лет Моисей спокойно рос в собственном доме на руках своей матери, да еще и под покровительством принцессы Египта. Язык его матери — иврит — стал его родным языком. Йохевед сделала все, чтобы привить сыну мысль, что он принадлежит к еврейскому народу, и если небесам было угодно спасти его от смерти, то только потому, что на него возложена некая миссия, которую он должен будет исполнить, когда придет время.

Сам факт, что Моисей был вскормлен именно молоком еврейской матери, имеет с точки зрения еврейского фольклора огромное значение: ведь согласно еврейской мистике молоко матери обладает, помимо всего прочего,

особой эманацией, оказывающей решающее влияние на формирование личности человека. Не случайно Пятикнижие подчеркивает, что праматерь еврейского народа Сара, родившая Исаака в девяносто лет, сама кормила его грудью.

Впрочем, подобный взгляд на чудодейственные свойства материнского молока существует у многих народов — достаточно вспомнить расхожее русское выражение «впитал с молоком матери».

Почти все исследователи и популяризаторы Библии обращают внимание на поразительное сходство рассказа Пятикнижия о рождении Моисея с аналогичными легендами о рождении царей и вождей у многих других народов Европы и Азии.

Самой древней из них является, пожалуй, легенда о рождении аккадского царя Саргона, правившего около 2600 года (по другим данным — около 2350-го) до н. э. Согласно надписи, высеченной на его статуе, мать Саргона зачала его от неизвестного мужчины и, чтобы сохранить его рождение в тайне, положила младенца в осмоленную тростниковую корзинку и пустила ее вниз по реке. Эту корзинку нашел «Аkki-ороситель» (по всей видимости, управляющий отводными каналами. — П. Л.). Akki вырастил Саргона и сделал его садовником, а затем юношу полюбила богиня Иштар и помогла ему взойти на царство.

Тот же сюжет лежит в основе пересказываемого Плутархом значительно более позднего предания об основателе Рима Ро-муле. Согласно этой легенде, младший сын царя города Альба-Лонги Амилиус отобрал трон у своего старшего брата, а затем, чтобы лишить его мужского потомства, убил своего племянника, а его дочь Рею Сильвию обрек на безбрачие, сделав ее жрицей богини Весты. Когда же Рея Сильвия все-таки забеременела от самого бога Марса и родила близнецов Ромула и Рема, Амилиус велел бросить обоих мальчиков в реку. Однако случилось так, что Тибр вышел из берегов, и слуги, которым было поручено утопить детей, оставили корзинку с близнецами на отмели у подножия Палатинского холма. Здесь их и нашла волчица, привлеченная их плачем. Дж. Фрэзер в книге «Фольклор в Ветхом Завете» приводит еще несколько подобных легенд, в том числе рассказанную в «Махабхарате» историю, как принцесса Кунти родила сына от бога Солнца. Стыдясь своего греха, уложила дитя в корзинку и со слезами на глазах пустила его в воды реки Асва, которые вынесли корзинку в Ганг. Здесь его нашли супруги из племени су-та, которые его и вырастили, но при этом царственная мать продолжала следить за судьбой своего сына.

Фрэзер отмечает, что если еще можно предположить, что древние евреи были хорошо знакомы с мифом о рождении Саргона и попросту переделали его на новый лад, то трудно допустить, что шумеры или евреи были знакомы с «Махабхаратой» или что авторы последней были знакомы с семитской мифологией. Все эти легенды, по мысли Фрэзера, возникли независимо друг от друга и были плодом народной фантазии, подчас рождающей у различных, отделенных друг от друга тысячами километров племен совершенно аналогичные сюжеты.

З. Фрейд в своем цикле очерков «Этот человек Моисей» не только поддержал эту мысль Фрэзера, но и высказал предположение, что сам этот сюжет вновь и вновь появляется у разных народов именно потому, что имеет глубокую общечеловеческую основу, уходящую в подсознание человека: спасительные воды реки олицетворяют собой материнскую утробу, угрожающая младенцу опасность — страх перед отцом и т. д.

Фрэзер же, понимая всю шаткость выдвинутой им теории случайных совпадений, в поисках исторических корней этого мифа обращается к древнему обычаю испытания водой.

«Существует мнение, — пишет он, — что в преданиях, подобных рассказу о младенце Моисее, брошенном в воду, мы имеем пережиток древнего обычая, когда для испытания законнорожденности ребенка его бросали в воду на волю судьбы. Если ребенок всплывал, его признавали законнорожденным; потонувший же объявлялся незаконным. В свете такого предположения может показаться знаменательным тот факт, что во многих из этих легенд рождение ребенка объясняется сверхъестественными причинами, причем некоторые циники склонны усматривать в них деликатный синоним незаконнорожденности...»

Правда, Фрэзер тут же признает, что данное объяснение явно не подходит к истории о рождении Моисея, и все же пытается втиснуть его в эти рамки: «Библейское предание не дает никаких оснований предполагать существование каких-либо сомнений в законнорожденности Моисея: но если мы вспомним, что его отец Амрам женился на своей тетке по отцу; что Моисей был отпрыском этого брака и что впоследствии еврейский закон стал признавать такие браки кровосмесительными, то мы, может быть, вправе предположить, что мать Моисея, бросая его в воду, имела для этого причины более личного характера, чем общий приказ фараона, относившийся ко всем детям мужского пола...»¹

И все же объективный исследователь должен признать, что история рождения Моисея явно не укладывается в прокрустово ложе аккадского, египетского да и всех прочих аналогичных мифов. Более того — она является своеобразным антитезисом этих произведений фольклора. Вспомним, что суть мифа заключается в том, что будущий герой или вождь обладает царским или божественным происхождением. Будучи брошенным в корзине в реку, он попадает в семью простолюдинов, но, став взрослым, узнает о тайне своего рождения, возвращается в царский дворец, чтобы предъявить там свои законные права на престол. В таком ходе событий есть своя «фольклорная» логика.

Но ведь в истории Моисея все происходит в точности наоборот. Родившийся ребенок «не бог, не царь и не герой» — оба его родителя хорошо известны и принадлежат к угнетаемому и преследуемому народу. И появляется он на свет вполне естественным путем, без всякого вмешательства высших сил.

Благодаря же своему чудесному спасению младенец оказывается в царском дворце, его усыновляет принцесса и, следовательно, он с раннего детства оказывается причастен к жизни знати, перед ним открываются самые широкие возможности, вплоть до того, что при определенном стечении обстоятельств он может взойти на трон фараона. Однако вместо этого Моисей предпочитает вернуться к своему народу и разделить с ним его судьбу.

Здесь уже, согласитесь, вроде бы нет никакой логики, но зато, как ни странно, история еврейского, да и многих других народов знает немало случаев, когда тот или иной человек, узнав, что на самом деле он принадлежит не к тому народу, среди которого вырос, решал вернуться к своим сородичам, их религии и обычаям — даже если это было сопряжено с опасностью для жизни, а порой и именно потому, что это было сопряжено с опасностью для жизни. Такой

поступок можно объяснить и как изначально присущей человеку иррациональной тягой к своим подлинным национальным корням, так и врожденным благородством души, нежеланием и неспособностью наслаждаться всеми благами жизни, когда его братья по крови терпят лишения и страдания.

И последующая история жизни Моисея если и не подтверждает окончательно правдивости рассказа Пятикнижия о его рождении, то, по меньшей мере, свидетельствует о его удивительных человеческих качествах, делающих его (особенно с учетом эпохи, в которой он жил) поистине выдающейся личностью.

Мидраш рассказывает, что когда Моисей в два (согласно другому преданию — в три) года был возвращен Иохевед во дворец дочери фараона, мальчик чрезвычайно полюбился не только Фермуфис, но и самому фараону, видимо, не особенно задумывавшемуся о происхождении приемного сына своей дочери. Всемогущий владыка Египта часто играл с маленьким Моисеем, и в один из дней, когда Фермуфис с сыном гостила во дворце отца, произошла история, которая запомнилась многим египетским вельможам.

Один раз, продолжает мидраш, играя с трехлетним малышом, фараон сам надел на него свою диадему, но маленький Моисей немедленно стянул ее с головы и швырнул на пол. По другому мидрашу, мальчик схватил лежавшую на столике корону фараона и надел ее себе на голову. Но дальше оба предания совпадают: поступок ребенка вывел из себя фараона, да и его первым советником Валаамом он был истолкован как недобрый знак.

— Необходимо умертвить этого ребенка, ибо Небо однозначно дало нам знать, что в будущем он может представлять угрозу короне! — категорично заявил Валаам.

— О божественный, — вмешался в этот момент другой советник фараона, жрец Иофор, — неужели ты велишь казнить любимца своей дочери за проступок, который он совершил по детскому недомыслию?

— Это было больше, чем недомыслие — это было знамение! — продолжал настаивать на своем Валаам.

И тогда Иофор предложил провести простое испытание, чтобы проверить, бросил ли маленький Моисей корону на пол умышленно, или речь идет о ребенке, который пока не ведает, что творит, и не может отвечать за свои поступки. По указанию Иофора перед мальчиком поставили два глиняных горшочка — один со сладостями (согласно другому преданию — с драгоценностями), а второй — с раскаленными углями.

Моисей потянулся было к сладостям, но тут посланный Богом архангел Гавриил отвел его руку, заставил взять уголек и положить в рот. Разумеется, маленький Моисей тут же взвыл от боли и выплюнул уголек, а Иофор торжествующе посмотрел на столпившихся вокруг придворных.

— Теперь вы видите, — произнес он, — что хотели спросить с мальчика слишком много.

В тот день Моисей спасся от смерти, однако до конца своих дней так и остался косноязычен — ожог оставил страшные шрамы на его языке и небе, и потому произнесение самых обычных слов давалось ему с огромным трудом.

К сожалению, еврейские источники крайне скупко рассказывают о детстве и юности Моисея, и все эти рассказы можно свести к тому, что Фермуфис-Батя постаралась дать своему сыну самое лучшее образование. Вероятнее всего, Моисей учился в Гелиополисе, который в Древнем Египте являлся университетским городом, чем-то вроде английского Кембриджа. Здесь Моисей изучал не только математику, астрономию и египетскую литературу, но и так называемые тайные науки — астрологию и магию, дававшие, по убеждению жрецов, ключи к управлению мирозданием.

Вместе с тем, утверждают те же источники, Фермуфис-Батя разрешала Моисею время от времени навещать своих приемных родителей, и потому он никогда не забывал, что он еврей, и не раз в годы детства и отрочества имел возможность видеть, как египтяне издеваются над его соплеменниками.

Французский теолог и мистик Э. Шюре в книге «Великие посвященные» рисует несколько иную картину этого периода жизни Моисея. При этом он отталкивается от уже упоминавшегося труда египетского историка Манефона, утверждавшего, что Моисей был не приемным, а родным сыном дочери фараона, при рождении был назван Хозарсифом и посвящен Озирису, то есть ему предназначено было стать жрецом этого бога.

Следуя общепринятому в конце XIX — начале XX века мнению, Шюре относит наибольшие тяготы египетского рабства к эпохе Рамсеса II, а сам исход евреев из Египта — соответственно к годам правления его сына, фараона Мернептаха. Таким образом, у Шюре Моисей-Хозарсиф оказывается внуком Рамсеса и племянником Мернептаха. Стоит отметить, что сочинение Манефона дошло до нас в отрывках, а Шюре известен как весьма тенденциозный автор, нередко склонный к спекуляциям. И все же некоторые отрывки его очерка о Моисее заслуживают того, чтобы быть процитированными — хотя бы потому, что представляют собой несколько отличный от еврейского взгляд на биографию этого великого пророка.

«Хозарсиф был небольшого роста¹, вид у него был смиренный и задумчивый; отличительными чертами его наружности были широкий лоб и черные пронизывающие глаза с глубоким и пристальным выражением, вызывающим тревогу. Его прозвали "молчальником", до того он был сосредоточен и так редко он говорил. Разговаривая, он часто заикался, как бы подыскивая слова и как бы боясь выразить свою мысль. Он казался застенчивым, но время от времени, подобно вспышке молнии, великая идея вырывалась у него, оставляя после себя сверкающий след...

...Однажды мать Хозарсифа встретила своего сына в Серапиуме Мемфиса, огромной площади, усеянной обелисками, мавзолеями, большими и малыми храмами, триумфальными пилонами — нечто вроде огромного музея национальной славы под открытым небом, вход в который пролегал по аллее из шестисот сфинксов. Увидев свою царственную мать, жрец склонился до земли и ждал по обычаю, чтобы она первая заговорила с ним.

— Настало для тебя время проникнуть в мистерии Изиды и Озириса, — сказала она. — В течение долгого времени я не увижу тебя, мой сын. Но не забывай никогда, что в тебе — кровь фараонов и что я — твоя мать... Если ты захочешь, со временем все это будет принадлежать тебе.

Говоря это, она указала на окружающие обелиски, дворцы и весь видимый горизонт.

Улыбка презрения скользнула по лицу Хозарсифа, в обыкновенное время неподвижному, как лик, вылитый из бронзы.

— Ты хочешь, — сказал он, — чтобы я властвовал над этим народом, поклоняющимся богам с головою шакала, ибиса и гиены? От всех этих идолов что сохранится через несколько веков?!

И Хозарсиф, наклонившись, поднял пригоршню песка. И пропуская его между тонкими пальцами перед своей удивленной матерью, сказал: "Вот что останется от них"...» Отставим пока в сторону вопрос о том, кем был Моисей по происхождению — евреем или египтянином. Чрезвычайно показательно то, что и в египетской, и в еврейской версии уже в юности он предстает человеком, не верящим в языческие культы Египта, презирающим их и исповедующим идею единого Бога.

Шюре был убежден, что Моисей вынес эту идею из тайных книг египетских жрецов, содержащих их самые сокровенные знания, в том числе и о том, что всем миром правит только один Бог, а также укрепился в ней в результате долгих размышлений. Многие историки, а вслед за ними и З. Фрейд видят в Моисее египетского жреца или знатного вельможу, который стал исповедовать монотеизм вслед за фараоном-еретиком Эхнатоном. Однако еврейские предания дают самое простое объяснение, почему Моисей изначально был монотеистом: он впитал знание о едином Боге в доме своей матери, в котором рос до двух лет и в котором часто бывал в детские и юношеские годы. Восприняв еврейские представления о Боге как о Творце неба и земли, не имеющего образа, доступного восприятию и воображению человека, Моисей уже не мог относиться к религии египтян иначе чем с иронией — как к наивным детским сказкам. Во всяком случае, когда Бог явится ему из Неопалимой купины и представится как «Всесильный Бог отца твоего, Всесильный Бог Авраама, Всесильный Бог Исаака и Всесильный Бог Иакова», Моисей будет точно знать, с Кем он имеет дело.

В еврейских устных преданиях после скандального происшествия с диадемой фараона мы вновь встречаем Моисея уже семнадцатилетним статным и необычайно высоким юношей. Мидраш утверждает, что Моисей был настолько высок ростом, что когда он стоял рядом с тронном фараона, последний казался карликом. Правда, комментаторы тут же спешат добавить, что в данном случае речь идет о духовной, а не о физической разнице в росте. Однако, как мы потом увидим, сами события жизни Моисея невольно свидетельствуют о том, что он был хорошо сложен, значительно выше среднего роста людей своего времени (следует учесть, что человек ростом 175 сантиметров для египтян и евреев той эпохи уже был очень высоким, а если рост превышал 185 сантиметров, человек казался им гигантом¹) и отличался необычайной физической силой.

При этом в свои семнадцать лет Моисей предстает важным вельможей, играющим весьма значительную роль при дворе фараона. Это выглядит тем более обоснованно, что в Древнем Египте, по меньшей мере, в период Древнего царства, дочь фараона занимала в дворцовой иерархии даже более высокое положение, чем его сын. Наследование трона у египтян и, как мы увидим ниже, у древних кушитов, то есть у эфиопов, велось по так называемому матрилинеальному принципу: наследником, как правило становился не сын фараона, а зять - муж его дочери. Соответственно, приемный или родной сын дочери фараона был принцем в самом прямом смысле слова.

Однако вне сомнения, высокому положению Моисея при дворе способствовали и его рано проявившиеся выдающиеся способности в самых различных областях. Несмотря на юный возраст, фараон поручает Моисею возглавить армию, призванную отбить нашествие на Египет африканских племен — и тот блестяще справляется с порученным ему заданием, обойдя противника с тыла и нанеся ему сокрушительный удар.

В качестве хитроумного царедворца он искусно расправляется со своими недоброжелателями из ближайшего окружения фараона и, наконец, бросает вызов самому первому советнику фараона, страстному ненавистнику евреев и своему давнему личному врагу Валааму. Когда до Валаама дошло, что приемный сын принцессы убедил фараона казнить его, он бежал в страну, которую древние египтяне, а вслед за ними и евреи называли Куш и которая, по мнению большинства историков, располагалась на территории нынешней Эфиопии.

Валаам, повествует мидраш далее, явился в Куш в тот момент, когда царь этой страны Кукинос вместе со своей армией находился в очередном военном походе. Воспользовавшись этим обстоятельством, Валаам вступил в сговор с кушитскими жрецами и узурпировал трон Кукиноса.

Тем временем фараон назначил Моисея наместником сразу нескольких провинций страны, включая провинцию Гесем. И юный царедворец тут же поспешил использовать это назначение для того, чтобы хоть как-то облегчить участь своих братьев-евреев. Явившись на прием к фараону, Моисей заявил, что придумал, каким образом увеличить производительность труда еврейских рабов.

— Они будут трудиться куда лучше, если дать им один день отдыха в неделю, — так, если верить сказаниям, начал свою речь юный Моисей, и в итоге убедил владыку Египта согласиться с его предложением. Сразу после этого он объявил, что отныне евреи будут отдыхать каждую субботу, и вряд ли нужно говорить о том, с каким ликованием встретили эту весть потомки Авраама, Исаака и Иакова. В возвращении им завещанного праотцами субботнего отдыха они усмотрели приближение времени полного освобождения от рабства.

Изо дня в день Моисей объезжал вверенную ему провинцию Гесем и, стиснув зубы, смотрел на страдания своего народа. В один из таких дней, в легкой колеснице, без всякой свиты семнадцатилетний наместник направлялся к дому своих родителей Амрама и Йохевед, как вдруг дорогу ему перебежал окровавленный еврей, за которым гнался надсмотрщик-египтянин. Пробежав еще несколько метров, еврей упал, и подоспевший надсмотрщик начал добивать его бичом.

Зрелище избиваемого бичом лежащего на земле беззащитного еврея заставило Моисея вздрогнуть — он вдруг и, возможно, далеко не в первый раз понял, что сложись его судьба чуть по-другому, и он вполне мог бы оказаться на месте этого еврея. И вслед за острым чувством жалости его захлестнул гнев.

— Именем фараона! — крикнул Моисей, спрыгивая с колесницы. — Именем фараона приказываю тебе остановиться.

Египтянин оглянулся. Но, увидев перед собой одинокого юнца без всяких знаков власти, только усмехнулся и продолжил избивание. И тогда Моисей выхватил бич и одним ударом переломил надсмотрщику позвоночник — такая картина невольно возникает у читателя, пробегающего глазами по страницам Пятикнижия.

Однако если внимательно вчитаться в текст, то легко заметить, что Моисей отнюдь не совершил это убийство в приступе слепой ярости — нет, картина произошедшего явно была несколько иной. «И посмотрел он туда и сюда, и увидел, что нет никого, и поразил египтянина и скрыл труп его в песке» (Исх. 2:12), — говорится в тексте, и из него следует, что Моисей перед тем, как совершить свое преступление, по меньшей мере, посмотрел по сторонам. Лишь убедившись, что его никто не видит, он убил надсмотрщика и затем поспешил скрыть следы своего преступления, следовательно, в момент убийства он, судя по всему, вполне владел собой.

Однако великий комментатор Библии Раши считал, что слова «посмотрел он туда и сюда» следует понимать, как «вначале Моисей выслушал как ту, так и другую сторону», то есть остановил избивание и, пользуясь своим высоким положением (и недюжинной силой), произвел суд. Из рассказа избиваемого еврея выяснилось, что его зовут Датан, и этому египетскому надсмотрщику приглянулась его жена, красавица Шеломит (в русской традиции это имя обычно записывается как Сула- мифь). Чтобы овладеть ею, надсмотрщик направил Датана на ночные работы, а сам под видом ее мужа ночью, в крошечной темноте вошел к Шеломит. Когда же Датан узнал об этом и попытался высказать свои претензии, надсмотрщик стал его всячески преследовать.

Выслушав этот рассказ и получив от египтянина подтверждение его правдивости, Моисей решил, что тот заслуживает смерти за прелюбодеяние, и тут же привел свой приговор в исполнение В пользу этой версии Раши говорят последующие события:

«Вышел он на другой день, и вот два еврея ссорятся, и сказал он нечестивцу: "Зачем тебе бить ближнего своего?" И ответил тот: "Кто поставил тебя начальником и судьей над нами? Или ты помышляешь убить меня, как ты убил египтянина?!" Устрашился Моше и сказал: "Так это стало известно!" И услышал об этом фараон, и хотел убить Моше, но Моше убежал от фараона, и задержался в стране Мидьян...» (Исх. 2:13—15).

Итак, в ту минуту, когда Моисей убил египтянина, Датан не знал, каким образом отблагодарить его за свое чудесное спасение. Однако на следующий день, когда он все еще гостил у своей матери Йохевед, Моисей увидел, как тот же Датан ссорится со своим шурином Авиром. Датан хотел после случившегося развестись со своей женой Шеломит, а ее брат решительно против этого возражал. И когда в какой-то момент мужской разговор между ними вот-вот был готов перейти в драку, Моисей решил остановить спорящих. Тут-то Датан и Авир сказали ему: «Кто поставил тебя начальником и судьей над нами?», то есть с издевкой спросили Моисея, не собирается ли он и над ними свершить такой же самосуд, какой он свершил над надсмотрщиком, считая, что ему позволено абсолютно все.

С этой минуты Моисей начинает осознавать всю опасность ситуации, в которой он оказался. Согласно законам Египта, убийство государственного служащего считалось одним из самых тяжких преступлений, и за это полагалась смерть. Конечно, приемная мать Моисея заступилась бы за своего любимца, но во дворце фараона у него было немало недоброжелателей, которые наверняка стали бы настаивать на том, что закон должен быть один для всех.

Если поначалу Моисей еще рассчитывал, что убийство египтянина удастся сохранить в тайне, то теперь ему стало ясно, что Датан уже разболтал о случившемся, и евреи если и не донесут на него, то разнесут сплетни об этом происшествии по всему Гесему. А значит, рано или поздно слухи об убийстве надсмотрщика достигнут дворца фараона...

Так все и оказалось.

Согласно одному из мидрашей, на Моисея фараону донесли все те же Датан и Авир, однако не исключено, что о совершенном Моисеем убийстве доложили в столицу египетские надсмотрщики. Как бы то ни было, известие о случившемся привело фараона в ярость, и он велел немедленно схватить и казнить Моисея.

Иосиф Флавий, который, как уже говорилось, опирался при написании «Иудейских древностей» на семейные предания своего рода священников-коэнов, в этом своем труде вообще не упоминает об убийстве египетского надсмотрщика и утверждает, что Моисей вынужден был бежать из Египта потому, что был заподозрен фараоном в заговоре с целью дворцового переворота. Обратим внимание, что эта версия в целом вписывается в версию Шюре, утверждающего, что дочь фараона, будучи родной матерью Моисея, втайне надеялась, что после смерти отца его трон унаследует именно ее сын, а не брат.

Как бы то ни было, в тот самый день, когда фараон издал указ об аресте Моисея, тот бежал из Египта на колеснице. Причем бежал не на восток, в Мадиям (Мидиям, Мидьян), как это вроде бы следует из текста Библии, а на юг — в Куш, где его ждали поистине захватывающие приключения.

Глава третья. МОИСЕЙ - ЦАРЬ КУША.

Скажем сразу: единственным источником, согласно которому Моисей с момента своего бегства и до шестидесяти семи лет жил в Куше, являются все те же мидраши — устные еврейские предания. Флавий сообщает, что после того как Моисей, встав во главе египетской армии, отбил нашествие эфиопов и покорил эту страну, он женился на дочери эфиопского царя Фарбис. Значительная часть историков, как уже было сказано, считает, что под Кушем древние евреи понимали именно современную Эфиопию, но в любом случае версия Флавия отличается от версии мидраша.

Но значит ли это, что мы имеем дело с совершенно безосновательной легендой? Отнюдь. Во-первых, трудно понять, с какой стати евреям вообще понадобилось придумывать историю о бегстве Моисея в Куш, если эти события никогда не происходили на самом деле? Неужели только для того, чтобы объяснить, почему позже, в пустыне, брат и сестра Моисея попрекали его женой-кушиткой, то есть негритянкой?!

С другой стороны, бегство от гнева фараона именно в сильный и независимый Куш выглядит куда более логичным, чем в бегство в Мадиям. Хотя бы потому, что Мадиям в те дни был вассальной территорией Египта и вздумай Моисей укрыться в этой стране, фараону было бы совсем нетрудно добиться его выдачи. А вот Куш, наоборот, почти постоянно находился в состоянии войны с Египтом, а значит, представлял собой вполне надежное убежище для беглеца.

Мидраш утверждает, что Моисей прибыл в Куш в те самые дни когда царь этой страны Кукинос вернулся из дальнего похода и обнаружил, что власть в его столице захватила жреческая клика во главе с Валаамом и заговорщики отнюдь не собираются открывать ему ворота города. Более того — они учли, что царь попытается штурмом овладеть городом, и потому тщательно его укрепили.

Несколько раз бросал Кукинос свою армию на приступ, но каждый раз мятежники заставляли откатываться ее назад. Юный Моисей, вступивший в ряды армии Куша, также принял участие в этих попытках взять город, и на высокого, храброго, отличающегося недюжинной силой воина мгновенно обратили внимание. Царь вызвал его к себе в шатер и, узнав, что тот является приемным сыном египетской принцессы и сведущ в военном деле, оставил его в своей свите. Вскоре Моисей уже принимал участие в военных советах, проходивших в шатре Кукиноса.

Задача, которую нужно было решить царю для возвращения власти, была не из легких.

С двух сторон город окружали ровные, высокие стены, взобраться на которые было невозможно — это показали предыдущие попытки штурма.

С третьей стороны город окружал широкий водяной ров. Кукинос уже пробовал посадить несколько отрядов своих воинов на плоты, чтобы они преодолели ров, однако защитники встретили их градом стрел, и все бывшие на плотях воины погибли.

С четвертой стороны перед стеной города тянулась пустынная местность, кишевшая ядовитыми змеями. Кукинос пытался прорваться в свою столицу и с этой стороны, однако после того как от змеиных укусов погибли сто семьдесят (мидраш называет именно эту конкретную цифру, что снова наводит на мысль, что в основе рассказа лежат подлинные события. — П. Л.) воинов, решил отказаться от этой идеи.

Однако Моисей после долгих раздумий пришел к выводу, что брать город нужно именно со стороны пустыни, так как именно оттуда Валаам и его клика меньше всего ждут удара. Вскоре он уже стоял перед царем, излагая ему свой план. По замыслу Моисея, справиться со змеями можно было с помощью ибисов и аистов — птиц, которые не только не боятся этих тварей, но и охотно употребляют их в пищу.

Получив от царя Кукиноса разрешение действовать так, как он считает нужным, Моисей велел поймать как можно больше водившихся в изобилии в округе аистов и ибисов и запретил их кормить чем-либо в течение двух дней.

На третий день Моисей приказал каждому воину взять в одну руку меч, а в другую — птицу и повел армию Куша в обход города. Когда солдаты приблизились к «змеиному полю», Моисей приказал отпустить птиц. Голодные пернатые набросились на змей, уничтожили их, и армия беспрепятственно двинулась дальше и ворвалась в город. Всего за несколько часов сопротивление мятежников было сломлено, Кукинос вернулся в свой дворец, и если о чем-то жалел, так это о том, что так и не сумел взять в плен и казнить Валаама — тот вместе с сыновьями успел бежать из города¹.

Моисей, ставший всеобщим любимцем в армии Кукиноса, был назначен царем ее главнокомандующим. При этом юная дочь царя без памяти влюбилась в нового военачальника и стала умолять отца выдать ее за него замуж. Разумеется, когда Кукинос предложил Моисею стать его зятем, тот не решился отказаться, хотя и не испытывал к своей невесте никаких чувств. Но зато после свадьбы он и не подумал вступить в свои супружеские права — уже в первую брачную ночь принцессе, глотая слезы, пришлось спать одной...

Далее мидраш сообщает, что в 2395 году по еврейскому летосчислению (1366 год до н. э.) Кукинос скончался, и двадцатисемилетний Моисей стал царем Куша. Ровно сорок лет он правил этим могущественным африканским государством, проявив себя за эти годы как мудрый и справедливый царь. И все это время царица Куша надеялась, что ее красота и преданность в конце концов сломят Моисея и он простит ей навязанный ему брак. Но время шло, она старела, а ее муж и не думал о том, что стране нужен законный наследник или, еще лучше, наследница престола. Наконец настал день, когда царица велела собрать во дворце представителей всех сословий и на этом народном собрании объявила, что ее муж не спит с ней и богам Куша не служит.

После того как Фарбис произнесла эти слова, во дворце повисло тяжелое молчание. Продолжение царского рода считалось в Куше священной обязанностью царя, за уклонение от которой полагалось не только низложение с престола, но и смертная казнь. Но народное собрание Куша не захотело платить Моисею черной неблагодарностью за все добро, которое сделал для страны за годы своего царствования. В итоге, после борных споров, оно решило приговорить Моисея к изгнанию из страны.

Так в 67 лет он снова вынужден был стать скитальцем и, пеоейдя с одной котомкой и бурдюком с водой границу Куша, направился в Мадиям в надежде найти в этой стране хоть какое-то пристанище.

Шюре, то ли совершенно незнакомый с полной еврейской версией жизни Моисея, но, вероятнее всего, просто сознательно от нее дистанцирующийся, утверждает, что Моисей-Хозар- сиф бежал из Египта сразу в Мадиям. Причем он точно знал, куда именно он бежит — в храм, где из века в век передавалось тайное учение о едином Боге, первосвященником которого и был Иофор.

«По ту сторону Красного моря и Синайского полуострова, в стране Мадиямской, — пишет Шюре, — находился храм, не зависевший от египетских жрецов. Эта область простиралась зеленой лентой между Эламским заливом и Аравийской пустыней. Издали, по ту сторону морского залива, виднелись темные массы Синая и его обнаженная вершина. Заключенная между пустыней и Красным морем, защищенная вулканическим гребнем, эта уединенная местность была в безопасности от вторжения.

Упомянутый храм был посвящен Озирису, но в нем же поклонялись Богу под именем Элоим, ибо это святилище эфиопского происхождения служило религиозным центром для арабов, для семитов, а также для представителей черной расы, искавших посвящения.

В течение целых веков горы Синай и Хорив представляли собой мистический центр культа единобожия. Величественный вид, обнаженный и дикий, горы Синая, одиноко возвышавшейся между Египтом и Аравией, вызывал идею единого Бога. Множество семитов стекалось сюда для поклонения Элоиму. Они проводили несколько дней в посте и молитве в глубине пещер и галерей, высеченных внутри Синая. Перед этим они подвергались очищению и получали посвящения в храме Мадиямском.

Здесь-то и нашел убежище Хозарсиф.

Первосвященником Мадиямским, или Рагуилом, был в то время Иофор. Он принадлежал к наиболее чистому типу древней эфиопской расы, которая за четыре или пять тысяч лет до Рамзеса господствовала над Египтом... Иофор не обладал ни выдающимся вдохновением, ни деятельной энергией, но он был большим мудрецом. Он владел сокровищами знания, накопленными в его памяти и вырезанными на камне в Мадиямском храме...»

В этом храме, по версии Шюре, Хозарсиф прошел мистерию очищения от греха совершенного им убийства, после чего ему и было дано имя Моисей. Затем Моисей, по Шюре, взял в жены дочь Иофора Сепфору, многие годы провел в храме, изучая учение о едином Боге и открытые Иофору тайны мироздания, после чего у него и созрел план увести угнетаемых и униженных евреев из Египта и превратить их в народ-носитель идеи единого Бога.

Следует отметить, что Шюре не приводит никаких источников, на основе которых он выстраивает эту свою версию, и никаких фактических подтверждений (например, открытого археологами древнего храма в районе Синайского полуострова или тех же пещер и галерей внутри горы Синай) у нее нет.

В связи с этим эта версия Шюре выглядит столь же спекулятивно, как и многие другие его гипотезы. В то же время следует отметить, что нарисованный им портрет Иофора в целом совпадает с тем портретом тестя Моисея, которые рисуют еврейские источники (и которым, кстати, тоже нет никакого фактического подтверждения).

Мидраш утверждает, что Иофор и в самом деле был одним из величайших мудрецов и мистиков своего времени, посвященным в мистерии самых различных языческих культов. Жажда обретения истинной веры сжигала его на протяжении всей жизни, и в поисках ее он побывал в вавилонских, ханаанских и египетских храмах. На определенном этапе жизни Иофор достиг высокого положения среди египетского жречества и вошел в число ближайших советников фараона. Однако жизнь при дворе непредсказуема и, попав в немилость к фараону, Иофор, как в свое время Валаам, вынужден был бежать из Египта в Мадиям. Здесь он, повествует далее мидраш, был принят с огромным почетом и вскоре и в самом деле стал первосвященником в главном храме Мадияма.

Однако чем дальше, тем больше Иофор приходил к мысли о бессмысленности служения идолам. Он еще не созрел до идеи существования только одного Бога — Творца Вселенной, не имеющего зримого образа, но уже ощущал всю ложь и фальшь язычества и в конце концов отказался вести службы в мадиямском храме. Понятно, что этот его шаг вызвал взрыв ненависти и озлобления у мадианитян, решивших в ответ подвергнуть Иофора остоакизму. Отныне никто из мадианитян не должен был с ним общаться; с ним запрещено было родниться; более того — к нему было запрещено наниматься в пастухи, и ему не оставалось ничего другого, как послать пасти скот своих семерых дочерей. При этом местные скотоводы чинили им всяческие препятствия, и у колодца — главного центра жизни в пустыне — бедные девушки вынуждены были ждать, когда все пастухи закончат поить свои стада, и только после этого они могли подвести к водопою своих овец, так что возвращаться домой им зачастую приходилось затемно. Однако в один из дней дочери Иофора решили прийти к колодцу пораньше и напоить овец прежде, чем вокруг него начнут собираться возвращающиеся с пастбища пастухи. Они уже наполнили корыта, когда у водопоя появились мадианитяне и стали отгонять овец Иофора, одновременно всячески оскорбляя его дочерей и угрожая им расправой. В этот час у колодца и появился бежавший из Куша Моисей. Разумеется, он не мог знать истинных причин столь наглого поведения пастухов, но при виде этой сцены в нем заговорило природное чувство справедливости. В мгновение ока Моисей раскидал в стороны наседавших на девушек пастухов, дал им напоить своих овец, проводил их до дома, и тогда дочери Иофора, согласно принятым на Востоке законам гостеприимства, пригласили его войти в дом. Нет, это отнюдь не был дом египетского вельможи или обладавшего почти безграничной властью жреца. Пол центральной комнаты глинобитного домика был покрыт соломой, а место для еды было окружено подушечками. Сам Иофор сидел в углу на соломенной циновке, погрузившись с головой в чтение какого-то египетского пергамента. Что случилось? Почему вы сегодня вернулись так рано? — не поднимая глаз, спросил Иофор. Вот этот египтянин помог нам сегодня, и мы смогли напоить овец вовремя, — ответила старшая дочь. Запомните эту фразу. Именно на нее указывают многие сторонники версии о том, что Моисей был все-таки египтянином, а не евреем. Еврейские источники, разумеется, тоже обращают внимание на эти слова. Они утверждают, что Моисей слышал их и промолчал, так как не знал, как в Мадияме отнесутся к еврею. Отказ Моисея немедленно опровергнуть слова девушки, заявить о том, что он — еврей, говорит мидраш, стал одним из тех грехов, за которые он был лишен права войти в землю, обещанную Богом еврейскому народу. Однако стоит заметить, что из самого текста Библии вовсе не следует, что Моисей слышал слова девушки, как и вообще то, что они пригласили его войти за собой в дом. Да и подобное их поведение, учитывая нравы того времени, выглядело бы даже не нескромно, а вызывающе — к себе в дом постороннего мужчину сами могли пригласить лишь девицы легкого поведения. Скорее, дело обстояло наоборот: Моисей остался на улице, но когда Иофор узнал о том, что он помог его дочерям, то послал их к незнакомцу с просьбой стать его гостем — или же дочери сами подсказали отцу, что следовало бы пригласить его в гости. Уже за трапезой Иофор, узнав, что Моисей — изгнанник, предложил ему стать у него пастухом, а потом и выдал за него свою дочь Сепфору. Впрочем, чтобы не быть голословными, процитируем соответствующий отрывок Пятикнижия. «А у жреца Мидьяна было семь дочерей; пришли они, и начерпали воды, и наполнили каменные корыта, чтобы напоить скот отца своего. И пришли пастухи, и отогнали их, но Моше поднялся на их защиту, и спас их, и напоил их скот. И пришли они к Реэулю, отцу своему, и спросил он: "Отчего вы так скоро пришли сегодня?" И сказали они: "Один египтянин спас нас от пастухов, а также начерпал нам воды и напоил скот". И сказал он своим дочерям: "А где же он? Что же вы оставили этого человека? Позовите его, пусть поест хлеба". И согласился Моше жить у того человека, и выдал тот за Моше дочь свою, Ци-пору. И родила она сына, и назвал его Моше именем Гершом,

сказав: "Пришельцем стал я в чужой стране"...» (Исх. 2:16—22). Коран, в целом придерживаясь версии Библии и явно основываясь на ее тексте и тех же мидрашах, рисует приблизительно такую же картину событий: «И когда он подошел к воде Мадяна, то нашел там толпу людей, которые поили. И нашел, не доходя до них, двух женщин, отогнавших в сторону. Он сказал: "В чем ваше дело?" Они сказали: Мы не можем поить, пока не отойдут пастухи, а наш отец - глубокий старик. И напоил он для них, а потом отвернулся в тень и сказал: "Господи я нуждаюсь в том благе, которое Ты мне ниспослал!"

И пришла к нему одна из них, идя со скромностью, и сказала- "Отец мой зовет тебя, чтобы воздать тебе награду за то, что ты напоил для нас". И когда он пришел к нему и рассказал ему историю, он сказал: "Не бойся, ты спасся от людей неправедных!"...» (Коран. Сура 28. Аяты 22[23]—26). Год шел за годом, Моисей пас стада своего тестя на просторах Мадяма и при этом был вполне доволен своей участью. Изведавший в свое время сладость богатства и власти, он вдруг осознал всю справедливость укоренившегося среди семитских народов мнения, что только жизнь пастуха исполнена подлинной свободой и духовности. В отличие от царя или вельможи, он не обременен постоянными думами о нуждах государства и плетущихся вокруг него заговорах и интригах. В отличие от земледельца, упирающегося во время сева и уборки урожая глазами в землю и ничего не видящего, кроме ее черных комьев, у пастуха есть и возможность осознать бескрайность планеты, и время для того, чтобы поднять голову и посмотреть на звезды, а значит — и задуматься над вечными вопросами бытия. Кто знает, о чем размышлял Моисей, лежа ночами на пастбище и упершись взглядом в темное небо? Его возраст подбирался уже к восьмидесяти годам и, пожалуй, единственное, чего он желал — это тихо и спокойно дожить оставшиеся годы. Но именно в это время пробил час исполнения его миссии.

Глава четвертая. НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА.

«И было спустя много времени: умер царь Египта, — продолжает свой рассказ Библия. — И застонали сыны Израиля от работы и возопили — и вознесся этот вопль от работы их ко Всесильному. И услышал Всесильный стенание их, и вспомнил Всесильный союз свой с Авраамом, Исааком и Иаковом. И увидел Всесильный сынов Израиля и познал Всесильный» (Исх. 2:23-25).

Еврейская традиционная хронология¹, утверждая, что новый фараон пришел к власти, когда Моисею было 76 лет, датирует эти события 2444 годом от Сотворения мира (1317 год до н. э.). В этом случае по наиболее признанной хронологии новым фараоном являлся не кто иной, как Хоремхеб (1317— 1290 годы до н.э.) — последний фараон 18-й династии, не принадлежавший к царскому роду и получивший трон исключительно потому, что женился на сестре жены покойного фараона Эхнатона. Но с учетом 163-летнего разрыва с другой принятой хронологией этим новым фараоном был Тутмос III (1490—1436 годы до н. э.). Многие же теологи (как еврейские, так и христианские), а вслед за ними популяризаторы Библии вроде Вернера и Косидовского настаивают на том, что умершим фараоном был Рамсес II (1286—1224 годы до н. э.), а вслед за ним на трон воссел его сын Мернептах (1224— 1204 годы до н. э.).

По версии В. Андриенко, «фараоном Исхода» был преемник Мернептаха Аменмес (1204—1194 годы до н. э.), погибший во время чуда рассечения Чермного моря. Именно поэтому, считает Андриенко, все попытки найти его могилу до сих пор оказывались безуспешными². В период правления Аменмеса в Египте снова началась смута, и он мог начать репрессии против евреев, видя в них возможных союзников тех, кто посягал на его власть. Одновременно Моисей мог воспользоваться смутой, чтобы вывести еврейских рабов из страны.

Но ведь есть еще хронология И. Великовского, вообще относящего эти события к кончине Аменемхета III и начавшейся за ней смуте, то есть, согласно общепринятой хронологии, к XVIII—XVII векам до н. э., а согласно поправкам Великовского, все к тому же XV столетию до н. э.

Как бы то ни было, несомненно одно: приход к власти нового фараона ознаменовался усилением гнета над евреями. Им были увеличены нормы выработки по укладке и изготовлению кирпичей; египтяне начали требовать, чтобы на строительные работы выходили не только мужчины, но и женщины и дети. Народные сказания расцвечивают эти ужасы рабства еще более яркими красками. Так, в своей книге "Мидраш рассказывает" раввин М. Вейсман приводит предание, согласно которым если евреи не делали в течение дня положенного количества кирпичей, египтяне вместо недостающих кирпичей замуровывали в стены еврейских детей.

Затем, когда фараон заболел проказой, его лекари посоветовали ему принимать ванны из крови еврейских детей. И тогда по приказу фараона ежедневно начали убивать по 300 детей: 150 — для утренней ванны фараона и 150 — для вечерней. И именно после этого кровавого указа, утверждает мидраш, евреи вспомнили о Боге и завопили к Нему так, что Он решил услышать и положить конец затянувшемуся на 210 (именно на 210, а не на 400) лет рабству.

Однако один из крупнейших комментаторов Писания XIX века раввин Ш. Р. Гирш высказывал мысль, что дело было не только в усилении тягот рабства, сколько в пришедшем к евреям осознании безвыходности своего положения.

«Мы верим, — писал он, — что очевидна связь между смертью царя и стоном народа от тягот рабства. Пока живы те люди, которые первыми начали совершать такое страшное преступление, как порабощение целого народа, есть надежда, что их совесть проснется и заставит их прекратить несправедливость, которая торжествовала в результате тирании. Но как только общественный институт, независимо оттого, какой вопиющей несправедливостью он порожден, переходит наряду с государственной властью в руки новых правителей, не знающих о происхождении этого института и о том, кто установил его, как законную прерогативу государства, исчезает всякая надежда на то, что новая власть сочтет возможным вносить самовольные изменения в освященную временем традицию. Она будет считать, что все общественные установления прежнего режима были санкционированы законом данной страны. И тогда свободные люди, превращенные в рабов такой сатанинской тиранией, обречены оставаться рабами на вечные времена. Таково проклятие незыблемости, присущее освященным веками общественным институтам...

Когда скончался царь Египта, сыны Израиля поняли, что им суждено вечное рабство, и они застонали от своего рабского положения... Не тяготы непосильного физического труда заставляли их страдать: они были достаточно сильны, многое могли вынести; кроме того, существовала возможность изменения к лучшему в обращении с ними. Их стоны были вызваны тем, что теперь они навечно приговорены к рабству в результате смерти прежнего царя».

Слова Пятикнижия «И услышал Всесильный стенание их, и вспомнил Всесильный союз свой с Авраамом, Исааком и Иаковом. И увидел Всесильный сынов Израиля и познал Всесильный» в связи с этим трактуются всеми комментаторами как то, что Бог (который конечно же был в курсе всего происходящего в Египте и «видел» и «слышал» стоны евреев — насколько по отношению к нему применимы эти слова) решил, что пришло время, чтобы нарушить естественный ход событий, то есть прибегнуть к тем методам творения истории, которые в глазах людей выглядят как чудо.

В эти самые дни Моисей, как обычно, пас стада своего тестя Иофора в Синайской пустыне. Однако обычно без труда находивший подходящее пастбище, он вдруг никак не мог отыскать хоть какой-нибудь источник воды и в поисках начал перегонять стадо все дальше и дальше, все больше и больше удаляясь от человеческого жилья. Так он странствовал по пустыне сорок дней, и еврейское предание утверждает, что в течение этих сорока дней ни сам Моисей, ни его овцы ничего не ели и не пили — и это было несомненное чудо, призванное дать Моисею понять, что Всевышний вполне сможет водить евреев по пустыне в течение сорока лет. Само же это сорокадневное странствование по пустыне в полном одиночестве должно было окончательно подготовить Моисея к грядущему разговору с Богом и принятию на себя пророческой миссии.

Отметим, что позже мотив удаления в пустыню и достаточно долгого одиночества как условий получения пророческого откровения неоднократно повторяется в «Танахе»² (Ветхом Завете). В пустыню перед началом осуществления миссии авторы Евангелий уводят Иисуса Христа, и во время пребывания в горной пустынной местности получает первое откровение основатель ислама пророк Мухаммед.

Так, странствуя в течение сорока дней по Синайской пустыне, Моисей подошел к горному массиву Хорив (Хорев, Хороб), частью которого является гора Синай. Знаменитый комментатор Торы Ибн Эзра считал Хорив нижним из двух пиков горы Гинай. Некоторые историки отождествляют гору Синай с горой Джебель-Муса или горой Святой Екатерины на юге Синайского полуострова в 64 километрах от Красного моря. Другие авторы считают, что гора Синай — это Джебель-Яллак в 51 километре от северной оконечности Суэцкого залива, либо расположенная в 96 километрах к востоку от Горьких озер гора Джебель-Син-Бишр.

Согласно одному из преданий, возле горы Синай один ягненок неожиданно отбился от стада и побежал вверх по ее склону. Моисей, которому в равной степени был дорог каждый агнец в его стаде и который с одинаковым рвением заботился о каждом животном, бросился за ягненком, но тот, проявив неожиданную резвость, убежал все дальше и дальше, пока не вывел Моисея на плато, где открылось удивительное зрелище — росший на этом плато кустарник был объят ярким пламенем, но при этом не сгорал. Неожиданно Моисей ощутил, что этот куст притягивает его к себе, словно магнит. Хотя не исключено, что все дело было в его природном любопытстве, той с малых лет сжигающей его жажде познания всего нового, включая великие тайны мироздания. Без этого необычайного свойства характера он не стал бы пророком.

«И сказал Моше: "Поверну туда, посмотрю на это великое диво: отчего не сгорает этот куст?"...» (Исх. 3:3).

В тот самый момент, когда Моисей подошел к охваченному пламенем кусту, он услышал оттуда голос, который он не мог перепутать ни с каким другим — голос своего отца Амрама.

Дальше у пылающего куста разворачивается разговор Моисея с Богом, открывающим ему, в чем именно заключается его жизненное предназначение и какую именно миссию он решил на него возложить:

«И увидел Бог, что Моше свернул посмотреть, и позвал его Всесильный из куста ежевики: "Моше! Моше!" И ответил тот: "Вот я!" И сказал Бог: "Не подходи сюда! Сбрось обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь — земля святая!" И сказал еще: "Я — Всесильный Бог отца твоего, Всесильный Бог Авраама, Всесильный Бог Ицхака, Всесильный Бог Яако- ва"..."» (Исх. 3:4-6).

Итак, обращаясь к Моисею голосом его покойного отца Амрама, Всевышний, говорят комментаторы, с одной стороны, попытался избежать того, чтобы Моисей испугался «говорящего куста» и не впал от страха в прострацию, а с другой — напомнил ему о тех уроках, которые Моисей получил в доме Амрама и Иохевед, где тот, разумеется, часто слышал о-праот- цах еврейского народа Аврааме, Исааке и Иакове и их вере в единого Бога.

И тем не менее Моисей, безусловно, испугался и, как говорит Писание, следуя повелению, закрыл лицо — по мнению одних раввинистических авторитетов, он сделал это от страха, по другой версии (которую разделяют и христианские богословы) — не в силах вытерпеть исходящего на него из кустарника сияния Шхины — Божественного присутствия. Но вчитаемся в текст Пятикнижия дальше: «И сказал Бог: "Увидел Я бедствие народа Моего, который в Египте, и услышал вопль его из-за его притеснителей, ибо познал Я боль его. И сошел Я спасти его из-под власти Египта и привести его из той страны в страну прекрасную — страну, текущую молоком и медом: на место кнаанеев, и хеттов, и эмо- реев, и призе-ев, и хивеев, и йевусеев. И вот вопль сынов Израиля вознесся ко мне, и увидел Я также, как притесняют их егип-тяне. А теперь посылаю Я тебя к фараону, и выведешь ты народ Мой, сынов Израиля, из Египта"..."» (Исх. 3:7—10).

И в ответ на это предложение стать вождем нации да еще при Божественной поддержке Моисей отвечает: «Кто я такой, чтобы идти к фараону и чтобы вывести сынов Израиля из Египта?» (Исх. 3:11).

В этом — весь Моисей, уникальность его личности. Ему не просто чужды тщеславие и жажда власти — напротив, он ощущает собственную незначительность перед лицом возложенной на него миссии и пытается от нее отказаться. И в то же время в этой фразе можно услышать и горькую усмешку: «По какому праву я, простой пастух, пойду к фараону, и с какой стати он будет говорить со мной?! Кто там сейчас помнит, что я считался приемным сыном дочери фараона и мог говорить с владыкой Египта тогда, когда этого хотел?!»

Дальше разговор Моисея с Богом вообще принимает загадочный характер:

«И сказал Всесильный: "Потому что Я буду с тобой, и вот тебе знамение, что Я посылаю тебя: когда выведешь этот народ из Египта, то вы будете служить Всесильному на этой горе!" И сказал Моше Всесильному: "Вот я приду к сынам Израиля и скажу им: Всесильный Бог отцов ваших послал меня к вам. А они спросят меня: как Его имя? — что я тогда скажу им?" И ответил Всесильный, сказал Моше: "Я — Сущий, Который Пребывает Вечно". И сказал еще: "Так скажи сынам Израиля: Вечносущий послал меня к вам". И еще Всесильный сказал Моше: "Так скажи сынам Израиля — Бог, Всесильный Бог отцов ваших, Всесильный Бог Авраама, Всесильный Ицхака, Всесильный Якова послал меня к вам; это имя Мое навеки, и это упоминание обо Мне из поколения в поколение". Иди, собери старейшин Израиля и скажи им: "Бог, Всесильный Бог отцов ваших, открылся мне - Всесильный Бог Авраама, Ицхака и Якова, чтобы передать вам: вспомнил Я вас и увидел то, что делается с вами в Египте. И решил Я вывести вас из бедности египетской в страну кнаанеев, и хеттов, и эмореев, и при- зеев и хивеев, и йевусеев, в страну, текущую молоком и медом" И услышат они тебя, и придешь ты со старейшинами Израиля к царю Египта, и скажете ему: "Бог, Всесильный Бог евреев открылся нам; а теперь с твоего позволения пойдем мы на три дня пути в пустыню и принесем жертвы Богу, Всесильному нашему". А Я знаю, что не позволит идти вам царь Египта, но не потому, что власть его крепка, а потому, что Я протяну руку Свою и поражу Египет всеми чудесами моими, какие Я явлю в нем, и лишь после этого отпустит он вас. И дам Я этому народу приязнь в глазах египтян, и будет, когда пойдете, не уйдете с пустыми руками. Но попросит женщина у соседки своей и у живущей в доме ее вещей серебряных и вещей золотых, и возложите их на сыновей ваших и на дочерей ваших — и опустошите Египет» (Исх. 3:12—22).

Отчасти смысл этого отрывка туманен из-за сложности его перевода, но только отчасти. Итак, в ответ на вопрос Моисея, кто он такой, чтобы идти к фараону и как он сможет его убедить освободить евреев, Всевышний отвечает, что Моисей пойдет к царю Египта по его прямому указанию, и Он будет с ним от начала до конца исполнения его миссии. А для того, чтобы убедить Моисея в Своем Всемогуществе, Творец демонстрирует, что ему ведомо будущее: выведя евреев из Египта, он приведет их на это самое место, и здесь, на этой горе, Бог откроется уже всему еврейскому народу.

Но тогда Моисей вполне резонно замечает, что для того, чтобы он мог возглавить евреев, они должны поверить в его миссию, а с какой, собственно говоря, стати они должны в это поверить?! Не вызовут ли его заявления у них только насмешку, не станут ли они с издевкой спрашивать его, от имени какого именно Бога он говорит?!

На это и следует ответ: «Я — Сущий, Который Пребывает Вечно». На иврите эти слова звучат как *Ahie AsherAhie* и практически не поддаются переводу, хотя наиболее близким будет их перевод как «Я буду, который будет». Так как многие переводчики Библии небезосновательно полагали, что данное выражение означает, что Всевышний пребывает вне времени, то есть что Он не просто вечен, а для Него такие понятия, как прошлое, настоящее и будущее, лишены смысла, так как являются одним и тем же, то они предпочитали переводить их как

«Предвечный», «Сущий, Который Пребывает Вечно», «Вечно- сущий» и т. п.

Рабби Моше Вейсман приводит мидраш, в котором Бог так

отвечает на вопрос о Своем имени:

«— У меня нет определенного имени. Мое Имя меняется в зависимости от того, как мои действия воспринимают люди. Когда Я сужу мир, человечество считает меня Элоким (Всесильный. — П. Л.), когда Я веду войну с нечестивцами, меня называют Цеваот (в русской традиции Саваоф. — П. Л.), когда Я отменяю наказание грешника, меня называют Шадай; когда Я милостив, Я являюсь как Ашем (буквально означает «Это имя», имеется в виду Тетраграмматон — четырехбуквенное имя Бога. — П. Л.). Так знай, что это Эхье послал тебя. Это имя означает, что так же как Я с ними в этом изгнании, Я буду с ними и в их будущих изгнаниях»¹.

И далее Бог велит Моисею назвать евреям это свое самое сокровенное имя, которое запрещено произнесению, а потому и в прошлом, и сегодня в еврейской религиозной литературе его принято заменять словом «Господь». Далее он подробно наставляет Моисея, что именно он должен делать, явившись в Египет: ему первым долгом следует направиться к старейшинам еврейского народа, имеющим право в случае необходимости встретиться с фараоном и повторить те самые слова, которые ему сказал Всевышний. Эти слова настолько точно соответствуют передаваемому со времен Иакова из поколения в поколение преданию о том, с какими именно словами обратится истинный спаситель народа к евреям, что старейшины, а за ними и весь народ, безусловно, поверят в него и его миссию.

Ну а дальше Бог предсказывает, что фараон не захочет отпустить евреев и Ему придется вмешаться в происходящее, и, наконец, заявляет, что евреи выйдут из Египта не с пустыми руками, а с огромным богатством в качестве платы за 210 лет своего рабского труда, причем египтяне дадут им эту плату добровольно...

Однако Моисей вновь возражает Богу, считая, что одних слов будет явно недостаточно для того, чтобы убедить евреев.

«И ответил Моше и сказал: "Но ведь не поверят они мне и меня не послушаются, ибо скажут: не открывался тебе Бог". И сказал ему Бог: "Что это у тебя в руке?" И ответил Моше: "Посох". И сказал Бог: "Брось его на землю!" И бросил его Моше на землю и превратился он в змея и побежал Моше от него. И сказал Бог, обращаясь к Моше: "Протяни руку свою и схвати его за хвост!" И протянул Моше руку свою и схватил змея - и стал он посохом в руке его. И сказал Бог ему еще: "Засунь руку свою за пазуху!" И засунул он руку за пазуху и вынул е — и вот рука его покрыта проказой, как снегом. И сказал Он "Засунь снова руку свою за пазуху!" И засунул он руку за пазуху, и вынул ее из пазухи своей, и вот — снова стала она плотью такой, как была. И сказал Он: "И будет, если не поверят тебе и не внемлют первому знамению. И будет: если не поверят они и двум этим знамениям, и не будут слушать, что ты говоришь, — то возьмишь из Нила воды, и выльешь ее на сушу — и вода, которую ты возьмишь из Нила, станет кровью на суше» (Исх. 4:1 - 9)

Для того чтобы оценить всю силу знамений, которые, согласно Пятикнижию, дает Бог Моисею, следует вспомнить, что в Египте змея была символом царской власти и украшала корону фараона, а Нил обожествлялся египтянами. То, что простой пастушеский посох обращался в огромного змея, а затем снова в посох, то есть змей, этот символ владык Египта, становился просто игрушкой в руках Моисея, должно было, казалось, произвести сильное впечатление на евреев и еще большее — на египтян. И, само собой, их должно было повергнуть в шок превращение воды в Ниле —

главном кормильце Египта — в кровь. Что касается проказы, то это страшное заболевание было хорошо знакомо египтянам того времени (вспомним, что, согласно преданиям, и дочь фараона, и ее брат, новый фараон, болели проказой) и считалось у египтян неизлечимым. А, следовательно, то, что Моисей мгновенно, что называется, легким движением руки исцелялся от проказы, также должно было повергнуть и евреев, и египтян, по меньшей мере, в изумление. Однако при этом не чудеса, а именно те слова, которые Моисей должен был передать евреям от имени Всевышнего, должны были стать доказательством истинности его миссии — эти слова были своего рода паролем посланца Всевышнего, передававшимся из уст в уста в течение более двух столетий.

Но Моисей продолжает упрямиться и прибегает к последней имеющейся у него отговорке — он напоминает ему о своем физическом недостатке, да и вообще о том, что он не является искусным оратором и вряд ли сможет убедить в чем-нибудь евреев или фараона:

«И сказал Моше Богу: "Прости меня, Господь, нр человек я не речистый — ни со вчера, ни с третьего дня, когда ты заговорил со служителем Своим, ибо я косноязычен и заикаюсь". И ответил ему Бог: " Кто дал уста человеку, и кто делает его немым или глухим, или зрячим или слепым — не Я ли, Бог?!"

Итак, иди, и Я буду повелевать устами твоими и укажу тебе, что говорить". И сказал Моше: "Прости меня, Господи, но пошли того, кого Ты всегда посылаешь"» (Исх. 3:10—14).

Хотя выражение «...ни со вчера, ни с третьего дня, когда ты заговорил со служителем Своим» большинством комментаторов воспринимается в переносном смысле, в значении «никогда», некоторые считают, что эти слова следует понимать буквально. Тогда получается, что этот разговор Моисея с Творцом мира затянулся аж на три дня. Три дня Бог убеждает Моисея принять на себя миссию пророка и вождя нации, а тот отказывается, напоминая в ответ, что он, во-первых, заикается, а во-вторых, за годы пастушеской жизни вообще отвык от общения с людьми, а тем более от произнесения каких-либо речей. И, наконец, с горькой усмешкой он добавляет: «Пошли того, кого Ты всегда посылаешь», — то есть кого угодно, но только не меня — я слишком хорошо помню, как повели себя евреи после того, как я убил египтянина: вместо того чтобы поднять восстание, они начали осыпать меня попреками и в конце концов донесли на меня фараону. «Их невозможно вывести из рабства потому, что они стали рабами по самому своему образу мышления» — вот подлинный смысл ответа Моисея Богу.

Ряд комментаторов Писания считают, что косноязычие и заикание Моисея в глазах Бога было не недостатком, а достоинством — в этом случае в те минуты, когда он сам обращался к народу с теми или иными словами, сама его гладкая речь должна была восприниматься как чудо, доказательством того, что его устами говорит Всевышний. Однако уже упоминавшийся раввин Ш. Р. Гирш утверждает, что в данном случае Библия преподает человечеству один из первых уроков полит - грамотности: следует разделять дар красноречия и мудрость и понимать, что эти два качества редко проявляются в одном человеке в одинаковой степени. Поэтому, писал раввин Гирш, выбирая лидеров общин (и политических лидеров вообще), мы должны следовать урокам Библии и принимать в расчет прежде всего их мудрость, а не умение красиво говорить.

Но тут Бог явно показывает, что Ему начинают надоедать препирательства со Своим избранником, и ставит окончательную точку в этом разговоре:

«И разгневался Бог на Моше, и сказал: "Ведь знаю Я, что Аарон, брат твой, левит, он будет говорить. И, увидев тебя, возрадуется в сердце своем. И будешь говорить ему, а Я буду влагать слова в уста его, а Я буду повелевать твоими устами и его устами, и укажу вам, что делать. И будет так: он тебе будет устами, а ты будешь ему вместо Всесильного. И посох этот возьми в руку свою, ибо им ты будешь творить все эти знамения » (Исх. 4:14 - 17)

Судя по этому отрывку, Аарон, очевидно, еще в дни юности Моисея в Египте был известен как искусный оратор, и теперь ему предстояло стать тем человеком, который говорил бы с народом от имени Моисея, облакал бы его слова и идеи в стройную и изящную речь. Как бы то ни было, поняв, что Бог закончил разговор, Моисей спускается с Синая, возвращается в дом своего тестя Иофора и сообщает ему о своем намерении направиться в Египет. Он решил не рассказывать Иофору о яв- ченном ему откровении и о своих планах возглавить еврейский народ и вывести его из рабства. Нет, он объясняет Иофору свое желание посетить Египет сугубо личными целями: стремлением на старости лет еще раз увидеть места своего детства и юности и повидаться с теми родными, которые еще живы.

И вновь предание вносит поправку в этот разговор Моисея с тестем: оно утверждает, что Иофор с легкостью согласился отпустить в Египет Моисея, однако стал категорически возражать против того, чтобы Моисей взял с собой в Египет жену и двух сыновей — так как накануне его возвращения домой с Синая Сепфора родила еще одного мальчика. Иофор испугался, что когда дочь и внуки окажутся в Египте, к ним отнесутся как к евреям, то есть обратят в рабство.

Слова тестя действовали на Моисея, как холодный душ: он задумался над тем, а не будет ли он сам арестован как убийца, как только пересечет границу Египта. Однако Бог снова вступает в разговор с Моисеем и спешит его успокоить: «И сказал Бог, обращаясь к Моше в Мидьяне: "Иди, возвратись в Египет, ибо умерли все люди, стремившиеся лишить тебя жизни"...» (Исх. 4:19).

Уже по дороге в Египет Бог, согласно Библии, объясняет Моисею вкратце, как будут развиваться события дальше — что фараон «ожесточит свое сердце», а затем и сам Бог ожесточит сердце фараона, так что тот отпустит евреев не сразу, а лишь после того, как на Египет обрушатся жесточайшие бедствия:

«И взял Моше жену свою, и сыновей своих, и посадил их на осла, и отправился назад в страну египетскую. И взял Моше посох Всесильного в руку свою. И сказал Бог, обращаясь к Моше: "На пути обратно в Египет помни обо всех чудесах, которые Я поручил тебе совершить, и сделай их на глазах фараона — а Я укреплю сердце его, и он не отпустит народ. И скажешь ты фараону: Так сказал Бог: Израиль — мой первенец! Говорю Я тебе: отпусти сына моего, дабы Мне он служил, но ты отказываешься его отпустить, и вот убиваю Я твоего сына, твоего первенца!"...» (Исх. 4:21—24).

А вот далее следует вообще нечто странное:

«И было в пути на ночлеге — настиг Бог Моше и хотел умертвить его. И взяла Ципора острый нож и обрезала крайнюю плоть сына своего, коснувшись ног Моше и сказала: "Ибо жених крови ты мне". И отпустил Он его. Тогда сказала она: "Нужна тебе кровь — кровь обрезания"» (Исх. 4:24—26).

Этот эпизод всегда вызывал особо язвительные насмешки атеистов, видевших в нем доказательство небрежности и нелогичности тех безвестных еврейских священнослужителей, которые, по их мнению, являлись подлинными авторами Пятикнижия.

В самом деле, с одной стороны Бог — Творец Вселенной поручает Моисею наиответственнейшую миссию и велит ему отправиться в Египет, а с другой — нападает на него ночью и хочет «умертвить» его, да вдобавок, напоминая языческих идолов, требует крови ребенка — пусть и, в отличие от этих кровожадных идолов, только «крови обрезания», иссечения крайней плоти. Воистину выходит, что Всевышний и Сам не понимает, чего он хочет от Моисея!

«Вот, значит, как этот библейский бог ценил спасителя народа еврейского, что чуть было не умертвил его сына, и спасла его мать, обрезав кусочек его полового органа»¹, — писал Ем. Ярославский в «Библии для верующих и неверующих», этом классическом образце советской атеистической литературы.

Однако даже если стать на точку зрения этих авторов и признать, что Пятикнижие отнюдь не было продиктовано Моисею Богом, что Моисей вообще не являлся его автором, а оно было составлено гораздо позже на основе двух, а то и четырех различных текстов, подчас основанных на одних и тех же народных преданиях, но все же по-разному интерпретирующих Сущность Бога, то все равно трудно заподозрить этих неведомых его составителей в недостатке ума и таланта. И если текст Пятикнижия и в самом деле проходил жесткую жреческую редактуру, то этим редакторам ничего не стоило просто сократить этот противоречивый эпизод — и легко убедиться, что текст в этом случае ровным счетом ничего не потерял.

Но тем не менее данный эпизод в нем присутствует. А это, в свою очередь, означает, что либо он и в самом деле имеет фактическую основу и является неотъемлемой частью текста Пятикнижия, либо он имеет колоссальную смысловую и идеологическую значимость и не содержит глубинного противоречия с предшествующим текстом, либо и то и другое вместе.

К примеру все тот же критически настроенный читатель может предположить, что по пути в Египет Моисей внезапно тяжело заболел (скажем, сильно простудился - резкие перепады дневных и ночных температур в Синайской пустыне способствуют простудам) и, чтобы умолить Бога послать ему исцеление, Сепфора сделала обрезание сыну, как бы принесла его крайнюю плоть в жертву.

Но вот как трактуется этот эпизод в классическом комментированном издании Пятикнижия издательства «Сончино»:

«"И было в пути на ночлеге" — буквальный перевод использованного выражения в соответствии с его простым смыслом должен быть следующим: по причине поведения (Моше) на стоянке, где он расположился на ночлег. Мидраш ориентируется на простой смысл этого выражения и объясняет, что именно в поведении Моше вызвало столь сильный гнев Всевышнего. Рассказывается, что это был день, когда Моше должен был сделать обрезание сыну (то есть восьмой день после его рождения. — П. Л.), пока не закончился день, так как обрезание не делают ночью. Однако Моше, прежде чем сделать обрезание, занялся устройством ночлега. Если бы речь шла об обычном человеке, такое поведение можно было бы считать незначительной ошибкой. Но Моше, направлявшийся в Египет, чтобы предупредить фараона, что не только неповиновение приказам Всевышнего, но даже промедление с их исполнением наказывается смертью, не был простым человеком — и потому Всевышний так строго отнесся к его проступку. Поведение Моше на стоянке привело его к тяжелому заболеванию, и Ципора сразу же догадалась, в чем причина болезни, угрожающей жизни Моше.

"Умертвить его" — показать Моше, что его поведение, выразившееся в том, что он прежде всего направил свои усилия на решение материальных проблем (устройство стоянки для ночлега) и отодвинул исполнение заповеди на какое-то время, достойно сурового наказания. Мидраш приводит другую причину того, почему Моше медлил с обрезанием. Рассказывается, что Итро (оригинальное звучание имени тестя Моше, закрепившего в русском тексте Библии как Иофор. — П. Л.), который только начал осознавать, что воля Творца непосредственно проявляется в материальном мире и раскрывается людям, считал, что человеку должна быть предоставлена свобода выбора. По его мнению, каждый человек, так же как и он, Ит-Ро, обязан сам убедиться в бессилии идолопоклонства и только после этого прийти к служению Всевышнему. Обрезание же, совершенное на восьмой день, отмечая тело ребенка знаком союза со Всевышним, лишает человека возможности по своей воле прийти к служению Творцу. Поэтому он и взял с Моше слово, что первому сыну обрезание не будет сделано. Находясь у Итро, Моше не имел возможности сделать обрезание сыну, но теперь, уйдя от него, он должен был сразу же обрезать как младшего, так и старшего сына, незамедлительно исполнив волю Творца.

Иудаизм считает, что свобода выбора только тогда и возникает, когда человека с детства приближают к служению Всевышнему, так как дурное начало действует постоянно, и если не противодействовать ему, то оно, вне всяких сомнений, победит и уведет человека от Бога в мир мнимых удовольствий, а затем и в мир страданий...»

Таким образом, данный отрывок всегда трактовался евреями как доказательство первостепенной важности заповеди вступления каждого еврея в союз с Богом через обрезание крайней плоти и свидетельство того, что пренебрежение этой заповедью не прощается никому — Бог готов был умертвить Моисея и отказаться использовать его в качестве орудия Своей воли, потому что не собирался прощать ему уклонения от исполнения этой заповеди, данной еще праотцу еврейского народа Аврааму, от которого Моисея отделяло более четырех столетий истории.

В то самое время, когда Моисей двинулся из Мадяма в сторону Египта, рассказывают дальше Библия и устные предания. Бог явился во сне Аарону, поведал ему о том, какую великую миссию Он решил возложить на его младшего брата и его самого, и велел отправиться навстречу Моисею. Так братья встретились на той самой горе Синай, где Бог явился Моисею в Неопалимой купине.

Хотя Аарон и Моисей не виделись больше шестидесяти лет и за это время из находящихся в самом начале жизненного пути молодых людей превратились в убеленных сединами старцев, они мгновенно узнали друг друга, обнялись и расцеловались. Когда, разложив костер, они уселись за трапезу, Моисей рассказал Аарону о том великом чуде, которое случилось с ним недавно на этой самой горе, о своем разговоре с Богом и о тех знамениях, которые Он ему дал. Аарон жадно внимал каждому слову, сверяя его со своим сном: все совпадало, а значит, этот сон отнюдь не был простым сновидением или свидетельствовал о расстройстве его рассудка — выходило, что в сновидении с ним действительно говорил сам Бог и определил ему быть «уста́ми» своего брата.

Но гшежде чем отправиться дальше, Аарон уговорил Моисея вернуть жену и детей в дом Иофора - их и в самом деле могли обратить в Египте в рабов.

Когда братья пришли в Гесем, Аарон немедленно собрал старейшин еврейского народа и объявил им, что его брат Моисей хочет выступить перед ними с речью.

Моисей приготовился к тому, что ему придется в течение многих часов убеждать старейшин, что он — не самозванец, не сумасшедший, но и в самом деле посланник Бога, которому поручено освободить евреев от рабства. А значит, ему придется бросать на землю посох, засовывать за пазуху руку, набирать воду из Нила...

Однако ничего этого, как ни странно, не понадобилось. В тот самый момент, когда Аарон, рассказывая старейшинам о том, что произошло с его братом в пустыне, произнес слова: «Так сказал ему Бог наш и Бог отцов наших, Бог Авраама, Исаака и Иакова: "Увидел Я бедствие народа Моего, который в Египте, и услышал вопль его из-за его притеснителей, ибо познал Я боль его. И сошел Я спасти его из-под власти Египта и привести его из той страны в страну прекрасную — страну, текущую молоком и медом: на место кнаанеев, и хеттов, и эмо-реев, и приреев, и хивеев, и йевусеев. И вот вопль сынов Израиля вознесся ко мне, и увидел Я также, как притесняют их египтяне. А теперь посылаю Я тебя к фараону, и выведешь ты народ Мой, сынов Израиля, из Египта"....»...

Так вот, говорит сказание, как только Аарон произнес эти слова от имени Моисея, сидевшая в углу глубокая старуха неожиданно встала со своего места, обошла Моисея кругом и дрожащим от волнения голосом сказала: «Это — он! Это — те самые слова, которые он должен был сказать! Он выведет нас из Египта!»

Этой старухой была Серах — дочь одного из двенадцати сыновей праотца Иакова, Асира, последняя из оставшихся в живых, кто еще помнил первые годы жизни евреев-в Египте. И то, что Серах подтвердила, что слова Моисея полностью соответствуют тем словам, с которыми должен будет обратиться к еврейскому народу его спаситель, и было для старейшин лучшим доказательством истинности миссии Моисея. Тем не менее Моисей показал знаки, которые ему дал Всевышний, и Серах снова подтвердила, что это — те самые знаки, с которыми должен явиться к евреям посланник Бога.

«И пошел Моше с Аароном, и собрали они старейшин сынов Израиля. И пересказал Аарон все, что сказал Бог, обращаясь к Моше. И сотворил знамение на глазах у народа. И поверил народ, и понял, что вспомнил Бог сынов Израиля и увидел их страдания — и поклонились они, и пали ниц» (Исх. 4:29-30).

И все же наибольший энтузиазм заявления Моисея вызвали у представителей двух колен — Ефрема и Леви. Не знавшие тягот рабства, они с куда большей страстью, чем их другие собратья, мечтали о свободе. По одному из устных еврейских преданий, еще за тридцать лет до общего исхода из Египта несколько тысяч воинов из колена Ефрема вместе с семьями попытались уйти из Египта, но заблудились в пустыне и погибли. Некоторые историки считают, что в этом предании нашел свое отражение тот факт, что заселение евреями Ханаана происходило не в одночасье, а волнами — то есть на самом деле эти ефремляне не погибли, а добрались до Земли обетованной и поселились там.

Судя по всему, после возвращения Моисея в Египет левиты и ефремляне стали не только его яростными сторонниками, но и составили его ближайшее окружение. Вскоре в этом окружении выделилась фигура Иисуса Навина. Потомок Ефрема, Навин к тому времени, по преданию, был видным военачальником в армии фараона, однако, уверовав в миссию Моисея, дезертировал со службы и, по меткому выражению одного из историков, стал и начальником генштаба, и главой личной службы безопасности Моисея. Что бы ни случилось, куда бы ни отправлялся Моисей, в какой бы опасной ситуации ни находился, мы теперь почти всегда будем видеть рядом с ним фигуру Иисуса Навина.

Правда, известный советский религиовед И. И. Скворцов-Степанов выдвинул свою, весьма оригинальную трактовку роли Навина в истории еврейского исхода, и ниже мы еще остановимся на этой версии. Именно то, что Неопалимая купина символизировала вечность еврейского народа - подобно этому кусту евреям было суждено пройти через страшные исторические испытания, через огонь и смерть и тем не менее продолжить свое существование в истории.

3. Кисидовский в популярных «Библейских сказаниях» высказывает мнение, что чудеса, случившиеся с Моисеем в пустыне как и многие из тех чудес, которые он потом демонстрировал евреям в пустыне, имели под собой реальную основу, в том числе и чудо явления Неопалимой купины.

«Теперь мы уже знаем, — писал он, — что такой куст существует, он и в наши дни встречается на Синайском полуострове и называется диптам или куст Моисея. Это своеобразное растение выделяет летучее эфирное масло, которое легко воспламеняется на солнце. Экземпляр этого куста привезли даже в Польшу и посадили в горно-степном заповеднике в Скоро-тицах. В 1960 году газеты сообщили, что, к удивлению местных жителей, куст Моисея в жаркий день загорелся голубовато-красным огнем»¹.

И все же самым главным и принципиальным остается вопрос об историчности личности Моисея и о том, кем же он на самом деле был по происхождению — евреем или египтянином?

Глава пятая. КТО ТЫ, МОИСЕЙ?

Безусловно, проще всего заявить о том, что Моисей является совершенно вымышленной фигурой, сказочным персонажем, порожденным исключительно народной фантазией. Тогда все вопросы отпадают сами собой. В этом

случае попытка воссоздать более-менее достоверную биографию Моисея стоит не больше, чем попытка написать научную биографию Иванушки-дурачка или монографию о жизни и творчестве царевны Марьи Моревны. Однако, как уже говорилось в предисловии к этой книге, фигура Моисея предстает со страниц Библии настолько живой и противоречивой, настолько реальной, что трудно найти даже одного серьезного историка, который берет на себя смелость однозначно утверждать, что речь идет исключительно о фольклорном персонаже.

Даже те ученые, которые твердо убеждены, что исхода евреев из Египта в том виде, в каком описывает это событие Библия, никогда не было, как не было и десяти «казней египетских» и завоевания Ханаана; что на самом деле евреи уходили из Египта и проникали в Ханаан постепенно, волнами и в течение нескольких веков, сливаясь постепенно с некоторыми из живших там племен и вытесняя другие... Так вот, даже эти ученые отмечают, что в основе рассказа о Моисее, вне сомнения, лежат какие-то реальные исторические события, и выдвигают версию, что прототипом Моисея как величайшего общенационального вождя и пророка мог стать лидер одной из групп евреев, покинувших Египет и кочевавших затем по Синаю, пока они наконец не осели в Ханаане. Другие не исключают, что речь идет о некоем собирательном образе лидеров сразу нескольких еврейских племен.

Одной из принятой у историков и чрезвычайно любимой популяризаторами Библии является гипотеза, по которой Моисей стал лидером восстания рабов, начавшегося во время государственной смуты или очередного военного похода, вследствие чего мощная египетская армия не могла быть сразу брошена на его подавление. Значительную часть рабов, вставших под поднятые Моисеем знамена, действительно составляли евреи, однако к ним присоединилось и огромное множество рабов из других народов и рабов-египтян, о чем также предельно ясно говорится в Библии — прежде всего, в тех ее главах, которые рассказывают, как евреи впали в грех поклонения золотому тельцу.

Таким образом, говорят эти историки, реальному историческому Моисею удалось сделать то, что спустя многие столетия не сумел сделать Спартак. Возглавив восстание рабов и одержав ряд блестящих побед над римской армией, Спартак, как известно, так и не сумел вывести свою армию за пределы Римской империи. В таком случае не удивительно, что освобожденные рабы превратили Моисея в своего величайшего героя.

Но как тогда объяснить то, что Моисей стал не только политическим, но и духовным, религиозным лидером формирующегося еврейского народа и, по существу, определил его религиозное мировоззрение на все последующие тысячелетия? На каком религиозно-философском фундаменте он создал свое стройное учение этического монотеизма, которое затем — через иудаизм — легло в основание христианства и ислама?!

В поисках ответа на этот вопрос целый ряд исследователей почему-то решают отказать Моисею в еврейском происхождении и объявляют его египетским жрецом, якобы страдавшим проказой и вставшим во главе восстания, поднятого в Египте

прокаженными и рабами, с целью вывести их из страны и дать возможность жить по своим законам..Эта версия в различные времена неоднократно использовалась зоологическими антисемитами, включая нацистов, в качестве доказательства «неполноценности» или «ущербности» еврейской нации основу которой якобы составили изначально больные люди. Версия эта принадлежит египетским жрецам Манефону и Херемону, которые в своих трудах утверждали, что имя Моисея взял на себя египетский жрец из Гелиополя Осарсиф названный так в честь бога Осириса, и, видимо, на ней же строил очерк о Моисее Э. Шюре, когда писал своих «Великих посвященных».

Суть гипотезы Манефона и Херемона, отождествлявших гиксосов с евреями, можно свести к следующим положениям.

Первое - вторгшись в Египет, гиксосы, они же евреи, правили им в течение 511 лет, пока фараон Тутмос II в ходе тяжелой войны изгнал захватчиков, которые в итоге сосредоточились на территории площадью 10 тысяч арур вокруг своей столицы Авариса.

Второе: сын Тутмоса III, Тутмос IV с войском в 480 тысяч человек осадил Аварис и в результате осады заключил с гиксосами-ми-евреями договор о том, что даст им беспрепятственно уйти из Египта со своим имуществом. При этом Манефон утверждал, что гиксосов-евреев называли также «прокаженными», что для египтян было синонимом слова «проклятые».

Третье: уйдя на восток, гиксосы-евреи потеснили жившие там народы и основали свое государство Иудею со столицей в Иерусалиме.

Четвертое: через множество лет фараон Аменхотеп III решил избавить Египет от прокаженных и, собрав 80 тысяч человек, больных этим заболеванием, направил их на работы в каменоломни к востоку от Нила. Спустя какое-то время обращенные в рабов прокаженные начали просить фараона представить им для отдыха и убежища бывший город гиксосов Аварис. Здесь они поставили своим царем бывшего жреца Осарсифа и поклялись ему во всем повиноваться. Осарсиф потребовал от прокаженных во всем ему повиноваться, отказаться от служения старым богам, начать демонстративно есть мясо священных египетских животных и — самое главное — готовиться к восстанию против Аменхотепа III.

Пятое: для реализации своих планов Осарсиф обратился за помощью к гиксосам и те направили в Египет 200-тысячную армию. Аменхотеп III вынужден был бежать от гиксосов и восставших рабов в Эфиопию и скрывался там 13 лет, пока вместе с сыном Рамсесом не изгнал Осарсифа и его армию прокаженных рабов из страны, которые ушли в Ханаан и слились там с гиксосами.

Ирония истории заключается в том, что приведенная выше версия известна нам по книге еврейского историка Иосифа Флавия «О древности еврейского народа. Против Апиона». Флавий же цитировал Манефона исключительно для того, чтобы, представив точку зрения египтян на еврейскую историю и личность Моисея, показать всю несостоятельность их версии.

«Мне остается ответить ему несколькими возражениями, касающимися Моисея, — писал Флавий. — Египтяне считают его человеком необыкновенным и божественным, а потому, желая видеть в нем своего соотечественника, они с невероятной дерзостью утверждают, что он был одним из гелиопольских жрецов, изгнанным вместе с остальными прокаженными. Однако наши письменные памятники говорят, что он родился за пятьсот восемнадцать лет до этого и увел наших предков из Египта в страну, которую мы теперь населяем. А то, что он не страдал подобным телесным недугом, выясняется из того, что он сам говорил. Ибо прокаженным он запрещает оставаться в городе или жить в деревне; им надлежит по одиночке бродить в разодранных одеждах, а всякого, кто прикоснется к ним или окажется с

ними под одной крышей, он считает нечистым. И даже если болезнь будет излечена и человеку возвратится его прежний вид, он предписывал различного рода очищения, омовения ключевой водой и острижение всех волос, и лишь после того, как он совершит множество всяких жертвоприношений, он позволял ему войти в священный город. А между тем, казалось бы, человек с таким недугом должен был отнестись к больным с той же болезнью с большей заботой и вниманием. Его постановления касались не только прокаженных, но всем, кто имел малейший телесный изъян, он запретил участвовать в священнодействиях. И даже если во время священнодействия с кем-то случалось подобное несчастье, он лишал его этой чести. Потому возможно ли, чтобы он принимал постановления против самого себя и издавал законы себе же на позор и во вред? Кроме того, совершенно не похоже на правду и то, как он поменял имя. "Звали его Осарсиф", — говорит Манефон. Это слово для соответствующего изменения не подходит...»¹

Разгромив Манефона, Иосиф Флавий переходит к рассмотрению версии Херемона, также утверждавшего, что Моисей был прокаженным и вождем прокаженных, но настаивающим.

что причиной изгнания евреев было видение Изиды, явленное Ааоану Аменофису. При этом Иосиф указывает на полную противоречивость версий Манефона и Херемона, на имеющиеся в обеих исторические неточности и на этом основании делает вывод, что обе эти версии - ложные.

Тем не менее, видимо, желание доказать, что Пятикнижие и Библия в целом - продукт компиляции и измышлении гораздо более позднего времени - было настолько велико, что к версии о том, что Моисей был египетским жрецом, возвращались снова и снова. И каждый раз ее сторонники получали достойный отпор от того или иного авторитетного ученого.

Так, еще в начале XX века В. В. Струве, опираясь на многочисленные египетские источники, доказал всю несостоятельность версии о том, что гиксосы и евреи могли быть одним и тем же народом, хотя и допустил при этом, что какие-то элементы гиксосской истории в трансформированном виде вошли затем в еврейские легенды, а оттуда перекочевали и в текст Пятикнижия¹. Тем не менее и после В. В. Струве находилось немало популяризаторов Библии, пытавшихся поднять на щит именно египетскую, а не еврейскую версию развития событий.

Любопытно, что наиболее полно и последовательно эту версию изложил не историк, а человек весьма далекий как от исторической науки, так и от библеистики. Тем не менее написанный З. Фрейдом в 1934—1938 годах цикл очерков «Моисей и монотеизм» стал классическим и цитируется во многих как популярных, так и научных исследованиях, посвященных Библии — и это при том, что сам Фрейд не раз говорил, что он понимает всю шаткость исторических обоснований этой своей работы.

«Лишить народ человека, которым он гордится как величайшим из своих сынов, не является делом, предпринимаемым с охотой и легкомыслием, и тем более если сам являешься представителем этого народа. Но мы не можем позволить, чтобы какие-либо подобные соображения побудили нас отказаться от истины в пользу того, что принято считать национальными интересами»², — пишет Фрейд в самом начале первого очерка «Моисей-египтянин».

Как выясняется из дальнейшего чтения, Фрейд был убежденным сторонником точки зрения, по которой исход евреев из Египта произошел в период смуты, последовавшей во времена фараона реформатора Аменхотепа IV — Эхнатона (1364—1347 годы до н. э.) и продолжившейся и после его смерти. Эхнатон, как известно, ввел в стране культ бога солнца Атона и провозгласил его не просто главным, но и единственным божеством. Опираясь на работы современных ему египтологов, Фрейд утверждает, что, по сути дела, Эхнатон стал провозвестником идеи монотеизма, которая лучше всего подходила для идеологии разросшейся египетской империи — «один бог на небе, один царь на земле». Причем монотеизм Эхнатона, согласно Фрейду, носил этический характер, то есть следование человека нравственным предписаниям объявлялось им куда более важным, чем исполнение неких религиозных ритуалов. Само Солнце, по мнению Фрейда, было для Эхнатона лишь символом единого Бога, но никак не его зримым воплощением. Фараон, объявил Эхнатон, также отнюдь не является живым воплощением Бога, а лишь его жрецом и пророком.

Но, как известно, не только египетские жрецы, но и большая часть египетского народа не приняла культа нового бога и Эхнатона поддержала лишь часть египетских аристократов. Не удивительно, что после его смерти (кстати, последовавшей при весьма загадочных обстоятельствах) начались преследования его сторонников.

И вот на этом основании Фрейд и выстраивает свою, следует признать, весьма стройную версию жизни Моисея. Он предполагает, что Моисей был каким-то вельможей при дворе Эхнатона, разделявшим его веру в единого Бога и, возможно, бывшим наместником провинции Гесем, где влачили рабское существование евреи. В связи с близостью Моисея к Эхнатону становится понятным, почему он бежал в соседний Мадиям — очевидно, ища политического убежища.

Однако затем Моисей Фрейда возвращается в Египет, одержимый великим замыслом: если египтяне отвернулись от идеи единого Бога, то он объединит вокруг нее угнетенных евреев, под ее знаменем выведет их из Египта и подарит им новую родину, на которой они будут исповедовать эту религию. То есть если народ отверг великую религиозную идею, то нужно попробовать создать для этой идеи новый народ.

Не исключено, пишет Фрейд, что в качестве наместника Ге-сема Моисей пользовался у евреев симпатией и уважением, но он все равно был для них чужаком. Не исключено также, что он не говорил или не очень хорошо говорил на иврите, и именно поэтому ему и понадобился Аарон в качестве посредника и переводчика (в некоторых переводах Библии на древние языки функция Аарона так и представляется - переводчик). Отсюда по Фрейду становится понятным, откуда берет свое начало версия что Моисей был заикой и косноязычным - таким он казался тем, к кому обращался, то есть евреям.

Одновременно Фрейд пытается объяснить происхождение левитов и ту путаницу в числе колен еврейского народа, которая возникает у рядового читателя писания. Напомним, что у поаотца Иакова, согласно Пятикнижию, было 12 сыновей, и отсюда - 12 колен Израиля; однако затем он объявляет сыновей Иосифа Ефрема и Манассию отдельными коленами, и их становится 13, но Земля обетованная все равно делится между двенадцатью коленами, так как колено Леви не получает своего надела. По версии Фрейда, левиты поначалу вообще не были коленом Израиля — они были

египтянами, чем-то вроде личной гвардии Моисея, беззаветно преданной ему лично. В дальнейшем они не получают свой надел в Эрец-Исраэль — Земле Израиля, но становятся кастой священников, призванных хранить учение Моисея. Часть из них служила в Храме и охраняла его, а часть жила среди всех остальных евреев и укрепляла их в верности идее единого Бога.

Любопытно (хотя Фрейд об этом не упоминает), что слово «левит» в иврите можно произвести от слова «лева́йа» — «сопровождение», и таким образом, в самом этом слове при желании можно усмотреть правоту версии Фрейда — левиты как бы сопровождали Моисея, во время любых народных волнений занимали его сторону и четко выполняли его приказы.

Однако, развивая Фрейд свою версию дальше, следует понять, что Моисей-египтянин не мог быть принят еврейским народом в качестве вождя, и для того, чтобы Моисей мог войти в эту роль, и понадобилась легенда о том, что на самом деле он родился в еврейской семье, но волею Бога оказался во дворце фараона, где и рос и воспитывался. Тем не менее евреи продолжали считать Моисея чужаком, и именно этим, по мысли Фрейда, и объясняются то и дело вспыхивавшие против него бунты в пустыне, и прежде всего бунт Корея (Кораха). Наконец, именно в связи с тем, что он по крови не принадлежал к еврейскому народу, Моисей отдал обязанности первосвященника Аарону, и от последнего начался отсчет рода священников-кознов, единственных, кто был наделен правом вести храмовые службы и прежде всего совершать жертвоприношения Богу.

В пользу версии Фрейда говорит и определенная хронологическая близость смуты, начавшейся после смерти Эхнатона и исхода евреев из Египта: между двумя этими событиями, если принять во внимание еврейскую хронологическую версию, проходит всего 34 года. Это — вполне реальный отрезок времени для того, чтобы Моисей, будучи наместником Гесема, мог стать признанным политическим и духовным лидером рабов-евреев.

Фрейд доходит до того, что начинает утверждать, что во время одного из бунтов евреев против Моисея последний был убит, и чувство вины за это убийство якобы гнездится в массовом подсознании еврейского народа.

Одновременно Фрейд вовсе не настаивает, что Моисей был лидером всего еврейского народа и что именно он является единственным создателем целостной концепции иудаизма. По его версии, Моисей вывел из Египта лишь часть евреев, которым передал концепцию этического монотеизма Эхнатона. Однако возле горы Синай евреи столкнулись либо с родственными им семитскими племенами, либо даже со своими соплеменниками, которые вышли из Египта чуть раньше и служили у Синая, бывшего в тот период вулканом, богу этой горы. Не исключено, что у этой группы семитов был другой духовный и политический лидер, разработавший систему ритуалов такого служения.

В результате слияния этих двух начал — ритуального и этического — и сложилась, по версии Фрейда, та монотеистическая концепция, которая и по сей день лежит в основе иудаизма.

Однако как в религиозных, так и в научных кругах имеется немало противников версии З. Фрейда.

Во-первых, они напоминают о продолжающихся спорах вокруг хронологии египетской истории, а значит, и сомнительности того факта, что исход евреев из Египта имел место вскоре после царствования Эхнатона. К примеру, в одном самом авторитетном труде по истории Древнего Востока В. В. Струве¹ период правления Эхнатона датируется 1419—1402 годами до н. э., и таким образом, его от Моисея отделяло почти столетие.

Во-вторых, они обращают внимание на то, что хотя религиозная концепция Эхнатона и в самом деле была существенным шагом вперед по сравнению с египетским язычеством, ей все равно еще было очень далеко до монотеизма Моисея, и нет никаких оснований утверждать, что иудаизм вырос из единобожия Эхнатона.

Да, безусловно, мировоззрение Эхнатона было огромным духовным и интеллектуальным шагом вперед — настолько огромным, что его народ попросту оказался не готов принять эти взгляды. проходит всего 34 года. Это — вполне реальный отрезок времени для того, чтобы Моисей, будучи наместником Гесема, мог стать признанным политическим и духовным лидером рабов-евреев.

Фрейд доходит до того, что начинает утверждать, что во время одного из бунтов евреев против Моисея последний был убит, и чувство вины за это убийство якобы гнездится в массовом подсознании еврейского народа.

Одновременно Фрейд вовсе не настаивает, что Моисей был лидером всего еврейского народа и что именно он является единственным создателем целостной концепции иудаизма. По его версии, Моисей вывел из Египта лишь часть евреев, которым передал концепцию этического монотеизма Эхнатона. Однако возле горы Синай евреи столкнулись либо с родственными им семитскими племенами, либо даже со своими соплеменниками, которые вышли из Египта чуть раньше и служили у Синая, бывшего в тот период вулканом, богу этой горы. Не исключено, что у этой группы семитов был другой духовный и политический лидер, разработавший систему ритуалов такого служения.

В результате слияния этих двух начал — ритуального и этического — и сложилась, по версии Фрейда, та монотеистическая концепция, которая и по сей день лежит в основе иудаизма.

Однако как в религиозных, так и в научных кругах имеется немало противников версии З. Фрейда.

Во-первых, они напоминают о продолжающихся спорах вокруг хронологии египетской истории, а значит, и сомнительности того факта, что исход евреев из Египта имел место вскоре после царствования Эхнатона. К примеру, в одном самом авторитетном труде по истории Древнего Востока В. В. Струве¹ период правления Эхнатона датируется 1419—1402 годами до н. э., и таким образом, его от Моисея отделяло почти столетие.

Во-вторых, они обращают внимание на то, что хотя религиозная концепция Эхнатона и в самом деле была существенным шагом вперед по сравнению с египетским язычеством, ей все равно еще было очень далеко до монотеизма Моисея, и нет никаких оснований утверждать, что иудаизм вырос из единобожия Эхнатона.

Да, безусловно, мировоззрение Эхнатона было огромным духовным и интеллектуальным шагом вперед — настолько огромным, что его народ попросту оказался не готов принять эти взгляды.

«Подобные идеи мы не привыкли приписывать людям, жившим около четырнадцати столетий до н. э. Новый дух повеял над омертвелым традиционализмом Египта... невольно проникаешься удивлением перед царем, в чьей душе возникли в подобный век такие мысли. Он постиг идею мирового владыки, как Творца природы, в которой царь видел

обнаружение благих замыслов Творца в отношении ко всем своим творениям, даже самым ничтожным; птицы, порхавшие в светло-зеленых нильских воротах, казалось ему, поднимали крылья в знак поклонения перед своим создателем; и даже рыба в реке прыгала, славословя бога... Вселенский промысел Бога, по мнению Эхнатона, выражался в его отеческой заботе, равной для всех, независимо от расы и национальности... Эта сторона ума Эхнатона особенно замечательна», — отмечают Д. Брестед и Б. Тураев в своей «Истории Древнего Египта». Все это и в самом деле очень близко к идеям Моисея, но вслед за этим в той же монографии называется и принципиальное отличие идей Эхнатона от идей Моисея:

«Хотя Эхнатон тем самым ясно признавал могущество, а также в необычайной степени и благодать Бога, тем не менее, он не приписывал своему божеству более высоких духовных и этических качеств, чем те, которые уже раньше приписывались Амону. Царь не возвысился заметным образом от идеи благодати Бога к идее справедливости и требования им этой по,- следней от людей»².

К тому же не следует забывать, что основой мировоззрения египтян было учение о загробной жизни и посмертном воздаянии. Оно составляло важную часть и учения Эхнатона. Если бы Моисей и в самом деле был египтянином, он неминуемо внес бы элементы этого учения в создаваемую им религию. Но нет — нигде в Пятикнижии не говорится о существовании души после смерти, не приводится никакого описания загробного мира и вообще, по мнению большинства специалистов, понятие о вечности души у евреев возникает очень поздно и, вероятнее всего, под влиянием греческих философов. И с этой точки зрения иудаизм не имеет никаких корней в египетском паганизме.

«Существует предположение, что Моисей заимствовал идею единого Бога от тайных последователей Эхнатона, которые могли сохраниться до его времени. Но эта гипотеза, в сущности, ни на чем не основана. В религии Моисея слишком ясно выражена связь с верой еврейских праотцев, и, кроме того, мы не находим в ней никаких следов солнцепоклонства. Бури, тучи, пламя и дым — вот постоянные символы ветхозаветных Богоявлений. Образ Солнца в них никогда не участвует. Оно не включено ни в один из поэтических эпитетов Ягве во всей Библии», — писал по этому поводу отец А. Мень.

К этому же выводу в итоге приходит и П. Джонсон. «Где бы Моисей ни заимствовал свои идеи, религиозные или правовые (которые были, разумеется, неразрывно связаны в его сознании), он их взял только не в Египте. На самом деле деятельность Моисея была направлена на отрицание всего, на чем зиждился Древний Египет»², — пишет Джонсон, деликатно называя позицию Фрейда «удивительной».

Далее противники версии З. Фрейда отмечают ее совершенную психологическую немотивированность: с какой стати знатному египетскому вельможе было оставлять свою благополучную жизнь и вставать на защиту толпы рабов, идя при этом против интересов своей страны и своего народа, если он и в самом деле считал Египет своей страной, а египтян — своим народом?

Есть еще целый ряд весомых возражений против версии о том, что Моисей мог быть египтянином, которые будут рассмотрены чуть ниже. Пока же заметим, что если проводить какие-то параллели между историей религии и историей науки, то разница между монотеизмом Эхнатона и монотеизмом Моисея напоминает разницу между создателем периодической таблицы элементов Д. И. Менделеевым и его предшественниками. Как известно, многие ученые до Менделеева пытались расположить известные на тот момент науке элементы по степени возрастания их атомного веса, но именно Д. И. Менделеев сумел сформулировать фундаментальный периодический закон, даже не подозревая, какие тайны строения атома скрыты в этой периодичности. Точно так же и монотеизм Моисея, переключаясь с духовными поисками великих людей прошлого, в итоге означал выход на принципиально новый уровень познания Бога, а вместе с этим — подлинный духовный и моральный переворот в человеческой истории. При этом, как верно отмечал все тот же отец Александр Мень, величие Моисея состояло в том, что если Эхнатон имел все необходимые военные, экономические и политические рычаги для утверждения исповедуемого им монотеизма, но все равно потерпел поражение, то Моисей одержал победу, не имея ни одного из этих рычагов, не имея для своей победы, по существу, вообще ничего!

С точки зрения еврейских теологов само появление теорий о нееврейском происхождении Моисея объясняется в основном двумя причинами.

Первая из них заключается в нежелании признать истинность версии Пятикнижия, так как такое признание невольно предполагает и веру в Божественное откровение, во вмешательство Бога в человеческую историю. Словом, если называть вещи своими именами, признание истинности версии Пятикнижия в значительной степени означает и признание существования Бога. Поэтому возможность того, что Пятикнижие говорит правду, ими даже не рассматривается. Его рассказ заведомо воспринимается как ложный, а, следовательно, в противовес ему надо всенепременно выдвинуть некую альтернативную версию, базирующуюся на материалистическом мировоззрении.

Вторая причина продиктована неверием в духовный потенциал и творческие силы еврейского народа, в неготовность и в нежелание признать, что он мог породить фигуру такого масштаба, как Моисей. Однако если мы проследим за историей евреев с древности до наших дней, то увидим, что этот народ подарил миру немало замечательных людей, и сама эта история свидетельствует о его мощном духовном и творческом потенциале, который, кстати, с равным успехом может быть использован как во благо, так и во зло. В эссе «Парадигма Моисея» известный популяризатор науки Р. Нудельман доказывает, что история жизни Моисея не просто психологически обоснована, но и не раз повторялась в истории еврейского народа (да и, заметим вновь, в истории других народов) и еще не раз повторится в будущем. «Парадигма Моисея, запечатленная в библейском рассказе, кажется удивительно современной — если читать этот рассказ вне его религиозного контекста, — писал Нудельман. — ...Что же такое эта парадигма? Вот перед нами талантливый еврей, который вырос в чужой культуре, на ее верхах, не зная ограничений и дискриминации, выпавших на долю его более "простых" современников, не зная, в сущности даже не помня, что он — еврей. Вот он внезапно для себя входит в конфронтацию со своей средой и режимом. Заметим: конфронтация эта не имеет чисто еврейского характера. Моисей убивает надсмотрщика, который избивает раба; тот факт, что раб этот оказался евреем,

в значительной мере случаен, да Моисею поначалу и неизвестен. Трудно предположить внезапную вспышку "национального достоинства" в этом египетском принце, избалованном вседозволенностью и вседоступностью, привычкой, что любая его прихоть будет исполнена немедленно. Тогда что же руководит им? Скорее, врожденное отличие характера от окружающих; возможно, даже генетическое национальное отличие, которое он, тем не менее, не осознает. Скажем так — врожденное чувство отвращения к маленьким деспотам, унижающим слуг и рабов. Зародыш инакомыслия, помноженный на врожденное упрямство. Этакая поперечность поступка и мысли, обусловленная склонностью и привычкой к свободе. К долголетней свободе привыкают ведь так же, как к долголетнему рабству, — и тогда любое ограничение ее кажется нестерпимым. ...Режим, конечно, допустил ошибку. Прости он Моисею аристократическую прихоть (ну, побаловался принц, всего делов-то), раздвинь слегка границы дозволенного своемыслия — может, остался бы Моисей при дворе. Может, и фараоном со временем бы стал. А место бы его в истории занял бы, конечно, кто-нибудь другой. Свято место в истории пусто не бывает». И далее Нудельман делает очень точное наблюдение: «Ситуация его была сложной. Еврей по рождению, он духовно был полукровкой. Определение это не означает степени генетической принадлежности к народу. Оно призвано лишь напомнить, что поначалу моисеи не ощущают своих национальных корней. Кровная принадлежность для них формальна, культурная — сущностна. Они должны поэтому заново создать свою связь с народом, фактически — изобрести для себя "свой" народ. Парадигма Моисея — это схема судьбы глубоко одинокого индивидуалиста. Моисеи выбирают народ как оружие личного освобождения. Но раз выбрав, они ощущают моральный долг и необходимость его выплаты. Поэтому они решают — принуждают себя — разделить судьбу "своего" народа»². На рубеже XIX—XX веков мы видим как минимум две фигуры, являющиеся воплощением этой парадигмы. Основоположник политического сионизма Теодор Биньямин Зеэв Герцль был в куда большем смысле слова немцем, чем евреем. Блестящий журналист, человек немецко-австрийской культуры, воспитанный на ее ценностях, он был крайне далек и от религии, и от культуры народа, к которому принадлежал по крови. Более того — он даже не знал языка этого народа и порой стеснялся своих соплеменников. Однако процесс Дрейфуса задел его чувство справедливости — как, впрочем, задел он то же чувство и у великого француза Эмиля Золя. Однако если для Золя это был процесс о клевете, то для Герцля он стал чем-то много большим. Он разбудил его национальное чувство, он навел его на мысль о том, что евреям нужно возродить свое государство на своей земле, побудил его написать об этом книгу. И вот уже отставлена в сторону карьера журналиста, писателя и драматурга, вот уже Герцль мечется со своей идеей по всему миру, просаживает на организацию первых Сионистских конгрессов все свое состояние и приданое жены, упорно не желая замечать, что широкие народные массы отнюдь не поддерживают его идеи. В итоге он скоропостижно умирает, так и не пожав каких-либо плодов своих рук, однако на основе заложенной им идеологической и организационной базы спустя сорок с лишним лет после его смерти возникает государство Израиль — возникает именно там, где он мечтал создать его. Еще одним «моисеем» XX века можно назвать Владимира Жаботинского — другого лидера сионистского движения, ставшего основоположником его правого, ревизионистского крыла, создателем первого Еврейского батальона, взгляды которого во многом определили развитие современного Израиля. Однако в молодости Жаботинский числил себя русским, еще в юности он приобрел известность в качестве одного из ведущих журналистов России и многие критики прочили ему будущее великого русского писателя. Проза и публицистика Жаботинского доказывают, что прогнозы эти вполне могли бы сбыться, если бы... не одесские погромы 1905 года. И хотя он лично мог в любой момент уехать из города, и эти погромы ему ничем не грозили, они становятся поворотным пунктом в его сознании. Отныне Жаботинский посвящает себя борьбе за осуществление мечты Теодора Герцля и служит ей до последнего вздоха. Что любопытно — и Герцль, и Жаботинский почти не знали языка своего народа. Для первого родным был немецкий, а для второго — русский, но это отнюдь не помешало им стать национальными лидерами первой величины. Таким образом, Моисея и в самом деле в определенном, духовном смысле слова можно считать египтянином, ставшим евреем. Но это лишь еще больше возвышает его личность в египетских источниках его времени. В поисках этих следов II. Мёллер решил идти «от обратного». Он задался вопросом: а имеет ли место в общеизвестной египетской истории рассказ о дочери фараона, которая усыновила бы чужого ребенка и попыталась бы сделать его наследным принцем? И довольно быстро он обнаруживает подобную историю в египетских хрониках: у дочери Аменхотепа I Нефруры был приемный сын Сененмут. До нас дошли некоторые статуи этой принцессы с приемным сыном на руках, причем на голове мальчика царское украшение, свидетельствующее о том, что он является наследником престола (вспомним мидраш о том, что однажды маленький Моисей надел диадему фараона. — П. Л.). Само имя Сененмут, по Мёллеру, переводится с египетского как «приемный сын». Более того — хроники говорят о том, что он был взят у родителей «низкого происхождения», под которыми, по мнению Мёллера, следует понимать евреев. Звезда Сененмута, согласно хроникам, стремительно восходила при дворце фараона, возможно, в какой-то момент он даже стал считаться вторым человеком в государстве. Однако затем он совершил «нечто ужасное», возможно, злоупотребил властью, после чего его статуи разрушаются, а его начавшая строиться гробница (а они у знатных египтян начинали строиться едва ли не сразу после рождения ребенка) подвергается осквернению. У Мёллера нет почти никаких сомнений, что под словами «нечто ужасное» следует понимать убийство египетского надсмотрщика. Всего II. Мёллер находит свыше тридцати параллелей между жизнеописаниями Сененмута (по известной монографии Дж. Тилдесли «Египет: Возвращение утерянной цивилизации») и Моисея, которые сводит в следующую таблицу:

Сененмут

1. «Сын смиренных родителей».
2. «К сожалению, нам не известно, когда Сененмут начал свою блистательную карьеру правителя».
- 1 «Движимый желанием забыть о своем низком происхождении...»
 - 1 «Он стремительно поднимался по карьерной лестнице от одного поста к другому».
 - 1 «...прежде чем уйти из армии...».Моисей
 1. Сын рабов-евреев (Исх.).
 2. Моисей был найден дочерью правителя (принцессой) в корзине из тростника в Ниле, когда ему было три месяца (Исх.).
 3. Родители Моисея принадлежали к «низкому» сословию рабов (Исх.).
 4. Будучи рожденным рабом, стал наследником престола (Исх.).
 5. Был генералом (Флавий).
 6. «...чтобы войти в состав управленческого аппарата дворца правителя».
 7. «...и тогда, рассчитав все до мельчайшей детали, принял решение связать свое будущее с Хат- шепсут».
 8. «Он являлся близким другом царской семьи».
 9. «Чаще всего изображался, держащим девочку Нефруру на руках».
 10. «...сидящим с Нефрурой... положив ее под углом на колени, как обычно кормящие матери держат своих детей».
 11. «Соответственно, Сененмут становился правителем Египта».
 12. «Обнаружение гробницы (общей) Рамуза и Хатнофер, родителей Сененмута, подтверждает предположение о том, что последний был родом из низкого слоя общества».
 13. «Рамуз и Хатнофер не принимали активного участия в общественной жизни страны».
 14. «Нет также свидетельств тому, что Сененмут вообще вступал в брак...»
 15. «Остался неженатым, что в глазах современников выглядело странным...»
 16. «Свидетельствует о том, что близкие Сененмута были потрясены внезапной катастрофой».
 17. «...на плохо сохранившемся фрагменте текста ...имеются слова "плен" и "Нубия", рядом с которыми приводятся изображения бегущих солдат».
 18. Сененмут поселяется во дворце вместе с Нефрурой и Хат- шепсут, «пока последняя не вступила на престол».
 6. Его подготавливали к принятию поста фараона (Исх.).
 7. Единственной «ниточкой», связывавшей Моисея с дворцом и властью, была усыновившая его принцесса-мачеха.
 8. Царская семья приняла его, как сына (Исх.).

9. Выдвигаемая в этой главе (книги II. Мёллера. — П. Л.) гипотеза утверждает обратное: Нефрура держит Моисея на руках.
10. "Выдвигаемая в этой главе (книги II. Мёллера. — П. Л.) гипотеза утверждает, что, согласно египетской традиции, женщина держит на руках младенца мужского пола, то есть Нефрура держит Моисея.
11. Он должен был стать фараоном, но до своего побега из Египта был соправителем (Исх.).
12. Родители Моисея были рабами (Исх.). (Оба они умерли в Египте. — П. Л.)
13. Родители Моисея не принимали участия в общественной жизни Египта (Исх.). (Ошибка Мёллера: по еврейским источникам, отец Моисея Амрам был одним из лидеров еврейской общины. — П. Л.)
14. Живя в Египте, Моисей был холостым (Исх., Флавий).
15. Он женился, только придя в землю Мадиямскую.
16. Неизвестно. Однако допускается такая возможность, что известие о побеге Моисея потрясло его семью.
17. Будучи командующим египетскими войсками, организовывал военные кампании в Нубии (Эфиопии), в которых одерживал победы (Флавий).
18. Моисей вырос во дворце (Исх.), являясь приемным сыном принцессы (Нефруры), которая позднее стала царицей Хатшепсут.
- «...в которой отмечается, что Сененмут был в подчинении у царя Тутмоса I».
19. «На усыпальнице Сененмута, вместо обычных рисунков похорон, изображен бог с головой крокодила, обнимающий Хатшепсут...»
20. «Сененмут был неожиданно лишен всех привилегий и при загадочных обстоятельствах исчезает».
21. «Его неиспользованные могилы были осквернены».
- «Его памятники были варварски уничтожены или разрушены, а его статуи и рельефы целенаправленно испорчены, чтобы стереть имя Сененмута и любое упоминание о нем в египетской истории».
22. «До наших дней сохранились, по крайней мере, 25 статуй из прочного камня. Для простого частного лица это необычайно большое количество артефактов».
23. «Можно предположить, что большинство из них были подарками от царицы».
24. «Очень близкие отношения с царицей позволили Сененмуту сделать стремительную карьеру».
25. «Близость к богам считалась исключительно царской прерогативой».
26. «Наследный принц...»

27. «Что удивительно, Сененмут мог выбрать себе каменный саркофаг любой формы» (только для царских особ).

28. «Строительные работы были внезапно прекращены, хотя гробница Сененмута была практически завершена».

В Библии ничего об этом не говорится, но выдвигаемая нами гипотеза утверждает то же самое.

19. Для египтян происхождение Моисея крылось в реке Нил (Исх.), где водилось множество крокодилов. Имя женщины, которая нашла мальчика в реке, было Хатшепсут. Она была бесплодна.

20. Моисею пришлось в срочном порядке спасаться бегством из-за совершённой им роковой ошибки — убийство египтянина (Исх.). Он скрылся в земле Мадямской и за несколько дней потерял все, что имел в Египте (Исх.).

21. Моисей умирает в стране, которая сегодня носит название «Иордания» (Исх.), поэтому места, предназначенные для его захоронения, не были использованы. Вполне разумно предполагать, что его гробницы будут осквернены, так как он совершает побег или предательство семьи фараона.

Такое отношение вполне можно было ожидать после того, как Моисей предал семью фараона (Исх.). Всякое упоминание об израильтяnine было уничтожено египтянами.

22. Он не был простым частным лицом, так как являлся наследником престола (Исх.).

23. Принцесса, которая впоследствии стала царицей, приходилась Моисею мачехой (Исх.).

24. «Близкие отношения» сына и матери (Исх.). Существуют гипотезы, утверждающие, что они были любовниками.

25. Он был членом царской семьи (Исх.).

26. Да (Исх.).

27. Он был членом царской семьи (Исх.). Выбор места и формы погребения являлся царской привилегией.

28. Моисей совершил побег из страны (Исх.), предав семью фараона. Разрушение гробниц и других объектов, связанных с Моисеем, было вполне закономерно.

«Гробница № 71 пострадала от сильного разрушения. ...Повреждения были сделаны целенаправленно».

29. «Остается загадкой, почему в летописях не приводится описание смерти Сененмута».

30. «Что же случилось с Сенен- мут? Загадка его неожиданного исчезновения в течение многих десятилетий не давала покоя египтологам...»

31. «После смерти Сененмута многие из его памятников подверглись разрушению, целью которого было полное уничтожение упоминаний о нем в истории Египта — равно как и его изображений и имени».

32. «Все описания Сененмута основываются на четырех сохранившихся изображениях его лица», «нос с высокой переносицей», «орлиный нос».

29. Египетские историки по понятным причинам не хотели выяснять, что произошло с Моисеем (Исх.).

30. Ответ на эту загадку нужно искать в библейской Книге Исхода, которая посвящена описанию жизни Моисея (Исх.).

31. В египетской истории упоминание о Моисее отсутствует.

32. Моисей был приемным ребенком, будучи по происхождению евреем (Исх.). В большинстве своем израильтяне имеют «орлиную» форму носа, что не характерно для египтян.

Таким образом, приходит к выводу Мёллер, все свидетельствует о том, что принц Сененмут и Моисей — это одно и то же лицо. Согласно Тильдеслеу, в 18 лет Моисей был объявлен наследником престола, а его мать Нефрура — регентшей, что вновь перекликается с еврейскими источниками. В это время, по Мёллеру, Нефрура принимает имя Хатшепсут и делает приемного сына своим мужем. Такие отношения были весьма приняты в Египте того времени и укрепляли право Моисея на престол как «мужа дочери фараона». Сам Сененмут в соответствии со своим новым статусом получает имя Тутмоса II.

После побега Сененмута-Моисея Хатшепсут сохраняет титул соправительницы Египта, а место исчезнувшего принца- соправителя занимает Тутмос III, которого сменяет на троне Тутмос IV, также женившийся на Хатшепсут и принявший царский титул Аменхотеп III. Последний назначает своим наследником и соправителем своего старшего сына, десятилетнего Тутанхамона.

Но, как известно, Тутанхамон внезапно умирает в возрасте восемнадцати лет, а вскоре после этого умирает и его отец Аменхотеп III, и это нарушает порядок наследования трона. Эти и последующие события Мёллер напрямую связывает с событиями Исхода: внезапная смерть Тутанхамона была, по его мнению, следствием казни первенцев; Аменхотеп вместе со своей армией погиб при чуде рассечения Черного моря, что повергает и правящий дом Египта, и всех египтян в смятение. На основании всего этого, сверив еврейскую и египетскую хронологии, Мёллер приходит к выводу, что Сененмут-Моисей родился в 1526 году до н. э., бежал из Египта в 1486 году, а исход евреев из этой страны произошел в 1446 году. Умер Моисей, соответственно, в 1406 году до н. э.

Все это звучит весьма любопытно, если бы не явные хронологические неувязки теории Мёллера. Согласно принятой в науке датировке, Хатшепсут правила в 1505—1484 годах до н. э., то есть могла быть — в рамках гипотезы Мёллера — приемной матерью Моисея, но не свидетельницей его побега. Тутан- хамон же вообще наследовал Эхнатону и взойшел на трон в 1352 году до н. э.¹

В результате подобных нестыковок вся красивая теория Мёллера явно «расползается по швам». И тем не менее, учитывая всю проблематичность египетской хронологии и мно- жество белых пятен в истории Древнего Египта, ее тоже не стоит сбрасывать со счетов.

На страницах этой книги мы будем еще не раз возвращаться к поднятым в этой главе вопросам, а пока давайте проследим за первыми шагами Моисея в качестве духовного и политического лидера нации.

Глава шестая. ЕГИПЕТ ВО ТЬМЕ.

Для начала мы вновь обратимся к версии событий в том виде, в каком ее излагают Пятикнижие, мидраши и крупнейшие еврейские комментаторы Библии. В назначенный день Моисей, Аарон и старейшины евреев отправились на прием к фараону. Однако чем ближе подходила эта процессия к дворцу повелителя Египта, тем яснее становилось старейшинам, в какое опасное предприятие они ввязались, поддавшись соблазнительным речам Аарона.

С какой стати фараон вообще должен был их выслушать? Даже если он выслушает их просьбу отпустить еврейский народ, понятно, что он и не подумает к ней прислушаться! Вероятнее всего, он придет в ярость и велит казнить всех пришедших к нему евреев, а заодно обрушит новые тяготы на головы народа...

Томимые этими мыслями почтенные старцы один за другим стали по дороге отставать от Моисея и Аарона, и когда те подошли к воротам дворца и оглянулись назад, то увидели, что за ними никого нет. Разумеется, стражники и не подумали пропустить во дворец двух высоких бородатых евреев, а когда те стали настаивать, на них спустили с цепей молодых львов и пантер. Однако Моисей одним движением руки усмирил животных, затем сделал такое же движение в сторону стражников, и они почувствовали, как их тела словно окаменели, а ноги приросли к полу, и то же самое в этот момент произошло со всей дворцовой стражей.

Другой мидраш утверждает, что на самом деле со стражниками ничего не произошло — просто Моисей и Аарон в какой-то момент стали для них невидимыми и спокойно прошли мимо дворцовой охраны в тронный зал.

Ряд исследователей усматривают в этих мидрашах свидетельство того, что Моисей при всем своем косноязычии мастерски владел хорошо знакомым египетским жрецам искусством гипноза, в том числе и массового гипноза. При этом они напоминают, что в свое время точно таким же образом мимо бдительной охраны Сталина удалось пройти другому великому еврейскому кудеснику — Вольфу Мессингу.

Но есть и еще один мидраш, который объясняет, что для того чтобы пройти мимо дворцовой стражи, Моисею и Аарону не понадобилось никаких чудес — это был день рождения фараона, и он весь день принимал посланцев из окрестных стран, прибывших с дорогими подарками'.

Разумеется, Моисей и не помышлял о том, чтобы заявить фараону, что он просит освободить евреев от рабства и отпустить их из страны — было бы нелепо рассчитывать на то, что фараон с легкостью откажется от сотен тысяч дешевых рабочих рук. Но так же как в свое время фараон считал себя вправе обмануть евреев, так и Моисей считал, что он имеет право не говорить фараону всей правды. Поэтому Моисей обратился к фараону с просьбой отпустить евреев из Египта только на три дня — для того, чтобы они могли совершить жертвоприношения своему Богу в соответствии с обычаями своих предков. Необходимость ухода на это время в пустыню Моисей объяснил фараону тем, что евреи приносят в жертву Всевышнему тех животных, которых египтяне считают священными, и потому им бы не хотелось оскорблять их религиозные чувства.

Вот как передает этот разговор Моисея и Аарона с фараоном Пятикнижие:

«А затем пришли Моше с Аароном и сказали фараону: "Так сказал Господь Всесильный Израиля: отпусти народ Мой, чтобы они совершили мне празднество в пустыне!" И сказал фараон: "Кто такой Бог, чтобы я послушался его и отпустил Израиль?! Не знаю я Бога, и Израиль не отпущу!" И сказали они: "Всесильный Бог евреев открылся нам. С твоего позволения пойдем мы на три дня в пустыню и принесем жертвы Богу Всесильному нашему, чтобы не поразил он нас мором или мечом". И сказал им царь Египта: "Зачем вы, Моше и Аарон, отвлекаете народ от работы его? Идите к трудам своим!" И сказал фараон: "Вот многочислен народ этот, живущий в моей стране, а вы не даете ему работать!"...» (Исх. 5:1—6).

Итак, Моисей и Аарон заявляют, что они являются прямыми посланниками Бога, которого они называют *I-H-V-H* — Господь — и от имени которого передают фараону повеление отпустить евреев в пустыню. Однако фараон, возможно, и в самом деле до этого никогда не слышал об этом Боге, а возможно и слышал, однако заявление Моисея и Аарона, что этот Бог является единственным Творцом Вселенной и человеческой истории, и вдобавок особенно благоволит евреям, показалось ему смехотворным. И фараона можно было понять: если столь всемогущий Бог и в самом деле намерен сделать евреев своим избранным народом, то как объяснить, что они влачат столь жалкое и униженное существование?!

К тому же фараон считал, что египтяне владеют всей мудростью мира, и раз в их священных книгах нет упоминания о Боге с таким именем, то его вообще не существует. Да и в любом случае этот еврейский Бог не мог быть сильнее богов Египта, воплощением одного из которых, между прочим, был в определенном смысле слова он сам, фараон. И уж совсем смешно, с его точки зрения, выглядит требование освободить евреев на три дня от работы только потому, что так захотелось этому Богу!

Словом, реакция фараона на слова Моисея и Аарона оказывается вполне предсказуемой. Тогда они пытаются говорить с фараоном на его языке, изображая Всевышнего как сугубо национальное божество евреев, которое может наказать египтян «мором и мечом», если они не поспешат исполнить его волю. Такой подход фараону уже куда более понятен, но этот вовсе не означает, что он собирается потакать своим рабам.

Раввин Ш. Р. Гирш в своих комментариях утверждает, что в какой-то момент фараон отсылает жрецов и всю свою свиту, чтобы переговорить с Моисеем и Аароном с глазу на глаз.

— Господа, — говорит он им, — давайте будем честны друг с другом. Мы с вами умные люди и знаем, что все эти разговоры о богах и их воле предназначены исключительно для черни. И потому я вижу вас насквозь и понимаю, что вами движет исключительно жажда власти. И ради этого вы стали вкладывать в головы евреев какие-то сомнительные идеи, что отнюдь не делает вам чести. Возвращайтесь домой, живите так же, как жили прежде, и попросту забудем этот разговор.

Когда же Моисей и Аарон отказываются и продолжают настаивать на том, они действуют по поручению Господа, фараон приходит в ярость, однако отнюдь не спешит казнить этих двоих или бросить их в темницу. Нет, он избирает принципиально иной путь:

«И велел фараон в тот день угнетателям народа и надсмотрщикам, сказав: "Не давайте больше соломы народу для изготовления кирпичей, как вчера и третьего дня! Сами пусть идут и собирают себе солому! Но число кирпичей, какое они делали вчера и третьего дня, наложите на них — не уменьшайте его — ибо ленивы они, потому и кричат: пойдем, принесем жертвы Всесильному нашему. И пусть тяжестью ляжет работа на этих людей, пусть занимаются ею, а не прислушиваются к пустым словам!"

И вышли угнетатели народа и надсмотрщики и сказали народу: "Так сказал фараон: не даю я вам больше соломы. Сами идите, берите себе солому, где найдете. Ибо ни в чем не уменьшена ваша работа". И рассеялся народ по всей стране Египетской собирать солому и сено. А угнетатели погоняют, говоря: "Кончайте работу свою изо дня в день так же, как и тогда, когда была солома!"

И избивали надсмотрщиков над сынами Израиля угнетатели, которых поставил над ними фараон, говоря: "Почему вы не сделали, как прежде, положенного числа кирпичей — ни вчера, ни сегодня?!" И пришли надсмотрщики над сынами Израиля, и возопили к фараону, говоря: "Почему ты так поступаешь с рабами твоими? Солому не дают рабам твоим, а кирпичи — говорят нам, — делайте! И вот рабов твоих бьют, и народ твой оказывается виноват!"

И сказал фараон: "Лентяи вы, лентяи! Потому-то вы и говорите: пойдем принесем жертвы Богу! А теперь идите и работайте, и солома вам дана не будет, а число кирпичей давайте!" И увидели надсмотрщики над сынами Израиля, что попали в беду и должны говорить своим братьям: "Не уменьшайте числа кирпичей, положенного на каждый день". И встретили Моше и Аарона те, кто стояли напротив них, когда они вышли от фараона, и сказали им: "Взглянет Бог на вас и осудит — за то, что вы сделали нас омерзительными в глазах фараона и в глазах его слуг; за то, что меч вы вложили в их руки, чтобы убить нас"...» (Исх. 5:7-21).

Картина из этого рассказа вырисовывается предельно четкая.

Очевидно, евреи делали в Египте сырцовые кирпичи, в которых глина для прочности смешивалась с соломой, которая раньше им откуда-то доставлялась. Изуверская идея фараона заключалась в том, чтобы для отвлечения рабов от «лишних» мыслей заставить их собирать еще и солому для кирпичей, сохранив при этом прежнюю норму выработки. При этом, вероятно, фараон прекрасно отдавал себе отчет, что речь идет о непосильной, даже для физически крепких людей, задаче. Евреи попробовали облегчить свою участь путем разделения труда: часть их отправлялась собирать на полях страны сено и солому, а часть делала кирпичи, однако египтяне запретили им и это. Причем за нарушение нормы выработки египетские надзиратели наказывали не каждого провинившегося, а еврейских надсмотрщиков, призванных следить за ходом выполнения работы их соплеменниками. О том, что подобная ситуация была вполне реальной, свидетельствуют сохранившиеся египетские папирусы, содержащие записи о наказании рабов, не сумевших изготовить к сроку заданное им количество кирпичей.

И вот тогда еврейские надсмотрщики направляются на аудиенцию к фараону и, начиная жаловаться на свою судьбу, всячески напирая на свои верноподданнические чувства, называя себя его рабами и «его народом». В ответ фараон заявляет им, что если бы он не убедился, что у евреев есть свободное время для того, чтобы думать о каком-то служении своему Богу, словом, если бы Моисей и Аарон не баламутили бы евреев, не было бы и этих новых тягот.

Таким образом, фараон проявляет себя в этом эпизоде поистине как многоопытный и хитроумный политик. Если бы он казнил или арестовал Моисея и Аарона, то это его решение превратило бы их в национальных героев, святых мучеников и могло бы вызвать возмущение их соплеменников. Да, конечно, их восстание было бы потоплено в крови, но зачем доводить до такого?! Делая работу евреев совершенно непосильной, обвязывая, если верить мидрашу, выйти на работы и членов колена Леви, до того считавшихся свободными; приказывая замуровывать в стену вместо недостающих кирпичей еврейских младенцев, фараон ясно дает понять, что виновниками всех этих бедствий являются те, кто претендует на роль новых вождей нации. И обращая гнев народа на Моисея и Аарона, фараон добивается нужного эффекта: он провоцирует ненависть к ним, подрывает их авторитет и веру народа в то, что на этих людей и в самом деле возложена некая миссия Свыше.

И вот уже те самые еврейские надсмотрщики, то есть уважаемые и пользующиеся авторитетом у народа люди, бросают в лицо Моисею и Аарону самое тяжкое из всех обвинений: оказывается, это не фараон, а они являются причиной всех бедствий еврейского народа. До их появления все еще было более-менее терпимо, а сейчас они дали фараону повод усилить тяготы и сделали положение евреев поистине ужасающим. И не им теперь говорить от имени Бога — напротив, на Моисея и Аарона с точки зрения этой логики должна обрушиться Божья кара за то зло, которое они причинили людям.

Как же ведет себя в этой ситуации Моисей?

Мидраш рассказывает, что он... в этот момент уезжает обратно в Мадиям и остается там в течение трех месяцев — с ияра по ав 2487 года по еврейскому летосчислению, то есть примерно с мая по июль 1314 года до н. э. При этом он обращается с упреками к Богу, в которых явно чувствуется неуверенность в своей пригодности к столь великой миссии и — одновременно — та боль за судьбу своего народа, без которой трудно представить себе лидера нации, взявшего на себя эту роль в один из самых тяжелых периодов ее истории:

«Господь! Зачем сделал Ты зло этому народу; зачем ты меня послал?! Ведь с тех пор, как я пришел к фараону, чтобы говорить от имени Твоего, стало только хуже народу этому, а избавить — не избавил Ты народа Твоего» (Исх. 5:22—23).

Однако, утверждают комментаторы, целью всех этих событий было стремление Всевышнего убедить евреев, что освобождение из рабства не может прийти к ним естественным путем, и им не остается ничего другого, как целиком положиться на Бога, который вскоре впервые проявит себя не как Элоким, а именно как *И-Х-В-Й* — то есть как Высшая сила, не просто управляющая законами природы и истории, но и корректирующая при необходимости ход этой истории так, как считает нужным.

В летнем месяце ав, падающем обычно на июль — начало августа, Моисей возвращается в Египет и снова появляется при дворе фараона.

вычайно важны для поиска объяснений того, какие именно естественные или сверхъестественные причины лежали в их основе.

Когда фараон при новой встрече с Моисеем потребовал доказательств его Божественной миссии, Моисей передал свой посох Аарону, тот бросил его на землю и посох мгновенно обратился в крокодила (во всяком случае, в оригинальном тексте Пятикнижия стоит именно слово «танин» — крокодил, а не «нахаш» — змея, хотя некоторые комментаторы убеждены, что под «танином» в данном случае следует все же понимать именно змею). Однако это знамение Моисея вызвало у фараона и стоявших вокруг него жрецов только усмешку. Несколько жрецов тут же бросили свои посохи на землю, и они так же мгновенно обратились в крокодилов (или в змей). Правда, крокодил (или змея), возникший из посоха Моисея, пожрал тех своих сородичей, которые возникли из посохов египетских жрецов, но на последних это не произвело никакого впечатления. Трюк с превращением посоха в змею, говорят еврейские источники, был им слишком хорошо известен, и потому они отказались увидеть знамение в том, что посох Моисея пожрал их посохи.

Ряд таких рационалистически настроенных комментаторов Писания, как Рамбам, Ибн Эзра и Абарбанель, убеждены, что египетские жрецы пользовались гипнозом, то есть внушали всем присутствующим в зале иллюзию, что посохи приобрели форму змеи и извиваются, как змеи. В то же время превращение посоха Моисея в змею было, по их мнению, истинным чудом.

После этой, последней попытки Моисея убедить фараона добровольно отпустить евреев и приходит черед десяти казней.

Зная, что фараон ежедневно спускается к Нилу, чтобы проверить, насколько поднялся уровень воды в этой судьбоносной для египтян реке, Моисей с Аароном также приходят на ее берег и, еще раз предупредив фараона о возможных последствиях его упрямства, наводят на Египет первую казнь — превращают воду во всех водоемах страны в кровь:

«И сказал Бог, обращаясь к Моше: "Упорно сердце фараона, отказывается он отпустить народ. Иди к фараону утром, когда он выходит к воде: встань против него на берегу Нила. А посох, который превращался в крокодила, возьми в руку свою. И скажи ему: Бог, Всесильный Бог евреев, послал меня к тебе сказать: отпусти народ Мой, чтобы Мне он служил в пустыне, и вот ты не послушался доселе. Так сказал Бог: так узнаешь ты, что Я — Бог: вот Я ударяю посохом, который в руке моей, по воде, что в Ниле, и она превратится в кровь. А рыба в реке умрет. И смрадным станет Нил, и египтяне откажутся пить воду из Нила".

И сказал Бог, обращаясь к Моше: "Скажи Аарону: возьми посох свой и наведи руку свою на воды египтян: на реки их, на протоки их и на озера их, и на всякое стечение вод их — и станет кровью вода! И будет кровь по всей стране Египетской — и в дереве, и в камне".

И сделали так Моше и Аарон, как повелел Бог: и поднял Аарон посох, и ударил по нильской воде на глазах фараона и слуг его, и превратилась вода, что в Ниле, в кровь. А рыба в Ниле подохла, и стал Нил смердеть и не могли египтяне пить воду из Нила...» (Исх. 7:14—21).

Мидраш датирует эти события 21-м числом месяца ава 2447 года от Сотворения мира, то есть июлем—августом 1314 года до н. э. На протяжении первых трех четвертей месяца, говорится в нем, Моисей предупреждал фараона о грядущей казни, а сама казнь длилась всего неделю.

Комментаторы указывают, что слова о том, что вся вода в Египте превратилась в кровь, не следует понимать буквально — она лишь стала похожа на кровь по своему цвету и консистенции и действительно перестала быть пригодной для питья. Книга Премудрости Соломоновой утверждает, что целью этой казни было напомнить египтянам о приказе фараона бросать в реку еврейских детей. Теперь для того, чтобы добыть чистую воду для питья, египтянам приходилось рыть новые колодцы — так как в тех, которые были вырыты прежде, вода также обратилась в «кровь». Дополнительным тяжелым ударом для египтян стала гибель рыбы в Ниле, так как рыба являлась для них одним из основных продуктов питания.

Сказания, само собой, рисуют куда более грандиозную картину поражения этой казнью. Вот как пересказывает их раввин М. Вейсман:

«Однажды египтяне проснулись и увидели, что Нил сверкал необычным красным цветом. Вскоре это потрясающее известие дошло до всех. Жидкость, которой была наполнена река, видом, запахом и вкусом напоминала кровь. Вся рыба в реке подохла... Египтяне начали искать различные источники воды. Они говорили: "Под землей должна быть чистая вода. Моше смог поразить лишь ту воду, которую можно увидеть".

Египтяне копали колодцы возле реки, но даже подземная вода превратилась в кровь. Казалось, весь Египет пропитан кровью. Кровь капала с колонн дворца фараона, сочилась с деревьев и камней, стекала с идолов. Фрукты больше не давали сока, и когда египтяне выдавливали плоды, из них вытекала кровь. Даже слюна египтян, как только они ее выплевывали, превращалась в кровь.

Остался лишь один источник чистой, прозрачной воды, пригодной для питья — вода земли Гошен. У сынов Израиля воды было вдоволь. Египтяне устремились в землю Гошен, чтобы набрать там этой драгоценной влаги, но как только они пытались проглотить ее, она превращалась в кровь...»

Но эта казнь не произвела никакого впечатления на фараона — ведь взяв воду из колодца в земле Гошен, египетские жрецы с легкостью превратили ее в кровь, и таким образом с точки зрения фараона речь опять шла не более чем о колдовском трюке. Не исключено, что фараон считал, что Моисей научился всем этим трюкам в юности, когда в качестве приемного сына дочери фараона он изучал все известные в Египте науки, включая и магию. Мудрецы Талмуда утверждали также, что первая казнь не произвела на фараона особого впечатления еще и потому, что его лично она никак не коснулась. По их версии, сначала жрецы сумели обратить небольшое количество превратившейся в «кровь» воды обратно в чистую воду, а затем домоправитель фараона закупил огромное количество чистой воды у живущих в Гесеме евреев и таким образом жизнь во дворце продолжалась как ни в чем не бывало.

И вновь Моисей является к фараону и от имени Бога предупреждает того, что если он не отпустит евреев, то на Египет обрушится второе бедствие — казнь жабами.

«И сказал Бог, обращаясь к Моше: "Скажи Аарону: наведи руку свою с посохом на реки, на протоки и на озера и наведи жаб на страну Египетскую". И навел Аарон руку свою на воды Египта, и навел жаб, и покрыли они страну Египетскую...» (Исх. 8:1-2).

Если первая казнь обрушилась на Египет в конце лета 1314 года до н. э., то вторая казнь настигает египтян в начале осени, то есть примерно в сентябре этого же года.

Согласно мидрашу, после того как Аарон простер посох Моисея над Нилом, из этой реки вышла огромная жаба и начала прыжками продвигаться к дворцу фараона. Когда же египтяне попытались убить эту «царевну-лягушку», из ее пасти выпрыгнули мириады жаб, которые мгновенно распространились по всему Египту, за исключением все той же населенной евреями провинции Гесем.

Само появление лягушек не было чем-то новым для египтян, отмечают комментаторы, однако никогда прежде они не появлялись в Египте в таком количестве и не распространялись по всей стране. Чудом было то, что жабы проникали в дома с наглухо закрытыми в них дверьми и окнами, забирались в кровати, на столы, табуретки, в горшки с пищей. Еще одним чудом, связанным с этой казнью, было то, что жабы распространились по всей стране, но ни одна жаба не перешла государственные границы Египта...

Фараон немедленно обратился к своим жрецам с вопросом о том, могут ли они повторить чудо сотворения такого множества лягушек. Жрецы ответили, что это не представляет для них никакого труда. Но вот когда фараон потребовал, чтобы они устранили это бедствие из страны, те только развели руками — этого они сделать не могли.

И вот тогда в сознании фараона происходит первый поворот: он вынужден признать могущество Бога, от имени которого говорят Моисей и Аарон, и просить Его отменить наказание:

«И призвал Бог Моше и Аарона и сказал: "Помолитесь Богу, пусть удалит он жаб от меня и народа моего, и я отпущу ваш народ и принесут они жертвы Богу"..."» (Исх., 8:4).

В этот момент мы впервые видим Моисея иным. Теперь это уже уверенный в себе и в своей миссии, даже преисполненный величия лидер. Один из главных уроков, которые он извлек из прошлого, заключался в том, что подлинный лидер не подчиняется диктуемым ему правилам игры, а навязывает свои правила другому.

Моисею важно убедить фараона во всемогуществе Всевышнего, и потому он предлагает царю Египта самому назвать день и время, когда должны исчезнуть заповедованные Египет земноводные. И в назначенный фараоном час все жабы в Египте... нет, не исчезают, а подымают, и египтяне начинают собирать их в огромные груды на улицах, где они гниют, отчего во всех городах и деревнях страны стоит невыносимая вонь.

Однако, как только жабы вымерли, фараон решил, что он поспешил с данным Моисею обещанием и что если он капитулирует перед вождем евреев, это будет выглядеть крайне унижительно и нанесет огромный удар по авторитету монарха. И потому он предпочитает делать вид, что вообще ничего не обещал Моисею.

Тогда наступает черед третьей египетской казни — наказания «киним», которая, очевидно, приходится на конец лета 1314 года до н. э. Обычно во всех переводах Библии слово «киним» переводится как «вши», и именно вшей оно обозначает в современном иврите. Однако комментаторы расходятся во мнении, о каких именно существах в данном случае идет речь — это могли быть и блохи, и клещи. Ясно одно: в тот момент, когда Аарон ударил посохом Моисея по «праху земли», Египет заполнили какие-то мелкие насекомые, которые впивались в тела людей и животных, покрыли как инеем поля, заводились в зерне.

И на этот раз египетские жрецы признают свое бессилие, а вместе с ним и то, что Моисей говорит от имени Высшей Силы, куда более могущественной, чем египетские боги.

— Мы не можем создать насекомых, так как нашей магии неподвластны предметы меньше ячменного зерна, — объяснили они фараону. — Это поистине перст Божий...

И все же фараон продолжает стоять на своем — ему крайне неприятно признать, что во время первого разговора с Моисеем он был явно неправ. Тогда пробивает час четвертой казни: по слову Бога, переданному Моисею, Египет наполняет бесчисленное множество львов, леопардов, волков, лисиц и других диких зверей. Хищники стали резать скот, нападать на детей и взрослых, и это парализовало жизнь в стране. Люди боялись выходить на улицы; домашние животные одичали и тоже стали вести себя как дикие — волы и ослы начали бросаться на своих хозяев. Но снова словно невидимая преграда отделила землю Гесем от всего остального Египта, и ни один дикий зверь у домов евреев не появился.

В этот раз фараон выражает согласие отпустить евреев на три дня, чтобы они принесли жертвы своему Богу, но оговаривает, чтобы они сделали это на территории Египта.

Однако Моисей вновь настаивает на том, что евреи не могут приносить священных для египтян животных на их глазах, и требует, чтобы фараон разрешил евреям уйти в пустыню. И фараон вроде бы соглашается с этим доводом.

— Ладно, — говорит он, — я отпущу вас. Идите, принесите жертвы своему Богу и помолитесь за меня, только далеко не уходите...

— Хорошо, — отвечает Моисей, — сейчас я уйду, помолюсь — и завтра дикие звери исчезнут из Египта так, словно их никогда не было. Но я надеюсь, что после этого Ваше Величество прекратит издеваться над нами и выполнит свое обещание.

Однако, теперь уже явно вопреки здравому смыслу, после исчезновения зверей фараон продолжает упорствовать и на Египет обрушивается пятое наказание — мор скота:

«И сказал Бог, обращаясь к Моше: "Войди к фараону и скажи ему: так сказал Бог Всесильный евреям: отпусти народ Мой, чтобы они служили мне. Ибо если ты откажешься отпустить их и будешь еще их держать, то вот — рука Бога будет на скоте твоём, который на пастбище: на лошадях, на ослах, на верблюдах, на коровах и на овцах — мор весьма тяжкий. И различие сделает Бог между скотом израильтян и скотом египтян, и не умрет ни одно животное из скота сынов

Израиля". И назначил Бог срок, сказав: "Завтра совершит это Бог в стране этой". И совершил это Бог на следующий день, и вымер весь скот египтян, а из скота сынов Израиля не погибло ничего..." (Исх. 9:1-6).

Итак, Моисей от имени Бога вновь предоставляет фараону возможность предотвратить следующую казнь и отпустить евреев с миром из страны, но тот и не думает этого делать. Вслед за этим моровая язва внезапно обрушивается на весь скот, который не оказался в хлеву или в стойле. Падеж лошадей наносит колоссальный урон египетской армии, ослов — транспортировке грузов по внутренним дорогам, верблюдов — по международной торговле, овец, быков и коров — по сельскохозяйственным работам, производству одежды, молочных продуктов и т. д.

Фараон посылает специальных курьеров в землю Гесем, и те докладывают ему, что там скот и в самом деле не пострадал от мора. Однако он все еще не готов признать свое поражение.

И тогда на Египет обрушилась шестая, поистине ужасная казнь:

«И сказал Бог, обращаясь к Моше и Аарону: "Наберите полные пригоршни печной золы, и пусть Моше бросит ее к небу на глазах у фараона, и будет от нее на коже людей и животных воспаление, образующее нарывы, во всей стране Египетской"..."» (Исх. 9:8-9).

Мидраш снова полон ужасающих, натуралистических подробностей этого бедствия: «Волдыри, покрывавшие тела египтян, внутри были наполнены жидкостью, а снаружи сухи. Невозможно было избавиться от боли. Любое смазывание, которое смягчало внешний сухой слой, причиняло вред внутреннему слою, а любое лечение, которое задерживало сочившуюся жидкость, вызывало раздражение сухой части.

Маги фараона так страдали от нарывов, что не могли стоять на ногах, когда во дворец пришли Моше и Аарон...

...Ни одна из предшествующих казней не произвела на египтян такого страшного впечатления, как эта. Язвы показались им невыносимыми, и они завопили: "Это ужасная казнь!"..."¹

Седьмой казнью, обрушившейся на Египет накануне весны 1313 года до н. э., стал град. Появившись перед фараоном, Моисей предупредил его, что град будет поистине ужасен, и те люди и скот, кто не успеет спрятаться от него в домах или хлеву, погибнут. Многие египтяне, уже усвоившие, что угрозы Моисея обычно сбываются, поспешили увести скот с полей и велели своим работникам возвращаться домой. Однако были и такие, кто решил не придавать словам еврейского пророка особого значения — и, разумеется, жестоко поплатился за это.

«И был град и огонь, занимающийся внутри града, сильный настолько, что не было такого во всей стране египетской с тех пор, как досталась она народу. И побил град по всей стране египетской все, что не было под крышей: и людей, и животных, и всякую траву полевую побил град, и всякое дерево полевое сломал. Только в стране Гошен, где пребывали сыны Израиля, не было града...

И лен, и ячмень были побиты, потому что ячмень уже колосился, а лен был в стеблях. А пшеница и полба не были побиты, потому что они созревают позже..."» (Исх. 9:24—32).

Необычность этого града заключалась не только в том, что градины были чрезвычайно крупными — некоторые величиной с яйцо, а некоторые — с увесистый булыжник. Самое удивительное было, что сами градины были изо льда, а внутри них бушевал огонь. Падая на землю, градины разбивались, и огонь охватывал посеvy. Если же градины попадали на человека или на животное, то убивали их наповал.

На сей раз фараон вроде бы согласен на все условия Моисея; он даже готов навсегда отпустить евреев из Египта: «И послал фараон, и призвал Моше и Аарона, и сказал им: "Согрешил я на этот раз. Прав Бог, а я и народ мой — грешны. Помолитесь Богу и довольно быть громам Всесильного и граду, и я отпущу вас — не останетесь более здесь"..."» (Исх. 9:27—28).

Но как только по слову Моисея град прекращается, фараон вновь отрекается от своих слов — отрекается, уже сознавая, что был не прав, когда слишком высокомерно говорил о Боге — Творце мира, но упорно не желая признавать этого вслух.

Восьмая казнь опять выглядит как обыкновенное природное бедствие — нашествие на страну гигантских полчищ саранчи. Все повторяется: Моисей снова является к фараону и предупреждает его, что саранча покроет всю поверхность земли и пожрет всю растительность, которая уцелела от града. В том числе — и начавший созревать урожай основных зерновых культур — пшеницы и полбы. И на этот раз приближенные фараона уговаривают своего повелителя смириться и избавиться от евреев, которые вместе с их Богом принесли стране столько бедствий. Фараон внимает этим советам, вызывает к себе Моисея и милостиво сообщает ему, что готов отпустить в пустыню всех взрослых мужчин, но при этом женщины и дети останутся в Египте в качестве заложников. И когда Моисей отказывается принять это предложение, фараон приходит в ярость и начинает угрожать расправой не только Моисею и Аарону, но и всему еврейскому народу, явно задумавшему окончательно разорвать цепи рабства:

«И сказал им (фараон. — П. Л.): "Да будет так с вами Бог, как я отпущу вас и детей ваших. Смотрите: беда перед вами!"» (Исх. 10:10).

Но беда оказывается перед Египтом.

Восточный ветер приносит стаи саранчи, которая «пожрала всю траву земли и всякий плод дерева, который оставил град». Теперь над Египтом явственно замаячил призрак голода.

Когда же и после этого фараон отказался отпустить евреев, на Египет обрушивается девятая, предпоследняя казнь — казнь осязаемой тьмой.

Любопытно, что Моисей в Библии не предупреждает фараона об этой казни: тьма опускается на Египет внезапно и покрывает в мгновение всю страну, опять за исключением провинции Гесем. Но речь идет отнюдь не об обычной темноте. «Никакая сила огня не могла дать египтянам свет, никакое сияние звезд не было достаточным, чтобы осветить темноту этой ночи», — говорится в Книге Премудрости Соломоновой. Пытаясь постичь природу этой тьмы, Сфорно в своих комментариях разъясняет: «Обычная тьма, то есть отсутствие света, была удалена. Наступившая тьма была совершенно иного рода: не временное отсутствие света, а полная неспособность принять его»¹.

Библия сообщает, что тьма была настолько кромешной, что люди «не видели друг друга, и не вставал со своего места никто три дня». Устное предание сообщает, что, как и все остальные казни, наказание тьмой длилось семь дней. Однако в последние три дня люди не только не видели друг друга, но и были не способны двигаться даже ощупью внутри дома: стоявший не мог сесть или лечь, а сидевший не мог встать — тьма обволакивала их, словно липкая паутина.

Как только тьма развеялась, фараон сам вызвал к себе Моисея и сообщил ему, что разрешает евреям покинуть на три дня Египет, причем, как и настаивал Моисей, всем евреям — не только мужчинам, но и женщинам и детям. Он ставит при этом только одно условие: принадлежащий им скот останется в Египте.

Но теперь эти слова вызывают у Моисея только усмешку. Но ведь без скота мы не сможем приносить жертвы, — говорит он фараону. — Ведь только на месте Бог пообещал нам раскрыть, как мы должны служить Ему, какие животные и в каком количестве понадобятся для жертвоприношения. И потому мы возьмем весь свой скот до последнего копыта. И не только свой — ты сам дашь нам животных для того, чтобы мы принесли за тебя жертву. А вернемся ли мы назад? Не знаю, не знаю...

И реакция владыки Египта на эти слова оказывается вполне предсказуемой. Ибо даже раздавленный обрушившимися на его страну бедами, он все равно остается фараоном; он не готов плясать под чью бы то ни было дудку, а тем более — под дудку этого еврея.

«И сказал ему фараон: "Иди прочь от меня! Берегись, чтобы ты больше не увидел лица моего, ибо в день, когда увидишь лицо мое — умрешь!"» (Исх. 10:28—29).

— Что ж, — ответил на это Моисей. — На этот раз ты сказал правду: я не увижу больше лица твоего. Но, прежде чем я уйду, я должен сказать: если ты не изменишь своего решения, Бог найдет на Египет еще одну казнь, и умрет всякий первенец в стране Египетской — от первенца фараона до первенца

рабыни, и все первенцы скотавившиеся на страну казни разрушили ее экономику, да что там экономику — все течение жизни в этой стране!

Отсутствие же таких египетских источников, продолжают эти историки, однозначно доказывает, что если исход евреев из Египта и в самом деле имел место, то в глазах египтян это было столь малозначительное событие, что они решили даже не вносить его в хроники. Ну а десять казней — это вообще не более чем плод народной еврейской фантазии.

«Ни одна группа легенд не имеет никакого исторического источника в своем основании. Казни — это более поздняя замена древних чудес. Однако чудеса никогда не происходили... И поскольку ни казни, ни чудеса не имеют исторического характера, не может быть сделано вывода и о времени Исхода», — писал Х. Грессман в своей известной книге «Моисей и его время»¹.

Вторая концепция заключается в том, что в основу библейского рассказа положены некие вполне реальные события или явления, которые с течением времени гиперболизировались в народном сознании в десять казней.

Вот как излагает версию адептов этой концепции уже упоминавшийся нами З. Косидовский.

«Уже давно известно, что так называемые казни египетские (за исключением десятой) были довольно обычным явлением в стране фараонов. В период половодья Нил часто окрашивается в коричнево-красный цвет в результате наносов из эфиопских озер. Кроме того, каждые несколько лет во время разливов комары и другие вредные насекомые размножались до такой степени, что египетские крестьяне рассматривали их как истинное бедствие. Что касается града, то, по правде говоря, над Нилом он выпадал чрезвычайно редко, но иногда выпадал, и тогда убытки, причиненные им, бывали весьма ощутимы. Зато гораздо чаще в Египте случалась другая беда — нашествие саранчи. А виновником "тьмы египетской" был стремительный вихрь сирокко; он подхватывал из пустыни огромные тучи песка и нес их на Египет, заслоня солнце такой плотной завесой, что наступал полный мрак.

Согласно Библии, все эти казни вызвал Моисей с целью оказать давление на упрямого фараона. Как могла возникнуть легенда такого рода? Если бы вышеперечисленные катастрофы произошли в Египте в царствование фараона Мернептаха, и значит, в тот период, когда там действовал Моисей, ответить было бы легко. Израильтяне, люди простые и склонные к предрассудкам, могли набраться уверенности, будто Моисей, великий волшебник и представитель Яхве, наказывал таким путем преследователей. Более того, даже египтяне могли этому поверить, коль скоро они вообще верили в существование магов. Ведь, как мы знаем из документов и из Библии, некоторым их жрецам приписывались те самые сверхъестественные знания, которые демонстрировал Моисей перед тронном фараона.

В данном случае мы имели бы дело с обычной временной последовательностью, которую люди склонны возводить в причинную связь. Моисей, по мнению израильтян, был могучим чудотворцем, который своими чудесами неоднократно вызывал у сородичей восхищение и страх; следовательно, он мог и на Египет наслать десять казней, одну за другой...

...К сожалению, у нас нет ни одного доказательства, что библейские казни действительно поразили Египет в царствование фараона Мернептаха. Они могли иметь место с равным успехом за несколько лет или даже за десятки лет до возвращения Моисея в столицу Раамсес.

Неужели в связи с этим наша теория стала беспредметной? В принципе нет, потому что на подмогу ей приходит еще другое мифотворческое свойство. Оно основано на том, что в народной фантазии по мере уплыва лет временное расстояние между двумя памятными событиями постепенно сокращается, пока не наступает их полная синхронность. Израильтяне хранили в памяти народные предания о стихийных бедствиях, которые одно за другим низвергались на Египет, и с течением времени, для того чтобы подчеркнуть могущество Моисея, создали легенду, будто он был виновником этих казней. Это дало им моральное удовлетворение, ибо таким путем был унижен высокомерный фараон, а его жестокости по отношению к израильскому народу вызвали божью кару».

Но справедливости ради следует отметить, что существует еще одна, хотя и не получившая широкого признания, но весьма любопытная и достаточно убедительно обоснованная версия о том, что скрывается за рассказом о египетских казнях и всей историей исхода евреев из Египта. Речь идет о теории И. Великовского, изложенной в его книгах «Столкновение миров», «Эдип и Эхнатон» и др.

Беликовецкий принадлежал к тем исследователям, которые, будучи убежденными атеистами, тем не менее считали, что Библия повествует о вполне реальных исторических событиях и, если она говорит, что десять казней носили глобальный характер, причинив огромные бедствия Египту и египтянам, значит, вероятнее всего, так оно и было. При этом трудно допустить, что события такого масштаба и в самом деле не нашли отражения в египетских хрониках или каких-либо других документах, и значит, считал Великовский, такие документы надо искать. И в итоге он пришел к убеждению, что ему удалось найти подобный документ.

Речь идет о хорошо знакомом египтологам папирусе Ипу-вера, приобретенном Лейденским музеем в 1828 году и потому известном в научных кругах еще и как «Лейден 344» — по своему каталожному номеру. Текст папируса оказался частично поврежден, сама форма его написания (жреческой скорописью — чем-то вроде современной стенографии) и древность языка вызвали немалые трудности у специалистов, и потому первый более-менее связный перевод текста «Лейдена 344» был опубликован лишь в 1909 году А. Х. Гардинером и был назван им «Предупреждения одного египетского жреца согласно иератическому папирусу из Лейдена».

Гардинер, таким образом, истолковал текст папируса Ипу-вера как обращение его автора к фараону о том, что в наказание за его неугодную богам политику может последовать страшное наказание со стороны последних.

Это мнение прочно утвердилось в современной египтологии — папирус Ипувера рассматривается исключительно как образец обличительной и нравоучительной древнеегипетской литературы. «К сожалению, как и в берлинском папирусе, начало с повествовательным прологом не сохранилось, и перед нами только длинные речи, которые мудрец Ипувер произносит перед царем и его свитой. Вероятно, дело обстоит так же, как и в других подобных восточных произведениях: царь пожелал слушать известного мудреца и послал за ним, а может быть, последний сам явился обличать царя, как пророк Нафан к Давиду»¹, — пишут об этом памятнике Д. Брестед и Б. Тураев.

Однако, сравнивая текст папируса Ипувера с текстом Библии, Великовский пришел к заключению, что египетский жрец по имени Ипувер говорит отнюдь не о возможных грядущих бедствиях, а о тех самых казнях, которые поразили Египет.

Вот те сопоставления, которые приводит И. Великовский в качестве доказательства своей версии².

«Папирус, 2:5: "Мор по всей земле. Всюду кровь".

Исход, 7:21: "...и была кровь по всей земле Египетской".

Это была первая казнь.

Папирус, 2:10: "Река превратилась в кровь".

Исход, 7:20: "...и вся вода в реке превратилась в кровь".

Вода стала на вкус отвратительной, и люди не могли пить ее.

Папирус, 2:10: "Люди содрогались, пробуя — существа человеческие жаждали после этой воды".

Исход, 7:24: "И стали копать все Египтяне около реки, чтобы найти воду для питья, потому что не могли пить воды из реки.

Рыба в озерах и реках погибла, а черви, насекомые и рептилии быстро множились".

Исход, 7:21: "...и река воссмердела".

Папирус, 3:10—13: "Это наша вода! Это наше счастье! Что мы теперь будем делать? Все погибло!"

Гибель полей описана следующими словами:

Исход, 9:25: "...и всю траву полевую побил град, и все деревья в поле поломал".

Папирус, 4:14: "Деревья поломаны".

Папирус, 6:1: "Не нашли ни плодов, ни трав".

Это знамение сопровождалось испепеляющим пожаром. Огонь охватил всю землю.

Исход, 9:23—24: "...и огонь разливался по всей земле... и был град, и огонь меж градом; град весьма сильный..."

Папирус, 2:10: "Ворота, колонны и стены были поистине сожраны огнем. Огонь, который охватил землю, не был за-
ложен человеческой рукой, но падал с неба".

В этой лавине разрушения, согласно Исходу:

Исход, 9:31—32: "...лен и ячмень были побиты потому, что ячмень выколосился, а лен осеменился.

А пшеница и полба не были побиты, потому что они были поздние".

Именно после этой "казни" поля опустели. Подобно книге Исхода (9:31—32 и 10:15), папирус сообщает, что ни один долг не мог быть возвращен казне за пшеницу и ячмень и, как и в Исходе 7:21 ("И вся рыба в реке погибла"), не было рыбы для царских кладовых.

Папирус, 10:3—6: "Нижний Египет льет слезы... Дворец остался без всяких доходов. Ему принадлежат (по праву) пшеница и ячмень, гуси и рыба".

Поля полностью опустошились.

Исход, 10:15: "...и не осталось никакой зелени на деревьях, ни на траве полевой во всей стране Египетской..."

Папирус, 6:3: "Поистине зерно погибло повсюду".

Папирус, 5:12: "Поистине погибло то, что вчера еще видели. Земля предана усталости, словно сжатая серпом".

Утверждение, что урожай на полях погиб за один день ("что вчера еще видели") исключает засуху — обычную причину плохого урожая; только град, огонь или саранча могли оставить поля, словно сжатыми серпом. Эта казнь описана в Псалтыри 104:34—35 следующими словами: "...и пришла саранча и гусеницы без числа; и съели всю траву на земле, и съели плоды на полях их".

Папирус, 6:1: "Ни одного плода, ни одной травинки не найти... голод".

Скот находился в плачевном состоянии.

Исход, 9:3: "...рука Господня будет на скоте твоём, который в поле... будет моровая язва и весьма тяжелая".

Папирус, 5:5: "Все животные страдают в сердце своем. Скот стонет..."

От града и огня испуганный скот бежал.

Исход, 9:19: "...пошли собирать стада твои и все, что есть у тебя в поле..."

Исход, 9:21: "А кто не обратил сердца свои к слову Господню, тот оставил рабов своих и стада свои в поле".

Папирус, 9:2—3: "Смотри, скот оставлен блуждать, и некому погнать его в стадо. Каждый хватает себе тех, на которых клеймо его имени".

Девятая казнь, согласно книге Исхода, покрыла Египет глубокой тьмой.

Исход, 10:22: "...и была густая тьма во всей земле Египетской..."

Папирус, 9:11: "На земле не было светло..."».

Параллели, как видим, достаточно очевидны, и с этой точки зрения версия Великовского выглядит вполне убедительной. Однако при этом он наталкивается на одну значительную трудность: абсолютно все египтологи относят папирус Ипувера куда к более ранней эпохе, чем время Мернептаха или Эхнатона.

Но Великовский с этим и не спорил. Напротив, он был глубоко убежден, что в египетской хронологии имеется большая путаница, но даже вне зависимости от нее события Исхода евреев из египетского рабства, по его версии, происходили за несколько столетий до Эхнатона и тем более Мернептаха — именно во времена Ипувера, имя которого при ближайшем рассмотрении оказывается необычайно созвучно имени тестя Моисея Иофора, который, напомним, тоже был жрецом. Такой хронологический сдвиг исхода на столетия назад позволил И. Великовскому выстроить свое чрезвычайно оригинальное объяснение и других событий, описываемых Библией, и нам еще придется возвращаться к его точке зрения.

Пока же отметим, что причиной десяти казней, обрушившихся на Египет, согласно Великовскому, стала некая космическая катастрофа, вероятнее всего, столкновение Земли с кометой, последствия которого ощущались не только на территории Египта, но и во всех частях света.

Великовский доказывает это, цитируя древние предания различных народов, а также китайские и другие хроники, описывающие явления, удивительно напоминающие все те же десять казней. Все они, по его мнению, были вызваны той самой кометой, о которой говорится в написанной в 1668 году «Кометографии» Я. Гевелия: «В году от основания мира 2453 (1493 до н. э.), согласно некоторым авторитетным мнениям, комету видели в Сирии, Вавилонии, Индии под знаком Ио в форме диска, в то самое время, когда израильтяне отправились в землю Обетованную. Так считает Рокенбах. Исход израильтян Кальвизий относит к 2453 году от основания мира, или к 1495 году до н. э.»¹.

Указанные Великовским даты удивительным образом перекликаются с хронологией библейских событий, которой придерживается ряд православных богословов. Так, в своей «Библейской Энциклопедии»² архимандрит Никифор в качестве даты рождения Моисея называет 1574 или 1576 год до н. э. Это значит, что исход евреев из Египта, по этой хронологии, пришелся на 1494 или 1496 год до н. э. — расхождение в датах с Великовским минимальное; можно даже сказать, что его вообще нет, а расхождение с хронологией Мёллера составляет ровно 50 лет.

По версии Великовского, комета совершала свой путь от перигелия и газообразным хвостом сначала коснулась Земли. Первым следствием этого стало появление в атмосфере тонкого слоя ржавой пыли, видимо, содержащей соединения железа. Попав в воду, эта пыль окрасила ее в красный цвет, похожий на кровь. Одновременно это сделало воду в водоемах непригодной для питья и привело к гибели рыбы. А разложение в реке рыбы и повышение температуры воздуха могли создать оптимальные условия для размножения мух и прочих насекомых, да и для различных земноводных, в первую очередь, разумеется, жаб.

Не исключено, что эта же пыль, носясь в воздухе, вызывала раздражение на коже, а затем и нарывы, язвы и т. д., что могло привести к массовому падежу домашнего скота.

Когда же Земля еще глубже вошла в хвост кометы, на нее неминуемо должен был обрушиться метеоритный град. Кстати, впервые о том, что огненный град, поразивший Египет, был не чем иным, как метеоритным дождем, указал в своем комментарии Пятикнижия еще Ибн Эзра. Великовский же лишь приводит все новые доводы в пользу этой версии: из библейского текста ясно следует, что падение камней сопровождалось громким шумом и что камни были горячими. Понятно, такой град из метеоритов должен был уничтожить не только посевы на полях, но и сады, а также сильно напугать скот. Кроме того, он мог нанести серьезный ущерб зданиям, а также вызвать сильные пожары. По утверждению Великовского, схожую картину обрушившегося в этот период на Землю метеоритного дождя рисуют и буддийская книга «Визуддхи-Магга» («Висуд-дхимагга»), и мексиканские «Анналы Куахтитлан» («Анналы Куаутитлана»),

Далее Великовский, пропуская наказание саранчой, обращается сразу к девятой казни — тьме египетской. Развивая свою версию, он пишет, что в тот момент, когда Земля глубоко вошла в хвост атакующей кометы и приблизилась к ее телу, из-за проникших в атмосферу газов и пыли, а также из-за изменения или обратного действия угловой скорости вращения на поверхности нашей планеты начались ужасные ураганы. Вкупе все эти явления должны были привести к тому, чтобы и в восточном, и в западном полушарии наступил очень продолжительный пасмурный день.

О том, что на территории Египта в течение довольно продолжительного времени царил темнота, свидетельствует каменная стела из Тель-Ариша, надпись на которой гласит: «Вся земля в большом унынии. Зло обрушилось на эту землю... Произошел большой переворот в государстве... Никто не мог покинуть дворца в течение девяти дней, и за эти девять дней переворота была такая буря, что ни люди, ни боги (члены царской семьи) не могли видеть лица стоящих рядом».

Но если, полагал Великовский, речь и в самом деле идет о явлении всепланетного масштаба, то упоминания о нем должны быть и в сказаниях и хрониках других народов. И он их снова находит. В финском эпосе «Калевала», напоминает Великовский, рассказывается о времени, когда град железных камней обрушился с неба и Солнце вместе с Луной исчезли (были украдены с неба) и не появились вновь. Вместо них после периода темноты на небе были размещены новые Солнце и Луна.

Сказания индейцев гласят, что однажды Солнце не появлялось на небе пять дней, и в эти дни океан вышел из берегов и захлестнул землю. В 11-й табличке вавилонского «Эпоса о Гильгамеше» говорится: «Отчаяние простерлось до небес; все, что было ярким, обратилось в темноту... Брат не мог различить брата... Шесть дней... ураган, потом и буря продолжали уничтожать землю, и все люди были обращены в глину...»

И в то же время индийские и китайские хроники рассказывают, что в эти дни Солнце не садилось в течение десяти дней.

Столкновением кометы с Землей Великовский объясняет и последовавшую затем десятую казнь — казнь первенцев, а также и все последующие события, включая чудо расступления Чермного моря, историю блуждания евреев по пустыне и завоевания ими Ханаана. Ведь само это столкновение, напоминает Великовский, произошло не в одночасье, а его последствия должны были ощущаться еще многие десятилетия, а то и столетия.

Версии о том, что папирус Ипувера рассказывает именно о событиях Исхода, придерживается и JI. Мёллер. Вот те параллели между текстами Пятикнижия и папируса, которые он приводит в книге «Дело об Исходе».

«1. "Пойдемте и займемся грабежом", "Градоначальник едет без охраны".

Если люди могли заниматься грабежом, значит, отсутствовала служба охраны порядка, функции которой в Египте выполняли вооруженные силы. В Библии говорится, что вся египетская армия была уничтожена.

"...Не осталось ни одного из них" (Исх. 14:28).

2. "Чужестранцы повсюду".

Израильяне, являвшиеся чужестранцами по отношению к египтянам, настолько возросли количественно, что в течение некоторого периода времени их новорожденных детей мужского пола убивали по приказу фараона, который стремился сократить увеличение числа евреев.

"...А народ умножался и весьма усиливался" (Исх. 1:20).

3. "Чужестранцы в Дельте искусны в различных ремеслах".

Израильяне ("чужестранцы"), жившие в области дельты

Нила, являясь рабами египтян, занимались изготовлением кирпичей, строительством и другими видами работ (Исх. 5).

4. "Случилось то, что предки предрекли".

Иосиф — второй человек в Египте после фараона, примерно за 260 лет предсказал, что его народ выйдет из Египта. Кроме того, Исход израильтян в нескольких библейских текстах называется обетованием Господним. Согласно Библии, Иосиф, незадолго до своей смерти (которая, учитывая его высокий пост, на котором он пробыл 80 лет, должна была быть важным и всем известным событием в стране), говорит следующее: "...я умираю, но Бог посетит вас и выведет вас из земли сей в землю, о которой клялся Аврааму, Исааку и Иакову. И заклал Иосиф сынов Израилевых, говоря: Бог посетит вас, и вынесите кости мои отсюда. И умер Иосиф ста десяти лет. И набальзамировали его и положили в ковчег в Египте" (Быт. 50:24-26).

Таким образом, Исход был предсказан верховным министром Египта.

5. "Нам неизвестно, что произошло на этой земле".

Когда Египет постигли страшные бедствия, волхвы фараона сказали правителю: "...это перст Божий" (Исх. 8:19).

Эти слова, очевидно, означают, что происходящее превосходит их понимание и вне их контроля. Считалось, что фараон и его волхвы имели в своем подчинении всех египетских богов, не говоря уже том, что сам правитель являлся воплощением бога солнца.

6. "Бедняки стали состоятельными людьми", "Золото, лазурит, серебро и бирюза, сердолик, аметист... украшают шеи рабынь", "Золото в дефиците".

Во время Исхода рабы-израильтяне взяли с собой большую часть богатств египтян...

"И сделали сыны Израилевы по слову Моисея и просили у Египтян вещей серебряных и вещей золотых и одежд. Господь же дал милость народу [Своему] в глазах Египтян: и они давали ему, и обобрал он Египтян" (Исх. 12:35, 36).

Согласно библейскому тексту (Исх. 25:1—9, 11, 17, 24, 29, 31; 26:1,6, 7, 11,14,19, 25; 28:15—28 и т. д.), когда израильтяне подошли к горе Синай, у них были золотые чаши, серебро, дорогие ткани и пряжа, драгоценные камни, включая упомянутые в папирусе Ипувера — ладан и многие другие вещи, представлявшие большую материальную ценность.

7. "Река стала кровью".

Это уникальное замечание. Не в каждом тексте можно встретить утверждение, что вода в Ниле превратилась в кровь. Более того, оно в точности соответствует библейскому описанию одного из бедствий, постигших Египет...

8. "Повсюду кровь, кругом царит смерть".

Это описание может относиться к двум феноменам. Во-первых, к вышеупомянутому явлению (река превратилась в кровь, согласно библейскому тексту). И, во-вторых, возможно, автор рассказывает о небывалом граде, убивающем все на своем пути. Более вероятен последний вариант, так как Ипувер упоминает большое количество погибших людей. В Библии также имеется описание грозы с градом: "И простер Моисей жезл свой к небу, и Господь произвел гром и град, и огонь разливался по земле; и послал Господь град на [всю] землю Египетскую; и был град и огонь между градом, [град] весьма сильный, какого не было во всей земле Египетской со времени населения ее. И побил град по всей земле Египетской все, что было в поле, от человека до скота, и всю траву полевую побил град, и все деревья в поле поломал [град]" (Исх. 9:23—25).

9. "Многих мертвых погребли в реке".

Это описание может означать, что в результате обрушившихся на Египет катаклизмов количество человеческих жертв стало настолько огромным, что хоронить умерших в земле стало невозможно, и их тела сбрасывали в Нил. Если это действительно имело место в египетской истории, то речь идет о существенном отклонении от обычного ритуала погребения усопших, что свидетельствует о чрезвычайности сложившейся ситуации. В Библии сказано, что во время одного из бедствий умирает, по крайней мере, один человек в каждой семье (каждый первенец) (Исх. 11:4—10).

10. "Истощились запасы сырья для всех ремесел", "Нехватка зерна, угля, древесины, кустарника", "Деревья повалены, ветви оборваны".

После пережитых Египтом бедствий в стране был острый дефицит буквально всего. В указанном отрывке упоминается нехватка зерна и сырья для многих ремесел, особенно древесины. Библия также отмечает, что в результате сильного града были повалены деревья, а у тех, что выстояли бурю — оборваны ветви. Подобные разрушения нечасто случались в Египте: "...и всю траву полевую побил град, и все деревья в поле поломал [град]" (Исх. 9:25).

11. "Мало еды", "Великий голод и большие страдания", "Богатые женщины говорят: мы хотим есть", "Женщины бездетны, не могут зачать", "Их страждущие тела облечены в лохмотья", "Кладовые пусты".

Приведенные цитаты описывают голод: нехватка продуктов питания, люди голодают, стада изнурены. Ситуация в стране заметно ухудшилась. Женщины могли стать бездетными, лишившись своих детей, либо сильный голод сделал их бесплодными и неспособными рожать. Такими вполне могли быть последствия бедствий, обрушившихся на Египет и описанных в Книге Исхода в главах 7—12.

12. "Вот, тот, кто спал без жены, нашел себе женщину благородных кровей", "Посмотрите! Богатые жены голодают".

Замечание о том, что женщины из высшего класса общества испытывают голод и идут к мужчинам из более низких социальных слоев, означает следующее: те, кто обеспечивал их, а также мужчины-вельможи, исчезли. К последним относились в основном военные, офицерские чины и высокопоставленные государственные служащие, находившиеся в непосредственном подчинении фараону. Библия сообщает, что вся египетская армия исчезла в водах Красного моря (Исх. 14:26—29). Другими словами, в дополнение к уже имевшимся жертвам, страна лишилась довольно большой группы людей (около 250 тысяч).

13. "Писцы убиты, их записи похищены", "Их книги уничтожены".

Хаос, царивший в Египте, оказал огромное влияние на всю культурную жизнь страны. Писарей убивали, а их записи развеивали по ветру. Это объясняет, почему до нас дошло так мало письменных подтверждений происшедших событий. Искусство письма было привилегией тех немногих избранных, которые занимали высокие посты в Египте.

14. "Горе местам священным", "Что нам делать? Все в развалинах!", "Пропало все, что еще вчера можно было видеть", "Посмотрите! Земля лишилась своего царя и всех начальников", "Взгляните! Все чиновники подобны стаду без пастыря своего".

В священных местах египтяне поклонялись своим богам, жрецы совершали тайные обряды бальзамирования умерших богоподобных фараонов. Эти покровители Египта были бессильны перед лицом кризиса, который переживала вся страна. Население стало выражать свое презрение к потерявшим былую мощь богам, что привело к беспорядкам и хаосу. Судя по описанию, Египет лишился правителя и многих начальников. На протяжении всего текста Ипувера упоминается этот хаос, что должно означать прекращение работы многих основных правительственных учреждений.

Очевидно, сила, сумевшая уничтожить столь отлаженную и мощную машину правления в Египте той эпохи, обладала небывалым потенциалом.

15. "Если бы я знал, где бог, то служил бы ему".

Достаточно странное замечание. Египтяне очень хорошо

знали, где находятся их боги, в каком обличье они появляются, за какие сферы жизни отвечают и какого рода жертвы необходимо приносить каждому из них. Однако текст Ипувера говорит не о египетских богах. Египтянам было известно, что израильский народ поклонялся "Единому Богу". У них определенно не осталось сомнений относительно того, чей Бог действительно обладает силой...»

В. В. Струве в результате анализа текста «папируса Ипувера» также пришел к выводу, что речь в нем идет не о пророчествах, а о реальных событиях, имевших место в Египте. Однако, приняв версию своих предшественников о том, что папирус датируется XVIII веком до н. э., он пришел к выводу, что речь в нем идет о восстании крестьян и ремесленников, вспыхнувшим в Египте примерно около 1750 года до н. э.

При этом он обращает внимание на то, что Ипувер называет восставших презрительным словом «хевер» и переводит его как «голодранцы»¹.

Но обратим внимание на то, что «хевер» по своему звучанию довольно близко к уже знакомому нам слову «хабиру», а также к слову «иврим» — «евреи», а это служит еще одним подтверждением, что данный памятник египетской литературы вполне мог быть создан несколькими столетиями позже, в период Исхода. Не исключено, что понятие «евреи» и «голодранцы» для знатного египтянина значило одно и то же. Примеры такого пересечения и подмены понятий есть и в русском, и в других языках. К примеру, чрезвычайно показательно, что в современном иврите слово «пионер, первопроходец» звучит как «халуц» — именно так в современном Израиле принято называть евреев из России и других стран Восточной Европы, приехавших в 1880-х годах заново заселять Палестину. Само это слово, таким образом, для современного израильтянина несет героический оттенок. Однако на самом деле «халуц» в древнем иврите — это «человек без обуви», проще говоря, «босаяк». Все дело в том, что эти первые провозвестники сионизма и в самом деле были крайне бедны и зачастую ходили босиком. И в результате презрительное слово «босаяк» приобрело высокий смысл «пионер, первопроходец».

Несомненно одно: накануне исхода евреев из Египта его экономическая, а вместе с ней военная мощь была подорвана, что создавало весьма благоприятные условия для реализации замысла Моисея.

И вот сейчас пришло время рассказать о самой страшной, десятой египетской казни...

Глава седьмая. «СКОЛЬКО ЧУДЕС СОВЕРШИЛ ТЫ В ПОЛНОЧЬ...»

Однако прежде чем на Египет обрушилось новое бедствие, Моисей, согласно тексту Библии, получает ряд новых указаний от Всевышнего, которые для современного человека звучат, по меньшей мере, странно.

Первое из этих указаний гласит: каждая еврейская семья должна 10-го числа месяца нисан взять ягненка, козленка или телят — в зависимости от числа членов семьи — привязать его у входа в свой дом. Спустя три дня хозяин дома должен был после полудня публично зарезать это животное, собрать его кровь в сосуд, а затем зажарить его целиком. Именно зажарить и именно целиком, на огне, после чего съесть все мясо до костей всей семьей до утра вместе с пресными лепешками и горькой зеленью, и само это животное объявлялось «пасхальной жертвой».

Согласно второму указанию, в собранную кровь ягненка следовало окунуть пучок майорана и обмазать ею косяки и притолоки домов.

И все же два этих указания еще более-менее логически объяснимы. Как отмечают все комментаторы Библии, принесение пасхальной жертвы имело огромное психологическое значение, оно было призвано еще раз унижить египтян и продемонстрировать их полное бессилие перед евреями.

Эта деморализующая население Египта акция строилась на том, что быки и овцы считались у египтян священными животными, символами их богов, а потому употребление их в пищу считалось в Египте святотатством и было, разумеется, запрещено¹. Но вот эти «боги», предназначенные к закланию, жалобно блеют у дверей еврейских рабов, а после всех обрушившихся на Египет казней египтяне не решаются помешать евреям делать все, что те считают нужным. Затем этих «богов» на глазах тех же египтян режут и на их же глазах целиком жарят на вертеле. Понятно, что большее осквернение религиозных чувств и больший удар по национальной гордости египтян было поистине трудно представить.

С кровью тоже все относительно ясно: по вымазанным кровью притолокам и косякам Бог должен был опознать в ночь казни первенцев еврейские дома и обойти, как бы «перепрыгнуть» через них. Так как слово «перепрыгнул» на иврите звучит как «пасах», то и праздник, отмечаемый евреями в честь этого события на протяжении более трех тысячелетий, называется Песах, или в принятом в русском языке варианте Пасха.

Не исключено, что именно из рассказа об обмазанных кровью притолоках и косяках еврейских дверей берет свое начало один из самых стойких и омерзительных мифов человечества — о том, что евреи добавляют в мацу (опресноки), которые они едят на Пасху, кровь нееврейских младенцев. Хотя — кто знает — может быть, этот миф родился из скорби египтян по их первенцам — ведь свои претензии за их смерть они предъявляли не Богу, а именно евреям.

Но, помимо этих двух, Бог дает Моисею еще одно выглядящее на первый взгляд попросту аморально указание: «Скажи народу: пусть возьмет каждый у знакомого своего (египтянина) и каждая у знакомой своей (египтянки) вещей серебряных и золотых». И дал Бог приязнь народу в глазах египтян...» (Исх. 11:2—3).

Вот как комментируются эти строки в классическом издании Пятикнижия «Сончино»: «Евреи уходят из Египта, где они прожили более двухсот лет. Значительную часть этого времени они находились на положении рабов. Однако последние полгода после первых наказаний, обрушившихся на Египет, евреи уже не выполняли те изнурительные работы, которые фараон заставлял их делать. Изменился и их статус — египтяне воспринимали евреев как равных, а позднее и боялись, чувствуя их превосходство, природу которого они не могли понять. Испытывая смешанное со страхом уважение, в котором сквозил мистический ужас, египтяне были готовы отдать евреям все, что те попросят»¹.

Из дальнейшего текста Библии видно, что евреи действительно вышли из Египта с огромными богатствами — каждый из них стал обладателем множества золотых и серебряных изделий. Нет и никакого сомнения, что все это было отобрано у египтян. Из текста Пятикнижия следует, что богатство это было отдано последними добровольно: евреи просили — египтяне отдавали.

Однако большинство историков по понятным причинам весьма скептически относятся к этой версии развития событий. Вероятнее всего, считают они, если еврейский исход действительно имел место, то он стал результатом восстания рабов, которые конечно же не преминули ограбить своих бывших хозяев и вышли из страны с захваченным таким образом имуществом. При этом они вряд ли мучились угрызениями совести, так как и в самом деле считали, что лишь взимают плату за свою работу.

В подтверждение этой версии они обращают внимание на ту строку Библии, которая сообщает, что евреи вышли из Египта «хорошо вооруженными» (хотя некоторые переводчики предпочитают переводить это как «хорошо подготовленными» или «нагруженными скарбом»). Если они выходили с оружием, считают эти исследователи, то тем более были способны на грабеж.

Однако любопытно, что оригинальный текст этого отрывка Пятикнижия задает еще больше загадок. Дело в том, что если переводить с учетом всех оттенков смысла указания Бога Моисею, то оно звучит так: «Пожалуйста, прошу тебя, скажи народу: пусть возьмет каждый у знакомого своего (египтянина) и каждая у знакомой своей (египтянки) вещей серебряных и золотых».

То есть Бог не приказывает Моисею передать эти слова народу, а настоятельно просит его это сделать. Отсюда многие комментаторы делают однозначный вывод, что перед нами — лишь последняя фраза оставшегося за кадром диалога. По всей видимости, когда в первый раз Всевышний сказал Моисею, что евреи должны взять у египтян их богатства, тот наотрез отказался дать евреям подобное указание, считая его аморальным. И тогда Бог просит (!!!) Моисея и евреев послушать Его и взять у египтян их богатство, так как это будет лишь восстановлением справедливости — ведь им причитается заработная плата за 210 лет рабского труда!

Можно по-разному относиться к библейскому тексту, можно ему верить или не верить, но одно из него следует однозначно: перед исходом из Египта Моисея мучили определенные сомнения о том, насколько моральной является экспроприация имущества у египтян. И в конце концов он приходит к выводу, что египтяне и в самом деле должны расплатиться за то, что в течение более двух столетий держали в рабстве целый народ.

Тем временем над Египтом сгущались сумерки. У еврейских домов жарились на кострах ягнята и телята, а их хозяева нагружали отобранным у египтян золотом ослов и готовились к дальнейшему переходу. По мере приближения вечера на душе у египтян становилось все тревожнее: до них дошли слухи, какой именно новой казнью угрожал Моисей фараону, и каждый, кто был первенцем у своей матери или у своего отца, тревожился за свою жизнь.

С наступлением темноты сотни, а то и тысячи разъяренных и одновременно насмерть перепуганных первенцев, сметая все на своем пути, двинулись к дворцу фараона. Они требовали от владыки Египта разрешить евреям идти, куда эти проклятые евреи пожелают, прежде чем они все будут мертвы.

Советники и министры фараона также склонялись к тому, что следует выполнить требование Моисея, так как все предыдущие события ясно показали, что он не бросает слов на ветер и его угрозы всегда сбываются. Однако фараон был отнюдь не склонен прислушиваться к этим советам.

— Что за чушь?! — морщась, сказал он сразу после того, как отдал приказ армии разогнать собравшуюся у дворца толпу. — Ни один бог не способен убить сразу всех первенцев в стране! Да и о каких первенцах идет речь — со стороны отца или со стороны матери?! Этот Моисей просто решил нас в очередной раз запугать. Но давайте переживем эту ночь — и вы увидите, что ничего страшного не случится. А затем, клянусь, я казню Моисея и Аарона самой жестокой из всех мыслимых казней!

Но в то самое мгновение, когда пробила полночь, весь Египет потряс истошный вой, раздавшийся сразу из всех домов. Во дворцах вельмож, в домах чиновников и воинов, в хижинах рабов почти в одночасье начали умирать люди. Спавшие на ка- кое-то мгновение приподнимались со своего ложа, словно разбуженные некой неведомой силой, и тут же падали на него с выпученными глазами обратно — уже бездыханные. Те, кто бодрствовал, сидя у очага или стоя у дверей, в ожидании начала казни, вдруг падали ничком на землю и застывали на ней в самых нелепых позах. В некоторых домах в одночасье появлялось два, три, а то и более покойников. Скажем, если глава семьи сам был первенцем, и у него было две жены — умирал и он сам, и первенцы обеих жен. В хлевах начал околевать скот, чудом уцелевший после предыдущих казней — обходящая Египет страшная, сеющая смерть сила не щадила и первенцев домашних животных.

Не обошла смерть и некоторые еврейские дома — те евреи, которые не признали лидерства Моисея, не захотели уходить из Египта и не помазали притолоки и косяки своих дверей кровью, умирали наравне с египтянами. Сбылось все, что предсказал Моисей, — в стране не осталось ни одного дома египтянина, в который не пришла бы смерть. Пришла она и во дворец фараона, настигнув его старшего сына.

Но самое страшное, как выяснилось, было еще впереди. Неожиданно земля разверзлась и начала выбрасывать на поверхность тела тех мертвецов, которые при жизни были первенцами у своих родителей.

Только после этого до фараона стал доходить весь масштаб трагедии, которую он навлек на страну своим упрямством. Спешно он отослал нескольких министров с наказом разыскать Моисея и просить его прийти во дворец, однако увидев, что они задерживаются, сам в сопровождении лишь нескольких воинов и своей престарелой сестры Фермуфис отправился в еврейский квартал Раамсеса, чтобы встретиться с Моисеем и сообщить ему, что он отпускает евреев без всяких условий.

Однако разыскать дом родителей Моисея, в котором тот поселился после своего возвращения из Мидиамы, оказалось не так-то просто — этот дом ничем не выделялся среди других домов, и великому фараону пришлось пробираться к нему, руководствуясь советами бегавших по улицам еврейских мальчишек.

Когда фараон вошел в дом Моисея, тот вместе с семьями сестры Мириам и брата Аарона сидел за праздничной трапезой. Верный своему слову, что фараон больше не увидит его лица, Моисей даже не обернулся в его сторону.

— Так вот чем ты отплатил нам за то, что когда-то я спасла тебя! — в гневе вскричала Фермуфис, обращаясь к своему приемному сыну.

— Разве эта казнь коснулась твоего брата? А ведь он тоже — первенец! — спокойно заметил В отвед на это Моисей.

Но тут в разговор вступил фараон — глотая слова, не владея собой, он сказал Моисею и Аарону, что они и их народ могут уходить из Египта вместе со всем своим имуществом.

Как только Моисей известил евреев о решении фараона, начались спешные сборы в дорогу. Мужчины сгоняли мелкий и крупный рогатый скот; женщины собирали вещи и грузили их на ослы. Пришедшие в их дома египтяне помогали им в этих сборах и поторапливали, настаивая на том, чтобы недавние рабы как можно скорее покинули страну — им казалось, что пока евреи не уйдут, смерть будет носиться над Египтом.

Однако прежде чем окончательно покинуть Египет, Моисей решил выполнить завещание сына Иакова Иосифа — ведь тот перед смертью просил, чтобы, когда евреи будут уходить из Египта, они взяли с собой его кости и затем перезахоронили в обетованной им земле.

Но где искать могилу Иосифа?

Этого Моисей не знал, и тут на помощь снова пришла старая Серах. Она рассказала, что, узнав о завещании Иосифа, египтяне бросили саркофаг с его мумией в Нил — чтобы евреи никогда не могли разыскать его и, таким образом, тело оставалось бы в Египте в качестве талисмана. Серах также указала место, возле которого египтяне бросили тело Иосифа в реку, но возникал вопрос: каким образом вытащить из нее саркофаг?

Тогда, рассказывает мидраш, подойдя к месту, с которого саркофаг был брошен в воду, Моисей трижды ударил своим чудесным посохом о землю и сказал:

— Иосиф, Иосиф! Вот мы уходим из Египта. Если хочешь пойти с нами — пойдем. Если хочешь остаться — оставайся!

И тяжелый золотой саркофаг всплыл из глубины на поверхность...¹

На рассвете 14 нисана 2448 года по еврейскому летосчислению (в апреле 1313 года до н. э.) евреи двинулись в путь. Они выходили так быстро, что женщины даже не успели дожидаться, когда заквасится замешенное ими тесто, и поставили его в печь незаквашенным — так у них и получились опресноки — маца, которую евреи до сих пор едят в дни праздника Песах (еврейской Пасхи).

По дороге к ним присоединялись сотни и тысячи рабов, принадлежащих к другим народам — хеттам, моавитянам, аммонитянам и т. д. Влились в эту гигантскую толпу и тысячи египтян, разуверившихся в своих богах и поверивших в того единого Бога, о котором говорил Моисей. В оригинальном тексте Пятикнижия все эти люди называются «эрав», и не исключено, что именно отсюда через старославянский перевод Библии в русский язык вошло слово «орава».

Потомки Иакова покидали разоренную, измученную казнями страну, унося с собой все драгоценные украшения и дорогую домашнюю утварь египтян:

«А египтяне торопили народ, чтобы поскорее выслать их из страны, ибо сказали они: "Все мы умрем!" И понес народ тесто свое прежде, чем оно сквасилось, квашни свои, увязанные в одежды свои, на плечах своих. А сыны Израиля сделали по слову Моше и взяли в долг у египтян вещи серебряные, и вещи золотые, и одежду. А Бог дал приязнь народу в глазах египтян, и те давали им, и опустошили они Египет» (Исх. 12:33—36).

При этом мидраш настаивает, что из Египта вышли далеко не все жившие там евреи — многие предпочли остаться и, в конце концов, исчезли, растворившись среди местного населения.

Адепты второй школы убеждены, что события Исхода и в самом деле имели место, но говорят о нем как о восстании египетских рабов под предводительством Моисея или какого-либо другого вождя, ставшего его прототипом. То, что евреи присваивают имущество египтян; то, что к ним по пути присоединяются рабы, принадлежащие к другим народам; то, что эти рабы оказываются вооруженными, — все это, по мнению представителей этой школы, подтверждает версию именно о восстании, а отнюдь не о мирном уходе из страны.

История с мацой тоже находит в рамках этой гипотезы объяснение. По всей видимости, евреи изготавливали мацу очень давно, возможно, на протяжении всего времени своего рабства (не случайно в Пасхальном сказании она называется «хлебом бедности») и были прекрасно знакомы с ее свойствами. В отличие от обычного хлеба, напоминают эти исследователи, маца не черствеет, не плесневеет и может храниться сколько угодно долго — так что и в самом деле трудно придумать более подходящий вид хлеба для длительных блужданий в пустыне.

Но самой казни первенцев, говорят представители этой школы, на самом деле не было. То есть, возможно, уточняют они, исход и в самом деле происходил вскоре после смерти одного из сыновей фараона, а жаждущая мести египтянам народная фантазия уже превратила это событие в массовое умерщвление первенцев и по мере отдаления расцветчивала его все новыми и новыми деталями.

Но, приводя все эти мнения, было бы несправедливо не упомянуть и версию И. Великовского, считавшего, как уже говорилось, что события Исхода происходили на фоне глобальной космической катастрофы — столкновения Земли с кометой и ощущавшимися еще в течение многих десятилетий последствиями этого столкновения.

Развивая свою гипотезу, Великовский делает следующий вполне логический вывод: если столкновение изменило угловую скорость Земли и нарушило ее нормальное движение, то это неминуемо должно было привести к сдвигу земной коры, то есть... к землетрясениям. И именно землетрясение чудовищной разрушительной силы, по его мнению, и было той самой десятой казнью.

Великовский снова сравнивает библейский текст с папирусом Ипувера и снова находит немало соответствий.

«Исход (12:30): "И встал фараон ночью сам, и все рабы его, и весь Египет; и сделался великий вопль по всей земле Египетской, ибо не было бы дома, где не было бы мертвеца".

Папирус Ипувера: "Города разрушены... Верхний Египет опустел... Все в руинах... Дворец перевернут за минуту... Поистине царских детей швыряло на стены... царских детей выбрасывало на улицы"...»

Далее Великовский обращает внимание, что, хотя речь идет о поражении первенцев, сама «казнь» разворачивается именно в домах египтян, обходя дома евреев. Более того, в Книге Исхода ясно говорится: «Бог пойдет поразить Египет, но когда увидит кровь над дверью и на косяках, то пройдет над дверью и не даст силе разрушения войти в ваши дома и разить» — слова о «силе разрушения», которая входит в дома, также наводят на мысль о землетрясении.

Наконец, то, что земля во время казни разверзается и выбрасывает лежащих в ней мертвецов, а гроб Иосифа всплывает на поверхность — это уже, вне сомнения, описание именно землетрясения. Далее Великовский обращается к христианским историкам и комментаторам Библии (Евсевию и святому Иерониму), опиравшимся при написании своих трудов и на нееврейские источники — они также утверждают, что в ночь перед исходом в Египте произошло страшное землетрясение, разрушившее многие дома и храмы.

В ходе этого землетрясения неминуемо должны были погибнуть жившие в каменных домах представители египетской аристократии, продолжает далее Великовский, ведь известно, что каменные постройки легко рушатся при землетрясении, погребая под своими тяжелыми обломками всех живущих в доме. В то же время глиняные мазанки, в которых жили евреи, вполне могли в результате землетрясения устоять, а даже если и рушились, то не сопровождались гибелью живущих в них людей. То есть бедняки и рабы в момент землетрясения оказались в куда большей безопасности, чем жрецы и знатные египтяне.

Но на каком же основании Библия утверждает, что казнь обрушилась именно на первенцев, а не на кого-либо другого? У Великовского есть ответ и на этот вопрос. Он напоминает, что еврейское слово «первенец» — *bkhor* — чрезвычайно близко по звучанию со словом «избранный, знатный, высокопоставленный» — *bahir*. Так как Великовский был материалистом и не верил в Божественное происхождение Пятикнижия, то он был убежден, что до времени его записи в народном сознании два этих близких слова — «знатный» и «первенец» — попросту перепутались, и эта путаница в итоге вошла в текст.

Суммируя бесчисленные комментарии еврейских авторов на Книгу Исхода, можно сказать, что, с их точки зрения, десять египетских казней преследовали три основные цели.

Во-первых, они были мстью Египту и египтянам по принципу «мера за меру». Вода в Ниле обращалась в кровь в качестве наказания за то, что в Нил по приказу фараона бросали еврейских младенцев; жабы, вши, дикие звери, язвы и т.д. должны были принести египтянам те же страдания, которым они подвергали своих еврейских рабов. Казнь первенцев обрушилась на Египет за то, что евреи являются для Бога избранным народом, Его первенцем (еще одно подтверждение версии Великовского о том, что «первенец» и «избранный» на иврите не только почти омофоны, но и почти равнозначные понятия).

С другой стороны, эти казни были призваны продемонстрировать евреям и всему миру нелепость идолопоклонства вообще и египетского язычества в частности — и священный Нил, и все священные для египтян животные подвергаются наказанию и сами становятся наказанием для египтян.

Наконец, в-третьих, казни были призваны продемонстрировать всемогущество Бога, его полную власть, как над природой, так и над человеческим обществом и таким образом подготовить евреев, а через них и все человечество к восприятию идеи монотеизма.

То, что в Египте часто имели место природные явления, внешне напоминающие казни египетские, с точки зрения еврейских теологов, отнюдь не является доказательством, что самих казней не было или они не носили чудесного, Божественного характера.

«О первых девяти наказаниях говорят как о чудесах, которые ломают законы природы, выходя за рамки обычного, — писал по этому поводу раввин Й. Герц в примечаниях к Книге Исхода. — Однако подавляющее большинство чудес Торы отличается тем, что, будучи событиями, обладающими сверхъестественной природой, они базируются на тех явлениях, которые с определенной регулярностью повторяются в природе. Всевышний, творя будущую историю в первые шесть дней, как бы подготовил почву и наметил в естественном мире те борозды, по которым пройдет Божественное присутствие, раскрывая в ограниченном бесконечное... Этим объясняется тот факт, что в природе наблюдаются явления, чем-то напоминающие чудеса, описанные в Торе. Однако внешняя схожесть большинства чудес, сопровождавших освобождение и исход, с природными явлениями, часто наблюдаемыми там, где произошли эти чудеса, ничуть не уменьшает чуда... так как чудесность и сверхъестественность события объясняется не столько тем, что произошло, сколько тем, когда имело место то или иное событие и насколько оно способствовало реализации Божественного плана по установлению справедливости: спасению угнетенных и наказанию поработителей, чтобы указать избранному народу на постоянное Божественное присутствие в его среде...

Анализируя те природные явления, которые, будучи усилены Всевышним в нужные моменты времени, стали чудом, еще более удивительным благодаря своему внешнему сходству с тем, что происходит регулярно в этих местах и воспринимается человеком как обычное, не следует забывать о главном: десять наказаний стали для человечества ориентиром на пути поиска справедливости, морально-нравственных основ построения общества и уважения к человеку почти в той же степени, что и Десять заповедей, начертанных Всевышним на Скрижалях Завета. Следует четко представлять себе, что цель обрушившихся на Египет наказаний заключалась не в том, чтобы сломить волю непокорного правителя и заставить его в конечном итоге подчиниться требованиям Всевышнего, а в том, чтобы начать новый период истории, для которого определяющим является совсем иное сознание людей, их изменившееся восприятие окружающей действительности, отношение к человеку и понятие о Божественном присутствии в мире»¹.

Глава восьмая. «КТО, КАК ТЫ, ГОСПОДИ?!»

«И было: когда отпустил фараон народ, не повел их Всесильный через страну плиштим, потому что короток этот путь — ибо сказал Всесильный: "Не передумал бы народ при виде войны и не возвратился бы в Египет". И Всесильный повернул народ на дорогу пустыни к морю Суф. И вышли сыны Израиля вооруженными из страны Египетской...

И двинулись они из Суккота и расположились станом в Эй- таме, на краю пустыни. А Бог шел перед ними днем в столпе облачном, чтобы указывать им дорогу, и ночью в столпе огненном, чтобы светить им, чтобы шли они днем и ночью... Не отходил столп облачный днем и столп огненный ночью от народа...»(Исх. 13:17—22).

Итак, Пятикнижие утверждает, что Моисей не выбирал маршрут исхода — сам Бог с помощью облачного и огненного столпов, поднимавшихся от земли до неба, указывал евреям, куда они должны идти. Но вместе с тем здесь мы впервые видим Моисея в качестве вождя нарождающейся еврейской нации, и, вне сомнения, именно ему Бог должен был поверить свой замысел, объяснить, почему Он выбрал именно такой маршрут. Замысел этот настолько безупречен с точки зрения логики и знания массовой психологии, что нет никакого сомнения, что он был по душе Моисею — если даже и не являлся его собственным планом.

Моисей видел перед собой огромную толпу недавних рабов, умеющих, возможно, неплохо делать кирпичи, но совершенно дезорганизованных, неспособных при необходимости составить боевой строй, подчиняющийся приказам командиров. А ведь уже в те времена успех любого боя решали выучка армии, знание каждым воином своего места в бою, ее способность действовать как единый организм, выполняющий маневры в соответствии с замыслом полководца. Хотя многие переводчики Библии и настаивают на том, что слово «хамушим» следует переводить как «вооруженные», то есть что евреи вышли из Египта при оружии, легко догадаться, что это было за вооружение — скорее всего, все те же пастушеские посохи да длинные ножи. Исключение, возможно, составляли представители колена Ефрема, вынесшие из Египта свое оружие и амуницию легких пехотинцев, но их сил было явно недостаточно.

Прекрасно знакомый с окружающей местностью по годам царствования в Куше и пастушеской жизни, Моисей не мог не знать, что если он поведет народ по прямой дороге из Египта в Землю обетованную, то уже через десять-одиннадцать дней они достигнут ее границ.

Но, во-первых, двигаясь по протоптанному караванному пути из Египта в Ханаан, евреи непременно наткнулись бы на египетские погранично-таможенные посты, и им пришлось бы вступить в схватку с находящимися на этих постах солдатами. Даже если толпа евреев смела бы эти гарнизоны, дальше их ожидала бы встреча с «плиштим», то есть с филистимлянами — необычайно воинственным народом, ворвавшимся в Ханаан с моря и обосновавшимся в его южных пределах. Знакомые с искусством обработки железа филистимляне не раз совершали набеги на Египет и подвластные ему народы, доказывая, что являются прекрасными воинами. Столкновение с филистимлянами неминуемо закончилось бы сокрушительным поражением евреев, вызвало бы в их рядах панику и привело бы к тому, что они устремились обратно в Египет.

Следовательно, необходимо было найти место, где евреи могли бы разбить стан, расположиться на более-менее длительное время, за которое из них можно было бы сформировать хотя бы какое-то подобие армии. И, конечно, было бы неплохо где-то раздобыть оружие!

С этой точки зрения отказ от движения по столбовой дороге и вообще выбор маршрута не на север, в сторону Ханаана, а на юго-восток, вглубь Египта и Синайского полуострова, представляется необычайно мудрым шагом. Надо заметить, что по поводу маршрута, каким Моисей повел евреев, существует немало споров, однако споры эти не так уж существенны и касаются частных деталей, а не общей картины.

Библия сообщает, что сыны Израиля двинулись из Раамсе-са в Суккот. Согласно талмудической традиции, Суккот находился в 120—130 еврейских милях (то есть 163—176 километров) от Раамсеса. Если Раамсес — это Гелиополис, то, значит, Суккот находился где-то в районе Суэцкого залива. И если принять на веру другую версию археологов о том, что Раамсес — это Пеллузий, то Суккот все равно оказывается в этом районе.

Но вот дальше вновь происходит нечто совсем неожиданное:

«И говорил Бог, обращаясь к Моше так: "Скажи сынам Израиля: пусть вернутся и остановятся перед Пи-Гахиротом, между Мигдолом и морем, перед Цафоном, напротив него расположитесь у моря. И скажет фараон о сынах Израиля: заблудились они в стране этой, заперла их пустыня. А Я ожесточу сердце фараона, и погонится он за ними, и прославлюсь Я, наказав фараона и все его войско. И узнают египтяне, что Я — Бог". И сделали они так».

Бог, как видим, приказывает Моисею повернуть ведомую им толпу и разбить стан «у моря». Согласно укоренившемуся в русской традиции версии, речь идет о Чермном море, а оно, соответственно, ассоциируется с Красным морем, которое, дескать, потом и разверзлось.

Однако ни одна из существующих в научной библеистике версий (за исключением разве что версии Л. Мёллера) не считает, что «чудо рассечения вод» произошло на Красном море. В принципе, для знакомого с ивритом человека все упомянутые здесь названия понятны. Мигдоль — это не что иное, как «башня», то есть вероятнее всего, речь идет о сторожевой башне или крепости, призванной охранять северную границу Египта. «Бааль-Цафон» означает «Владыка Севера» — баалы-ми (ваалами) хананейские народы называли своих богов и возводимые в честь них статуи. Таким образом, понятно, что речь идет о статуе какого-то идола, причем Талмуд утверждает, что эта статуя была поистине исполинских размеров, и тот, кто бывал в Египте, знает, что египтяне и в самом деле были мастерами ваяния подобных статуй.

Но вот где именно находится то место, куда Моисей повернул евреев и где именно он дал им указание разбить стан?

По одной из версий, евреи начали продвигаться вдоль берега Суэцкого залива, который в те времена тянулся гораздо дальше на север, чем сегодня. Сторонники этой версии отождествляют Пи-Гахирот (что на иврите означает «Устье (или Губы) Свободы» с египетским Пи-Кирехет (звуковая переключка очевидна), находившимся в юго-западной оконечности озера Тимсах. Здесь располагался огромный храм Озириса и тогда гигантская статуя этого бога и была «Бааль-Цафоном».

Если переход осуществлялся у северной оконечности Суэцкого залива, то тогда становится понятным, почему стоящую возле него статую называли «Владыкой Севера». В пользу этой версии говорит и само название того моря, которое, согласно Библии, расступилось перед евреями. Суф на иврите означает «тростник» или «камыш», и таким образом, правильнее было перевести это название не как Чермное, а как Камышовое или Тростниковое море. Но тростник как раз в изобилии рос и растет по берегам Суэцкого залива, а также вдоль побережья Горьких озер, значительная часть поверхности которых была заболочена, а летом вообще пересыхала.

Еврейские источники отождествляют Пи-Гахирот с Пито- мом (то есть евреи в прямом смысле вернулись в один из населенных ими городов), находившимся возле Таниса. Тогда Пи- Гахирот находился в дельте Нила или его притока, а «переход через море» состоялся либо у Средиземного моря, либо у озера Манзален, либо у озера Сирбонис.

Стоит заметить, что еще в эпоху составления Талмуда место рассечения моря было хорошо известно, и в талмудическом трактате «Брахот» («Благословения») даже содержится специальное благословение, которое предписывалось произносить проезжавшим мимо него евреям.

Восстановить события, последовавшие после того как евреи разбили стоянку у Пи-Гахирота, не так уж и сложно — в этом нам помогают и текст Пятикнижия, и мидраши, и «Иудейские древности» Иосифа Флавия.

Фараон, вроде бы совсем недавно отпустивший евреев на все четыре стороны без всяких условий, разумеется, очень быстро осознал, что означает для его страны потеря сотен тысяч рабочих рук. Все обрушившиеся на Египет в последние месяцы ужасы теперь уже казались ему никак не связанными с Моисеем — чем дальше, тем больше он склонен был объяснять их цепочкой случайных совпадений, вполне естественных природных явлений, которые этот мошенник Моисей ловко использовал для того, чтобы запугивать его народ и его самого — фараона, владыку Египта, воплощение Озириса.

И когда посланные в ряды евреев соглядатаи пришли во дворец и доложили, что евреи остановились у Пи-Гахирота и не думают ни приносить жертвы, ни возвращаться обратно в Гесем, владыка Египта пришел во вполне понятную ярость. Желание не просто вернуть евреев в Египет, но и жестоко наказать их, наполнить их души ужасом, поставить на колени — так, чтобы ни они, ни какие-либо другие рабы больше не смели бунтовать! — овладело всем существом фараона. Овладело настолько сильно, что, дав наказ всей египетской армии собираться в погоню за евреями, фараон лично, без слуг, бросился запрягать свою колесницу и возглавил отряд из шестисот колесниц — этих своего рода «танковых войск» Древнего мира.

Вот как рассказывает Пятикнижие о том, что происходило дальше:

«И погнались египтяне за ними, расположившимися у моря — вся конница с колесницами фараона, и всадники его, и войско его у Пи-Гахирота, перед Бааль-Цафоном. И фараон приблизился, и подняли израильтяне глаза свои — и вот египтяне гонятся за ними; и весьма устрашились и возопили сыны Израиля к Богу...» (Исх. 14:9—10).

Ужас, который охватил в этот момент евреев, вполне понятен. Прошло всего несколько дней после их ухода из Египта — несколько дней, в течение которых они шли по вязкому песку пустыни. И вот в тот момент, когда они остановились, чтобы передохнуть у воды, только-только разбили палатки, на горизонте возникает огромная армия фараона, конница и колесницы. Да, евреев много, возможно, даже куда больше, чем всех всадников фараона, но что они могут сделать против них со своими дрекольями?! И потом, это ведь не просто всадники — это египтяне, которым они привыкли повиноваться, перед которыми всю жизнь были преисполнены почти животного страха. И вот сейчас этот страх перед недавними хозяевами снова вернулся и парализовал их волю к сопротивлению...

Иосиф Флавий, основывавшийся не только на Пятикнижии, но и на не дошедших до нас исторических источниках, рисует куда более страшную, впечатляющую и вместе с тем куда более реалистичную картину происходившего:

«Между тем египтяне скоро раскаялись в том, что дали евреям возможность уйти, и так как особенно фараон был расстроен этим, приписывая все случившееся обманному волшебству Моисея, то было решено пуститься за евреями в погоню. Взяв оружие и приготовившись к походу, египтяне приступили к преследованию, чтобы вернуть евреев назад, если бы удалось настичь их. При этом египтяне были того мнения, что раз евреям было разрешено оставить Египет, они теперь уже более не будут молиться Господу Богу своему, а так как евреи безоружны и утомлены путешествием, то рассчитывали справиться с ними без особого затруднения.

Спрашивая у всех встречных, куда направились евреи, они быстро подвигались вперед, хотя эта страна и представляла не только для целого войска, но и отдельного, одинокого путешественника огромные трудности. Моисей же преднамеренно повел евреев именно по этому пути, для того чтобы египтяне, если бы вздумали изменить свое решение и захотели бы пустить в погоню, подверглись бы заслуженному наказанию за такую гнусность и нарушение данного слова... Настигнув, наконец, евреев, египтяне построились в боевой порядок и благодаря своей огромной численности стеснили их на небольшом пространстве, что было тем легче, что у египтян было двести тысяч тяжеловооруженных (пехотинцев), за которыми следовало шестьсот колесниц и пятьдесят тысяч всадников. И вот они отрезали все пути, по которым, по их расчетам, могли бы бежать евреи, и заключили последних между недоступными скалами и морем. Таким образом, египтяне замкнули евреев в пространстве между горой и войском и заняли своим лагерем выход отсюда на открытую равнину...»¹

Флавий не только сообщает точную численность египетского войска (а она поистине огромна — 250 тысяч воинов, не считая шестисот колесниц!) — он помогает своему читателю зримо представить происходящее. Фараон в этом отрывке предстает перед нами как умный и талантливый полководец. Он не просто бросает свою армию на сбежавших рабов — следуя его указаниям, египетская пехота и всадники занимают все возможные пути отступления, зажимая евреев на узкой полоске между скалистыми холмами и морем. И в тот момент, когда за спинами евреев показываются боевые колесницы во главе с самим фараоном, они начинают оглядываться и понимают, что бежать некуда — впереди них простирается водная гладь, справа и слева уже ошетинились своими копьями египетские пехотинцы, по флангам которых маячат всадники. Таким образом, бежать им и в самом деле было некуда, и легко представить тот ужас, который объял их — если и не за свою жизнь, то за жизни своих жен и детей. Даже в самые страшные периоды своей жизни в Египте евреи никогда еще не были так близки к тотальному уничтожению. И потому страшные слова упрека, которые они бросают в этот момент Моисею, звучат вполне справедливо:

«Разве могил недостает в Египте, что взял ты нас умереть в пустыне?! Что это ты сделал нам, выведя нас из Египта?! Ведь об этом мы тебе говорили в Египте: оставь нас, и будем мы служить египтянам, ибо лучше нам работать на египтян, чем умереть в пустыне!» (Исх. 14:11—12).

Как видим, прежние сомнения в том, что Моисей действительно говорит и действует от имени Бога, вспыхивают в евреях с новой силой. Сейчас, стоя на краю гибели, они готовы сдаться и вернуться в Египет, ибо они еще не постигли высокую истину о том, что лучше умереть свободным, чем жить, стоя на коленях. Скорее наоборот — они как никогда остро осознают, что лучше жить в рабстве, чем заплатить за свободу своими жизнями.

Справедливости ради надо отметить, что, согласно мидрашу, часть евреев заявила о том, что готова сражаться с египтянами, но это была лишь небольшая горстка храбрецов, в основном, видимо, все из того же «воинского» колена Ефрема. Флавий утверждает, что народ в этот момент был настолько «возбужден» против Моисея, что едва не забил его насмерть камнями. Но в уже процитированном отрывке Флавий сообщает также и то, что Моисей... предвидел возможность погони и специально повел народ по труднопроходимой для конницы местности, чтобы задержать ее продвижение.

Но тогда не случайно и все остальное. Тогда Моисей привел евреев к Пи-Гахироту и остановился там, изначально решив устроить в этом, возможно, хорошо знакомом ему месте некую ловушку для египтян.

Таким образом, все происходящее у Пи-Гахирота превращается в захватывающий интеллектуальный поединок двух полководцев, двух лидеров двух народов. На стороне первого — огромная армия и, вне сомнения, знание воинского искусства, умение правильно оценить диспозицию и отдать вполне грамотные приказы. На стороне второго — испуганные, не владеющие оружием, не способные к бою недавние рабы, а также беззаветная вера в Бога, в Его поддержку и... накопленное за десятилетия пастушеской жизни прекрасное знание местности и ее природных особенностей в различные времена года. А также... не меньшее, чем у фараона, знание военного искусства — ведь не случайно в молодости Моисей возглавлял походы египетской армии, а затем был военным советником царя Куки носа!

Но прежде чем начнется этот поединок, Моисею надо сдать первый после Исхода экзамен на лидерство — ему нужно утихомирить разбушевавшуюся и одновременно явно находящуюся в состоянии истерики толпу, прекратить панику и заставить ее снова подчиняться его воле. У Флавия Моисей с этой целью произносит целую длинную речь, однако обратим внимание, насколько он лаконичен в Пятикнижии: «И сказал Моше народу: "Не бойтесь, стойте и смотрите, как Бог вас спасает сегодня. Ибо египтян, которых вы видите сегодня, не увидите вы более веки. Бог будет сражаться за вас, а вы молчите!"...» (Исх. 14:13-14).

Вероятнее всего, Моисей произнес именно эти слова. Если бы он, как это рисует Флавий, начал бы произносить речь в соответствии со всеми правилами ораторского искусства (что трудно представить, так как Моисей был заикой), то она вряд ли произвела столь ошеломительное впечатление. Чем больше бы он говорил, тем больше возражений возникало бы по ходу такой речи у его оппонентов. В своем же кратком и сильном выступлении Моисей не оставил места для подобных возражений. Оно полно такой неколебимой уверенности в том, что ситуация, в которой оказались евреи, разрешится для них самым благополучным образом, что успокоило страсти и помогло прекратить панику. Мидраш утверждает, что в своей речи Моисей обратился одновременно к трем наиболее активным группам лиц, оказывавших влияние на народ, а через них — и ко всему народу.

Первой группе — той, которая призывала самим направиться навстречу египтянам, чтобы сдаться на их милость, Моисей сказал: «Не бойтесь!» Второй группе, настаивавшей на том, что нужно броситься в море и совершить коллективное самоубийство, он обратился со словами «Стойте и смотрите, как Бог вас спасает сегодня. Ибо египтян, которых вы видите сегодня, не увидите вы более веки».

Наконец, третьих, рвавшихся вступить в схватку с врагом, он удержал от этого шага: «Бог будет сражаться за вас, а вы молчите!» Таким образом, эта краткая речь представляет собой поистине образец ораторского искусства, вызывающий в памяти аналогичные, предельно краткие, но обращенные одновременно ко всему народу и к каждому его представителю в отдельности, оказывавшие необычайное эмоциональное воздействие на нацию знаменитые речи политиков, живших тысячелетия спустя после Моисея.

Устное предание рисует необычайно яркую картину того, что происходило вслед за этими словами пророка. В тот самый момент, когда колесницы фараона были уже на расстоянии полета стрелы от толпы евреев, небо начало стремительно темнеть. Возможно, и в самом деле ночь начала вступать в свои права, однако, по мидрашу, все дело было в том, что стоявший перед еврейским станом облачный столп неожиданно переместился за их спины, таким образом скрыв от египтян их бывших рабов. Египтяне начали метать стрелы и дротики в облачный столп, надеясь, что они долетят до евреев, но те словно натыкались на какое-то невидимое препятствие.

Еще спустя какое-то время все пространство, на котором стояла египетская армия, окутала глубокая, беспроглядная тьма, напоминая ту, что окутала Египет во время девятой казни. Одновременно с этим огненный столп возник впереди еврейского стана, так что евреи прекрасно видели расстилающееся перед ними «море». Безуспешными оказались и попытки египтян прорваться в этой кромешной тьме через облачную завесу и приблизиться к евреям — кони в колесницах упорно отказывались двигаться вперед, да и колеса лишь прокручивались на месте.

В это самое время Моисей обращается к Богу со страстной молитвой, в которой просит Его послать чудо и спасти Свой народ. И слышит в ответ... раздраженный голос Всевышнего: «"Что ты вопиешь ко Мне?! Скажи сынам Израиля, чтобы они двинулись вперед. А ты подними посох свой и наведи руку свою на море и рассеки его — и пройдут сыны Израиля среди моря посуше"..."» (Исх. 14:15—16).

Моисей передает евреям это указание Творца, но те отнюдь не спешат двигаться вперед, в воду: кто знает, расступится море или нет, и что лучше — утонуть или вернуться в рабство?! Да и так ли уж легко подчиниться приказу, который призывает тебя сделать нечто противоречащее разуму и всем законам природы! Вдобавок Моисей поднимает свой чудесный посох — но ничего не происходит! Он простирает вперед руку — и снова ничего...

И в этот момент несколько евреев во главе с Нахшоном бен Аминадавом решают полностью подчиниться воле Бога и, следуя приказу Моисея, входят в воду.

Вот они проходят место, где вода была им по щиколотки, затем по колено, по грудь... и ничего не происходит! Вот вода уже дошла им до горла, и они стали захлебываться... И в этот момент поднимается сильный восточный ветер, который начинает стремительно отгонять воду, образуя в ней гигантский туннель.

Мидраш Танхума утверждает, что в воде образовался не один, а двенадцать проходов, так что каждое из еврейских колен шло по своему проходу. При этом воды вокруг идущих вдоль этих туннелей евреев стояли стеной и одновременно были совершенно прозрачными, так что евреи видели плавающих в них рыб, над головами у них тоже был свод из застывшей воды, а почва под ногами была совершенно твердой.

Тем временем то ли начало светать, то ли выглянула луна и окружавшая египтян тьма слегка рассеялась, и фараон с остальными своими солдатами увидели, как евреи переходят через море посуху. Охваченный азартом преследования, он погнал своих коней вперед и вслед за ним по чудесному туннелю бросились и остальные колесницы, к которым затем присоединились и всадники с пехотинцами. Но странное дело — если евреи свободно шли по твердой почве, которая до недавнего времени была морским дном, то колеса египетских колесниц начали застревать в вязком иле, и кони с трудом волочили их вперед, а затем колеса начали попросту слетать с колесниц, те стали налетать одна на другую и переворачиваться. Дикие вопли возникли, ржание обезумевших лошадей, продолжавших тащить вперед уже бесколесные повозки, полная утрата фараоном контроля над ситуацией — все это посеяло панику в египетской армии, и пехотинцы и всадники, топча друг друга, бросились назад.

Когда над Синайской пустыней показалась алая полоска рассвета, евреи закончили переход. В тот момент, когда последний из них выбрался на берег, Моисей простер свою руку над морем — и его воды тотчас сомкнулись так, как и прежде. Мощные потоки воды тут же обрушились сверху на находившихся в самой середине туннеля египтян, обрекая их на смерть в морской пучине.

Однако сам фараон, утверждает устное предание, как раз не погиб — по воле Бога он выплыл, стал свидетелем гибели своей армии и затем с большими трудностями добрался до своей столицы¹.

В тот час, когда утро окончательно вступило в свои права, на берег начало выбрасывать тела и оружие утонувших египтян. Ликование, охватившее Моисея и всех евреев от осознания того, что смертельная опасность миновала и гнавшийся за ними враг повержен, было так велико, что Моисей словно забыл о своем заикании и затянул на ходу сочиняемый им гимн в честь Всевышнего, который был тут же подхвачен идущими за ним мужчинами:

Воспою Богу, ибо высоко вознесся Он, коня и всадника поверг Он в море.

*Сила моя и ликование — Бог,
Он был спасением мне,
Это — Всесильный мой, и я прослаблю Его,
Всесильный отца моего — Его превознесу...*

*Колесницы фараона и войско его вверг он в море,
и избранные военачальники его потонули в море Суф.*

Пучины покрыли их, погрузились в бездны, как камень. Десница Твоя, Боже, прекрасна в мощи, десница Твоя врага сокрушает.

Величием своим сокрушаешь Ты восстающих против Тебя; посылаешь гнев Свой, и он сжигает их, как соломѹ.

И от гневного дыхания Твоего взгромоздились воды, встали, как стена, струи, смерзлись пучины в сердце моря.

Сказал недруг: погонюсь, настигну, поделю добычу, насытится ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя. Ты дунул духом Своим — и покрыло их море, погрузились, как свинец, в воды могучие.

*Кто, как Ты
среди сильных, Господи?! Кто, как Ты,
восхваляем в трепете, творящий чудеса?!
(.Исх. 15:1-11)*

Женщины, утверждает Библия, пели эту песню, подыгрывая себе на барабанах и бубнах, причем роль запевалы играла у них сестра Моисея — пророчица Мириам. Впрочем, устное предание настаивает на том, что в тот момент до уровня пророков поднялись все евреи, как мужчины, так и женщины, ибо им было дано увидеть такое, что обычный человек увидеть не в состоянии.

Еще в течение нескольких дней евреи собирали выносимые на берег имущество египтян и их оружие. Теперь они и в самом деле были вооружены и более-менее готовы к стычке с врагом, хотя для того, чтобы действительно превратиться в мощную боеспособную армию, им еще предстояло многому научиться.

И снова историки утверждают, что чуду рассечения моря можно дать вполне естественное объяснение. Две наиболее признанные в кругах ученых гипотезы суммировал в своих библейских сказаниях З. Косидовский.

«...Отсюда напрашивается вывод, что библейское Ям-Суф и есть Горькие озера, и тогда без труда можно объяснить чудо Моисея. Израильтяне с легкостью могли пробраться между болотами и поймами, пользуясь мелким бродом и узкими полосками материка. Зато египтяне на своих тяжелых колесницах, вероятно, попали в лабиринт трясин и увязли

в болотах. Возможно, они даже, как утверждает Библия, утонули, ибо там дули стремительные северо-западные ветры, которые катили перед собой огромные валы воды и внезапно превращали отмели в предательские глубины».

Гипотеза, как мы видим, вполне убедительная. К сожалению, у нее есть одна слабая сторона. Египтяне, надо думать, хорошо знали окрестности Горьких озер с их опасными ловушками, почему же они действовали так неосмотрительно? Тем более что египетскую армию вел сам фараон и его закаленные в боях военачальники, а их трудно заподозрить в дилетантизме и недостатке осторожности. Таким образом, нужно было искать другое объяснение этого чуда.

Наибольшее признание получила смелая гипотеза уже упомянутого нами французского ориенталиста Пьера Монте. Он исходит из предположения, что израильтяне, покинув столицу Раамсес, направились прямо на север, а потом шли вдоль берега Средиземного моря к границе Ханаана. Однако по пути они наткнулись на египетские укрепления и отпор приморских жителей, которых Библия называет филистимлянами ошибочно, ибо филистимляне вторглись в Палестину несколькими десятилетиями позднее. Все это вынудило израильтян внезапно повернуть на юг.

В Библии есть упоминания, подтверждающие этот, северный вариант исхода. Например, Мигдол (это слово на иврите означает "башня", но может быть иногда использовано и в значении "замок", "крепость") определяется там как самый северный город в Египте. Археологи нашли его руины в Абу-Хасане. В книге Исход (гл. 14, Ст. 2) мы читаем: "Скажи сынам Израилевым, чтобы они обратились и расположились станом перед Пи-Гахирофом, между Мигдолом и между морем, пред Ваал-Цефоном". А теперь известно, что Ваал-Цефон был важным центром поклонения хананейскому богу Ваал-Цефону, имя которого в переводе означает "владыка Севера". Греки отождествляли его с Зевсом Касиосом. Его храм высился на холмике Монс-Касиус на узкой полоске материка между Средиземным морем и озером Сирбонис, которое впоследствии получило название озера Бардавил.

Израильтяне, по всей вероятности, выбрали старинную, часто используемую путешественниками трассу, которая шла по берегу Средиземного моря и узкому перешейку, отделявшему Средиземное море от озера Сирбонис. Дорогой этой неоднократно пользовались и римляне, а в 68 году римский император Тит вел по ней свои легионы против взбунтовавшихся евреев.

Озеро Сирбонис лежит на несколько метров ниже уровня моря и часто высыхает до такой степени, что по его дну можно пройти и даже проехать, не подвергаясь никакой опасности. Когда в Египте властвовали греки, там произошло несколько катастроф. Внезапные бури на Средиземном море захлестывали узкий отрезок суши и топили путешественников, которые шли по дну озера, рассчитывая сократить себе дорогу.

На основе этих фактов Пьер Монте восстановил ход событий, описанных в Библии.

Израильтяне успели пройти через узкую полоску суши и приближались к восточному берегу высохшего озера. Египтяне, стремясь окружить беглецов и отрезать им дорогу, пустились галопом по сухому дну озера.

Когда они находились в самом центре огромного чана, на Средиземном море неожиданно поднялась буря. Ураган, мчавшийся с севера, гнал перед собой гигантские волны, которые прорвали узкую дамбу и обрушились на египтян. Озеро имело семьдесят километров в длину и двадцать километров в ширину. Высокий берег, на котором египтяне могли бы укрыться, был слишком далеко, и таким образом они погибли в бушующей пучине половодья»¹.

Легко заметить, что Косидовский в данном случае представляет гипотезу Монте так, словно речь идет об окончательно установленной истине, хотя это не больше чем одна из версий. Кроме того, Косидовский вслед за многими библеистами относил события Исхода ко времени правления сына Рамсеса II, Мернептаха, еще точнее — к третьему году его правления по самой употребительной египетской хронологии, то есть к 1230 году до н. э. В доказательство этому обычно приводится победная стела Мернептаха, являющаяся древнейшим письменным памятником, в котором евреи впервые упоминаются как «племя Израиля», то есть как народ. На ней высечено:

Враги повергнуты и просят пощады.

Ливия опустошена. Хетта присмирела.

Ханаан пленен со всем своим злом.

Захвачен Аскалон, Гезер полонен.

Племя Израиля обезлюдело, семени его не осталось.

Сирия стала вдовой для Египта.

Все земли успокоились в мире.

Скован всякий бродяга перед царем Мернептахом.

Отец Александр Мень, также видевший в Мернептахе фараона Исхода и находивший этому немало подтверждений вне Священной истории, реконструирует возможный ход событий того времени следующим образом:

«Между тем Мернептах, рассеяв ливийцев, быстрым маршем двигал свои войска на восток, чтобы обрушить карающую руку на мятежную Сирию. Когда он прибыл в Раамсес, он узнал, что Израиль и другие еврейские племена скрылись на востоке, вероятно, для того, чтобы примкнуть к восставшим соплеменникам. Не теряя ни дня, Мернептах погнал колесницы к берегам Тростникового моря. О местоположении Израиля ему, очевидно, донесли из Этама (мидраш подтверждает это, говоря, что посланные в еврейский стан соглядатаи фараона доложили ему, где именно беглецы раскинули свой лагерь. — п. л.). Теперь пустыня "заперла" евреев...»¹

Что же заставило Мернептаха, потерявшего в ходе преследования евреев, воздвигнуть стелу в честь своей победы? Отец Мень считал, что дело было не только в том, что фараон хотел выдать желаемое за действительное. По его версии, вероятнее всего, «Мернептах был уверен, что Израиль был обречен на неминуемую гибель среди безводных пространств», — уверен настолько, что, прекратив преследование, двинулся дальше, на мятежные провинции Палестины. «Кампания в Палестине прошла для фараона необыкновенно удачно. Он разбил хеттов, опустошил

ханаанские города и селения, толпы рабов и военнопленных снова были приведены из мятежных городов побережья — Аскалона и Гезера. В Галилее был предан огню и мечу ряд крепостей. Сирия лежала у ног фараона. Египет ликовал»². Так отчего же после всего этого и в самом деле было не воздвигнуть стелу?!

Сталкиваясь с библейским рассказом и попытками дать ему естественное объяснение, мы ясно видим, в чем именно заключается коренное противоречие между мышлением религиозного и рационально настроенного светского человека.

Так как для светского рационалиста неприемлема сама идея существования Бога, то он настойчиво ищет естественное объяснение тому, что религия трактует как чудо. При этом он даже не замечает, что в ходе поисков такого объяснения допускает множество случайных факторов и их совпадений, вероятность которых крайне мала. Скажем больше: она настолько мала, что практически стремится к нулю, заставляя думать, что речь идет отнюдь не о такой уж случайности. К примеру, в гипотезе Монте бурия в Средиземном море возникает неожиданно, то есть случайно. Причем случайно именно тогда, когда египтяне находятся посреди озера Сирбонис, а евреи его уже случайно перешли. Причем все это, обратите внимание, происходит в еврейском месяце нисане, а именно 24 нисана 2448 года по еврейскому летосчислению, то есть в апреле, а озеро Сирбонис высыхало обычно летом, то есть в июне—августе. Выходит, именно в том году оно должно было по причине случайной засухи случайно пересохнуть именно в апреле!

Религиозное мышление отвергает понятия «случайности» и «вероятности» и объясняет все прямым вмешательством в происходящее Бога. При этом все комментаторы Библии обращают внимание на те детали чуда рассечения моря, которые никак не могут быть объяснены естественным путем. К примеру, на тот «факт», что воды Тростникового моря встали стеной и были тверды, как скала, но при этом внутри за этой стеклянной стеной оставались жидкими, и в них плавала рыба.

Однако любопытно, что при этом и то и другое мышление почему-то начисто отвергают полунамеком высказанную Иосифом Флавием возможность того, что Моисей с самого начала именно так все и планировал, заманив египтян в тщательно подготовленную им ловушку, выиграв, таким образом, без боя поистине грандиозное сражение. То возражение, что фараон и его военачальники отнюдь не были дилетантами в военном деле, а потому и не могли попасться в такую ловушку, выглядит спорным — особенно если учесть, что фараоном в тот момент правили скорее эмоции, чем разум.

Как бы то ни было, уже на этом, первом этапе становления Моисея как лидера нации он проявляет себя и великим знатоком массовой психологии, и умелым оратором, способным найти нужные слова, чтобы утихомирить толпу и заставить ее признать свою власть, и талантливым поэтом, и, несомненно, выдающимся военачальником.

И все же подлинным духовным и политическим лидером нации ему было суждено стать в последующие годы, в течение которых евреям предстояло блуждать по Синайской пустыне.

Часть вторая. ПУСТЫНЯ.

Глава первая. БИТВА С АМАЛЕКОМ.

Сегодня мы уже можем более-менее точно проследить путь евреев по пустыне в первый месяц после их выхода из Египта. «И увел Моше сынов Израиля от моря Суф, и вышли они в пустыню Шур, и шли три дня по пустыне и не находили воды. И пришли в Мару и не могли пить воду в Маре, ибо горька она. Потому-то и называли это место Мара. И возроптал народ на Моше, говоря: "Что пить будем?!" И возопил он к Богу и указал Бог ему дерево. И бросил его в воду, и стала вода пресной. Там установил он ему закон и правосудие...» (Исх. 15:22—25). Шуром называют узкую полосу земли вдоль Суэцкого канала, начинающуюся на севере у Средиземного моря и на юге переходящую в пустыню Син. Великий комментатор Библии Саадья Гаон отождествлял Шур с Эс-Суром, который в древности назывался Джифуром. Под Маром же одни исследователи (те, что считают, что евреи шли вдоль Средиземного моря) понимают Эйн-Хавару, расположенную в 11 километрах от берега моря, а другие (те, что убеждены, что чудо рассечения моря произошло у Суэцкого залива) — Эйн-Набу, расположенную в 16 километрах к юго-востоку от Суэца. В Эйн-Набе и сегодня имеется источник с горько-соленой, практически непригодной для питья водой, что усиливает позиции сторонников второй точки зрения о том, где же находилась эта самая Мара. Однако понятно, что независимо от того, было ли это место в Эйн-Набе или в Эйн-Хаваре, ясно, что к тому времени взятые с собой израильянами в ночь исхода запасы воды должны были давно кончиться, и их начала мучить жажда. Когда в Маре они увидели бьющую из-под земли воду, то, естественно, воодушевились. А потому можно представить их разочарование, когда вода оказалась «мара», то есть горькой и пахнущей серой. И их вопрос к Моисею «Что пить будем?!» звучит в данном случае вполне резонно. Флавий утверждает, что по указанию Моисея евреи начали вычерпывать из источника горькую воду, пока, наконец, на смену ей он не наполнился пригодной для питья водой. Это выглядит вполне реальным — скажем, вода в источнике могла быть горькой из-за тех солей, которые находились в поверхностном слое почвы и растворились в ней. В этом случае достаточно было убрать из источника эту воду и подождать, пока он наполнится водой снова. Но и использование Моисеем по указанию Бога для опреснения воды того или иного растения тоже было делом вполне возможным. Уже не раз упоминавшийся на этих страницах З. Косидовский пишет, что бедуины бросают в горький источник Эйн-Набу ветки растения эльвах (затера), которые делают эту горькую воду пресной. Причем объясняется этот эффект довольно просто: в воде Эйн-Набы имеется большое количество гидросульфата кальция. Когда же туда бросают ветку эльваха, содержащего щавелевую кислоту, гидросульфат кальция превращается в сульфат, оседает на дно — и вода тут же становится пригодной для питья.

Однако процитированный отрывок Библии свидетельствует о том, что в Маре произошло еще одно важное событие: Моисей «установил там закон и правосудие», то есть, очевидно, произнес свою первую проповедь, призванную подготовить народ к Синайскому откровению и внушить ему одну из основных истин этического монотеизма: Бог — Творец и Властелин Вселенной награждает и наказывает человека и человечество в целом в соответствии с тем, исполняют ли они данные Им законы или нарушают их. Мысль эта была поистине революционной для языческого сознания, согласно которому благоволение или гнев богов, которые сами далеко не всегда являли образец морали, зависел исключительно от того, удалось или не удалось их задобрить с помощью жертвоприношений или языческих ритуалов.

Из Мары Моисей повел народ в оазис Эйлим (Элим), где издавна находили свой приют путешественники по пустыне, наполняя свои бурдюки прозрачной родниковой водой, а сумки — сладкими, калорийными финиками с росших здесь пальм. Однако двенадцати бьющих здесь родников и семидесяти пальм этого оазиса было слишком мало для того, чтобы напоить огромную толпу, следовавшую за Моисеем, и из Эй- лима Моисей ведет свой народ дальше — в пустыню Син, в которую они входят спустя месяц после своего ухода из Египта.

И здесь Моисей сталкивается с новой вспышкой недовольства своего народа: «И возроптало все общество сынов Израиля на Моше и Аарона в пустыне. И сказали им сыны Израиля: "Лучше бы нам умереть от руки Бога в стране Египетской, когда мы сидели у горшка с мясом и хлеб досыта ели. Ведь вы вывели нас в эту пустыню, чтобы уморить все собрание голодом!"...» (Исх. 16:3).

Понятно, что через месяц взятые евреями с собой запасы мацы кончились. Можно понять и то, что теперь, после месяца суровой жизни в пустыне, они начинают едва ли не идеализировать свою жизнь в рабстве — вопреки фактам утверждать, что вели в Египте пусть и тяжелое, но весьма сытное и спокойное существование, хотя на самом деле жили там едва ли не впроголодь, а если и сидели у горшков с мясом, то разве что в день перед исходом, когда ели пасхальную жертву, то есть, по сути дела, уже не были рабами.

Но ведь Библия много раз подчеркивает, что евреи вышли со своим домашним скотом! Как раз с мясом у них не должно было быть никаких проблем. Однако они не забивают скот, а вместо этого обращают свои претензии к Моисею и Аарону!

В этот момент Моисей начинает осознавать, что выведенные им Египта люди, оказывается, совершенно не приучены заботиться о своем пропитании и принимать какие-либо самостоятельные решения. Пока они были рабами, они привыкли, что хозяева их кормят и заботятся о них — как кормят и заботятся о рабочем скоте. Словом, налицо та самая ситуация, о которой писал Р. Нудельман в уже упоминавшемся эссе «Парадигма Моисея». Отождествив себя с еврейским народом, к которому он изначально принадлежал по крови, но никак не по духу, Моисей во многом придумал этот народ, идеализировал евреев в своем сознании. И хотя сама жизнь уже не раз доказывала ему, насколько далек этот его идеал от действительности, Моисей продолжал идеализировать свой народ, и каждый раз в ходе очередного конфликта помогая всей нации подняться на новую духовную и нравственную ступень развития.

В Библии последовавшие вслед за этим ропотом события — выпадение манны и прилет стаи перепелов — призваны укрепить веру сынов Израиля в Бога; в то, что Он неустанно заботится о людях, и именно Он доставляет им пропитание, то есть человеческое благополучие зависит не только от тех усилий, которые прикладывает человек для его достижения, но и — прежде всего — от Бога.

«И сказал Бог, обращаясь к Моше: "Вот Я посылаю вам хлеб с небес, и будет выходить народ и собирать ежедневно, сколько нужно на день — чтобы Мне испытать его, будет ли он поступать по закону Моему или нет. И будет: в шестой день приготовят то, что принесут, и окажутся вдвое против того, что собирают каждый день".

И сказали Моше и Аарон всем сынам Израиля: "Вечером узнаете вы, что это Бог вывел вас из страны Египетской. А утром увидите славу Бога, ибо Он услышал ропот ваш, который вы поднимаете против Него. А мы что? Не на нас ропот ваш, а на Бога"...

...И говорил Бог, обращаясь к Моше так: "Услышал Я ропот сынов Израиля. Скажи им так: под вечер вы будете есть мясо, а поутру хлебом насытитесь, и узнаете, что Я — Бог Всесильный ваш. И было — вечером налетели перепела и покрыли стан. А утром был слой росы вокруг стана. И испарилась роса, и вот — на поверхности пустыни нечто мелкое, рассыпчатое, мелкое — как изморозь на земле". И смотрели сыны Израиля и говорили друг другу: "Что это?" И сказал им Моше: "Это — хлеб, который дал вам Бог в пищу"...

... И назвал дом Израиля его "манн", он был, как семя кориандра, белый, а на вкус, как медовый пирог..." (Исх. 16:4—15).

На первый взгляд, отвечая на упрёки народа «А мы что? Не на нас ропот ваш, а на Бога», Моисей попросту снимает с себя ответственность за происходящее, возлагая ее исключительно на Бога.

Отчасти это и в самом деле так — как уже сказано, для Моисея крайне важно было внушить формируемому им народу мысль, что все в мире в конечном счете зависит от Бога, и представить себя лишь как покорного исполнителя Его воли. Однако только этим смысл его слов «А мы что? Не на нас ропот ваш, а на Бога», безусловно, не исчерпывается. На наших глазах Моисей создает принципиально новую концепцию лидера нации, до него в истории вообще неслыханную, да и в наши дни почти не встречающуюся. В отличие оттого же фараона и других властителей древности, Моисей не только не пытается приписать себе божественное происхождение или заявить, что Бог наделил его безграничной властью над народом, а потому он может делать с ним все, что ему вздумается. Напротив, Моисей подчеркивает, что он — такой же рядовой член общества, как и все остальные; самый обычный человек и не более того, а потому и не нужно требовать от него невозможного. Сегодня волею Бога он поставлен во главе народа, но завтра на его месте вполне может оказаться кто-то другой.

Повторим, представление о вожде как о человеке из плоти и крови, которому ничто человеческое не чуждо и который не должен считаться в чем-то выше и достойнее остальных («А мы что?!»), было поистине революционным. Вспомним, что на протяжении еще не только столетий, но и тысячелетий все правители пытались приписать себе

божественное происхождение или представить себя наделенными властью по праву рождения, то есть такими «сверхчеловеками», стоящими над толпой. Александр Македонский объявил себя сыном Зевса;

римские императоры также обожествляли себя, а монархи Европы считались «помазанниками Божиими».

С этой точки зрения Моисей предстает перед нами со страниц Библии как подлинно демократический лидер, дистанция между которым и остальным народом крайне невелика, а порой и излишне близка. Да и сам народ, похоже, воспринимает Моисея именно как равного остальным члена общества и открыто подвергает сомнению и критикует его решения. Это обстоятельство можно истолковать как еще один довод в пользу мнения, что Моисей по происхождению был именно евреем, а не египтянином — евреи видели в нем своего человека, плоть от их плоти. Впрочем, сторонники гипотезы, что Моисей был египтянином, отвечают на это, что как раз наоборот — лидера-чужака по крови было куда легче винить во всех своих несчастьях.

Как бы то ни было, уже после чуда с перепелами и после того, как с неба начала ежедневно падать манна, придя в Рефидим (то есть, вероятнее всего, в месте, которое сегодня арабы называют Вади-Рефайад, расположенное в 16 километрах от горы Джебель-Муса, отождествляемой с библейским Синаем), евреи снова ропщут на Моисея. Они требуют дать им воды и обвиняют его в том, что он хочет уморить от жажды и их, и их детей, и их скот. Причем на этот раз ответы Моисея, видимо, их не очень убеждают; ситуация в стане накаливается до предела и некоторые из них уже поднимают с земли камни, чтобы забросать Моисея. Во всяком случае, в пользу такой версии говорит молитва Моисея: «И воззвал Моше к Богу и кричал: "Что мне сделать для народа этого?! Еще немного — и они меня забросают камнями!" И сказал Бог Моше: "Пройди перед этим народом вместе со старейшинами Израиля. Возьми в руку твою посох, которым ты поразил Нил, и иди. Встану Я перед тобой на скале у Хорева. А ты ударь по скале, и пойдет из нее вода, и будет народ пить". И сделал так Моше пред старейшинами Израиля» (Исх. 17:4—6).

Как наверняка уже догадался читатель, убежденные атеисты отнюдь не видят во всех сотворенных Моисеем в пустыне чудесах ничего сверхъестественного. Более того — всем им они находят вполне естественные объяснения и считают, что текст Библии доказывает только одно — Моисей был не только вождем, но и прекрасным проводником по пустыне, своего рода «инструктором по выживанию», знающим все ее уголки и особенности ее природного мира.

«По поводу этих перепелов и манны неоднократно возникали более-менее серьезные дискуссии, — писал В. Келлер. — Какое огромное недоверие они вызывали! Ведь, казалось, Библия повествует о сверхъестественных и необъяснимых вещах! Однако, напротив, перепела и манна — это вполне реальные явления. Стоит лишь расспросить об этом естествоиспытателей или аборигенов, наблюдающих подобные вещи и по сей день.

Исход израильтян начался весной, во время большой миграции птиц. Из Африки, где летом становится нестерпимо жарко и сухо, с незапамятных времен птицы мигрируют двумя путями — через западное побережье Африки в Испанию и через восточное Средиземноморье на Балканы. В первые месяцы года перепела вместе с другими птицами, направляясь по восточному пути, пересекают Красное море. Утомленные длительным перелетом, они приземляются на прибрежной равнине, чтобы собраться с новыми силами для дальнейшего путешествия через высокие горы к Средиземноморью. Иосиф Флавий ("Иудейские древности", III, I, 5) описывает случай подобного рода, и даже сегодня весной и осенью в этом районе бедуины ловят руками ослабевших приземлившихся птиц.

Что же касается знаменитой манны, то о ней имеется достоверная информация от ботаников. К сведению читателей: каждый, кто интересуется манной, может найти ее в перечне экспорта Синайского полуострова. Более того, она зарегистрирована в каждом ботаническом справочнике Ближнего Востока — это растение *Tamarix mannifera* Her. В описаниях происшествий, аналогичных библейским, нет недостатка.

Так, одному сообщению очевидца — почти пять сотен лет: "В каждой деревне, повсюду в районе Синайских гор по-прежнему можно найти 'хлеб небесный', который монахи и арабы собирают, хранят и продают паломникам и чужестранцам". Эти слова были написаны в 1483 году Брайтенбахом, деканом собора в Майнце, в его отчете о паломничестве на Синай. "Этот самый 'небесный хлеб', — продолжает он, — выпадает почти на рассвете, подобно росе, и повисает шариками на траве, камнях и веточках. Он сладкий, как мед, и липнет к зубам. Мы купили его много".

В 1823 году немецкий ботаник Г. Эренберг опубликовал статью "Symbolae Phisicae", которую даже его коллеги восприняли с недоверием. Его объяснения, по-видимому, требовали от людей слишком многого, а именно: поверить, что эта пресловутая манна — не что иное, как секреция, выделяемая тамарисковыми деревьями и кустами, когда на них нападает определенный вид тли, обнаруженный на Синае.

Столетием позже организовали экспедицию в поисках манны. Ученые-ботаники из Иерусалимского Еврейского университета Фридрих Симон Боденхаймер и Оскар Теодор отправились на Синайский полуостров, чтобы прояснить раз и навсегда спорный вопрос о существовании манны. Их отчет вызвал сенсацию. Они не только привезли с собой первые фотографии манны и подтвердили выводы Брайтенбаха и Эренберга, но также установили фактическую достоверность библейского рассказа о скитаниях израильского народа по пустыне.

Действительно, без тли, упомянутой впервые Эренбергом, в тех местах вообще не могло бы быть манны. Эти маленькие насекомые живут главным образом за счет тамариска — местной разновидности деревьев на Синае. Они выделяют особую смолистую секрецию, которая, по словам Боденхаймера, по форме и размерам напоминает зернышко кориандра. Когда они падают на землю, то имеют белый цвет, который через некоторое время меняется на желто-коричневый. Естественно, оба ученых не забыли попробовать манну. По мнению Боденхаймера, "у этих кристаллических зерен манны специфически сладкий вкус. Больше всего это похоже на вкус меда, когда он уже засахарился после долгого хранения"...

Данные экспедиции подтверждают также и другие детали библейского описания манны: "И собирали его рано поутру, каждый, сколько ему съесть; когда же обогрело солнце, оно таяло" (Исх. 16:21). И сейчас точно так же бедуины Синайского полуострова спешат как можно раньше по утрам собрать эту "Mann es-Sama" — "манну небесную", торопясь опередить жестоких конкурентов-муравьев. В отчете экспедиции говорится: "Они начинают собирать манну, когда температура почвы достигает 21 градуса по Цельсию — это происходит около 8.30 утра. Как только муравьи

начинают оживляться, манна исчезает. Должно быть, то же самое имелось в виду, когда в Библии говорится, что 'манна' таяла. Бедуины предусмотрительно не забывают тщательно закрывать горшки, в которые они собирают манну, чтобы муравьи не набросились на нее". Точно так же было и в дни Моисея, во времена пребывания израильтян в пустыне: "Но не послушали они Моисея, и оставили от сего некоторые до утра — и завелись черви..." (Исх. 16:20).

Появление манны зависит от благоприятных зимних дождей и из года в год бывает различным. В хорошие годы синайские бедуины могут собирать по утрам по четыре фунта манны на человека — это значительное количество, которого вполне достаточно для взрослого человека. Поэтому Моисей вполне мог отдать распоряжение сынам Израилевым: "...собирайте его каждый по столько, сколько ему съесть" (Исх. 16:6).

Бедуины делают из шариков манны пюре, которое считается вкусной и питательной добавкой к их однообразной пище. Манна действительно идет на экспорт, и если ее хранить как следует, она может стать "неприкосновенным запасом", поскольку сама по себе не портится: "И сказал Моисей Аарону: возьми один сосуд, и положи в него полный гором манны, поставь его пред Господом, для хранения в роды ваши" (Исх. 16:35)...».

Впрочем, распространенность манны на Синайском полуострове, к примеру для Флавия, не отменяло его чудесного происхождения: Флавий был убежден, что впервые «манн» начал выпадать по воле Бога именно для евреев, а уже затем это явление из чудесного стало обыденным.

Найдено было, кажется, и объяснение чуду «иссечения воды из скалы»: «Майору С. С. Джарвису, который был в 30-х годах губернатором Синая, довелось видеть подобное собственными глазами. "К рассказу о том, как Моисей высек источник скалы в Рефидиме, относятся как к настоящему чуду, но тот, кто писал об этом, ничего не присочинил. Несколько человек из отряда 'Синайский верблюд' остановились в пересохшем русле и принялись копать затвердевший песок, скопившийся у подножия скального выступа. Они пытались добраться до воды, которая просачивалась из известняковой скалы. Люди возились довольно долго, и наконец Баш Шавиш, сержант из цветных, сказал: 'Эй, дайте-ка мне попробовать!' Он взял у одного из людей лопату и начал рыть с таким видом, словно желал показать остальным, как это делается, но не собирался тратить на этот наглядный урок больше пары минут. Один из ударов лопаты случайно пришелся по скале. Известковая корка лопнула с громким треском, обнажился мягкий камень, и из пор известняка хлынул поток воды. Суданцы, прекрасно осведомленные о деяниях пророков, но не питающие к ним чрезмерного почтения, ошеломили сержанта криками: 'Смотрите на него! Пророк Моисей!' Вот чрезвычайно понятное объяснение того, что произошло, когда Моисей ударил по скале в Рефидиме".

С. С. Джарвис был свидетелем чисто случайного происшествя. Ведь люди в отряде "Синайский верблюд" были суданцами, а не уроженцами Синая, и не могли потому знать такой способ добывания воды... Очевидно, Моисей научился такому необычному методу, когда жил в изгнании среди мадианитян». Там, в Рефидиме, евреев ждало еще одно испытание.

Не успели они утолить жажду хлынувшей из скалы водой, не успели расположиться на отдых, как неожиданно в оазис ворвалась настоящая орда амалекитян — семитского народа, который, согласно Библии, вел свое происхождение от Исава, воинственного брата праотца Иакова, и унаследовавшего эту его черту. Иосиф Флавий утверждает, что амалекитяне были не просто прирожденными воинами, но и отличались особой жестокостью, внушавшей ужас всем окрестным народам. Ворвавшись на окраину еврейского лагеря, амалекитяне начали убивать всех, кто попадал им под руку — стариков, женщин, детей. В этот момент Моисей вместе с верным ему Иисусом Навином сумел собрать хорошо владевших мечами воинов из колена Ефрема и отбить атаку неведь откуда взявшегося и не знающего жалости врага.

Но когда стих шум боя, стало ясно, что он шел лишь с передовым отрядом амалекитян — на горизонте маячила их огромная, оцетинившаяся копьями и стремительно приближающаяся армия. К концу дня евреи и амалекитяне оказались друг против друга на расстоянии полутора-двух километров, и стало ясно, что столкновение между ними неизбежно.

При этом как еврейские предания, так и тот же Флавий утверждают, что амалекитяне шли на эту войну не одни — они лишь возглавляли огромную армию народов, живших на всей территории от Синая до Иордана. Однако по поводу целей этого похода мнения расходятся. Если одни комментаторы считают, что амалекитяне шли в бой, ведомые мистическими мотивами, стремясь не допустить получения евреями Торы, то другие — на основе прямого смысла текста — настаивают, что это был народ грабителей и мародеров, жаждавший только одного — грабить и убивать. Толпа рабов, вышедшая из Египта и вдобавок измученная долгим переходом и непривычными для нее тяготами пустыни, была, с их точки зрения, легкой добычей. Третьи комментаторы обращают внимание на то, что никакого противоречия между этими версиями нет, и обе они совершенно справедливы.

Однако Иосиф Флавий объясняет все происходящее с иной, военно-политической точки зрения. Появление в регионе огромной толпы людей, вышедших из Египта, серьезно напугало окрестных царьков. Они прекрасно понимали, что эта толпа попытается завоевать себе место под солнцем, то есть рано или поздно начнет претендовать на их земли. И, исходя из этого, они решили объединиться и нанести удар по незванным пришельцам прежде, чем те успеют окончательно освоиться на местности, сорганизуются и превратятся в мощную армию.

Большинство историков поддерживают версию Флавия, однако некоторые из них предлагают и несколько иную версию: амалекитяне, по их мнению, были одним из бедуинских племен, считавшими себя «хозяевами Синая» и не желавшими мириться с тем, что евреи стали пользоваться оазисами и источниками воды этого полуострова.

Но в любом случае амалекитяне угрожали самому существованию еврейского народа — одержи они победу, то наверняка вырезали бы всех мужчин, а женщин и девочек превратили бы в рабынь. И евреи, безусловно, прекрасно понимали, что речь идет о схватке не на жизнь, а на смерть.

Согласно Библии, в этот момент Моисей возлагает все обязанности по подготовке к грядущей войне на Иисуса Навина, поручая ему, как главе колена Ефремова, бывшему полководцу египетской армии, сформировать отряды из мужчин, выбрать для них командиров и определить диспозицию будущего боя. Сам же Моисей утром, когда начинается

битва, размещается на холме, с которого хорошо виден он сам, а ему — все происходящее, и воодушевляет евреев на бой, влияя на его исход с помощью своего посоха и одновременно моля Бога о даровании им победы:

«И сказал Моше Иегошуа: "Выбери нам мужей и выходи на войну с Амалеком. Завтра я встану на вершине холма с посохом Всесильного Бога в руке моей". И сделал Иегошуа как сказал ему Моше о войне с Амалеком, А Моше, Аарон и Хур вззошли на вершину холма. И было: как поднимет Моше руку свою, одолевал Израиль, а если опустит руку свою, одолевал Амалек. И отяжелели руки Моше, и взяли они камень, и подложили под него и он сел на него, а Аарон и Хур поддерживали руки его — один с одной, а другой с другой стороны, и были руки его тверды до захода солнца. И ослабил Иегошуа Амалека и народ его силой меча.

И сказал Бог, обращаясь к Моше: "Запиши это на память в книгу и внуши Иегошуа, что совершенно сотру Я память об Амалеке из Поднебесной". И воздвиг Моше жертвенник, и назвал его "Бог — мое чудо". И сказал: "Бог клянется Своим престолом, что война у него с Амалеком из рода в род"» (Исх. 17:9-16).

Флавий рисует куда более подробную картину как ночи перед боем евреев с амалекитянами, так и самого боя, и из нее видно, что Моисей играл самую непосредственную роль в подготовке к военным действиям. Он прекрасно понимал, что ни по своей боевой выучке, ни по смелости недавние рабы не могут сравниться с амалекитянами, а значит, исход сражения был поистине непредсказуем. И потому он велел хорошо обученным, вооруженным, как тяжелые пехотинцы, и вполне боеспособным отрядам колена Ефрема... отойти в тыл и занять позиции вокруг шатров, в которых находились женщины, дети и запасы столь драгоценной в пустыне воды. Таким образом, в случае, если бы еврейское войско побежало от амалекитян, тяжелая пехота защитила бы женщин и детей и дала бы им возможность отступить вглубь пустыни.

Только после этого, уже глубокой ночью Моисей вместе с Иисусом Навином начинает обходить сидящих у костров мужчин. Он видит в глазах у многих из них страх перед будущим столкновением с врагом, перед возможностью погибнуть в бою, и незаметно, мудрыми и простыми словами поднимает им настроение и боевой дух. Моисей напоминает о том, что совсем недавно, у моря, они были в худшем положении — у них не было оружия, они были окружены и, казалось, им некуда было бежать, однако Бог послал им спасение, да и они сами нашли в себе силы вести себя достойно. Нынешняя ситуация намного лучше: хотя амалекитяне хорошо вооружены, у них нет ни колесниц, ни даже конницы, которая была у египтян, то есть это будет бой двух армий пехоты. К тому же у евреев теперь есть оружие, с помощью которого они могут защитить себя и свои семьи...

Почувствовав, что настроение мужчин меняется, Моисей отдал Иисусу указание начать формировать боевые отряды, но только из тех мужчин, которые сами будут готовы идти в бой, а таких после его речей оказалось немало. Когда Иисус закончил построение армии и представил Моисею назначенных им командиров, последний вновь проявляет себя как вполне профессиональный военачальник — видимо, вспомнив свой давний египетский и кушитский опыт. Он произносит перед армией речь, в которой указывает, что одним из главных условий победы является дисциплина, готовность каждого солдата и каждого командира беспрекословно выполнить отданный ему приказ.

Далее Флавий рассказывает о том, что в течение всей ночи никто в еврейском лагере не спал: Моисей вызывал к себе командиров подразделений, беседуя с каждым из них по отдельности, чтобы еще раз убедиться в правильности выбора, сделанного Иисусом Навином. Командиры, в свою очередь, после беседы с вождем отправлялись к кострам, где сидели бойцы и выполняли данные Моисеем указания — точили мечи, тщательно проверяли исправность оружия и проводили ободряющие беседы.

Наконец, когда забрезжил рассвет, Моисей вновь появился перед выстроенной на равнине еврейской армией. Он произнес перед строем еще одну речь: сказал, что верит в ведущего их в бой Иисуса Навина и в каждого из них — верит в то, что они с помощью Бога сумеют защитить свои семьи и вернуться с победой.

Эта речь, по всей видимости, вызвала ликование в армии, и эти ликующие крики сопровождали Моисея все время, пока он поднимался на холм — своего рода командно-наблюдательный пункт, с которого он вместе с Аароном и Хуром, сыном своей сестры Мириам, следил за ходом сражения.

Само же сражение шло с переменным успехом: пока Моисей держал поднятые кверху руки, евреи одерживали победу, но как только руки у него уставали (напомним, что ему к тому времени было 80 лет) и он опускал их вниз, начинали терпеть поражение. Так продолжалось до тех пор, пока Аарон и Хур не начали постоянно поддерживать руки Моисея — и в результате евреи обратили амалекитян и их союзников в бегство и наголову их разгромили.

Эта грандиозная победа, как снова верно замечает Иосиф Флавий, имела огромное значение сразу с нескольких точек зрения.

Во-первых, она придала евреям уверенность в своих силах, убедила в том, что они способны не только воевать, но и одерживать победу над любым врагом, а заодно и их веру в Бога и то, что Он помогает им и хранит их в любой ситуации.

Во-вторых, она показала окрестным народам, что евреи отнюдь не так беззащитны и небоеспособны, как кажется, и столкновение с ними чревато самыми неприятными последствиями. Именно преподанный амалекитянам урок привел к тому, что в последующие сорок лет их странствий по пустыне они почти не подвергались нападениям неприятелей.

В-третьих, как и евреи, амалекитяне, по Флавию, двигались по пустыне со своим станом, то есть всем своим имуществом, и в результате победы евреям досталась богатая добыча: скот, золото, серебро, медная посуда, ткани, ковры и — самое главное — оружие, которое добавилось к тому, которое они собрали после гибели у моря египетского войска. Теперь евреи и в самом деле были вооружены до зубов и могли выставить армию, по численности и вооружению не уступающую и даже превосходящую армии всех окрестных народов. Это означало, что путь к завоеванию Ханаана был открыт.

Наконец, победа над амалекитянами чрезвычайно укрепила авторитет Моисея как духовного, так и военного и политического лидера нации, внушила народу подлинную любовь к нему.

Воздетые к Богу руки Моисея во время боя с амалекитянами стали вечным символом того, что боевой дух армии, убежденность каждого солдата в справедливости той войны, которую он ведет, а также в том, что Бог в этой войне на стороне его народа, значат не меньше, а порой и куда больше, чем численность армии и ее оснащение самым современным вооружением. И справедливость этой истины доказывает как история еврейского народа, так и история многих других народов нашей планеты.

Необходимо отметить, что для евреев сами понятия «Амалек» и «амалекитянин» превратились в символ антисемитизма; иррациональной, патологической ненависти к еврейскому народу и — одновременно — в символ тех сил и идеологий, которые активно не принимают моральных ценностей Библии. Согласно Ветхому Завету и Талмуду, амалекитяне — это единственный народ на планете, который должен быть уничтожен полностью, от мала до велика, без всякой пощады и к детям, так как несет в себе идеологию человеконенавистничества даже на генетическом уровне. Наказ еврейскому народу уничтожить амалекитян, не забывая о том, как они преградили путь к горе Синай, будет предельно четко звучать и в духовном завещании Моисея:

«Помни, что сделал тебе Амалек, когда уходили вы из Египта; как застал он тебя в пути и перебил всех ослабевших, что позади тебя, а ты был изнурен и утомлен и не побоялся он Всесильного. И будет, когда даст тебе покой Бог Всесильный твой от всех врагов твоих, что вокруг, в стране, которую Бог Всесильный твой дает тебе в удел, чтобы овладел ты ею, сотри память об Амалеке из Поднебесной, не забудь!» (Втор. 25:17—19).

Сегодня мы даже не можем с большей или меньшей степенью уверенности сказать, среди какого именно народа растворились амалекитяне, сойдя с исторической арены как нация. Однако загадка их происхождения и истории волнует многих исследователей, и мы еще вернемся к этому вопросу в следующей главе книги.

Глава вторая. У ГОРЫ СИНАЙ.

Итак, уважаемый читатель, мы с вами подошли к тому самому «водоразделу», к той незримой черте, где проходит граница между религиозным человеком и атеистом.

Невозможно быть иудеем, христианином или мусульманином и не верить в Синайское откровение — в то, что у горы Синай Бог явил себя стоявшим возле нее почти двум миллионам евреев и произнес там Десять речений — «Асара диброт», получивших на русском языке название Десяти заповедей и составляющих основу нравственного кодекса человечества.

С точки зрения иудаизма, да и любой другой монотеистической религии, Синайское откровение является главным событием или, по меньшей мере, одним из главных событий в истории нашей цивилизации, служащим доказательством существования Бога. Никогда — ни до этого, ни после — такое огромное число людей не бывали свидетелями Божественного откровения и одновременно не общались бы с Господом. Невозможно, говорят религиозные евреи, чтобы такое множество людей одновременно стали бы шизофрениками, слышавшими при этом один и тот же Голос, произносивший одни и те же слова. Невозможно, чтобы два миллиона человек одновременно подпали бы под массовый гипноз, стали жертвами хитроумных трюков своего вождя, или у всех у них была бы одна и та же массовая галлюцинация. Да еще вдобавок ко всему столь убедительная, что ни у кого из них не осталось ни малейшего сомнения в ее истинности, и память о ней на протяжении тысячелетий передается от одного поколения другому, и за верность которой тысячи и тысячи евреев на протяжении всей истории с готовностью жертвовали жизнями.

Одновременно Синайское откровение является контрапунктом и между теми верующими и атеистами, которые убеждены, что Моисей был вполне реальной исторической личностью. Для первых Моисей — это прежде всего величайший из всех живших на земле пророков; единственный, кто общался с Богом «лицом к лицу» и был исключительно проводником Его воли и ревностным передатчиком Его учения. Для вторых Моисей — это, возможно, выдающийся военный и политический лидер, некий образец вождя нации и одновременно гениальный философ, создавший религиозное учение, в значительной степени определившее ход человеческой истории — но не более (хотя и не менее) того.

Вчитываясь в текст Пятикнижия, повествующий о Синайском откровении, исследователи, придерживающиеся атеистического мировоззрения, находили веские, с их точки зрения, доказательства того, что события у горы Синай носили вполне объяснимый с точки зрения логики и законов природы характер.

К примеру, один из основоположников «вулканической теории» Синайского откровения французский ученый Ш. Бек, выдвинувший ее в 1873 году, обратил внимание на то, как в Пятикнижии описывается гора Синай накануне Божественного откровения.

«И было — на третий день, когда наступило утро, загремели громы, и засверкали молнии, и облако густое скрыло гору, и шофар затрубил очень громко, и содрогнулся весь народ, который был в стане. И вывел Моше народ навстречу Всесильному из стана, и встали у подножия горы. А гора Синай дымилась вся от того, что сошел на нее Бог в огне, и восходил дым от нее, как дым из печи, и сильно содрогалась вся гора. И звук шофа-ра становился все сильнее. Моше говорил, а Всесильный отвечал ему голосом...» (Исх. 19:16—19).

По мнению Ш. Бека (сам он к концу жизни отрекся от своей гипотезы) и его последователей, перед нами — не более чем... великолепное и вполне реалистическое описание действующего вулкана, к которому Моисей и привел свой народ. Из такой горы не только может восходить дым, напоминающий «дым из печи», но и доноситься различные звуки, которые можно принять то за трубление гигантского бараньего рога — шофара, то за чей-то громовой, внушающий ужас голос.

Так как время от времени такая гора изрыгает из себя потоки камней, с бешеной скоростью несущихся по ее склонам и способных с легкостью убить человека, то вроде бы становится понятным и то указание, которое получает Моисей от Бога:

«Проведи границу для народа кругом, говоря, остерегайтесь восходить на гору и прикасаться к краю ее — всякий, кто прикоснется к горе, неминуемо умрет. Не рукою он будет убит, но камнями будет он побит или сброшен вниз; скот ли, человек не останется в живых...» (Исх. 19:12—13).

Этой же версии вроде бы соответствует тот факт, что услышавших голос Бога евреев охватил панический ужас, и они попросили Моисея, чтобы Всевышний больше не говорил с ними напрямую, а общался только с Моисеем, а тот бы уже сообщал им Его заповеди.

З. Фрейд, к примеру, как уже писалось, был сторонником версии, что поначалу евреи поклонялись у горы Синай местному богу вулкана, который, как они верили, жил в ее глубинах. И все жертвоприношения, и прочие ритуалы служения в Храме, по версии Фрейда, начали складываться именно в период отправления евреями «вулканического культа».

И. Великовский, убежденный, что события Исхода происходили в момент столкновения Земли с кометой, видит подтверждение своей версии и в последующих событиях, описываемых Пятикнижием. Метеоритные дожди с неба и тучи пыли внешнего происхождения, по его мнению, вполне могли вызвать появление тех самых «облачного» и «огненного» столпов, которые сопровождали евреев во время их странствий по пустыне.

Самого непосредственного столкновения Земли с кометой, утверждает далее Великовский, не произошло, однако в момент, предшествующий их максимальному сближению, неминуемо должны были начаться мощные землетрясения и столь же мощные приливы и отливы. Во время одного из таких отливов и произошло «чудо рассечения моря». Текст, выбитый на египетской усыпальнице из черного гранита в Эль-Арише, по мнению Великовского, говорит все о том же событии на море: «Теперь, когда великий Ра-Хамашиса сразился со злодеями на этом озере, в месте водоворота, злодеи не одержали победу над Его Величеством. Его Величество прыгнул в так называемый водоворот. Его Величество нашел... на этом месте, называемом Пи-Кироф».

Пи-Кироф, по Великовскому, и есть тот самый библейский Пи-Гахирот (только в египетском произношении), у которого произошло чудо рассечения моря — уж слишком созвучны эти названия. То, что гигантские приливы и отливы, вызванные приближением кометы, неминуемо должны были сопровождаться нагревом морской и речной воды, мощными землетрясениями и вулканическими извержениями, по Великовскому, очевидно — ведь, подчиняясь закону всемирного тяготения, внутренняя оболочка нашей планеты должна была при этом как бы «рваться наружу».

Подтверждение этому Великовский находит как в псалмах Давида («Когда вышел Израиль из Египта, море увидело и побежало, горы прыгали, как овны, и холмы, как агнцы... Пред лицом Господа трепещи, земля!»), так и в письменных памятниках других народов. Так, в «Зенд-Авесте» утверждается, что «море кипело, и все берега океана кипели, и середина его кипела». В преданиях индейцев Северной Америки также утверждается, что кипел океан: «Он стал очень горячим, многие животные стали прыгать в воду, чтобы спастись, но вода начала кипеть...»

Не удивительно, пишет далее Великовский, что в момент перехода через Чермное море, согласно раввинистическим источникам, «Бог сражался против египтян в столпе туч и огня. Грязь была нагрета до кипения от огненного столпа», то есть дно моря, которое евреи переходили посуху, было горячим.

Однако Великовский на этом не останавливается, а идет дальше. Как уже указывалось, он считал принятую расшифровку египетской хронологии ошибочной и относил события Исхода к более раннему времени — периоду завоевания Египта гиксосами. Гиксосы, кочевники-семиты, то есть народ, родственник евреям, называвшиеся также аму, по версии Великовского, потревоженные космическими катастрофами, двинулись из пустыни в сторону Египта именно тогда, когда евреи оттуда выходили. И это нашествие гиксосов, по версии Великовского, происходило не около 1675 года до н. э., как считает большая часть авторитетных египтологов, а в 1495 году до н. э., то есть в год, который египтология определяет как промежуточный между правлением Тумоса I и Тутмоса II и о котором ничего определенного сказать не может.

Но если один большой народ выходил из страны, а другой народ входил в нее, то они... должны были где-то встретиться. «Безусловно! — отвечает на это Великовский. — И в Библии четко обозначено место, где произошла эта встреча: "И пришел Амалек воевать с Израилем"...»

Таким образом, Великовский отождествляет амалекитян с гиксосами — вопреки распространенной версии, что именно при гиксосах произошло возвышение Иосифа и расселение евреев как дружественного народа в Египте. Далее Великовский приводит свидетельства и египетских, и арабских историков, согласно которым гиксосы отличались каким-то невыносимым варварством, кровожадностью и жестокостью — настолько жуткими, что современные историки считают эти далекие свидетельства явным преувеличением. Но те, кто помнит зверства немецких нацистов, знают, до каких поистине невыносимых пределов может дойти человеческая жестокость. Гиксосы-аму, по Великовскому, были настоящим кошмаром не только для египтян и евреев, но и для всех окрестных народов. Однако только евреи объявили им поистине беспощадную войну, и именно первые еврейские цари Саул и Давид нанесли по гиксосам-аму-амалекитянам столь сокрушительный удар, что практически уничтожили их как народ, и египтяне смогли освободиться от их гнета.

Ирония истории, по мнению Великовского, заключается в том, что из-за близости языков, а возможно, и из-за внешнего генетического сходства египтяне путали евреев и гиксосов. Отсюда, считал он, и берет свое начало мировой антисемитизм, иррациональная ненависть к евреям — вместо того чтобы испытывать к евреям чувство благодарности как к освободителям Ближнего Востока, египтяне, а затем и другие народы перенесли на них свою ненависть к гиксосам.

Не менее любопытна и версия Великовского о том, что же произошло у горы Синай. В тот момент, когда евреи подошли к Синаю, писал он в своей книге «Столкновение миров», комета приблизилась к Земле настолько, что между ее ядром и земной атмосферой начали возникать сильные электрические разряды. Это могло привести как к извержению вулканов, так и к землетрясению, а заодно вызвать целый ряд небесных эффектов, которые неминуемо должны были повергать простых пастухов в ужас и трепет. Причем не исключено, что в день Синайского откровения

ядро кометы по своему местоположению находилось как раз над горой Синай, что неминуемо должно было эти эффекты усиливать. Именно этим Великовский объясняет известное еврейское устное предание, согласно которому гора Синай в момент дарования Десяти заповедей поднялась над евреями и нависла над ними, угрожая раздавить всех, если они откажутся принять их, и в то же время евреи в тот момент не могли уверенно стоять на ногах и поддерживались в воздухе некой неведомой силой. По Великовскому, и ощущение «поднимающейся горы», и некой поддерживающей евреев силы были «шутками» силы тяготения из-за подошедшего необычайно близко к Земле ядра кометы.

Отсюда уже недалеко до объяснения Великовским того, что именно евреи приняли за «глас Божий».

«В дни Исхода, когда мир сотрясся и качался, все вулканы извергали лаву, и все континенты встряхивало, земля стонала почти непрерывно, — пишет он. — На первой стадии катастрофы, по еврейским источникам, Моисей в молчании пустыни услышал звук, который он истолковал как "Я есть Суций" (Исход, 3:14). "Я есть Яхве", — услышал народ в ту самую страшную ночь у горы Законоположения (Исход, 20:2). "И вся гора сильно колебалась", и "звук трубный становился все сильнее и сильнее" (Исход, 19:18—19). "Весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и увидев то, народ отступил и внимал вдали" (Исход, 20:18).

Это было наилучшее положение для того, чтобы различить слова в ревящем голосе природы. Вдохновенный вождь переводил слова, которые он слышал в протяжных громopodobных раскатах. Земля стонала: уже не одну неделю все ее пласты смешались, орбита была нарушена, оси сбиты, ее океаны обрушились на континенты, ее моря превратились в пустыни, ее горы сдвинулись, ее острова затонули, ее реки потекли вспять — мир, залитый лавой, засыпанный метеоритами, с зияющими безднами, с горящей нефтью, извергающимися вулканами, качающейся землей, мир, окутанный дымом и паром.

Перемещение слоев земли и появление гор, землетрясения и извержения вулканов соединялись в дьявольском грохоте. Этот голос звучал не только в пустыне Синай; весь мир должен был слышать его. "Небо и земля гремели... Горы и холмы сдвигались", — говорится в мидраше. "Гром был рев небес, и земля отвечала ему эхом", — говорится в эпосе о Гильгамеше. У Гесиона огромная земля стонала, когда Зевс поразил Тифона своими громами: "Земля издавала ужасный грохот, как и бескрайнее небо над ней".

Сближение двух заряженных тел могло также производить трубные звуки, варьирующиеся по мере возрастания или уменьшения разделяющей их дистанции. Кажется, что это явление описано у псевдо-Филона как "перекличка труб между звездами и их Владыкой". Здесь мы можем проследить происхождение пифагорейского понятия "музыка сфер" и мысли о том, что звезды рожают музыку. Согласно мидрашиму, трубный звук на горе Синай имел семь различных ступеней высоты (или нот), а раввинская литература говорит о "небесной музыке", услышанной в момент явления: "При первом звуке небо и земля сдвинулись с места, моря и реки повернулись вспять, горы и холмы покачнулись на своих основаниях".

Гомер описывает подобную же ситуацию следующим образом: "Бескрайние просторы земли и небеса над ними звучали, как голос трубы". "Мир весь сгорает в звуках рога", — говорится в Волупе.

Согласно еврейским преданиям, все народы слышали гром законоположительной речи...»¹

Таким образом, Великовский, как, впрочем, и многие другие сторонники подобной версии Синайского откровения, отнюдь не спешит записать Моисея в фокусника, сумевшего ввести в заблуждение целый народ и внушить ему свои идеи. Нет, Моисей, дескать, it сам искренне верил, что слышит голос Бога, то есть наравнeсо всеми другими подвергся религиозной экзальтации.

Однако при всей своей любопытности гипотеза Великовского имеет и немало слабых сторон. К примеру, все историки убеждены, что колесницы на вооружении египетской армии появились именно при гиксосах, а так как Библия утверждает, что фараон преследовал евреев именно на колесницах, то значит, исход все же происходил позже вторжения гиксосов.

А потому давайте же обратимся к той картине происходящего, которую рисует сама Библия. Тем более что картина эта, как верно замечают и еврейские, и христианские теологи, содержит множество деталей, которые до сих пор не в состоянии объяснить ни один из исследователей-атеистов.

Пятикнижие предельно четко обозначает дату прихода евреев к горе Синай — 1 сивана 2448 года по еврейскому летосчислению, то есть спустя два с половиной месяца после того, как они покинули Египет, примерно в начале июня. Для самого Моисея это было одновременно исполнением и того, что обещал ему Всевышний во время Своего первого явления в пламени Неопалимой купины, и одновременно выполнением взятого на себя обязательства. Все, что говорил ему Бог тогда, во время их первого разговора, сбылось, и вот он снова здесь, у таинственной горы Синай, на этом «святом месте».

Очевидно, еще во время движения по пустыне Моисей направил посланцев в Мадиям к своему тестю Иофору и обозначил ему гору Синай как место будущей встречи. Кто знает, что творилось в душе Исфора, после того как он получил письмо от Моисея, какие мысли роились в его голове? Он прощался с зятем, когда тот, по меньшей мере внешне и по общественному статусу, был простым пастухом, а теперь ему предстояла встреча с великим вождем, человеком, за которым идут тысячи людей и который опирается на собственную армию...

Как тот примет его после столь чудесного превращения? Признает ли он его дочь в качестве супруги, а двух сыновей, Гершома и Элиэзера — как законных наследников? Однако уже первые минуты встречи рассеяли все сомнения — Моисей не только показал, что не собирается отречься от своей семьи из Мадиама, но и наоборот, всячески демонстрируя почтение к тестю и любовь к жене и детям, постарался подчеркнуть, что он остался прежним Моисеем, и гордыня совершенно не коснулась его.

«И пришел Итро, тесть Моше, и сыновья его, и жена его к Моше в пустыню, где находился он в стане у горы Всесильного. И передал он Моше: "Я, тесть твой Итро, иду к тебе, и жена твоя, и двое сыновей ее с нею". И вышел Моше

навстречу тестю своему, и поклонился, и поцеловал его, и приветствовали они друг друга, вошли в шатер...» (Исх. 18:5—7).

Разумеется, вслед за Моисеем, вышедшим навстречу Иофору в сопровождении своего брата Аарона и его сыновей Надава и Авигу, вышел из шатров и весь народ — приход тестя Моисея, его жены и детей стал значительным событием в еврейском стане, где немедленно начали готовиться к праздничному пиру.

Моисей, любивший Иофору, высоко ценивший его ум и духовные поиски и в какой-то степени считавший себя его учеником, спешил после долгой разлуки рассказать тестю обо всем, что с ним произошло за эти месяцы. Иофор с увлечением слушал рассказ зятя об обрушившихся на Египет казнях; о том, как они выходили из этой страны; о чуде рассечения моря и битве с Амалеком. Вместе с ним, как зачарованная, слушала рассказ мужа и Сепфора и, говорит мидраш, когда Моше дошел до того, как весь народ вслед за ним и за Мириам пел восторженную песню Господу, она даже всплакнула из-за того, что не видела своими глазами этих чудес и что ей не довелось петь вместе со всеми. Согласно другому мидрашу, за этот свой плач Сепфора удостоилась того, что в следующем своем воплощении появилась на Земле в образе пророчицы Деборы, песнь которой в честь победы над Сисрой считается одним из самых древних и прекрасных поэтических творений.

И все-таки Иофор слушал рассказ зятя несколько иначе, чем дочь. Он жадно ловил его слова о Боге, о Его указаниях Моисею, о том, как Он проявлял Свою власть над природными явлениями, животным миром и людьми, и чем дальше, тем больше убеждался в том, что именно Моисею, а не ему было явлено то откровение, которого он ждал всю жизнь, и что на этот раз речь идет не о некоем бездушном идоле или об отвлеченной идее, а о раскрытии подлинного Владыки мира. В сущности, Иофор сам давно уже пришел к идее единого Бога как единственной силы, управляющей природой и человеческим обществом, но теперь он получил этому доказательства.

«И радовался Итро всему тому благу, которое сделал Бог Израилю, вызволив его из Египта. И сказал Итро: "Благословен Бог, который избавил вас от руки египтян и от руки фараона, который избавил этот народ от власти Египта, теперь узнал я, что Бог выше всех божеств: поразил он их тем, что они злоумышляли против вас"» (Исх. 19:9—11).

Затем было принесение жертвоприношений и, само собой, пир в честь Иофора, в котором приняли участие Аарон и все старейшины Израиля.

Дальше Библия задает нам еще одну загадку:

«И было на завтра: сел Моше судить народ, и стоял народ около Моше с утра и до вечера. И увидел тесть Моше все, что делает тот народу, и сказал: "Что это ты делаешь народу?! Почему это ты сидишь один, а весь народ стоит перед тобой с утра и до вечера?!" И сказал Моше тестю своему: "Потому что приходит народ ко мне вопрошать Всесильного. Когда бывает у них дело, доходит оно до меня, и я сужу между одним человеком и другим, и объявляю законы Всесильного и указания Его". И сказал тесть Моше: "Нехорошо то, что ты делаешь. Изнеможешь и ты, и народ этот, который с тобою, ибо слишком тяжело для тебя это дело, и не сможешь ты один совершать его. А теперь послушайся меня: я посоветую тебе, и будет Всесильный с тобою: будь ты у народа посредником Всесильного, и представляй ты дела Всесильному. А им сообщай законы и указания и указывай путь, по которому им идти, и дела, которые им делать. Ты же выбери из всего народа людей дельных, боящихся Всесильного, людей правдивых, не терпящих корысти, и поставь их над народом главами тысяч, главами сотен, главами пятидесяти и главами десяти. И пусть они судят народ во всякое время, и будет: всякое важное дело представят они тебе, а всякое дело малое судить будут сами. Если сделаешь так, и Всесильный повелит тебе это, то сможешь устоять, и весь народ этот прибудет на свое место в мире". И послушался Моше тестя своего, и сделал все, что тот посоветовал...» (Исх. 19:13-24).

Таким образом, поначалу, увидев Моисея, восседающего на троне, и стоящий перед ним с утра до вечера народ, Иофор обвиняет зятя в гордыне. Моисей в ответ объясняет, что гордыня тут совсем ни при чем: он разбирает каждую жалобу и отвечает на вопросы каждого человека в отдельности. Но Иофор настаивает на том, что даже если гордыня и в самом деле ни при чем, то, в любом случае, заставляя людей часами стоять на ногах, Моисей демонстрирует неуважение к народу, и предлагает простой и логичный выход: децентрализовать власть, назначить различные судебные инстанции и делегировать им свои полномочия, оставив за собой лишь решение важнейших, судьбоносных для нации проблем. И после того как Моисей спросил Бога о том, угоден ли Тому совет Иофора, он назначает тысячников, сотников и десятников.

Комментаторы расходятся во мнениях, когда именно Иофор подал Моисею этот совет: одни считают, что их разговор состоялся на следующее утро после прихода в стан израильтян тестя Моисея, другие — что гораздо позже, уже после того, как Моисей спустился с Синая со вторыми Скрижалями Завета и «сел судить народ». Однако на самом деле не так уж важно, когда именно произошел этот разговор. Гораздо важнее, что в связи с ним возникает резонный вопрос: что это за лидер, который не додумался до столь обычного, принятого практически у всех народов способа управления?

Именно в этом эпизоде многие комментаторы усматривают доказательство того, что Моисей прежде всего был пророком, идеальным преемником и передатчиком сообщаемой ему Богом информации, и все его выдающиеся качества вождя объясняются не врожденными чертами личности, а лишь тем, что он исполняет указания Свыше.

«Нет для нас ничего более назидательного, чем эта информация о самом первом юридическом институте еврейского государства, приводящаяся непосредственно перед главой о даровании Закона, — писал раввин Ш. Р. Гирш. — Моше сам по себе был столь далек от образа гения-законодателя, столь скромным был его талант организатора, что он должен был учиться самым первым элементам государственного устройства у своего тестя. Человек, который измучивал себя до крайнего изнеможения и которому и в голову не пришло принять такое простейшее решение, равно выгодное и ему, и его народу; человек, для которого необходимо было выслушать этот очевидный совет от Итро, такой человек никогда не смог бы дать народную конституцию и законы из собственной головы, такой человек был только — именно поэтому — наилучшим и самым верным инструментом Бога»¹.

Однако трудно допустить, что Моисею, выросшему во дворце фараона и бывшему в свое время знатным вельможей, были незнакомы элементарные принципы организации власти и управления народом. И в связи с этим данному эпизоду напрашивается другое, куда более естественное и логичное объяснение.

Дело в том, что Древний Египет был, по меткому замечанию В. В. Струве, «бюрократической монархией»². Бюрократический аппарат этой страны был поистине огромен и крайне сложен; каждое прошение, каждое дело любого жителя, от вельможи до простолюдина, до вынесения окончательного решения должно было пройти огромное множество инстанций, что вызывало понятное возмущение народа. Не исключено, что Моисей поначалу намеренно попытался решать все дела лично и на месте, чтобы не уподобляться египтянам и избежать обвинения в бюрократизме. Но Иофор убедил его, что такой порядок ведения дел лидером целой нации попросту немыслим и в итоге представляет собой другую крайность. Поэтому передача властных полномочий и разделение ветвей власти является разумным и необходимым шагом.

Вместе с тем децентрализация власти и появление отчетливых низовых властных структур настоятельно требовали создания единого и обязательного для всех законодательного кодекса, которым эти структуры могли бы руководствоваться.

И таким кодексом и стала Тора — Пятикнижие Моисеево.

Так как Моисей предупредил народ, что у горы Синай произойдет некая мистерия, которая кардинальным образом изменит всю его последующую жизнь, то в еврейском стане царило необычайное воодушевление, невольно способствовавшее возникновению чувства всеобщего братства, любви и единения.

Когда евреи окончательно обустроились у Синая, Моисей «поднялся к Богу». Обычно под этими словами подразумевается то, что Моисей взшел на гору Синай и там говорил с Всевышним «лицом к лицу». Однако такие выдающиеся еврейские философы, как Абарбанель и Рамбам (Маймонид), настаивают на том, что это был подъем в состоянии медитации: физическое тело Моисея осталось на земле, в еврейском стане, но его душа унеслась в горние выси для общения с Творцом Вселенной. Как мы увидим дальше, Моисей в совершенстве владел этим искусством, мог медитировать сколь угодно долго, и тело его при этом казалось безжизненным.

В момент разговора с Богом Моисей получил указание, какими словами он должен объяснить людям смысл грядущей мистерии: если народ Израиля возьмет на себя бремя Его закона, он станет совершенно особым народом, который на протяжении всей последующей истории будет храним Богом как самое дорогое сокровище и который в итоге принесет знание о едином Боге остальному человечеству. И можно верить или не верить в Бога, однако нельзя не видеть исполнения данного обещания: несмотря на все выпавшие испытания, еврейский народ продолжает свое существование, и религия, основание которой было положено у подножия Синая, привела в итоге к рождению двух мировых религий — христианства и ислама.

Вернувшись в свое физическое тело (либо спустившись с горы Синай), Моисей вновь призвал к себе старейшин, которым поручил немедленно собрать народ, чтобы он мог передать всем слова Бога.

Иосиф Флавий приводит довольно длинную речь, которую Моисей произнес в тот день перед евреями. Он начал с того, что сейчас говорит не просто как сын Амрама и Йохевед, а как посланник Творца Всевышнего и именно так они должны относиться ко всем его указаниям. Следует признать, что это был чрезвычайно удачный прием для убеждения в неоспоримости его лидерства — прием, к которому затем на протяжении тысячелетий интуитивно или вполне осознанно будут прибегать многие народные вожди. С одной стороны, Моисей провозглашает, что он — человек из народа, такой же рядовой член общества, как и все остальные — многие еще наверняка помнят его родителей, многие числят себя друзьями его семьи. И посыл — «Я один из вас» — невольно помогает толпе отождествлять себя с лидером, внушает любовь к нему.

Но, с другой стороны, определяя свое лидерство как миссию, исходящую Свыше и потому не подлежащую оспариванию, внушающую священный трепет и благоговение, он неизмеримо поднимается над толпой и делает все свои указания подлежащими исполнению без всякого обсуждения.

Однако, как выясняется из дальнейшего текста Библии (Исх. 24), Моисей отнюдь не требовал от народа слепого повиновения. Он сказал, что суть союза, который евреи заключат с Богом, состоит в принятии обязательств верности Его законам, и тут же разъяснил, в чем именно будут состоять эти законы, несущие в себе поистине Высшую правду и Высшую справедливость. Речь Моисея у Синая была столь убедительна и зажигательна, что сынов Израиля охватила гордость за выпавшую им судьбу стать первыми на земле носителями Божественного закона, и ни у кого не возникло и тени сомнения, участвовать в предстоящей мистерии или нет.

Тогда Моисей и объявил, что прежде чем Бог будет лично говорить с ними, Он предписывает евреям в течение трех дней очищать свои тела и души. Все мужчины и женщины должны были окунуться в водоем с проточной водой и окунуть в них свои одежды и, кроме того, в течение всех трех дней очищения им было запрещено вступать в интимные отношения. При этом в эти дни им не просто запрещено подниматься на гору Синай, но даже притрагиваться к земле, которая находится за чертой, предупредив, что нарушителя этого запрета ждет сверхъестественная смерть.

И эти условия, как сообщает Библия, были приняты сынами Израиля с воодушевлением: «И ответил весь народ, как один, и сказали: "Вое, что Бог сказал, сделаем..."» (Исх. 19:8).

Видимо, уже после этого Моисей записал все сказанное им в свиток, положив, таким образом, начало написанию одной из главных книг человечества — Торы, или Пятикнижия Моисеева. Сам этот свиток рассматривался им как текст договора между еврейским народом и Богом, и его завершающие слова — «И ответил весь народ, как один, и сказали: "Все, что Бог сказал, сделаем"» — были равносильны подписи, которую поставил под текстом каждый еврей.

Закрепление же договора, согласно древнему обычаю, должно было сопровождаться закланием животных и совместным пиром, и потому на следующее утро Моисей поставил у стана жертвенник, возле которого воздвиг двенадцать обелисков, каждый из которых символизировал одно из колен Израилевых. Затем он взял в руки и стал

громогласно зачитывать написанный накануне свиток, и вновь народ выдохнул в едином порыве: «Сделаем и услышим!» — выражая тем самым готовность безоговорочно выполнять волю Творца.

После этого началось заклинание жертвенных быков, кровь которых Моисей собрал в специальную чашу. Половину этой крови он вылил на жертвенник, а оставшейся половиной, по одной версии, стал кропить весь народ, а по другой — окропил двенадцать обелисков, символизировавших этот народ. Но, независимо от того, какая из этих версий является верной, смысл ритуального действия Моисея был прекрасно понятен всем собравшимся — это была священная кровь союза, заключаемого между Богом и Израилем.

Уже после этого Моисей объявляет новое повеление Бога: он снова должен подняться на гору Синай, и до определенного места его должны сопровождать туда его брат Аарон, сыновья Аарона, Надав и Авигу, а также семьдесят старейшин. Под почтительное молчание толпы процессия из семидесяти четырех человек начала подниматься на окутанную туманом гору. Здесь, на указанном Моисеем месте, они остановились, и их посетило чудесное видение: «И увидели они Всесильного Бога Израиля; а под ногами Его — нечто подобное кирпичу из сапфира, прозрачного, как небесная вись...»

Тысячи комментаторов Библии на протяжении столетий ломали головы над толкованием этих слов. При этом всем было понятно, что свидетели этого чуда не могли видеть Бога, так как Он не имеет образа, и слова про Его ноги — не более чем попытка передать свои впечатления в доступных человеческому восприятию терминах. Ряд комментаторов считают, что Моисей, Аарон, Надав, Авигу и старейшины видели Престол Славы Всевышнего, выглядевший, словно он был сделан из сапфира, однако следует учитывать, что и Престол Славы — это не некое подобие трона, а духовное понятие.

Абарбанель утверждает, что они видели некую первичную материю, протовещество, из которого была сотворена Вселенная, и из этой же материи, а не из обычного сапфира, и были сделаны первые Скрижали Завета, переданные Богом Моисею. Другой еврейский философ — Бахья — считает, что эти слова Библии означают, что Моисей и его спутники погрузились в состояние глубокой медитации и приобщились к Высшему знанию, Абсолютной мудрости. При этом он исходит из того, что драгоценный камень сапфир считается символом мудрости, и не случайно его название созвучно еврейскому слову «сефер» — «книга». Кроме того, мистики уподобляют сапфир третьему глазу, а сам третий глаз всегда ассоциируется с цветом сапфира, передающим состояние медитации, сосредоточенности на каком-то объекте.

Вечером эта процессия вернулась в еврейский стан, и так закончился этот день — 5 сивана 2448 года по еврейскому летосчислению.

Наконец наступил третий день очищения. Утром, перед самым рассветом, огромный еврейский стан проснулся от звука, напоминающего звук гигантского бараньего рога — настолько протяжного и резкого одновременно, что сердца невольно наполнились трепетом. Когда рассвело, собравшимся у Синай открылось поистине ошеломляющее зрелище. Над горой висело огромное, необычайно плотное облако; между ним и вершиной то и дело сияли гигантские всполохи молний и вслед за ними гремели оглушительные раскаты грома и, словно отвечая им, из чрева горы выходил густой дым, и время от времени вырывались языки пламени.

Однако, повинаясь указаниям Моисея, люди стали выходить из стана и располагаться вокруг горы Синай. В тот момент, когда весь еврейский народ стал у Синай, и до того содрогавшаяся гора затряслась так, словно была живым существом, бьющимся в ознобе. Казалось — еще немного, и она оторвется от земли и повиснет в воздухе, а затем рухнет на стоящих возле нее людей. А звук бараньего рога тем временем все усиливался и усиливался, становясь нестерпимым. И в тот самый момент, когда казалось, что выдерживать такое напряжение больше нет сил, люди явственно услышали голос Бога, призывавшего Моисея подняться на гору — и голос этот, который невозможно было спутать ни с каким другим, внушал куда больший трепет, чем то, что они принимали за звук рога.

Там, на вершине горы, Бог снова напоминает Моисею о том, как важно предупредить народ от смертельно опасных попыток подняться на гору, и дает ему указание спуститься вниз и встать вместе со всеми остальными — чтобы люди удостоверились, что это не Моисей говорит с ними с горы Синай, каким-то чудесным способом многократно усилив силу голоса, а сам Всевышний, Творец и Владыка Вселенной.

Когда Моисей оказался вместе со всем народом внизу, звук рога снова взлетел на немыслимую высоту, и вслед за этим послышался Голос Бога, начавшего произносить Десять речений — Десять заповедей.

«Я Бог Всесильный твой, Который вывел тебя из страны Египетской, из дома рабства» (Исх. 20:2) — таковы были первые слова Всевышнего, предписывающего евреям верить в Него и во всех поколениях помнить об исходе из Египта и связанных с ним чудесах.

Вторая Его фраза уже была непосредственно заповедью, так как содержала прямой запрет на поклонение идолам и обожествление кого-либо или чего-либо и одновременно несла важную информацию о природе самого Бога:

«Да не будет у тебя других Богов, кроме Меня. Не делай себе изваяния и всякого изображения того, что на небе наверху и что на земле внизу, и того, что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я — Бог, Всесильный твой, Бог-ревнитель, карающий за вину отцов детей до третьего и четвертого поколения, тех, кто ненавидит Меня, и творящий милость на тысячи поколений любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Исх. 20:3—6).

Суть Третьей заповеди заключается прежде всего в запрете использовать имя Всевышнего для подтверждения любой лжи и неправды, то есть в даче ложных клятв или клятв, произнесенных без всякой необходимости:

«Не произноси имени Бога своего Всесильного попусту, ибо не простит Бог того, кто произносит имя Его попусту» (Исх. 20:7).

Четвертая заповедь явно обращена только к еврейскому народу, хотя затем ее социальный смысл был расширен и отчасти перенесен на все народы планеты:

«Помни день субботний, чтобы освятить его. Шесть дней работай и делай всю работу свою, а день седьмой, суббота — Богу Всесильному твоему. Не совершай никакой работы ни ты, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни

пришелец твой, который во вратах твоих. Ибо шесть дней творил Бог небо и землю, море и все, что в них, и почил в день седьмой. Поэтому благословил Бог день субботний и освятил его» (Исх. 20:8—11).

Пятая заповедь касается одной из основ построения семьи:

«Чти отца своего и мать свою, дабы продлились дни твои на земле, которую Бог Всесильный твой дает тебе» (Исх. 20:12).

Остальные пять заповедей касаются взаимоотношений человека с ближними и самих основ существования общества:

«Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не отзывайся о ближнем своим ложным свидетельством.

Не желай дома ближнего своего; не желай жены ближнего своего, ни раба его, ни рабыни его, ни быка его, ни осла его и ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20:13—14).

Мы еще вернемся к сути этих заповедей в главе «Учение Моисея», а пока обратим внимание, какими необычными красками рисует Пятикнижие момент получения Десяти заповедей:

«А весь народ видел звуки и пламя, и звук шофара, и гору дымящуюся, и как увидел народ, содрогнулись и стали поодаль. И сказали они Моше: "Говори ты с нами и услышим. Пусть не говоритснями Всесильный, а то мы умрем"..."» (Исх. 20:15—18).

Здесь нет никакой ошибки или опечатки: все комментаторы настаивают, что в момент провозглашения Десяти заповедей, или дарования Торы, как называют это событие евреи, органы чувств у всех стоявших как бы смешались между собой, и они получили возможность видеть звуки и слышать цвета, то есть у них было синкретическое восприятие происходящего.

При этом, согласно преданию, Бог произнес вначале все десять заповедей как одну единую заповедь, а затем начал уже повторять их раздельно. Душевное и физическое напряжение при звуках Его голоса было настолько велико, что человек не выдерживал, и потому, после того как прозвучала Первая заповедь, согласно мидрашу, все стоявшие у горы Синай евреи умерли, но Бог тут же вернул их к жизни. Затем прозвучала Вторая заповедь — и снова последовали смерть и воскресение всех стоявших. Впрочем, следует отметить, что все комментаторы подчеркивают, что данный мидраш не следует понимать буквально, однако сходятся во мнении, что в те великие минуты как бы стерлась граница между Высшими мирами и реальностью; сами понятия жизни и смерти утратили смысл, а вместе с вполне материальными евреями, недавно вышедшими из Египта, находились и души всех сыновей и дочерей еврейского народа, которым только предстояло родиться. То есть не только это, но и все грядущие поколения принимали на себя обязательство хранить верность этим заповедям.

Далее ряд комментаторов считают, что уже после произнесения Богом Второй заповеди евреи обратились к Моисею с просьбой упрости Всевышнего перестать говорить Самому и передавать остальные заповеди через Моисея. После этого, говорит устное предание, Моисей отделился от толпы и взойшел на Синай, который был окутан «арафелем». В современном иврите это слово означает «туман», однако, по мнению Раши, это слово следует переводить как «густое облако», в то время как Бахья переводит его как «светящийся туман», а раввин Гирш и Радак — как «сплошная мгла».

Теперь, когда Моисей стоял на Синае, а народ находился у подножия, голос Господа слышал только он, но вот голос Моисея, повторявшего речения Бога, слышал весь народ от мала до велика, ибо голос пророка приобрел невиданную до того мощь и силу — современный человек решил бы, что Моисей говорит в микрофон, соединенный с мощными динамиками.

Когда же все смолкло и наступила оглушительная тишина, евреи еще долго стояли у Синая, пытаясь осмыслить то, что с ними только что произошло.

Так закончился великий день 6 сивана 2448 года (1312 год до н. э.) — день, который и сегодня отмечается евреями как праздник дарования Торы, или Шавуот. На русском языке этот праздник называется Пятидесятница, ибо все эти события произошли на пятидесятый день после выхода евреев из Египта.

И позвал Он Моше на седьмой день из облака. И явилась слава Бога в виде огня пожирающего на вершине горы на глазах у сынов Израиля. И вошел Моше в облако, и взойшел на гору. И был Моше на горе сорок дней и сорок ночей» (Исх. 24:15—18).

Что именно делал Моисей на горе Синай, покрыто глубокой тайной. Возможно, именно в течение этих сорока дней ему были сообщены все 613 заповедей, содержащихся в Пятикнижии, переданы наставления по сооружению Ковчега Завета и устройству Переносного храма¹, а также открыты величайшие тайны мироздания. Но так это или нет, а если даже и так, то каким именно образом передавалась ему эта информация, мы не знаем.

Все то же устное предание утверждает, что время первого диалога с Богом на горе Синай Моисей, будучи пораженным открытыми ему Всевышним тайнами мироздания, Моисей сложил 91-й псалом (в синодальном переводе Библии — псалом 90):

«Посвященный в тайну Всевышнего, под сенью Всемогущего обитает. Скажу Господу: Ты мое прибежище и моя крепость, мой Бог, на которого я уповаю...» (Пс. 91 [90]: 1—2)².

Еврейская традиция утверждает, что Моисей является автором десяти псалмов, вошедших в сборник канонических песнопений Теилим (Псалтырь) — с 90-го по 100-й (в синодальном переводе — с 89-го по 99-й). Первый из этих псалмов, вероятно, был написан еще до прихода Моисея в Египет и отразил его размышления о природе Бога и характере Его взаимоотношений с человеком:

«Молитва Моше, человека Божьего. Господи, обителью ты был для нас из рода в род. Прежде, чем родились горы и создал Ты землю и Вселенную, от века и до века — Ты Бог! Доводишь Ты человека до изнеможения и говоришь:

"Возвратитесь, сыны человеческие!" Ибо тысяча лет в глазах Твоих, как день вчерашний... Ибо все дни наши прошли в гневе твоём, растратили мы годы наши быстро, как звук. Дни лет наших — семьдесят лет, а если сильны — восемьдесят лет, и надменность их суета и ложь, ибо быстро мелькают они, и умираем мы...» (Пс. 90 [89]: 1—10).

Таким образом, в этом и в остальных своих псалмах Моисей утверждает все те же идеи монотеизма, провозглашает Бога вершителем судеб как отдельных людей, так и целых народов, несущего людям только благо. И даже если порой кажется, что в мире торжествуют ложь и несправедливость, то эта картина обманчива. Это ощущение, утверждает Моисей, возникает от того, что человеку не дано проникнуть в замыслы Бога, увидеть полную картину происходящего во временной перспективе и понять, что все в итоге оборачивается к добру. В жизни выигрывает всегда тот, кто делает выбор в пользу добра и выполнения нравственных законов Бога:

«Как величественны дела Твои, Господи, очень глубоки помыслы Твои. Человек невежественный не знает и глупец не понимает этого. Когда разрастаются нечестивые, как трава, и процветают все творящие беззаконие, это для того, чтобы быть истребленными навеки... И видел глаз мой, как пали враги мои, о восстающих на меня злодеях слышали уши мои. Праведник, как пальма расцветет, как кедр в Леваноне возвысится. Насажденные в доме Господнем, во дворах Бога нашего расцветут они. Еще и в старости расти будут, станут тучны и сочны, чтобы возвещать, что справедлив Господь, крепость моя, и нетв Нем несправедливости» (Пс. 92 [91]: 6—10, 12—16).

Еврейские мистики утверждают, что в псалмах Моисея, помимо прямого смысла, закодированы весь будущий ход человеческой истории и величайшие тайны мироздания, и все эти тайны были открыты ему именно тогда, во время пребывания пророка на горе Синай...

Между тем дни проходили за днями, и с каждым новым днем в народном стане возрастала тревога: что будет, если Моисей не вернется к указанному им сроку? Кто вообще знает, что могло случиться с ним на горе Синай? Ведь в горах одинокого путника то и дело подстерегает множество опасностей: он может сорваться в пропасть, на него может напасть дикий зверь, его может завалить камнепадом в пещере. Наконец — кто знает? — он мог просто не выдержать встречи лицом к лицу со своим невидимым Богом и умереть от разрыва сердца!

Возможно, именно это усиливающееся нервное напряжение и привело к тому, что евреи не то чтобы сбились со счета, но ошиблись в определении срока возможного возвращения Моисея. Тот, говоря о сорока днях, имел в виду, что пробудет на Синае сорок полных суток, в то время как народ вел счет с неполного дня, в середине которого пророк начал свое восхождение на гору.

На тридцать девятый день отсутствия Моисея в лагере началась настоящая паника. Кто-то бродил по стану, как помешанный, и спрашивал, куда теперь идти, кто выведет их из этой пустыни — ведь без надежного проводника они будут блуждать в ней, пока не умрут от голода и жажды. Другие бились в истерику и вопрошали: где Моисей, что с ним стряслось, жив ли он вообще?! Третьи призывали на помощь Бога и, не получая ответа на свои мольбы, начинали поднимать кулаки в сторону неба. Напрасно Аарон и Хур ходили от шатра к шатру и пытались успокоить людей, убеждали их, что Моисей вот-вот вернется. Паника нарастала, и сеяли ее в основном «эрев рав» — прибившиеся к евреям египтяне. Теперь все произошедшее всего сорок дней назад мнилось иллюзией, видением, которому не стоило доверять, и они вспоминали о величественных храмах Египта, олицетворяющих мощь его богов.

В это время в лагере израильтян, говорит мидраш, и появился откуда ни возьмись хананейский жрец, который, согласно преданию, конечно, был никаким не жрецом, а самим Сатаной, этим ангелом-обвинителем, принявшим облик ха-нанея.

— Стоит ли полагаться на какого-то призрачного невидимого Бога?! — вещал он. — Нет, следует задобрить божеств реальных, которые помогут нам в наших бедах и горестях!

— Не слушайте его! — обратился к толпе Аарон. — Помните, что сказал вам Бог, когда вы стояли у Синая: «Я — Господь! Да не будет у тебя иных Богов, кроме Меня!» Вспомните клятву, которую вы дали Богу через Моисея!

— Моисей?! — усмехнулся жрец. — Силою моих чар я могу вам показать, что случилось с вашим Моисеем!

Жрец воскурил благовония, и к небу взметнулся густой белый дым. Постепенно он развеялся, и перед глазами евреев предстало ущелье, на одном из отрогов которого неподвижно лежало тело их вождя.

Моисей был мертв — в этом лагере не было никаких сомнений.

Глава третья. «КТО ЗА ГОСПОДА - КО МНЕ!»

Давайте, читатель, чуть остановимся и попробуем снова посмотреть на происходящее глазами человека, не верящего в Божественную природу Синайского откровения. Ему не так-то сложно объяснить все происходящее с чисто рациональных позиций — скажем, с позиций социопсихологии.

Тот факт, что Моисей, побудив ведомый им народ пережить необычайный душевный подъем, неожиданно покидает его, можно объяснить как угодно. Можно тем, что, реализовав определенную часть задуманного плана, он почувствовал потребность уединиться и тщательно обдумать следующий этап. Это звучит тем более логично, что для Моисея, как и для любого лидера, было крайне важно внушать людям ощущение, что у него продуман каждый шаг, что он прекрасно предугадывает последующее развитие событий и с легкостью находит решения возникающих проблем. Понятно, что, оставшись без вождя, совершенно еще неприспособленные к самостоятельной жизни и вдобавок абсолютно незнакомые ни с пустыней, ни с искусством выживания в ней, бывшие рабы просто не могли не запаниковать — их реакция на «исчезновение» Моисея выглядит вполне естественной и психологически оправданной.

Но можно найти уходу Моисея на сорок дней и куда более циничное объяснение. Скажем, его желанием доказать, что здесь, посреди пустыни, ему нет замены как лидеру — и с точки зрения этой версии он прекрасно понимал, что без него в лагере начнется паника, и вернулся только после того, как она началась.

Но в том-то и дело, что вся дальнейшая логика повествования, весь последующий ход событий опровергает эти и другие подобные версии. Чтобы понять это, давайте снова вернемся к все тем же древним источникам.

Мидраш говорит, что видение, вызванное принявшим облик языческого жреца Сатаной, не было ложным. Тело Моисея и в самом деле лежало в это время на отроге ущелья, и с точки зрения физических законов нашего мира было мертво или выглядело как мертвое. На время разговора с Богом, поясняет это предание далее, душа Моисея отделилась от материальной оболочки, и состояние, в которое погрузился пророк, не было простым сном — все процессы жизнедеятельности на этот период прекратились.

Видение мертвого Моисея настолько потрясло евреев, что даже те из них, кто до сих пор не поддавался общему настроению, впали в истерику. Тут обращенные в рабство египтянами и вышедшие вместе с евреями из Египта жрицы-моавитянки поняли, что пробил их час. Облачившись в прозрачные ритуальные одежды, взяв в руки бубны и призывно покачивая бедрами, они появились перед толпой.

— Не Бог мертвого Моше, а великие боги Египта и Моава поведут вас в землю Ханаанскую. Так воздайте же им почести! — пели они.

И вот уже наэлектризованная ими толпа обступает Аарона.

— Сделай нам божество вместо Моисея, которое поведет нас дальше, ибо этот человек, Моисей, который вывел нас из Египта — не знаем, что стало с ним!

Библия, как обычно, вмешает множество происходивших в эти часы событий в несколько коротких предложений:

«И сказал им Аарон: "Снимите серьги из ушей ваших жен, сыновей и дочерей, и принесите их мне". Снял весь народ золотые кольца со своих ушей и принес их Аарону. И взял тот из рук их, и обработал резцом, сделал литого тельца, и воскликнули они: "Вот твое божество, Израиль, которое вывело тебя из страны Египетской!" И увидел Аарон, и построил жертвенник перед ним, и объявил Аарон: "Завтра — празднество в честь Бога!" И встали они назавтра пораньше, и вознесли жертвы всежожения, и уселся народ есть и пить, и поднялись забавляться..."» (Исх. 32:2—6).

Устные предания вновь рисуют все происходящее куда более подробно. Если верить им, увидев со всех сторон наседающую на него толпу, требующую сделать им идола вместо Моисея, Аарон испугался — испугался, что его убьют. Но вот объяснения этому страху различные толкователи Библии дают разные. Аарон испугался за народ — ведь если бы тот убил его, то нарушил бы заповедь «Не убий». То есть вдобавок нарушения заповедей, касающихся отношений с Богом, евреи нарушили бы важнейшую заповедь, касающуюся отношений между людьми — и тогда бы точно подлежали уничтожению, — считают наиболее идеалистически настроенные комментаторы.

Однако другие комментаторы убеждены, что речь идет об обычном человеческом страхе: Аарон испугался не за народ, а за себя — за собственную жизнь, за жизнь своей семьи. А потому, прекрасно сознавая преступность требований толпы, вместо того чтобы попробовать вразумить ее, предпочел сделать вид, что полностью подчиняется их воле. На самом же деле он решил любой ценой тянуть время в надежде, что Моисей вот-вот вернется, и тогда все само образуется.

Именно поэтому он потребовал, чтобы для изготовления идола были собраны серьги из ушей жен и детей — он был уверен, что женщины не захотят так просто отдавать свои украшения. Так все и оказалось, однако мужчины были настолько охвачены религиозным экстазом, что, не слушая возражений, вырывали серьги из ушей своих жен, а также — чтобы быстрее завершить сбор необходимого количества золота, отдавали Аарону свои собственные украшения.

Затем Аарон отправил все собранные украшения на переплавку, чтобы затем вырезать идола из получившейся болванки. И тут снова версии расходятся. Одни мидраши утверждают, что во время этой переплавки золото — то ли под влиянием все того же Сатаны в облике хананейского жреца, то ли благодаря кому-то из египтян, владевшему колдовством, — само собой приняло форму тельца. Другие источники утверждают, что находившиеся в стане египтяне изначально поместили золото в форму тельца — хорошо знакомого им Аписа, бога плодородия, одного из воплощений Осириса.

Согласно третьим мидрашам, в результате переплавки получилась вытянутая золотая болванка, которой Аарон резцом стал придавать форму тельца — что вновь позволяло ему потянуть время.

Четвертые настаивают на том, что евреи с самого начала требовали у Аарона сделать идола именно в виде тельца, так как во время Синайского откровения среди множества видений, представших перед ними, было и видение тельца — духовного существа и в самом деле имеющего некое сходство с этим земным животным.

Как бы то ни было, когда телец был закончен, прибившиеся к евреям египтяне, опознав знакомый им образ, но стремясь внушить евреям, что это и их бог тоже, закричали: «Вот божество твое, Израиль, которое вывело тебя из Египта!»

В этот момент у сына Мириам Хура сдали нервы. Вспомнив наказ Моисея, он встал между народом и "еще горячим от огня идолом и закричал:

— Опомнитесь, люди! Вспомните, что все мы слышали вон там, у Синая: «Да не будет у тебя других Богов, кроме Меня. Не делай себе изваяния и всякого изображения того, что на небе наверху и что на земле внизу, и того, что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я — Бог, Всесильный твой, Бог-ревнитель... Не навлекайте беды на себя и своих детей!..»

Но закончить начатую речь Хур не успел — чей-то метко пушенный камень попал ему в лоб, и он рухнул на землю. С залитым кровью лицом Хур поднялся, но тут же был сбит с ног новым камнем, ударившим его в грудь. Камни все продолжали лететь уже и тогда, когда безжизненное тело Хура уже лежало на земле — сотни людей приняли участие в этой кровавой расправе.

Когда все было кончено, труп сына Мириам отнесли за границу стана и бросили там, даже не похоронив. Нам остается только догадываться, с каким чувством смотрел на убийство племянника Аарон, прекрасно сознавая, что на его месте вполне мог быть он сам.

И тем не менее начать немедленно служение в честь тельца Аарон отказался, отложив его на завтра и объяснив это народу тем, что ему еще нужно сложить для этого жертвенник.

Сооружение жертвенника заняло у Аарона весь вечер, а утром, едва занялся рассвет, самые ретивые поклонники нового «божества» стали будить народ «на праздник». Так и случилось, что уже до полудня в честь тельца были принесены многочисленные жертвы, затем начался грандиозный пир, пляски, а вслед за ним и разнузданные языческие оргии...

И вот тут, на три с половиной тысячи лет опережая приемы кинематографа, в тексте Пятикнижия стремительно меняется ракурс: ближний план сменяется дальним, и мы вдруг видим все происходящее с иной точки — не изнутри еврейского стана, а так, как это видится из Высших миров беседующим между собой Моисею и Богу.

Точнее, Бог, согласно библейскому тексту, действительно, словно на огромном экране, видит все происходящее в стане, и от Него не остается сокрытой ни одна, самая мелкая подробность. Моисею же, как становится понятным из дальнейшего, этого видеть было не дано, он мог только знать о происходящем со слов Бога, и это обстоятельство, как мы скоро увидим, является ключом к пониманию дальнейших событий.

«И говорил Бог, обращаясь к Моше: "Иди вниз, ибо растлился твой народ, который вывел ты из страны Египетской. Быстро сошли они с пути, который Я заповедовал вам, — сделали себе литого тельца, и пали ниц перед ним, и принесли ему жертвы, и сказали: вот божество твое, Израиль, которое вывело тебя из страны Египетской"...» (Исх. 32:7—8).

Эти слова Бога звучат как речь прокурора, уличающего подсудимого в нарушении закона. В самом деле, разве евреям не было сказано «Не делай себе изваяния и всякого изображения» — а они сделали золотого тельца! Сказано им было «не поклоняйся» — а они «пали ниц перед ним»! Заповедано им было «не служи им» — а они принесли ему жертвы! Наконец, самая первая заповедь звучала как «Я — Бог Всесильный твой, Который вывел тебя из страны Египетской, из дома рабства» — но никто из евреев не возразил, когда перед ними провозгласили «Вот божество твое, Израиль, которое вывело тебя из страны Египетской»!

И дальше Бог вроде бы готов вынести смертный приговор еврейскому народу, а заодно делает Моисею... весьма заманчивое предложение:

«А теперь оставь Меня и воспылает Мой гнев на них, и уничтожу Я их, а от тебя произведу великий народ!» (Исх. 32:10).

Отказавшись менее чем через сорок дней от взятых на себя обязательств перед Всевышним, евреи вроде бы вполне заслужили такую участь. С другой стороны, если Всевышний произведет новый великий народ от Моисея, то Он никак не нарушит обетование, данное ему праотцам еврейского народа Аврааму, Исааку и Иакову о том, что он сделает их потомков великим и вечным народом — ведь Моисей тоже является потомком этих трех праотцев.

Но вот тут-то и оказывается, что Моисея такое изменение хода мировой истории никак не устраивает. Истинный глава народа, он не мыслит себя без народа и вне народа; его личная судьба неразрывно связана с судьбой его народа — и тем самым Моисей являет нам пример поведения вождя нации на все времена. Одновременно в самих словах Господа Моисей слышит скрытый намек на просьбу удержать Его от столь радикальных действий — ведь тот, кто уже принял решение, не обращается с просьбой к собеседнику оставить его и отойти в сторону, чтобы привести данное решение в исполнение — он просто совершает то, что задумал. Если это справедливо по отношению к человеку, то тем более справедливо по отношению к Богу. И Моисей решает использовать данный ему шанс, но как?! Видимо, осознав, что просто просить Всевышнего за еврейский народ в данном случае малоэффективно, он приводит другие доводы.

Во-первых, говорит Моисей, подобным шагом Всевышний не только не будет способствовать осуществлению Своего трансцендентного плана о приведении всего человечества через евреев к признанию существования Творца и необходимости исполнять Его волю, но и породит искаженное представление о Нем.

Во-вторых, Моисей убеждает Всевышнего, что это будет прямым нарушением Его обетований Аврааму, Исааку и Иакову.

Но — самое главное! — в ответ на упрёки Всевышнего в адрес Моисея о том, что это его народ сбился с пути, Моисей мягко и ненавязчиво поправляет Бога: нет, это — Твой народ, Ты сам назвал его Своим народом и таковым он и остается:

«И стал умолять Моше Бога Всесильного Своего, и сказал: "Зачем, Боже, гневаться Тебе на народ Твой, который вывел Ты из страны Египетской мощью великой и дланью могучей? Зачем допускать, чтобы египтяне говорили: на беду Он их вывел — чтобы убить их в горах и стереть их с лица земли. Отступись от гнева Твоего и передумай — не губи народ Свой! Вспомни Авраама, Ицхака и Якова, рабов Твоих, которым Ты поклялся Самим Собою и говорил им: умножу потомство ваше, сделаю многочисленным, подобно звездам небесным, и всю ту страну, о которой Я говорил, отдам вашим потомкам, и будут они владеть ею вечно".

И передумал Бог, решив не делать того зла, которым он угрожал народу Своему» (Исх. 32:11—14).

Но значил ли отказ Бога от намерения уничтожить еврейский народ, что Тот окончательно сменил гнев на милость и собирается по-прежнему исполнить данные праотцам этого народа обещания? Ответа в тот момент Моисей так и не получил — он очнулся лежащим на жестких камнях горы Синай и обнаружил рядом с собой две сапфировые Скрижали Завета с выбитыми на них Десятью речениями. Согласно раввинистической традиции, эти, первые Скрижали Завета были квадратными, размером в шесть на шесть ладоней (48х48 сантиметров) и толщиной в три ладони (24 сантиметра). Эта же традиция утверждает, что они не были творением рук человеческих, а представляли собой трансформацию духовного, «небесного сапфира» в материальный сапфир, а потому вырезанный на них текст Десяти заповедей читался с обеих сторон одинаково.

Когда Моисей спустился с вершины Синая, его встретил Иисус Навин, и дальше они уже продолжили путь вдвоем. Вскоре их взору открылись шатры, стоявшие на окраине стана, и донесся гомон. Иисус пригляделся — и заметил неподалеку от одного из шатров брошенный на съедение диким зверям труп Хура.

— Что случилось? — спросил Иешуа учителя. — В стане идет битва?

— Не похоже, — ответил Моисей. — В шуме битвы боевой клич победителей всегда мешается с воплем терпящих поражение... Нет, я слышу только песнопения и крики восторга!

Чем ближе подходил Моисей к стану, тем мрачнее и тревожнее становилось у него на душе. Он вновь и вновь мысленно возвращался к своему разговору с Богом. И чем дальше, тем яснее осознавал, что сотворение золотого тельца означало крушение самой идеи единственности Бога, под знаменем которой и по большому счету ради которой и произошло освобождение евреев из египетского рабства. Даже если допустить, что евреи не отказались от веры в единственного Творца Вселенной и видели в тельце всего лишь «заместителя», «преемника» Моисея, это означало, что самому Моисею — человеку из плоти и крови — они приписывали некие черты божества, без которого Сам Всевышний, исключительно Своей волей, не может творить историю. И сама по себе эта мысль была посягательством на чистоту идеи монотеизма.

Но Библия утверждает, что в подлинную ярость Моисей пришел после того, как вместе с Иисусом Навином дошел до центра лагеря и увидел отвратительные языческие игрища вокруг золотого тельца. Дело в том, что слова «и поднялись забавляться» многие комментаторы трактуют как эвфемизм сексуальной оргии.

Но в чем именно заключалась эта оргия? По всей видимости, участники пляски вокруг золотого тельца начали совокупляться перед ним -г- как известно, в языческих культах секс был одной из форм служения богам. Однако, если учесть, что еврейское предание настаивает, что в служении золотому тельцу принимали участие только мужчины, то выходит, что и... игрища вокруг его изваяния носили гомосексуальный характер. Если все так, то это полностью объясняет последующее поведение Моисея и его кровавую, крайне жестокую, расправу с участниками оргии — весь текст Библии однозначно свидетельствует, что Моисей был нетерпим к каким-либо сексуальным отклонениям и половой распущенности вообще и был убежден, что их носители однозначно подлежат смерти.

Дошедшие до нас описания египетских религиозных культов включают в себя сексуальные оргии, однако, что касается культа Аписа, то, согласно историческим источникам, служение ему заключалось в обнажении, неких сексуальных жестах и демонстрации половых органов (то есть своеобразной игре, «забавах») перед его статуей в образе быка. Не исключено, что именно эти игрища и имеет в виду Библия, когда говорит «...и уселся народ есть и пить, и поднялись забавляться» (Исх. 32:6).

Именно зрелище оргии вокруг золотого тельца привело Моисея в ярость, так как до того он лишь слышал от Бога о том, что произошло, однако сама картина происходящего, как уже говорилось, была скрыта — поэтому он представлял ее лишь умозрительно. К тому же Всевышний ни словом не упомянул, до какой мерзости, до какой степени нравственного падения скатились евреи в служении золотому тельцу. Словом, Моисею при виде «забавляющихся» евреев стало ясно, что дело обстоит куда хуже, чем он себе представлял.

Раввин Ш. Р. Гирш в своих комментариях дает блестящее объяснение, почему пляски и оргии в честь тельца были расценены Моисеем как деяние куда более худшее, чем само его изготовление. До тех пор пока народ требовал у Аарона отлить золотого тельца, мотивируя это теми или иными логическими доводами, это означало, что они в состоянии прислушаться к голосу разума, и на этом этапе их можно было вполне убедить отказаться от заблуждения с помощью той же логики. Но пляски и оргии означали, что с интеллектуального плана заблуждение перешло на эмоциональный, стало как бы второй натурой этих людей — и с этого момента они становятся совершенно глухи к доводам разума. На все доводы они теперь будут приводить контрдоводы, оправдывающие их скотское поведение, и при этом упорно не замечать, что в этих доводах отсутствует какая-либо логика.

О том, что происходило дальше, хорошо известно любому, даже никогда не читавшему Библию человеку — Моисей разбивает полученные им от Бога скрижали:

«И было, когда он приблизился к стану и увидел тельца и пляски вокруг него, воспылал гнев Моше, и бросил он скрижали, которые нес в руках, и разбил их о подножие горы...» (Исх. 32:19).

При этом обычно данная сцена воспринимается как еще одно доказательство, что в состоянии гнева Моисей совершенно не владел собой, а между тем впадал он якобы в это состояние достаточно легко и часто. Однако если задуматься и внимательно вчитаться в текст Библии и мидрашей, то становится ясно, насколько поверхностной является подобная версия событий.

Если бы Моисей впал в безудержную неконтролируемую ярость, он бы разбил скрижали тут же, как только увидел пляски вокруг тельца. Но он продолжает свой путь к главной площади стана, месту народного гульбища и, только оказавшись в его центре, более того, видимо, поднявшись на какое-то возвышение — подножие горы или холма, в гневе на глазах у всех разбивает Скрижали Завета.

Все это невольно наводит на мысль, что хотя Моисей, безусловно, гневался, и сильно гневался, он отнюдь не терял контроля над собой. Напротив — он прекрасно осознавал, что делает. Скажем больше: совершенно понятно, почему Моисей поступает именно так.

Если он в эту минуту начал бы взывать к толпе, попытался бы прочитать ей проповедь, то есть стал бы обращаться к ее разуму, его бы закидали камнями, как Хура — хотя само появление Моисея, которого считали погибшим, вне сомнения, произвело определенное впечатление. Но в тот момент, когда вместо каких бы то ни было слов Моисей поднимает над головой драгоценные скрижали и на глазах у всех с диким криком разбивает их вдребезги, это производит на разгулявшихся людей ошеломляющее впечатление'. На какие-то мгновения они впадают в состояние шока. В лагере устанавливается гробовая тишина, и Моисей спешит воспользоваться достигнутым эффектом: схватив золотого тельца, он бросает его в пылающий на жертвеннике огонь и подкидывает туда поленья, чтобы пламя разгорелось жарче.

Это повергает толпу в новый шок: люди заворуженно следят за тем, как тот, кого они только что считали богом или символом бога, на глазах расплывается, теряет форму и превращается в сверкающую на солнце тягучую жидкость, а Моисей все продолжает и продолжает наращивать температуру пламени, пока эта жидкость не загорается и не

превращается в темный порошок. Дальше Моисей бросает этот порошок в чан с водой, зачерпывает из него воду и протягивает ее столпившимся вокруг него людям, предлагая им выпить эту воду.

«Первый поступок Моисея состоял в том, чтобы посредством какого-то конкретного действия дать понять народу, что бог их заблуждений — полнейшее ничтожество, — комментирует эту сцену раввин Ш. Р. Гирш. — Он не только разбил тельца, но и приказал каждому члену своей нации физически участвовать в полном разрушении этого бога. Люди должны были, так сказать, выпить своего бога... Тот факт, что никто и пальцем не пошевелил, чтобы спасти своего бога от рук "этого человека Моисея", и то, что ни один не отказался выпить прах своего идола, было первым знаком покаяния в народе и в то же время доказательством того, что более энергичное воздействие могло бы уберечь людей от заблуждения»¹.

С этой точки зрения становится понятным, почему свои первые словесные претензии Моисей обращает не к народу, а к Аарону.

— Что тебе сделал этот народ, что ты ввел его в такой страшный грех?! — вопрошает он брата.

Это еще один вечный урок лидерства: с точки зрения Моисея, подлинные вожди нации никогда не должны искать объяснения тех или иных трагических событий в том, что толпа поддалась своим низким инстинктам и стала неуправляемой. Роль политического и идейного лидера как раз и заключается в том, чтобы уметь пресекать подобные вспышки, уметь вести за собой народ, поворачивать его настроения в нужное ему русло, а не потакать пагубным желаниям людей. Своим вопросом к Аарону Моисей провозглашает, что лидер всегда несет ответственность за деяния своего народа и за его нравственное и духовное состояние, и никакие отговорки здесь неприемлемы.

И Аарону не остается ничего, кроме оправдания и возложения, по меньшей мере, части вины за случившееся на людей.

— Ты же знаешь, каков этот народ, когда он одержим злом, — говорит Аарон.

Но пока Аарон подробно отчитывался Моисею о происшедшем, напряжение в стане нарастало. Шок прошел, и теперь те, кто решил, что служить таким идолам, как телец, куда приятнее, чем суровому Богу Моисея, начали явственно сжимать кольцо вокруг пророка и его брата, и их намерения не вызвали никаких сомнений.

В этой ситуации Моисей (тот самый Моисей, которого так часто на протяжении истории обвиняли в неумении владеть собой) проявляет поистине железное хладнокровие.

— Кто за Господа — ко мне! — выкрикивает он короткую фразу, и несколько сотен левитов, словно очнувшись от оцепенения, бросаются к нему на помощь.

И дальше Моисей произносит следующие слова, наверняка пугающе звучащие для слуха современного человека.

— Так сказал Бог, Бог Израиля, — говорит Моисей левитам. — Повесьте каждый свой меч на бедро и пройдите по стану, туда и сюда, от ворот до ворот, и убивайте — каждый своего брата и каждый своего друга и каждый своего родственника из тех, кто принимал участие в плясках вокруг тельца!..

Нигде в Библии мы не находим подтверждения тому, что Бог отдал Моисею такое распоряжение. Нет, в данном случае речь явно идет о решении, принятом им сугубо самостоятельно и ссылка на то, что «так сказал Бог» нужна ему лишь для того, чтобы ни у кого не возникло сомнений в правомочности и справедливости отданного страшного приказа. В сущности, перед нами — одно из самых древних описаний гражданской войны, в которой брат шел на брата, сын на отца, друг на друга именно по идеологическим, а не каким-либо другим соображениям.

«И сделали левиты, как повелел Моше, и пало в тот день из народа около трех тысяч человек. И сказал Моше: "Сегодня посвятились вы для служения Богу, потому что каждый из вас показал готовность убить собственного сына и собственного брата по приказу Его, заслужили вы сегодня благословение"» (Исх. 32:28-29).

Можно, наверное, долго спорить о том, насколько прав был Моисей, отдавая приказ, приведший к убийству почти трех тысяч человек. Однако многие — не только теологи, но и историки — считают эти его действия вполне оправданными: если он действительно задался целью сформировать народ, верный идее единственного Бога, то только такие решительные и необычайно жесткие меры могли на том этапе истории убедить евреев, что Моисей может снисходительно отнестись к попыткам оспорить его право на лидерство, но никогда не позволит покуситься на данный через него Закон, на саму идею единственности Творца Вселенной и Его безграничной власти над природой и человечеством. Тем более, повторим, что, вероятно, служение золотому тельцу приняло формы, вызывавшие у Моисея такое омерзение, что он не испытывал к участникам этого служения и тени жалости.

Так — похоронами Хура и трех тысяч отступников — закончился жаркий и долгий день 17 таммуза 2448 года по еврейскому летосчислению, лета 1313 года до н. э.

Глава четвертая. ПРОЩЕНИЕ.

По поводу последовавших затем событий снова существует несколько мнений.

По одной из версий, на следующий день, объявив народу, что он отправляется к Богу умолять Его окончательно простить грех золотого тельца и повести их в Землю обетованную, Моисей снова поднимается на гору и проводит там восемьдесят дней подряд. Он опять покидает свое тело и поднимается в Высшие духовные миры, через сорок дней возвращается в физическое тело, но только затем, чтобы в тот же день вернуться для продолжения разговора с Богом, — согласно еврейской мистике, тело не может быть оставлено душой более чем на сорок дней; по истечении этого срока душа не в состоянии возобновить процессы жизнедеятельности, и тело окончательно умирает.

По другой версии, Моисей, поднявшись в первый раз к Богу, очень быстро вернулся на землю, однако отделился от народа, поселился вне стана, поставив свой шатер у самого подножия горы Синай. Над этим шатром зависло облако, означавшее присутствие Всевышнего. Затем, спустя почти полтора месяца, Моисей снова взойшел на гору Синай и уже оставался там в течение сорока дней.

Однако независимо от того, какая из версий ближе к реальности, Библия подчеркивает, что последующие восемьдесят дней были для Моисея днями наиболее напряженного общения с Богом.

И, пожалуй, нигде больше так ярко не проявляется натура Моисея, как во время его второго диалога с Господом. Напомним, что после того как Всевышний известил Моисея о создании золотого тельца и высказал намерение уничтожить весь народ, кроме него, с намерением, чтобы уже от него, Моисея, произвести новый народ, прощения за грех идолопоклонства еще не последовало. Да и не могло последовать, так как пока было непонятно, как люди поведут себя после возвращения в стан Моисея, устыдятся ли они содеянного и расскаются ли в нем.

И вот сейчас, когда стыд и раскаяние вроде бы овладели сердцами евреев, Моисей снова предстает перед Богом — на этот раз в надежде получить прощение и новые Скрижали Завета, играющие роль своего рода официального «оригинала» договора между Богом и еврейским народом, материальным подтверждением Синайского откровения.

Читателю Библии неизвестно, что сказал Бог в начале нового диалога с Моисеем, однако текст позволяет нам предполагать, что Он повторил угрозу уничтожить еврейский народ или просто бросить его на произвол судьбы, а Свой союз с Авраамом, Исааком и Иаковом продолжить через Моисея. Разумеется, если бы события повернулись именно так, мы бы имели иную, чем сегодня, Библию и, соответственно, несколько иную версию истории человечества.

Но, признавая греховность народа, Моисей не просто молит Бога о прощении, но вступает с ним в жесткий спор. Более того — в какой-то момент этого спора он начинает дерзить Богу и в определенной степени бросает Ему вызов:

«И вернулся Моше к Богу и сказал: "Совершил этот народ страшный грех и сделали они себе золотого идола. И потому простишь ли их? И если нет, — то прошу Тебя — сотри и меня из книги Твоей, которую Ты написал!"» (Исх. 32:31—32).

Во всей Библии есть только три эпизода, в которой Всевышний сообщает своим избранникам, что задумал тотальное уничтожение множества людей.

Первым, кто получил такое сообщение, был Ной. Но, узнав о грядущем Всемирном потопе, Ной и не подумал просить Бога о милосердии для современников. Он был праведником, но праведником только для себя и только «в своем поколении» — то есть по сравнению с другими жившими в его эпоху людьми.

Вторым таким человеком стал первый из праотцев еврейского народа Авраам. Когда ему стало ясно, какую участь уготовил Бог жителям Содомы и Гоморры, Авраам вступил с Ним в спор, моля пощадить всех горожан ради живущих в этих городах праведников. Но когда Авраам получает ответ от Бога, что во всем Содоме нет и десяти праведников, он сдается и прекращает молитву.

Моисей же не просто спорит с Богом за свой народ — он идет в этом споре до конца. «Если Ты намерен уничтожить этот народ, то уничтожь вместе с ним и меня, ибо я часть этого народа; я не желаю становиться начатком какого-либо иного народа; моя судьба и его судьба неразделимы. Если Ты решил изменить свой план хода истории человечества, то меня это не касается, я не желаю быть частью этого нового плана — лучше сотри меня из той Книги жизни, в которую в момент Сотворения мира были внесены имена всех, кому предстоит пройти по земле!» — вот смысл слов Моисея.

При этом пророк не мог осознавать, что своим требованием стереть его из Книги жизни он ставит Бога в тупиковую ситуацию: ведь даже в случае появления альтернативного плана человеческой истории Моисею была уготована решающая роль. И потому ответ Бога на эту дерзость выглядит жестким и уклончивым одновременно:

«Того, кто согрешил передо Мной, сотру Я из Книги Моей!» (Исх. 32:33).

«Кто ты такой, чтобы указывать Мне, как Я должен поступать?! Если бы Я захотел, Я и в самом деле с легкостью стер бы тебя из Своей Книги и поставил бы на твое место кого-то другого! И главная Книга человечества вполне могла бы обойтись и без упоминания твоего имени. Но Я буду судить и тебя, и твой народ по справедливости, не обращая внимания на эту твою дерзость» — таков смысл ответа Бога Моисею.

И снова Библия уклоняется от передачи напряженного диалога между Богом и Моисеем во всех подробностях, но из его обрывков видно, что сначала Бог смягчается и отказывается от идеи уничтожения еврейского народа (на самом деле Он отказался от этой мысли еще прежде, чем Моисей начал спускаться со скрижалями с горы Синай), однако Он отказывается и заниматься дальнейшей судьбой этого народа, сохранить за ним его избранность.

Тогда Моисей силой своей молитвы убеждает Бога исполнить Свое обетование. И Бог соглашается это сделать, но отвечает, что теперь, после происшедшего, Он сам больше не будет указывать путь евреям и идти с ними, а определит для этих целей какого-нибудь ангела.

Но Моисею снова этого мало — он начинает настаивать, что тем евреи и отличаются от других народов, что вести за собой их должен сам Бог; никакого ангела в качестве своего поводыря и духовного учителя они не примут. И в итоге Моисей добивается того, чтобы Господь принял и это его условие.

Второй, немаловажной частью этих диалогов Бога с Моисеем стало сообщение и скрупулезное разъяснение последнему, как деталей строительства Переносного храма, который евреям предстояло соорудить на время пребывания в пустыне, так и тех законов, на основе которых они должны были строить повседневную жизнь.

И наконец, на Синае Моисею довелось пережить еще одно глубочайшее мистическое переживание, которое в научно-популярных книжках по библеистике обычно определяется как попытка Моисея «увидеть Бога». В ответ, пишут обычно авторы подобных книг, Бог сказал Моисею, что никто не может увидеть Его лица и остаться в живых, а потому Он разрешил пророку увидеть Его только со спины.

Действительно, в Библии есть строки, которые можно истолковать и подобным, крайне примитивным образом:

«И сказал Моше: "Пожалуйста, открой мне Славу Твою!" и ответил Бог: "Я проведу перед тобой все благо Мое, и провозглашу перед тобой имя Бога, но помилую Я лишь того, кого решу помиловать, и пожалею лишь того, кого решу пожалеть". И еще сказал Бог: "Ты не сможешь увидеть лицо Мое, потому что не может увидеть Меня человек и остаться в живых". И сказал Бог: "Вот есть в моем мире место: встань на этой скале. И будет так: когда будет проходить мимо тебя Слава Моя, помешу Я тебя в расщелину скалы и укрою своей ладонью, и увидишь ты меня сзади, но лицо Мое не будет увидено тобою"» (Исх. 33:18-23).

Разумеется, подчеркивают комментаторы, этот текст не следует понимать буквально, так как основу основ еврейского монотеизма составляет положение о том, что у Всевышнего нет никакого материального образа. Антропоморфные выражения «Его длань», «Его лицо» и т. д. вводятся лишь для того, чтобы объяснять текст с помощью доступных для людей понятий и образов. Таким образом, речь в вышеприведенном отрывке идет о сложнейших мистико-философских понятиях.

Вот как комментируется данный отрывок в классическом издании Библии «Сончино».

«...Моше просит раскрыть ему то, что ни один человек не в состоянии постичь; то, что не может быть описано ни на одном языке. Причина его просьбы — не любопытство. Он должен знать, каковы цели Всевышнего, на основе каких принципов Он будет управлять народом и какие требования будет к нему предъявлять. Моше ожидает, что Божественное присутствие вернется к народу и раскроется на новом уровне... Всевышний отказывается исполнить просьбу Моше и говорит, что ни один живой человек не может выдержать того уровня раскрытия Божественного присутствия, о котором он просит... Моше, спрятавшись в пещере, сможет, скрывшись в момент приближения

Славы Всевышнего, увидеть некий Его образ в момент удаления. Таким образом, он не увидит непосредственного проявления Всевышнего, которое можно назвать "лицом", он сможет увидеть только те изменения, которые оно произвело в окружающем мире. Такое опосредованное восприятие называется "видением со спины". Такое видение подобно восприятию человека, не успевшего разглядеть корабль, скрывшийся из его поля зрения. О размерах и скорости движения судна он может догадываться только по той волне, которую оно подняло»¹.

Окончательно то, что Всевышний решил простить еврейский народ и возобновить Свой союз с ними, Моисей понял в тот момент, когда Бог велел ему изготовить вторые Скрижали Завета, — ведь, как уже было сказано, скрижали и являлись материальным подтверждением этого союза, своего рода «брачным договором» между евреями и Богом. Вторые скрижали должны были быть точной копией первых, но, в отличие от них, сотворенных на Небесах, Моисею самому предстояло вырезать их из камня. А после того как он справился с этой работой, на них, по распространенному преданию, чудесным образом возникли буквы, сложившиеся в Десять заповедей. Еврейская традиция настаивает именно на такой версии происхождения вторых скрижалей для того, чтобы подчеркнуть: Десять заповедей были начертаны на скрижалях самим Всевышним, без всякого участия Моисея, и потому ни один смертный уже не мог оспаривать то, что они несут в себе Высшую, а потому и неоспоримую истину.

При этом (все это, напомним, исключительно согласно еврейским преданиям) Господь открыл Моисею местонахождение залежей сапфиров, из которых тот должен был вырезать скрижали. Это месторождение находилось прямо под тем местом, где Моисей разбил шатер. Вернувшись с Синая в свой шатер, Моисей обнаружил, что имевшихся в нем камней хватает не только на изготовление скрижалей, но и для того, чтобы сделать его в одночасье необычайно богатым человеком. До этого, утверждает мидраш, у него, в отличие от всех остальных евреев, не было никакого личного имущества: ведь он пришел в Египет только с посохом в руке, а когда евреи просили у египтян «одолжить» им свое имущество и одежду, Моисей не последовал их примеру. Не последовал же он этому потому, что, не будучи в рабстве, не имел права и на компенсацию за него. Но самое примечательное заключается в том, что из самой бедности Моисея следует, что он выполнял свою миссию совершенно бескорыстно, не требуя за это никакой награды. Думается, таких лидеров-бессребреников в истории человечества было немного — если, конечно, они были вообще.

После того как вторые Скрижали Завета были готовы, Моисей снова в полном одиночестве поднимается на вершину Синая — и оттуда на сорок дней к Богу.

По одному из преданий, именно в эти сорок дней Всевышний продиктовал Моисею весь текст Пятикнижия, прочно запечатлев каждую букву в его памяти. Согласно другому, текст этот диктовался Богом Моисею и записывался последним на протяжении всех последующих сорока лет блужданий по Синайской пустыне. В эти же сорок дней Моисею была продиктована та часть Книги Исхода, в которой содержалось обещание Всевышнего отдать во владение евреям земли, заселенные хананейскими народами, и выдвигалось требование не заключать никаких союзов с этими народами; не вступать с ними (и вообще с представителями любых языческих народов) в браки; не только не участвовать в их языческих культах, но и проявлять по отношению к ним крайнюю нетерпимость; посвящать Богу каждого первенца из скота; соблюдать субботы и праздники и т. д.

Но — самое главное — проходя «мимо» Моисея, Всевышний сообщил ему тринадцать своих имен-качеств, взывая к которым можно пробудить Его милосердие:

«Господь, Господь — Бог Всесильный, Милостивый и Милосердный, Долготерпеливый; Тот, чьи Любовь и Справедливость безмерны; Помнящий добрые дела отцов для тысячи поколений их потомков; Прощающий грех и непокорность и заблуждение, и Очищающий раскаявшегося, но Неочищающий нераскаявшегося; Припоминающий вину отцов их детям

и внукам, третьему и четвертому поколению...» (Исх. 34:6—7).

стан израильтян Божественным огнем, а значит, Бог не простил евреев и оставил вынесенный им приговор в силе. Вот почему люди долго не решались приблизиться к пророку и заговорить с ним. Моисею стоило немало усилий убедить Аарона успокоить народ и выслушать принесенную с Синая добрую весть о прощении. Но даже в те минуты, когда Моисей говорил о том, что Бог в своем безграничном милосердии простил евреев и сохранил Свой союз с ними, его светящееся лицо продолжало внушать им ужас. А потому, когда Моисей закончил говорить и, наконец, понял, что именно повергает евреев в такой трепет, то закрыл лицо плащом.

Библия утверждает, что с тех пор Моисей снимал плащ и открывал лицо только в своем шатре, когда общался с Богом. Выходя же из шатра для общения с народом, он снова закрывал лицо плащом, но в самый момент выхода из шатра люди замечали исходящий от его лица свет:

«И было: когда спускался Моше с горы Синай и держал в руке две скрижали союза, спускаясь с горы. — А Моше не знал, что лицо его стало светиться с тех пор, как Бог говорил с ним. И увидел Аарон и все сыны Израиля Моше — и вот: лицо его светится, и побоялись приблизиться к нему. И позвал их Моше, и подошли к нему Аарон и все вожди общества,

и стал Моше говорить с ними. А потом приблизились к Моше и все сыны Израиля, и передал он им все повеления, которые дал им Бог, говоря с ним на горе Синай. И когда кончил Моше говорить с ними, то закрыл свое лицо. И, предстая перед Богом, чтобы говорить с ним, открывал он лицо свое, пока не приходила пора удалиться; а выйдя оттуда, передавал он сынам Израиля то, что ему было повелено. И видели все сыны Израиля лицо Моше, которое светилось, а затем снова закрывал Моше лицо свое — пока не приходил он к Богу, чтобы говорить с ним» (Исх. 34:29-35).

С этим эпизодом Библии связана одна из самых знаменитых и весьма показательных ошибок ее переводчиков. Дело в том, что в иврите слова «керен» («луч света») и «каран» («рог») созвучны. Соответственно созвучны и глагол «испускал лучи света, светился» («каръан») и существительное «рога» («кар-наим»).

Монахи-переводчики Библии — «Вульгаты» — на латинский язык, безусловно, неплохо знали иврит; более того, при переводе они часто консультировались со знакомыми евреями, чтобы добиться предельной точности. Но вот разницы в звучании между еврейскими словами «рог» и «луч» они не уловили, а потому и наделили спускающегося с горы Моисея не светящимся лицом, а... рогами. Именно поэтому на знаменитой скульптуре гениального Микеланджело и на работах ряда

других европейских художников Средних веков и эпохи Возрождения Моисей изображается с рогами на голове, хотя на самом деле логичнее было бы изображать его с нимбом — как изображают святых на христианских иконах. Однако не стоит забывать, что больше всего Моисей опасался, что его канонизируют и начнут ему поклоняться, так что нимб его бы лично тоже никак не устроил.

Показательность же этой ошибки заключается в том, что на ее примере хорошо видно, как банальный промах переводчика может привести к построению целой псевдонаучной теории. Чтобы объяснить эти пресловутые «рога» Моисея, католические теологи выдвинули версию, что у него была корона с двумя рогами. Отсюда, как вы понимаете, уже не так далеко до другой версии — о том, что бык почитался древними евреями вслед за египтянами священным животным, и потому в качестве «заместителя» Моисея они и изготовили именно золотого тельца.

В каноническом синодальном переводе Пятикнижия на русский язык переводчик ничего не напутал, перевел слова «керен ор» так, как их следовало перевести, то есть как «сияние», и потому православным богословам подобные теории попросту не понадобились.

Возвращение Моисея в еврейский лагерь с вестью, что евреи окончательно прощены Всевышним, произошло 10-го числа первого осеннего месяца тишрея 2449 года (сентябрь 1313 года до н. э.). Именно поэтому 10 тишрея с незапамятных времен празднуется евреями как Судный день — день раскаяния и прощения. Весь этот день религиозные евреи проводят в посте и молитве, чтобы заслужить у Бога прощения за грехи, совершенные в прошлом году, и испросить у Него удачу, здоровье и прочие блага на новый год.

Грех сотворения золотого тельца порождает и продолжает порождать немало вопросов у библеистов — как глубоко религиозных людей, так и атеистов.

Действительно, как евреи — если они и в самом деле были свидетелями Синайского откровения — могли меньше чем через сорок дней отступить от данных им заповедей, что служить следует только одному Богу, не имеющему зримого образа, и что создавать любые зримые образы божества и поклоняться им запрещено?

Этот же вопрос задает раввину хазарский царь в знаменитой книге И. Галеви «Кузари», и вот как раввин на него отвечает:

«В те времена все народы служили каким-то образом. Даже философы, говорившие о единстве Божества и о Его существовании, не могли избавиться от того, чтобы не направлять свое служение к какой-то зримой форме. Они объясняли массам, что этот образ привлекает к себе какие-то божественные свойства, подобно тому, как мы сегодня почитаем наши святые места. Невозможно было убедить толпу служить чему-то неосоздаемому. Сыны Израиля ожидали, что Моисей спустится с горы и принесет им от Господа что-то зримое, к чему они смогут обратить свое служение, как это было со столпом огненным или столпом облачным, которые сопровождали их после выхода из Египта. Народ слышал Десять заповедей, и после этого Моисей поднялся на гору, чтобы принести евреям скрижали и сделать Ковчег, который стал бы для них зримым символом, содержащим Скрижали Завета с Господом, и к этому символу они могли бы обратить свое служение. Народ остался ждать Моисея, и все евреи не меняли ни одежды, ни украшений — все оставили точно так, как это было во время Откровения на горе Синай. И так они ждали его сорок дней, а ведь он не распрощался с ними, не взял даже никакой пищи. И тогда в сердцах некоторых из них зародились мрачные помыслы; души их охватило отчаяние — и, в конце концов, некоторые из них почувствовали необходимость в каком-то осязаемом объекте служения, как это бывает у всех народов. При этом они не отказались от Бога, который вывел их из Египта...».

Таким образом, Иегуда Галеви настаивает на той версии, что евреи не отождествляли тельца с Богом и не видели в нем Бога. Все дело в том, что даже после Синайского откровения рядовому человеку того времени было крайне тяжело совершить интеллектуальный скачок от мысли, что все боги имеют вполне конкретный зримый образ и в той или иной степени материальную природу, к идее существования незримого, нематериального Бога, который одновременно является Творцом всего материального мира. Для совершения этого скачка в одночасье или в сколько-нибудь короткий временной период нужно было обладать религиозным гением Моисея.

Комментаторы Библии обычно считают, что в момент создания золотого тельца народ разделился на несколько больших групп — в полном соответствии с законами социальной психологии.

Первая группа была относительно немногочисленной. Она включала в себя только три тысячи мужчин из шестисот тысяч — поистине ничтожный процент! — но при этом она была необычайно активна и агрессивна. Эта группа пришла к выводу, что хорошо знакомая, привычная с детства религия египтян с ее куклами куда надежнее и предпочтительнее той религии, которую проповедует неизвестно куда подевавшийся Моисей. В золотом тельце они видели именно бога

и были готовы служить ему со всем неистовством язычников, каковыми и являлись. Именно их активность и агрессивность испугала Аарона, начавшего пусть и неспешно, но покорно следовать их требованиям.

Вторая, достаточно большая группа пассивно поддержала идею создания золотого тельца, потому что была убеждена, что это не означает отказа от идеи монотеизма. По мере размышлений они пришли к заключению, что Бог, Творец и Владыка Вселенной осуществляет Свою волю через тех или иных посредников. Моисей был для них таким посредником. Вспомним слова Библии, сопровождающие чудо рассечения моря: «И устрасился народ Бога, и уверовали в Бога и Моше, служителя Его» (Исх. 14:31). Моше, видимо, после этого чуда стал представляться им таким героем-полубогом, и если он куда-то исчез, значит, следовало немедленно найти его или сотворить нового. Скульптура тельца была для них в этом смысле чем-то вроде передатчика, призванного усиливать и передавать их просьбы Богу. Образ тельца устраивал их и потому, что выйдя из Египта, страны, где была необычайно развита астрология, они верили, что если сам их исход состоялся в месяце нисан, приходящемся на март—апрель, то есть расположенном в зоне влияния созвездия Тельца, то именно этот образ и следовало взять в качестве своего покровителя.

Третью, большую и совершенно пассивную группу составляли сомневающиеся. «Кто его знает, на чьей стороне правда — Моисея или египетских жрецов? — считали они. Наше дело маленькое — давайте подождем, как будут развиваться события. Если Бог Моисея и в самом деле так всемогущ, как Моисей об этом говорил, Он сам сумеет за себя постоять!»

Наконец, была и четвертая группа, причем не исключено, что именно ее представители и составляли большинство. В душе они были категорически против создания золотого тельца, понимали, что его создание означает впадение в грех идолопоклонства, но молчали, так как не хотели разделить судьбу Хура. Лишь возвращение Моисея избавило их от страха расправы и дало силы открыто высказать свое мнение. Но и после того, как Моисей крикнул: «Кто за Господа — ко мне!» — только левиты, в жилах которых текла пылкая кровь их предка Леви, взялись за мечи. Все остальные продолжали пассивно наблюдать, чем же закончится эта схватка между двумя идеологиями.

С этой точки зрения окончательно становится понятным страшный смысл рассказа Библии о том, как верные Моисею левиты в течение одного дня, да и даже не дня, а нескольких часов убивают сразу около трех тысяч человек.

Автор этой книги прекрасно понимает, какие чувства должна вызвать эта сцена у читателя. Особенно после того, как автор сам сконцентрировал его внимание на том моменте, что приказ убивать Моисей объявил как поступивший от самого Бога, хотя Бог такого приказа не отдавал — во всяком случае, в Библии об этом ничего не говорится.

«Вот он, архетип всех политических убийств и массовых репрессий! — может воскликнуть читатель. — Сколько раз затем на протяжении всей истории расправа с инакомыслящими совершалась от имени Бога; сколько раз потом на протяжении всей истории политические лидеры без всякого на то основания прикрывались Богом или некими высшими идеалами, чтобы оправдать свои самые страшные злодеяния! Теперь понятно, с кого это все началось — с Моисея!»

На такого читателя вряд ли произведет впечатление тот аргумент, что, отдавая приказ уничтожить всех, кто открыто поклонялся тельцу и участвовал в языческих игрищах, Моисей следовал закону Библии, согласно которому идолопоклонство и разврат являются теми преступлениями, за которые положена смертная казнь. То есть, требуя истребления этих людей, Моисей осуществлял закон Бога, а значит, выполнял Его волю.

Этого читателя не убедит и то, что поклонявшиеся тельцу заслуживали смертной казни за убийство Хура. В конце концов, возразит он, Моисею следовало провести следствие, найти тех, кто действительно закидывал Хура камнями, а не казнить сразу три тысячи человек!

Но давайте теперь вспомним о том, что речь шла, как уже было сказано, о самой активной и агрессивной части народа, безжалостно расправлявшейся с любым, кто осмеливался высказать несоответствующую с их мнением точку зрения. Как раз эти люди уже доказали, что готовы убить любого инакомыслящего, и тем самым подавили любую свободу мысли, ввергли всех несогласных в состояние страха. Нет никакого сомнения, что после убийства Хура для одержания полной идеологической победы они не остановились бы и перед убийством Моисея. Таким образом, даже если смотреть на все происходящее глазами атеиста, у Моисея после того, как он сжег золотого тельца, были поистине считанные минуты на то, чтобы спасти свою жизнь и защитить саму идею монотеизма. Не крикни он: «Кто за Господа — ко мне!» — не откликнись на этот призыв левиты, и лежать бы ему за лагерем рядом с Хуром, после чего еврейский народ уже никогда не смог бы осуществить свою миссию по привнесению в мир света монотеизма.

Следовательно, отдав приказ убивать всех участников языческого священнослужения, Моисей принял, безусловно, жестокое, но единственно верное решение.

Главное же событие, произошедшее в те далекие от нас дни в Синайской пустыне, заключается, по мнению комментаторов Библии, в рождении еврейской нации. Сами условия этого рождения определили ее уникальность, непохожесть судьбы евреев на судьбы всех остальных народов планеты. Вспомним, что в основе формирования любого народа лежит не только генетическое родство его представителей, но и общая территория, на которой тот или иной народ формировался в течение как минимум столетий, возникающая за эти столетия общая национальная культура (хотя бы на уровне фольклора) и, само собой, общий экономический рынок, налаженные экономические связи.

Зарождение еврейского народа происходит в безжизненной пустыне. У него еще нет земли, которую он называл бы родиной — ее тогда лишь предстояло завоевать. У него нет и своей национальной культуры — за столетия рабства евреи восприняли египетскую культуру, от которой им предстояло решительно отказаться. И уж само собой, еще нет ни экономики, ни тем более экономических связей. Да, они верят, что происходят от общих предков, но это еще не делает их единым народом — с этой точки зрения едиными с евреями можно объявить моавитян, аммонитян, арабов, эдомитян и другие семитские племена, населявшие в древности Ближний Восток, — ведь у всех у них общие предки!

Значит, единственное, что на том, раннем этапе истории действительно объединяло евреев и превращало их в единый народ, была религиозная идея, вера в Синайское откровение, в заключенный с Богом союз и необходимость следовать Его законам. Таким образом, в сознании евреев, в отличие от представлений большинства народов, их национальная и религиозная принадлежность представляет собой единое целое, неразделимый сплав. Еврей,

поменявший веру, с точки зрения иудаизма, еще остается по крови евреем, но вот его дети — если они не вернулись к вере предков — евреями уже не считаются. В то же время тот, кто не еврей, но заявил о своем желании принять иудаизм, считается таким же евреем, как и все остальные, а его дети становятся евреями уже и по крови, и по праву рождения.

Этим в значительной степени объясняется то, что даже после своего изгнания с обетованной исторической родины евреи не растворились среди окружающих народов, а сумели сохранить национальную и религиозную самобытность. Не случайно один из еврейских философов заметил, что после изгнания евреев из Палестины их родиной стала Тора, то есть книга, известная в христианстве как Ветхий Завет. И, вне сомнения, такое понимание нации у евреев было заложено именно Моисеем, одаренным религиозным и политическим предвидением.

Глава пятая. В ШАТРЕ ОТКРОВЕНИЯ.

Согласно мнению большинства комментаторов, сразу же после сообщения Моисеем вести о прощении Богом Своего народа он объявил о сборе пожертвований для строительства Переносного храма.

Этот Храм призван был сыграть роль того самого святилища, которое давало бы народу столь необходимое зримое ощущение существования Бога и напоминало бы о союзе с Ним; о том, что Он неизменно хранит еврейский народ. При этом, если учесть, что у евреев еще не было своей земли и они вели кочевой образ жизни, Храм должен был легко разбираться, когда еврейский стан снимался с места, относительно легко переноситься и быстро собираться на новом месте. Именно такой уникальный Храм, как мы увидим, удалось создать Моисею вместе с собранными им народными умельцами, согласно Библии, вдохновляемыми во всех своих действиях самим Богом.

Однако прежде чем приступить к строительству Переносного храма, Моисей объявляет сбор пожертвований на его сооружение. При этом каждый мужчина старше двадцати лет должен был дать обязательное пожертвование в половину шекеля серебра, то есть не деньги (денег в нашем современном понятии тогда ни у евреев, ни у других народов этого региона не было), а кусочек серебра весом 11,4 грамма.

Помимо этого, все — и мужчины, и женщины — призывались дать на строительство Храма золото, серебро, медь, дерево, крашенные льняные и шерстяные ткани, шкуры различных животных. Объем этого дара не ограничивался — каждый мог дать столько, сколько пожелает его сердце.

У сбора приношений, как разъясняет Библия, было сразу несколько целей.

Во-первых, чтобы построить Храм, они действительно были необходимы. При этом Моисей вновь предстает перед нами подлинным революционером. Он собирает средства на эту постройку не с помощью введения обязательного налога (такой налог вроде бы есть, но он смехотворно мал — всего полшекеля серебра, и предназначен, как будет сказано ниже, в основном для другого), а именно за счет добровольных пожертвований со стороны всего народа.

Таким образом, строительство главной национальной святыни он сделал не единоличным делом правителя, а делом общенародным, и сам Храм вместе со всеми внутренними атрибутами воспринимался теперь именно как общенациональное достояние. Это, безусловно, способствовало укреплению ощущения единства нации и восприятия каждым евреем самого себя и каждого соплеменника как неразрывной части некоего единого национально-религиозного коллектива.

Принесение добровольных даров и уплата половины шекеля серебра рассматривались Моисеем и как способ искупления народом греха золотого тельца — так же, как они жертвовали свое золото на создание этого идола, они должны были пожертвовать на создание Храма во имя Единственного Бога.

Это было прекрасно понято и самим народом, который жертвовал необычайно много и охотно — пока не стало ясно, что пожертвований вполне достаточно, и их сбор было решено прекратить:

«И пришли мужья с женами — каждый, щедрый сердцем, принес браслеты, и кольца, и перстни и нательные украшения, всякие золотые вещи...

...А сыны Израиля все несли дары каждое утро. И все ремесленники, занятые святой работой, оставили работу, которую делали, и пришли, и сказали Моше: "Несут люди гораздо больше, чем нужно для работы, которую Бог повелел сделать". И приказал Моше объявить в стане: "Пусть ни один мужчина и ни одна женщина не приносят больше материал для священного приношения".

И перестал народ приносить, но было слишком много материала для всей работы, которую нужно было сделать» (Исх. 35:22; 36:3-7).

Но у сбора половины шекеля с каждого мужчины, начиная с двадцати лет и старше, была еще и другая цель. Именно с двадцати лет мужчина признавался у израильтян годным к армейской службе. Собирая по половине шекеля, Моисей проводил таким образом перепись своего народа — для того, чтобы понять, какой армией он располагает для предстоящего завоевания Ханаана. После окончания сбора полшекелей ему нужно было только взвесить собранное серебро и умножить получившуюся цифру на два.

Дж. Фрэзер в книге «Фольклор в Ветхом Завете» высказывает версию, что рассказ о переписи с помощью полшекеля был введен в канонический текст Библии не при жизни Моисея, а гораздо позже — уже после смерти царей Давида и Саула. При этом Фрэзер отталкивается от рассказов Библии о том, как Бог сурово карал этих царей и всех израильтян за попытки провести перепись населения путем его поголовного исчисления. Суеверный страх перед поголовной переписью людей, скота или имущества, показывает Фрэзер, присущ и в наши дни не только многим живущим при первобытно-общинном строе народам Африки, но и сохранился в виде атавизма и у европейцев. Таким образом, способ косвенного пересчета боееспособного населения с помощью полшекеля, по мысли Фрэзера, был введен позже и попросту приписан Моисею — иначе трудно объяснить, почему этим способом не воспользовались те же Давид и Саул.

Однако в самом приказе об обязательном пожертвовании полушекеля комментаторы видят еще один аспект. То, что каждый взрослый представитель народа, независимо от размеров своего состояния, будь он богач или бедняк, должен был дать ровно полшекеля серебра, не меньше и не больше, символизировало великую идею равенства каждого человека перед Богом, провозвестником которой также стал Моисей.

Когда сбор необходимых материалов для строительства Переносного храма был закончен, Всевышний, рассказывает Пятикнижие, указал Моисею на Веселеила (принятая в русской православной традиции транскрипция еврейского имени Бе-цалель) как на человека «мудрого сердцем», то есть обладающего выдающимся природным даром к различным ремеслам. Веселеил, сообщает Библия далее, был внуком Хура, убитого, когда он пытался помешать евреям создать золотого тельца, и именно в счет заслуг деда Бог и наградил Веселеила разнообразными талантами, доверив ему честь сооружения Переносного храма и сделав само его имя символом мастерства и таланта, вдохновляемого Свыше.

В качестве помощника Веселеилу Бог повелел Моисею дать другого мастера — Аголиава, сына Ахисамахова из колена Дана, однако из дальнейшего текста становится ясно, что на самом деле Веселеил и Аголиав выполняли лишь самые ответственные работы, в основном связанные с литьем металлов и изготовлением убранства для святилища Храма. В самом же сооружении всего необходимого для Храма принимали участие десятки, а то и сотни людей, мужчин и женщин, выполнявших работу ткачих, плотников, ювелиров и т. д. И это естественно — такой труд, особенно с учетом технологий того времени, был попросту непосилен двум, пусть даже и очень искусным и трудолюбивым мастерам.

Сам процесс изготовления всех деталей Переносного храма с указанием всех его размеров, способов крепления и т. д. описан в Книге Исхода настолько подробно, что напоминает инструкцию по его сборке и разборке. В результате мы и сегодня не только хорошо представляем, как именно выглядело это сооружение, но и при желании можем с легкостью соорудить его модель. Споры вызывают лишь то, как именно выглядели некоторые детали этого Храма. Причем если для стороннего человека споры эти покажутся совершенно незначительными, то для еврейских религиозных авторитетов они имели огромное значение. Сам Переносной храм рассматривался ими как своеобразная модель мироздания, а потому каждая, даже самая мелкая деталь, каждое ритуальное действие в этом Храме, с их точки зрения, несли в себе глубокий мистический смысл.

Это, по их мнению, следует хотя бы из утверждения Библии, что само устройство Переносного храма не было придумано Моисеем — оно от начала до конца, до самой мелкой детали было показано пророку Богом во время его пребывания вне физического тела на горе Синай, и при этом Бог подчеркнул, что он должен сделать все «в точности». Но Моисей, продолжает далее Библия, видевший Храм в своем воображении, не делал при этом никаких чертежей и рисунков для Веселеила и Аголиава, а просто рассказывал им о том, как он все это видит, и на основе его рассказов Веселеил и Аголиав давали указания остальным работникам. Однако когда все работы над составными частями Храма были закончены и представлены Моисею, выяснилось, что все они в точности соответствуют тому, что он видел перед своим мысленным взором — и это, считают комментаторы Библии, было самым настоящим чудом.

Так как впоследствии общее устройство Переносного храма легло в основу устройства Иерусалимского храма, а устройство Иерусалимского храма лежит в основе планировки всех христианских храмов, то изучение конструкции сооруженного по указанию Моисея Переносного храма представляет собой интерес как для евреев, так и для христиан.

Переносной храм состоял из внешнего двора, окруженного специальным ограждением. Возводилось это ограждение следующим образом. С южной и северной стороны на расстоянии в пять локтей (2,3 метра) друг от друга устанавливались на медные основания двадцать крытых медью столбов. С восточной и западной стороны десять таких столбов устанавливались на десять медных оснований. В разрезе столбы имели квадратные сечения со стороной длиной один локоть (46 сантиметров). Каждый столб имел специальные серебряные крюки, прикрепленные с помощью серебряных обручей.

После того как столбы были установлены, между ними натягивались завесы, сотканые из небесно-голубой, темно-красной и малиновой шерсти, смешанной с сученым льном. Таким образом, длина ограждения составляла 100 локтей (46 метров), а ширина — 50 локтей (23 метра).

Вход во двор Переносного храма располагался с востока, и взору того, кто входил внутрь, представал жертвенник для принесения жертвоприношений и Шатер откровения с тщательно занавешенным входом.

Жертвенник, как указывается в Библии, был квадратным — пять локтей на пять локтей (2,3х2,3 метра), а его высота составляла три локтя (1,38 метра). В то же время, согласно другим источникам, у жертвенника было еще основание высотой семь локтей, и тогда его общая высота составляла десять локтей (4,6 метра). В любом случае первосвященнику, приносившему жертву, приходилось идти к нему по пандусу, тянувшемуся к жертвеннику со стороны южной стены двора.

Любопытно, что жертвенник также был сделан из дерева, покрытого затем слоем меди, а по бокам у него были квадратные выступы — те самые рога, ухватившись за которые в Храме, вбежавший в него приговоренный к смерти преступник последний раз молил о милосердии. К жертвеннику Веселеил и Аголиав изготовили целый ряд медной утвари — совки, чтобы собирать с него золу; кочерги для того, чтобы переворачивать мясо жертв; плошки для принесения огня на жертвенник и решето для того, чтобы задерживать падающие с него угли.

По бокам жертвенника были кольца, в которые продевались шесты, чтобы, подхватив их, его можно было переносить с места на место. Это было не очень тяжело, так как внутри жертвенник — и Библия это тоже подчеркивает — был полым. Когда его устанавливали на новом месте, то для устойчивости (и, заметим, противопожарной безопасности) его внутренность наполнялась землей. Когда же приходило время сниматься с места, земля выгребалась, в кольца снова вставляли шесты, и жертвенник был готов к походу.

Неподалеку от жертвенника располагался умывальник, в котором священники должны были омыwać руки и ноги, прежде чем войти в Шатер откровения. Умывальник был сделан из латуни, причем, утверждает Библия, латунь эта была добыта в результате переплавки зеркал, пожертвованных женщинами, что еще раз подчеркивает, насколько

важным делом было для народа сооружение Переносного храма — ведь латунное зеркало, особенно в ту эпоху, представляло для любой женщины огромную ценность. Умывальник походил на большой полукруглый бассейн с двумя кранами, стоявший на таком же полукруглом основании.

За жертвенником и умывальником располагался уже сам Шатер откровения, стены которого делались из специальных брусьев, изготовленных из неподдающегося гниению дерева шиттим. Споры о том, о каком именно дереве идет в данном случае речь, не утихают между исследователями до сих пор, хотя выбор на самом деле у них небольшой — понятно, что под «шиттим» древние евреи имели в виду либо кедр, либо акацию, большие запасы древесины которых они взяли с собой из Египта. Каждый такой брус покрывался золотом, его размер составлял десять локтей в длину, полтора локтя в ширину и локоть в толщину, то есть его высота составляла примерно 4,6 метра, ширина — 70 сантиметров, а толщина — порядка 23 сантиметров. В земле такие брусья закреплялись с помощью специальных серебряных оснований, а друг с другом — вырезанных в них двух парных шипов. Затем, когда брусья уже были соединены шипами, через имеющиеся в них кольца их соединяли еще и специальными шестами. Таким образом, Шатер откровения был огражден довольно прочными, отливающими золотом стенами, которые при необходимости так же легко разбирались, как и собирались — для этого достаточно было лишь вытащить шесты из колец и разжать шипы брусьев. Высота этих стен составляла, как уже было сказано, 4,6 метра; ширина южной и северной стен — порядка 13,7, а восточной и западной — около 5,5 метра. Внутри стены Шатра откровения были занавешены завесами из сученого льна и крашеной шерсти, каждая из которых была длиной 28 локтей (12,8 метра), а шириной четыре локтя (1,83 метра). По краям гобеленов шли петли из голубой шерсти, располагавшиеся точно друг против друга. В эти петли продевали специальные застежки-крючки, и таким образом завесы соединялись друг с другом. Сверху Шатер откровения покрывали крышей из выкрашенных красной и синей краской бараньих шкур от Всевышнего. От остального помещения Шатра откровения Святая святых отделялась специально сшитой завесой, которую навешивали на четыре столба, сделанных из дерева, как и внешние столбы, но вдвое тоньше их. Они были покрыты золотом и оснащены золотыми крючками.

Стены Святая святых несколько отстояли от стен Шатра откровения, и ее размер был десять на десять локтей (4,6 x 4,6 метра), то есть изнутри Святая святых представляла собой правильный куб.

В Святая святых хранился Ковчег Завета — одна из самых сакральных святынь человечества, судьба которой до сих пор волнует и каждого религиозного еврея, и археологов, и историков, и просто кладоискателей, любителей приключений и исторических загадок. Внешне Ковчег Завета представлял собой три вкладывающихся друг в друга больших короба — золотой, деревянный и снова золотой. Общие размеры этих вложенных друг в друга коробов составляли два с половиной локтя в длину, полтора локтя в ширину и полтора локтя в высоту, то есть 114x68,5x68,5 сантиметра. На четырех углах Ковчега были сделаны четыре золотых кольца, сквозь которые были продеты крытые золотом шесты из дерева шиттим. На концах шестов были утолщения шире диаметра колец, так что вытащить шесты было невозможно. С помощью этих шестов Ковчег и переносился с места на место и сопровождал еврейскую армию в бою. То, что шесты свободно перемещались между кольцами, позволяло тем, кто нес Ковчег, найти его оптимальное расположение. До сих пор идут споры о том, как именно располагались шесты — одни источники утверждают, что они были вдеты вдоль коротких сторон, другие — что вдоль длинных сторон Ковчега.

Внешний золотой короб Ковчега был чуть выше двух вложенных в него деревянного и золотого, и поверх него клалась крышка, размер которой точно соответствовал размерам Ковчега — два с половиной локтя длиной и полтора локтя шириной (114x68,5 сантиметра). И вот крышка эта была уникальна — она была отлита из чистого золота, причем на концах ее были фигурки двух «крувов», или, если написать это слово в русской православной транскрипции, херувимов. Однако для тех, кто знаком с еврейским языком, слово «крув», конечно, звучит предпочтительнее, так как его смысл предельно понятен — оно означает «близкий, приближенный». И снова — из-за того, что Ковчег Завета был утерян и его местонахождение сегодня неизвестно, — между религиозными авторитетами и исследователями идет ожесточенный спор о том, как именно выглядели эти крувы-херувимы. Одни считают, что это были фигурки, напоминающие человеческие, но с огромными крыльями вместо рук, простертыми навстречу друг другу и касающимися друг друга, так что лиц фигурок не было видно, да и вообще непонятно, зачем им в таком случае были нужны лица. Другие источники утверждают, что лица у крувов-херувимов были и их очень ясно было видно — у одного херувима было лицо мальчика, а у другого — лицо девочки (по другой версии, у одного — лицо мужчины, а у другого — лицо женщины). Лица херувимов, по этим источникам, были обращены друг к другу и чуть наклонены, так что было непонятно, смотрят они друг на друга или на центр крышки Ковчега.

Но тут возникает резонный вопрос: а не было ли сооружение таких херувимов нарушением запрета Бога на делание каких-либо изображений?

Для сторонников критического анализа текста Библии появление на крышке Ковчега фигурок херувимов является доказательством того, что идея не просто единственного, но и бестелесного, невидимого Бога не была в одночасье рождена религиозным гением Моисея и вообще возникла не сразу, а прошла до своего окончательного формирования долгий путь исторической эволюции.

У еврейских религиозных авторитетов, понятно, существует несколько ответов на этот вопрос. Однако, какими бы эти ответы ни были, все они подчеркивают, что херувимы на крышке Ковчега изначально не считались какими-то богами и никогда не использовались для поклонения. Большинство сходится на том, что эти фигурки символизировали союз еврейского народа с Богом, который вполне может быть уподоблен (и не раз уподобляется в книгах пророков) брачному союзу между мужчиной и женщиной. Существует легенда, согласно которой херувимы, несмотря на то, что были отлиты вместе с крышкой Ковчега и представляли с ней единое целое, каким-то мистическим образом могли двигаться. В тот момент, когда в отношениях между еврейским народом и Богом все было в порядке, они были обращены лицами друг к другу. Когда же Всевышний гневался на еврейский народ, то херувимы поворачивались друг

к другу спиной. По другой легенде, крылья херувимов каким-то образом могли двигаться, то поднимаясь вверх, то простираясь над крышкой Ковчега.

Херувимы, утверждает Раши, играли немаловажную роль в общении Моисея с Богом. Сам Моисей никогда не заходил в Святая святых — он разговаривал с Всевышним, стоя перед его завесой. Но голос Бога как бы проходил между крыльями херувимов и уже затем доходил до Моисея.

Выкованная из золота крышка Ковчега Завета задает и еще одну, чисто физическую загадку. Длина и ширина крышки четко указаны в Библии — 114х68,5 сантиметра. Талмуд утверждает, что толщина крышки была равна одной ладони, то есть 7,5 сантиметра. Но тогда, зная плотность золота, нетрудно подсчитать, что вес крышки Ковчега, даже без учета веса фигурок херувимов, составлял... 1135 килограммов.

Если учесть вес самого Ковчега, то есть трех коробов, из которых он состоял, а также то, что в него были положены Скрижали Завета, кувшин с запечатанной в нем порцией манны, а по одной из версий и написанный собственноручно Моисеем свиток Пятикнижия, то становится ясно, что такой Ковчег никак не могли поднять несколько человек и уж тем более долго нести его на руках. А ведь именно так, согласно и Пятикнижию, и книгам пророков, он переносился евреями в пустыне, а затем и во время сражений.

Впрочем, этот вопрос легко разрешается, если принять во внимание утверждение другого еврейского комментатора Писания — Саады Гаона, согласно которому общий вес крышки Ковчега Завета составлял один талант, то есть 68 килограммов. Это тоже немало, но это уже вполне реальная цифра. Тогда толщина крышки составляла всего 0,47 сантиметра, а если учесть вес херувимов, то и вообще три миллиметра. В этом случае и процесс ее изготовления не вызывает особых вопросов.

В самом Шатре откровения перед завесой Святая святых стояло три культовых предмета: стол для «хлебов лицезрения», жертвенник для воскурения благовоний и менора — храмовый светильник, который иногда принято ошибочно называть семисвечником, хотя свечи для его зажигания, разумеется, не использовались.

Стол, на который ставились 12 — по числу колен — выпеченных в особых золотых формах «хлебов лицезрения», был сделан из того же дерева шиттим и покрыт золотом. Размеры этого стола в Библии указаны предельно точно: два локтя длиной, один локоть шириной, полтора локтя высотой — 92х46х69 сантиметров. На его ножках тоже были золотые кольца, в которые продевались шесты для переноски стола при переходе стана на новое место.

Чтобы читатель мог представить себе всю красоту и сложность изготовления храмового светильника — меноры — следует прибегнуть непосредственно к цитированию текста Пятикнижия:

«И сделай менору из чистого золота, и пусть она будет выкована из цельного слитка: и основание ее, и ствол ее, и украшения в виде чашечек, шаров и цветков должны быть выкованы из того же слитка. Из ствола по обеим сторонам ее пусть выходят шесть ветвей: три ветки меноры должны выходить с одной стороны и три ветки меноры — с другой стороны ствола. Три черненные чашечки, шар и цветок должны быть на одной ветви и три черненные чашечки, шар и цветок — на другой ветви; такими должны быть все шесть ветвей, выходящих из ствола меноры. И на самом стволе меноры должны быть четыре черненные чашечки, шары и цветки. На стволе, в основании первой пары ветвей, выходящих из него, — шар, и в основании второй пары ветвей, выходящих из него, — шар. Так у всех шести ветвей, выходящих из меноры. Все шары и все ветви должны быть выкованы из самой меноры. Вся она должна быть выкована из цельного свитка чистого золота. И сделай на меноре семь светильников так, чтобы свет от фитилей, зажженных в светильниках, был направлен к стволу. И сделай для нее щипцы и совки из чистого золота. Из кикара чистого золота должна быть сделана вся менора со всеми ее деталями. Смотри и сделай все предметы по тому образу их, который явлен тебе на горе» (Исх. 25:31—40).

Кикар — то же, что и талант, то есть вес меноры составлял 68,4 килограмма, ее суммарная высота 18 ладоней (135 сантиметров). Но вот по поводу того, как именно выглядел храмовый семилампный светильник, при всей подробности его описания, опять-таки идут споры. Наиболее признанными являются две версии. Согласно первой, три ветви светильника расходились полукругами от центрального ствола и на каждой ветви было два светильника с идущими под ними чашечками, шарами и цветами. По второй версии, ветви светильника были прямыми и отходили от центрального ствола под углом.

Бога, как символ того духовного понимания, которое, наряду со столом — символом материального благосостояния — индицирует результаты еврейской национальной жизни, порожденной Божественным законом и вечно посвященной Ему. Однако более глубокое исследование, основанное на тексте Писания, может вызвать оправданные сомнения относительно того, является ли ответ столь уж очевидным...

...Нам бы казалось оправданным объяснить менору в Писании как символ духа, точнее двойственных аспектов человеческого духа: теории и практики, познавательной способности и волевого акта, восприятия и воли к практическому действию.

К счастью, Само слово Бога предлагает ясное подкрепление нашему объяснению. Зехария был посланником Бога к Зерубавелю, лидеру, которому предстояло заложить на развалинах прежнего еврейского государства фундамент новой еврейской национальной жизни, задача, в решении которой он на каждом шагу сталкивался с препятствиями. Зехарии была показана менора с семью лампадами. Когда он попросил ангела, принесшего слово от Бога, объяснить ему значение этого видения, ангел ответил: "Разве ты не знаешь, что они означают?" Когда пророк ответил: "Нет, мой господин", ангел сказал ему: "Это — слово Божье, которое нужно передать Зерубавелю: Не военной мощью, не физической силой, но Моим духом, говорит Господь Воинств" (Зах. 4:6). Это — доказательство того, что менора-семисвечник представляет дух, или, более точно, Божественный дух, и что это символическое значение должно быть столь очевидным, что ответ ангела Зехарии "Разве ты не знаешь, что они означают?" предполагает некий упрек, порицание пророку за то, что тот ощутил потребность в особом объяснении, чтобы понять это символическое видение...

Итак, если свет, который излучает менора, символизирует дух понимания и действия, который даруется человеку Богом, то каково же отношение меноры к свету, который она порождает?

Если мы представим менору в ее физической форме, тогда ее основание, которое несет один цветок, ее ствол и ветви с чашечками в форме цветов миндаля с их шишками и цветами, создает полное впечатление дерева, которое, стремясь вверх, от корней, растет, чтобы стать носителем этого света.

Если в то же время мы примем в расчет, что менора была единственным в святилище предметом, сделанным целиком из металла и, более того, из золота, мы сможем легко увидеть, что благодаря материалу, из которого она была изготовлена, она должна была символизировать твердость, стойкость и неизменность, но что ее форма предполагала рост и развитие. Таким образом, два аспекта меноры, материал и форма, представляют собой рост и развитие таких качеств, как твердость, стойкость и выносливость, которые навсегда должны оставаться неизменными.

Следовательно, уже своим внешним видом менора воплощает собой полную противоположность того понятия, которое символизирует стол. Стол делается в основном из дерева... Как таковой он символизирует материальные аспекты жизни, которые по самой своей сути подвержены изменениям, присущим явлениям роста, развития, цветения, созревания и, наконец, смерти и разложения...

...Менору мы видим противоположностью столу. Сделанная целиком из золота, она символизирует именно ту неизменную твердость и неподвластность времени, которые, как показывает ее форма, должны цвести и раскрываться в святилище через дух Божественного закона...» Не хочется утомлять читателя подробным цитированием этого разъяснения символики только одного храмового светильника, которое в книге раввина Ш. Р. Гирша занимает больше десяти страниц. Понятно, что для стороннего и непосвященного читателя они покажутся нудной и никому не нужной схоластикой. Однако для знатока каббалы они представляют поистине увлекательное чтение. В итоге раввин Гирш приходит к выводу, что если центральный ствол меноры олицетворял Дух (Руах) Бога, каждая его ветвь и каждый светильник символизировал каббалистические мидот и сфирот, то есть высшие идеальные миры и различные ступени и проявления этого Духа: крайняя левая ветвь символизировала мир и качество Понимания (Бина), следующая за ней — мир и качество Силы (Гвура), третья слева ветвь — мир и качество Страх перед Богом (Иират шамаим). Первая слева от центральной лампы, пятая по счету ветвь символизировала мир и качество Знания (Даат), далее идут миры и качества Совета (Эца) и Мудрости (Хохмы). Аналогичным образом раввин Гирш, а также многие каббалисты до него и после разъясняли сакральный смысл и других атрибутов Переносного храма. При этом считалось, что внутри Переносного храма (а затем и внутри Иерусалимского храма) в силу его сакрального характера нарушались обычные и обязательные для нашего мира законы пространства и времени. Еврейские предания, к примеру, утверждают, что, несмотря на относительно небольшие внешние размеры Шатра откровения, он вмещал в себя всех, кто желал в него войти, подчас 600 тысяч человек. Более того — когда молящиеся в Шатре откровения должны были падать ниц, им всё хватало места и для этого — его пространство раздвигалось, чтобы дать евреям упасть на колени перед Богом, а когда они поднимались, снова сжималось. При этом извне и Шатер откровения, и весь Храм выглядели как обычно. Одно из чудес Святой святых, согласно этому же преданию, заключалось в том, что место, занимаемое Ковчегом Завета, не шло в счет. Размер Святой святых, как уже было сказано, составлял пять на пять локтей, но при этом после внесения в него Ковчега размер от одной стороны Ковчега до стенки и другой его стороны до противоположной стены Святой святых составлял все те же пять локтей, хотя ширина самого Ковчега, напомним, составляла полтора локтя. Согласно Библии, само соприкосновение с Ковчегом Завета для человека, не имеющего на это права, было сопряжено с опасностью для жизни. Достаточно вспомнить эпизод из Второй книги Самуила (в синодальном переводе — Второй книги Царств), рассказывающий о том, как царь Давид решил перевезти Ковчег Завета из Ваала Иудина в Иерусалим. Так как дорога шла по крайне неудобной местности, то вместо того чтобы нести Ковчег на плечах, левиты погрузили его на телегу, запряженную быками. Когда некому Озе показалось, что Ковчег чуть съехал с телеги, он решил поддержать его. Однако как только Оза коснулся рукой Ковчега Завета, он тут же замертво упал на землю, словно пораженный невидимым ударом. Таким образом, ни в одном из аксессуаров Переносного храма, ни в их расположении внутри него, ни в одном ритуальном действии не было, по утверждению еврейских священнослужителей, ничего случайного — все они носили сакральный характер. Поэтому даже самое мелкое нарушение в порядке ритуальных действий, определенном Моисеем (который, как свято верили и верят евреи на протяжении тысячелетий, был напрямую получен им от Бога), могло повлечь за собой самые ужасные последствия. По мнению ряда исследователей, это внимание Моисея к любым, порой кажущимися второстепенными, деталям ритуала было необычайно верным с психологической точки зрения. Оно поневоле должно было порождать мысль, что если Всевышний так внимателен к мелочам и может жестоко наказать за них, то какую же страшную кару Он может обрушить на голову человека за нарушение других Своих заповедей? Соответственно, если детали конструкции и убранства Переносного храма и служба в нем носили сакральный характер, то такой же характер должна иметь и одежда первосвященника и других священнослужителей. Ни одна деталь одеяния не считалась случайной или необязательной. Одевание первосвященника состояло из эфода (ефода) — накидки, сотканной из голубой, темно-красной и малиновой шерсти вместе с сученым льном и золотыми нитями (их нарезали из тонко расплющенного золота). По форме эфод напоминал большой фартук с длинным поясом, позволявшим обернуть его вокруг тела и завязать спереди. По одной из версий, у этого «фартука» были еще две наплечные полосы, по другой — он закрывал и верхнюю часть тела, по третьей — был чем-то вроде греческой тоги. Из таких же дорогих нитей делался и пояс эфода, который, по одной версии, завязывался на уровне пупка, а по другой — под грудью. На каждой наплечной полосе был укреплен оправленный в золото сардоникс, и на каждом из этих камней были вырезаны по шесть имен родоначальников колен Израиля. Поверх эфода первосвященник надевал хошен' — одну из самых загадочных и мистических деталей одеяния. Хошен делался из дорогой парчи размером в локоть на половину локтя (46 x 23 сантиметра). По одну сторону был выткан лев, а по другую — орел. Затем этот кусок парчи складывали по длине пополам, и таким образом хошен получался квадратным, со сторонами 23 сантиметра (по другой версии, со сторонами 15 сантиметров). На хошен нашивали 12 драгоценных камней в золотой оправе — в четыре ряда по три камня в каждом.

Первый ряд составляли сердолик (или, возможно, рубин), изумруд и топаз. Второй ряд — карбункул, сапфир и берилл, третий — гиацинт, агат, аметист, четвертый — хризолит, оникс и яшма. На каждом из этих камней было выгравировано имя того или иного родоначальника колена. Согласно наиболее авторитетному мнению, эти имена располагались в следующем порядке:

<i>Рувим</i>	<i>Симеон</i>	<i>Леви</i>
<i>Иуда</i>	<i>Дан</i>	<i>Наффалим</i>
<i>Гад</i>	<i>Асир</i>	<i>Иссахар</i>
<i>Завулон</i>	<i>Иосиф</i>	<i>Вениамин</i>

По краям хошена были вставлены золотые кольца, в которые вдевались специальные шнурки, и уже с помощью этих шнурков хошен привязывался к эфоду. И вот дальше Библия говорит, что в хошен помещались некие предметы, называемые урим и туммим. В буквальном переводе два этих слова означают «освещение» (от «ур» — свет) и «завершение» (от «том» — конец, завершение). «Септуагинта» (перевод Пятикнижия на греческий семьдесятью еврейскими мудрецами) переводит эти слова на греческий как «дилосис хай алитейа», то есть «объяснения и правда». Однако правда заключается в том, что сегодня мы уже не можем сказать точно, что такое урим и туммим и как они выглядели.

По одной из версий, это были пергаменты с записанными на них именами Бога, которые вкладывались между двумя слоями хошена. По другой, урим и туммим — это не что иное, как 12 драгоценных камней на эфод. Ясно одно: хошен с «урим и туммим» играл роль оракула. Согласно Талмуду, надев хошен, первосвященник задавал Богу вопрос, являющийся на данном этапе судьбоносным для еврейского народа, после чего соответствующие буквы на драгоценных камнях начинали светиться особым светом и, возникая перед внутренним взором первосвященника, давали ответ на тот или иной вопрос или подсказывали решение проблемы.

Есть, впрочем, мнение, что урим и туммим вообще не являлись частью хошена, а были самостоятельными предметами, помогавшими первосвященнику погрузиться в состояние медитации, ощутить Божественное вдохновение и войти в контакт с Богом.

Непосредственно на тело первосвященник и другие священнослужители надевали льняные штаны до колен, снизу завязываемые тесемками, хитон (кутонет) — просторную, доходившую до пят, льняную рубаху с длинными рукавами, расшитую узорами в виде шестигранников (а возможно, ткань имела рельефную выработку шестигранными ячейками). Затем обычный священник надевал на голову остроконечную шапку, по форме напоминающую современный монашеский клобук, и подпоясывался льняным поясом.

Первосвященник же поверх хитона надевал спускающийся до пят светло-голубой балахон, вытканый из цельного куска ткани с вырезом для головы (правда, непонятно, были ли у этой рубахи рукава). Снизу этого балахона были подшиты «фанаты» — крупная красная бахрома, чередовавшаяся с тридцатью двумя или семьдесятю шестью золотыми колокольчиками. Уже затем поверх балахона надевались эфод, пояс и хошен. На голове первосвященника голубым шнурком крепились золотая пластина с надписью «Посвящен Богу», поверх наматывалась полоса белого льна длиной 16 локтей (7,36 метра) с вплетением голубой шерсти, а на получившийся тюрбан надевали корону из трех золотых ободов с цветком или чашей наверху.

Вот как объяснял назначение ритуального одеяния первосвященника и священников все тот же раввин Ш. Р. Гирш: «Тот факт, что коэнское облачение изготавливается на средства народа и принадлежит ему, делает для нас ясным, почему только коэн, одетый в эти одежды, может вообще считаться коэном. Лишь в этом случае он входит в святилище закона как слуга нации. Лишь в этом случае исполняемый им ритуал действительно становится службой, которую нации приказано исполнять в святилище Божественного закона. Лишь таким образом идеи, выражаемые этим ритуалом, могут приобрести характер долга, исполнения которого требует данный нам Богом закон... Без этих одежд, изготовленных в соответствии с законом, коэн ничем не отличается от обычного человека и совершенный им ритуальный акт приобретает личностные черты, создавая впечатление, обратно противоположное тому, которое должно прежде всего вызывать святилище». Создание всех деталей и аксессуаров Переносного храма заняло три месяца и было завершено 25-го числа зимнего месяца кислева 2449 года (то есть примерно в декабре 1313 года до н.э.). Все то же устное предание рассказывает, что однажды, проходя по стану, Моисей услышал разговор между двумя евреями. Ты обратил внимание, что в последнее время сын Амрама что-то чуть-чуть располнел? — как бы в шутку сказал первый. Ну еще бы! — ответил его собеседник. — Когда собираешь столько золота на общее дело, то всегда немного оставишь для себя. Тут любой чуть-чуть поправится! — саркастически усмехнулся в ответ его собеседник. Моисей ничего не ответил на эти слова — он сделал вид, что их попросту не услышал, сдержав закипавший в нем гнев. Но как только все работы были завершены, Моисей уселся за составление подробного отчета, какие пожертвования были собраны на строительство Переносного храма, сколько их было суммарно и на что они были потрачены. Вот почему некоторые из заключительных страниц Книги Исхода напоминают выдержку из гроссбуха — гроссбуха пророка Моисея: «Вот итоги сооружения Шатра откровения — шатра свидетельства, подведенные по приказу Моше левитами, руководимыми Итамаром, сыном Аарона-козена. А Бецалель, сын Ури, сына Хура сделал все, что Бог повелел Моше. С ним вместе Оголиав, сын Ахисамаха из колена Дана — резчик и искусный ткач и вышивальщик по голубой шерсти, по багрянице, и по червленице, и по льну. Всего золота, употребленного в работе, во всем священном труде, было: золота приношений — 29 кикаров и 730 шекелей — в священных шекелях. Серебра же, собранного при пересчете общества, — 100 кикаров и 1775 шекелей, священных шекелей. "Бека" — половины шекеля, священного шекеля, полученные с каждого прошедшего подсчет от двадцати лет и старше, от шестисот трех тысяч пятисот сынов Израиля. И пошло 100 кикаров серебра на отлитие подножий для балок стен святилища, и подножий столбов, на которых висел занавес, 100 подножий из 100 кикаров, по

кикару на подножие. А из 1775 шекелей серебра сделали крюки для столбов, покрытия их вершин и нити, которыми покрыли столбы. А меди приношения — 70 кикаров и 2400 шекелей. И сделали из нее подножия для колонн у входа в Шатер откровения, и медный жертвенник, медную решетку на нем, и все принадлежности жертвенника. А также подножия для столбов двора вокруг него, и подножия колонн при входе во двор, и все колышки для шатра, и все колышки для двора вокруг...» (Исх. 38:21—31). Устное предание рассказывает, что поначалу Моисей обнаружил при подведении итогов недостачу в 1775 шекелей (40,47 килограмма) серебра. Это повергло его в трепет — больше всего он боялся именно обвинения в растрате, в присвоении общественного добра. Моисей, говорит это предание, долго ломал голову над тем, куда же могло деться это серебро, пока сам Бог не напомнил ему, что из него были сделаны крюки для столбов. Закончив подсчеты, Моисей собрал народ на площади, чтобы публично перед всеми отчитаться. Зачитав подготовленный свиток, Моисей передал отчет группе левитов во главе со своим племянником Итамаром, сыном Аарона, чтобы они еще раз проверили отчет и сообщили народу, что все верно. Таким образом, Моисей, вероятно, был первым в человеческой истории политическим лидером, который ввел принцип подотчетности верховной власти народу. Более того — во избежание дополнительных подозрений — он объявил, что эта власть должна быть подконтрольна еще некому кворуму, так сказать, проверочной комиссии. Пройдут даже не столетия, а тысячелетия, прежде чем этот поистине революционный принцип Моисея будет взят на вооружение всеми демократическими режимами мира и станет мощным инструментом в борьбе с коррупцией и злоупотреблением властью. Однако мало было соорудить все необходимое для Переносного храма — его нужно было еще и установить. И вновь устное предание добавляет множество любопытных подробностей. Поначалу, рассказывает оно, в народе начали говорить, что поставить Храм — раз плюнуть, и Моисей, обидевшись, отошел в сторону. После того как у этих хвастунов ничего не вышло, а Моисей все еще не отошел от обиды, за дело взялись более спокойные и опытные мужчины, но и они не смогли установить Переносной храм. Но как только за сборку взялся Моисей — работа быстро наладилась. И это вполне объяснимо — ведь именно в голове Моисея был весь план Храма и его сборки. Впрочем, один из мидрашей утверждает, что Моисей вообще собирал Храм в одиночку, точнее вместе с Богом. Но так как помощь Всевышнего была невидима для окружающих, то наблюдавшим за этим зрелищем со стороны оставалось только дивиться, с какой легкостью разменявший девятый десяток своей жизни пророк двигал огромные, высотой 4,6 метра, крытые золотом балки и делал всю остальную работу. Наконец, в центре стана был установлен Переносной храм, и, согласно Библии, Моисей объявил, что хотя по первоначальному Божьему замыслу жрецами в Храме должны были стать первенцы, то есть старшие сыновья в семьях, после их участия в поклонении золотому тельцу они лишились права быть священнослужителями. Отныне и навеки, провозгласил Моисей, право вести службу в Храме будет только у его брата Аарона, его сыновей Надава, Авигу, Итамара и их потомков, которые будут называться коэнами. Всю остальную работу в Храме, необходимую и при священнослужении, и для поддержания чистоты, будут осуществлять представители того самого колена, к которому принадлежал сам Моисей, — колена Леви. Так Моисей создал две касты, в которых по наследству, по мужской линии, передавались право первосвященства и обязанность того или иного участия в службе. Обе касты — левиты и коэны — не были замкнутыми, так как и те и другие могли брать себе (с определенными ограничениями) жен из любого колена. Касты сохраняются и в наши дни: во всех современных синагогах, как некогда в Переносном, а затем в Иерусалимском храме, коэны выходят благословлять народ, а левиты перед этим омыают им руки. И сегодня первым к чтению Торы во время субботней службы в синагоге вызывается коэн, а вслед за ним, по предписанию, — левит. Евреи легко опознают коэнов¹ и левитов по фамилии: коэны носят фамилии Коэн, Коган, Кон, Каганович и т. п., а левиты — Леви, Левит, Левин, Левитан, Левитанский и т. п. Создание Моисеем касты священнослужителей, существующей за счет жертвующей народом десятины, представителями марксистско-ленинской философии в свое время трактовалось как еще одно доказательство того, что религия изначально была инструментом для порабощения народных масс, а священнослужители — тем сословием, которое, с одной стороны, помогало правящим классам удерживать власть над народом, а с другой — обирало этот народ. Сам Моисей утверждал, что указание о выделении коэнов и левитов он получил от самого Бога и потому это не подлежит обсуждению: «И Бог говорил Моше, и сказал: "Выведи колено Леви и представь его Аарону-священнику, чтобы левиты служили ему. Они будут беречь Мое доверие и доверие всей общины по отношению к Шатру откровения. Исполняя всю необходимую службу в Мишкане, они будут хранить все принадлежности Шатра откровения и все, что доверено сынами Израиля для службы в Мишкане. Передай левитов Аарону и его потомкам. Они — дар его от сынов Израиля. Дай особые наставления Аарону и его потомкам, чтобы они берегли свое священство. Всякий несвященник, который примет участие в их служении, умрет". И Бог говорил Моше, и сказал: "Я отделил левитов от остальных сынов Израиля, чтобы они могли занять место первенцев, открывающих утробу, среди сынов Израиля, и будут левиты Моими"» (Чис. 3:41—45). Выбор Моисеем левитов в качестве жреческого колена был вполне естественным. Во-первых, будучи близкими родственниками Моисея, они не раз доказывали, что готовы поддержать его и его лидерство в любой ситуации — уже только по причине родства. Во-вторых, во время истории с золотым тельцом левиты в очередной раз продемонстрировали, что являются гораздо более стойкими в вопросах веры, чем представители других колен, то есть они верные сторонники Моисея не только по крови, но и по идеологии. Таким образом, левиты идеально соответствовали и роли личной гвардии Моисея, и роли будущих хранителей его учения. Именно это обстоятельство и позволяет утверждать сторонникам версии, по которой Моисей был египетским жрецом, что на самом деле левиты тоже были не евреями, а египтянами — теми самыми египтянами, которые стали первыми фанатичными последователями Моисея и образовали его ближайшее окружение. Однако эта версия крайне плохо совмещается с библейским рассказом, согласно которому Леви был не просто одним из сыновей патриарха Иакова, но и одним из самых воинственных его сыновей. Достаточно вспомнить, что именно Леви на пару с братом Симеоном перебили все население города Шхем, чего Иаков не мог простить им до самой кончины. И с этой точки зрения левиты, бросающиеся с мечами на всех, кто участвовал в плясках вокруг золотого тельца, выглядят как истинные потомки своего пылкого предка. Но, формируя сословие священников, Моисей преследовал не только духовные, но и военные и политические цели. Вслед за духовенством ему предстояло

создать дисциплинированную, мощную и хорошо обученную армию, способную завоевать Ханаан — землю, обещанную евреям Богом. За семь дней до начала весеннего месяца нисана Моисей велел Аарону и его сыновьям окунуться в микве: специальном ритуальном бассейне, очищающем человека от тумы («тумь») — ритуальной нечистоты. После этого он сам, лично, облачил своего брата Аарона в одежды первосвященника и помазал ему голову елеем — оливковым маслом, смешанным с различными благовониями. Затем, взяв немного этого масла пальцами, он сделал на лбу Аарона иксообразный знак, завершив, таким образом, обряд помазания на должность первосвященника. Именно отсюда, как уже догадался читатель, и берет свое начало обряд помазания как символ инвеституры, вступления в должность царей и королей — как видим, и этим символическим действием человечество обязано Моисею. После этого в течение семи дней к Шатру откровения приводили молодого быка, Аарон и его сыновья возлагали на него руки, как бы перекладывая на него все свои грехи, после чего быка приносили в жертву прямо перед входом в Шатер откровения. Затем то же самое проделывали с двумя баранами. Все эти действия повторялись в течение семи дней, и это, безусловно, свидетельствует о том, что Моисей видел в них глубокую символику — приступающий к служению первосвященник в течение этих дней должен был проникнуться пониманием величия своей миссии. Наконец, в первый день месяца нисана 2449 года Моисей велел народу собраться перед Шатром откровения и подготовить к принесению грехоочистительную и мирную жертвы, а также в жертвы всесожжения козла, годовалых телят и ягненка, быка и барана, а также муку, смешанную с оливковым маслом. Аарон вновь начал с того, что принес жертвы за себя, а затем заклал жертвенных животных от имени народа и возложил их на жертвенник. Так как Моисей обещал евреям, что в этот день «явится к ним Бог», то все они, затаив дыхание, следили за разложенными на жертвеннике тушами животных — все ждали некоего чуда. Однако минута шла за минутой, а чуда не происходило. В народе начали разочарованно шептаться. Аарон тоже был разочарован и вышел из Шатра откровения к стоявшему у самого входа Моисею, и стал выговаривать брату, что тот выставил его на всеобщий позор и посмеище — возможно, стоило просто самому разжечь огонь на жертвеннике, а не ждать неведомо чего. Что же нам делать?! Что делать?! — сокрушенно вопрошал Аарон, понимая, что если в самые ближайшие мгновения ничего не произойдет, то народ утратит веру и в Бога, и в них как Его представителей. Как что делать?! Молиться! — ответил Моисей. Вместе с братом они вошли в Шатер откровения и пали ниц, умоляя Бога явить Свое присутствие народу. После молитвы они вновь вышли к народу, и в тот момент, когда они благословляли его словами: «Да покоится Присутствие Бога на творениях рук ваших», — весь народ увидел, как с неба сошел огненный столб, вошел в Шатер откровения и поглотил все жертвы на жертвеннике, отчего весь народ в трепете пал на колени. На протяжении довольно длительного периода времени ряд ученых видели в этом библейском рассказе доказательство того, что изначально Господь, о котором говорится в Пятикнижии, был племенным богом, очевидно считающимся богом, способным вызывать извержения вулканов, землетрясения, приливы и отливы и прочие природные катаклизмы. По всей видимости, утверждали они, Моисей и Аарон расположили жертвенник в месте вулканической активности, где из-под земли сами собой вырывались языки пламени — и этим и объясняется «чудо поглощения жертв». Однако уже к 20-м годам XX века было доказано, что на Синайском полуострове, где, согласно Библии, происходили эти события, вообще не было вулканической активности — а значит, происходившим в те дни у горы Синай событиям следует искать иное, более убедительное объяснение. Вскоре после этого чуда, продолжает Библия, произошло другое, уже не радостное, а поистине трагическое событие. Сыновья Аарона, Надав и Авигу, вопреки строгим указаниям и предупреждению Моисея, неожиданно решили самостоятельно, прежде отца, воскурить на жертвеннике благовония. Но в тот момент, когда они возложили на жертвенник специальную благовонную смесь и, взяв совки, добавили туда углей, чтобы благовония начали тлеть и куриться, на жертвеннике неожиданно вспыхнуло гигантское пламя, которое перекинулось на сыновей Аарона. Иосиф Флавий утверждает, что вспыхнувшее пламя в течение нескольких мгновений сожгло Надаву и Авигу лицо и грудь. Согласно одному из мидрашей, их смерть выглядела куда более загадочной: тела двух молодых священников остались нетронутыми, но в них не было «духа жизни» — словно души попросту вылетели из их тел, оставив их лежать возле жертвенника. Смерть Надава и Авигу, подчеркивает Библия, стала для всех еще одним доказательством того, насколько тщательно следует соблюдать все предписанные через Моисея Богом детали служения и насколько опасно любое их изменение. По другой версии, грех Надава и Авигу состоял не только в том, что они нарушили порядок службы, но и в том, что после чуда на жертвеннике, когда началось всеобщее ликование, они вместе с остальными выпили вина и вошли в Переносной храм пьяными, что было категорически запрещено. Впрочем, эта версия не противоречит предыдущей: возможно, если бы Надав и Авигу не были пьяны, они никогда не решились бы на самоуправство и не допустили бы роковой ошибки при священнослужении. Понятно, что после столь внезапной смерти Надава и Авигу Аарон с двумя другими сыновьями, Итамаром и Элазаром, пережили сильнейшее потрясение. Однако Моисей запретил им предаваться трауру, заявив, что в жизни каждого человека, а тем более слуги народа, бывают минуты, когда он обязан поставить интересы общества выше личных чувств. Праздник в честь создания Переносного храма должен был быть продолжен — и он был продолжен. В течение последующих двенадцати дней Моисей и Аарон с сыновьями торжественно принимали дары Храму, приносимые от имени колен их вождями. Все дары были одинаковы, так как должны были символизировать равенство всех колен Израиля в глазах Бога. Дар каждого колена состоял из серебряной чаши весом 130 шекелей (около трех килограммов); еще одной, более тонкостенной серебряной чаши весом 70 шекелей (около 1,6 килограмма; обе чаши были наполнены отборной мукой, смешанной с оливковым маслом); одной золотой чаши для благовоний весом 10 шекелей (228 граммов), наполненной благовониями; одного годовалого ягненка для жертвы всесожжения; одного козла для грехоочистительной жертвы, а также двух быков, пяти баранов, пяти козлов и пяти годовалых барашков для мирной жертвы. В первый день эти приношения принес вождь колена Иуды Наассон, сын Аминадава (Нахшон бен Аминадав) — тот самый, который первым вошел в воды Чермного моря. Затем от имени колена Иссахара дары принес его вождь Нафанаил, сын Цуара (Нетанэль бен Цур). На третий день от имени колена За-вулона Елиав, сын Хелона (Элиав бен Хейлон). На четвертый день пришел черед принесения даров предводителем колена Рувима Елицуром, сыном Шедеура (Элицур бен Шедеур). За ним последовали — вождь колена Симеона Шелумиил, сын

Цуришаддая (Шлумизель бен Цуришадай); вождь колена Гада Елиасаф, сын Регуила (Эльясаф бен Деуэль); предводитель колена Ефрема Елишама, сын Аммиуда (Элишама бен Амигуд); вождь колена Манассии Гамалиил, сын Педацура (Гамлиэль бен Педацур); вождь колена Вениамина Авидан, сын Гидеония (Авидан бен Гидони); вождь колена Дана Ахиезер, сын Амишаддая (Ахизер бен Амишадай); вождь колена Асира Пагиил, сын Охрана (Пагизель бен Охран). В последний день свои дары от имени колена Неффалима принес его лидер Ахир, сын Ена-на (Ахир бен Эйнан). К тринадцатому дню месяца нисана в Переносном храме уже шли все предписанные Богом службы и горел храмовый светильник. А 14-го числа этого месяца 2449 года (апрель 1311 года до н. э.) народ сел праздновать Песах — праздник свободы, первую годовщину своего выхода из Египта. Так закончился первый год пребывания евреев в Синайской пустыне.

Глава шестая. РОЖДЕНИЕ АРМИИ

Спустя ровно месяц после обновления Переносного храма Моисей объявил проведение новой переписи всех мужчин от двадцати до шестидесяти лет, годных к воинской службе. Иосиф Флавий утверждает, что это была вторая перепись, объявленная Моисеем. В ходе первой переписи, проведенной сразу после греха золотого тельца, была определена общая численность народа. Целью второй переписи было исчисление боеспособного мужского населения для организации армии.

Отдельные раввинистические авторитеты считают, что перепись была всего одна, но есть и настаивающие, что переписей было три: первую Моисей провел весной 2448 года, сразу после выхода из Египта, чтобы узнать, сколько же человек за ним идет; вторую — осенью 2449 года, сразу после истории с золотым тельцом и третью — весной 2449 года, уже для того, чтобы выяснить, какой военной мощью он располагает для завоевания Ханаана. Кроме того, одной из важнейших задач этой переписи было составление родовых списков всех колен — как для раздела завоеванной земли между семьями, так и для того, чтобы каждый представитель еврейского народа знал свою родословную вплоть до родоначальника колена.

Немало споров идет и о том, каким образом осуществлялась данная перепись. Согласно одной из версий, общее число способных нести воинскую службу мужчин было подсчитано с помощью все того же сбора половины шекеля с каждого мужчины. Одновременно Моисей поручил главам колен составление родословных книг, в которые они должны были записать имя каждого мужчины от двадцати до шестидесяти лет с указанием имени его деда, прадеда и далее — до родоначальника колена.

По другой версии, главы колен, выполняя указание Моисея, составили родословные списки, а затем вождь каждого колена подсчитал, сколько имен в его списке. В любом случае перепись была, очевидно, проведена в рекордно короткий срок и — в течение нескольких, а по одному из мидрашей вообще в течение всего одного дня.

Если отставить в сторону многократно повторяемую в книге Чисел формулу подсчета членов каждого колена, то данные переписи сведутся к следующему:

- Колено Рувима (Реувена) насчитывало 46 500 мужчин.
- Колено Симеона (Шимона) — 59 300 мужчин.
- Колено Гада — 45 650 мужчин.
- Колено Иуды (Иегуды) — 74 600 мужчин.
- Колено Иссахара — 54 400 мужчин.
- Колено Завулона (Звулуна) — 57 400 мужчин.
- Колено Ефрема (Эфраима) — 40 500 мужчин.
- Колено Манассии (Менассии, Менаше) — 32 200 мужчин.
- Колено Вениамина (Биньямина) — 35 400 мужчин.
- Колено Дана — 62 700 мужчин.
- Колено Асира (Ашера) — 41 500 мужчин.
- Колено Неффалима (Нафтали) — 53 400 мужчин.

Таким образом, в итоге общая численность еврейской армии составляла 603 550 человек. Это — то же самое число, которое было получено в ходе осенней переписи, из чего большинство комментаторов делают вывод, что к весне 2449, по еврейскому летосчислению, года численность мужского населения стабилизировалась — число умерших мужчин или мужчин, перешагнувших через шестидесятилетний рубеж, компенсировалось за счет тех, кто достигал своего двадцатилетия.

Однако стоит заметить, что данный подсчет не учитывал левитов, которых, судя по тексту Библии, при первой переписи исчисляли вместе со всем народом. Подсчет левитов на этот раз был проведен Моисеем отдельно, по семьям потомков Леви, и дал следующие результаты:

Семья Кегата — 8600 мужчин возрастом старше месяца и 2750 мужчин, годных для священнической службы, то есть в возрасте от двадцати до пятидесяти лет.

Семья Гершона — 7500 мужчин возрастом старше месяца и 2630 — годных для священнической службы.

Семья Мрари — 6200 мужчин старше одного месяца и 3200, годных к священнической службе.

Здесь мы подходим к одной из самых больших загадок Библии — сколько же на самом деле человек вышло с Моисеем из Египта?

Библия вроде бы отвечает на этот вопрос достаточно точно: свыше 600 тысяч мужчин в возрасте от двадцати до шестидесяти лет. То есть всего евреев вместе с женщинами и детьми насчитывалось свыше двух миллионов человек.

Правдоподобность этой цифры вызывает почти у всех библеистов большие сомнения. По их мнению, Синайский полуостров просто не в состоянии вместить и прокормить такую массу народа. Вместе с тем даже самый скептически настроенный исследователь не может не признать, что рассказ о результатах переписи впечатляет — приводимые числа явно имели под собой реальную основу, и сама перепись тоже имела место — иначе не объяснить, зачем всю эту «цифру» внесли в священные тексты.

В поисках объяснений в ряде исследований Библии выдвигается версия, что под словом «элеф» в тексте подразумевается не «тысяча», а «отряд», то есть из Египта вышло не 600 тысяч взрослых, способных участвовать в сражении мужчин, а 600 боевых отрядов по 100—150 человек каждый. В этом случае численность армии евреев, вышедших из Египта, колебалась между шестьюдесятью и девяноста тысячами воинов. Это тоже довольно большая для того времени армия, но ее размеры выглядят уже вполне реальными. Но тогда все цифры, описывающие число воинов каждого колена, должны были включать в себя только «тысячи». Скажем, число воинов колена Рувима должно было составлять 46 «тысяч» человек, то есть 46 боевых отрядов, колена Симеона — 59 «тысяч», то есть 59 отрядов; колена Гада — 45 «тысяч», то есть 45 отрядов и т. д. Однако Библия указывает их число с точностью до сотни!

В поисках выхода из этого противоречия было предложено другое объяснение: слово «тысяча» означает отряд, а вслед за ней идет цифра, указывающая общее число воинов в этом отряде. В этом случае, к примеру, слова о том, что колено Рувима насчитывало 46 500 боеспособных мужчин, следует читать как «колено Рувима насчитывало 46 отрядов общей численностью в 500 человек» и т. д. Как легко подсчитать, по этой версии общая численность еврейской армии составляла 4750 воинов, а общее число вышедших из Египта не превышало двадцати пяти—тридцати тысяч человек.

Эта цифра позволяет объяснить, во-первых, каким образом две акушерки могли обслуживать всех еврейских рожениц в Египте, а во-вторых, последовавшие за переписью события, то есть панику, начавшуюся в еврейском стане с возвращением разведчиков. С такими силами Ханаан и в самом деле завоевать было нельзя, и евреям надо было срочно искать союзников среди других семитских племен пустыни для реализации своего замысла¹.

В то же время Ж. Мёллер в своем «Деле об Исходе» считает численность евреев в два миллиона человек вполне реальной. Свое мнение он основывает, по меньшей мере, на трех доводах.

Во-первых, указывает Мёллер, если установить рост численности еврейского населения три процента в год (это не самая большая цифра, темпы рождаемости и рост численности даже у современных арабов и религиозных евреев выше этого показателя. — *П. Л.*), то за двести с лишним лет рабства численность евреев как раз должна была достичь величины порядка 1,5—1,7 миллиона человек. Так как Библия сообщает, что к евреям присоединились тысячи египтян и представителей других народов, то количество 1,7—1,9 миллиона человек начинает выглядеть вполне реальным.

Во-вторых, Мёллер обращает внимание, что в тексте Торы то и дело по разным причинам гибнет от 3 до 14,7 тысячи евреев, но это обстоятельство никак не влияет на их демографию и боеспособность, что вновь говорит об их необычайной многочисленности.

В-третьих, по его словам, все археологические находки в районе Синайского полуострова однозначно свидетельствуют о том, что евреи представляли собой действительно огромный для того времени народ.

Наконец, стоит вспомнить, что наиболее авторитетные историки и демографы определяют численность населения Древнего Египта от семи до девяти миллионов человек¹. Однако они основывают свой вывод на результатах древнеегипетских переписей, а не исключено, что они проводились по тому же принципу, по которому проводил перепись Моисей, то есть учитывали только взрослое мужское население от двадцати лет и старше. Непонятно также, включали ли в эти переписи рабов, которые могли рассматриваться не как люди, а как имущество? Между тем, чтобы представить общее число рабов в Египте, достаточно сказать, что только храмы владели ста тысячами рабов. К тому же Библия подчеркивает, что евреи составляли весьма значительную часть населения Египта и именно это в итоге и стало причиной всех их бед: «И сказал он (фараон. — *П. Л.*) народу своему: "Вот, народ Израиля многочисленнее и сильнее нас"...» (Исх. 1:9).

Кроме того, вспомним, что фараон пускается в погоню за евреями с армией, превышающей 250 тысяч воинов. При этом и он, и все остальные египтяне явно считали, что эта толпа рабов будет легкой добычей. Поэтому смешно даже подумать, что фараону понадобились 200 тысяч пехотинцев, 50 тысяч всадников и 600 колесниц для погони за шестью и даже за тридцатью тысячами рабов. Наконец, собранные народом для Переносного храма пожертвования однозначно свидетельствуют, что израильтян было очень и очень много. Тогда указанная в Библии численность вышедших из Египта евреев и тех, кто к ним присоединился, выглядит совершенно реальной.

Сторонники абсолютной правдивости библейского повествования напоминают также, что территория Синайского полуострова составляет 60 тысяч квадратных километров. Это почти в полтора раза больше, чем территория современной Швейцарии, где сегодня проживает около восьми миллионов человек. Кроме того, Синайский полуостров — это отнюдь не безжизненная пустыня. Даже если забыть про упоминаемый в Библии «манн» и легендарный колодец Мириам, синайские пастбища и источники воды, а также обитающая повсюду дичь вполне способны прокормить несколько миллионов приспособленных к жизни в такой местности человек. Да и, в конце концов, весь текст Библии однозначно свидетельствует, что слово «элеф» обозначало именно тысячу, а не что-либо другое — ведь оно используется при взвешивании золота и серебра, а также и при других подсчетах.

Правда, даже с учетом всех приведенных доводов трудно отмахнуться от того аргумента, что все величины переписи являются круглыми, — если бы речь действительно шла о некоем историческом документе, представляющем реальные данные, то они должны были заканчиваться единицами, а не десятками.

И, наконец, нельзя не обратить внимания на малочисленность левитов по сравнению с численностью других колен — особенно с учетом устного предания, что левиты сумели избежать тягот египетского рабства и, соответственно, имели возможность плодиться и размножаться куда более свободно, чем другие колена Израиля. Это несоответствие библейской статистики всему ходу повествования и порождало в итоге версии особого происхождения левитов, которых придерживались такие видные интеллектуалы, как З. Фрейд, И. И. Скворцов-Степанов и др.

Однако следует отметить, что наделяя Моисея организаторской и военной гениальностью, дальнейший рассказ Библии исполнен железной логики.

Подводя итоги переписи, Моисей разбил всех мужчин двенадцати колен на четыре легиона, каждый из которых состоял из воинов трех колен, располагавшихся на определенной стороне стана.

Позиции на восточной стороне стана, следуя указаниям Моисея, заняли колена Иуды, Иссахара и Завулону, общая численность которых составляла 186 400 воинов.

На юге стана разместился легион, состоящий из воинов колен Рувима, Гада и Симеона, общей численностью 151 450 человек.

На западе расположились колена Ефрема, Вениамина и Манассии численностью 108 100 воинов.

Наконец, на севере стояли полки колен Дана, Асира и Наф- фалима суммарным числом 157 600 воинов.

Одним из самых замечательных новаторств Моисея было введение знамен для легионов и полков. Во всяком случае, Пятикнижие, судя по всему, является первым древним источником, где упоминаются воинские знамена в современном значении этого слова.

Общий флаг каждого из четырех легионов, сообщают еврейские источники, соответствовал флагу «головного колена». Так, знаменем Восточного легиона было знамя колена Иуды — флаг синего цвета с вышитым на нем изображением льва, так как именно этому зверю был уподоблен Иуда в благословении праотца Иакова. Западный легион шел под знаменем колена Ефрема — на нем был изображен золотой бык на черном фоне.

Южный легион шел под знаменем колена Рувима, представлявшим собой красное полотнище с вышитыми мандрагорами — растением, корень которого напоминает фигуру человека и которое, по книге Бытия, Рувим принес своей матери Лие, а та обменяла их у своей сестры Рахили на ночь с Иаковом.

Наконец, знамя Дана, под которым шел Северный легион, было цвета сапфира, и на нем был изображен змей — создание, которое упомянул, благословляя Дана, праотец Иаков.

Помимо общего знамени у каждого колена было собственное знамя — размером поменьше.

Знамя колена Симеона было зеленым с вышитыми очертаниями Шхема — города, жителей которого родоначальник этого колена истребил вместе со своим братом Леви. Эта эмблема была призвана подчеркнуть, что того, кто встанет на пути воинов колена Симеона, постигнет судьба обитателей Шхема.

У колена Иссахара было черное знамя с изображением солнца и луны.

Знамя колена Завулону представляло собой белое полотнище с изображением корабля.

Флаг колена Гада был соткан из черных и белых нитей, и на нем был изображен воин — в соответствии с пророчеством Иакова о том, что именно из этого колена произойдут самые могущественные воины народа Израиля.

Флаг Наффалима был светло-пурпурным, напоминающим цвет разбавленного вина, с изображением лани — вновь в соответствии с благословением Иакова.

Флаг колена Асира был цвета голубоватого жемчуга с вышитым оливковым деревом.

На черном знамени Манассии был изображен дикий буйвол, а на многоцветном знамени колена Вениамина — волк.

У левитов был свой флаг — на треть белый, на треть красный и на треть черный с вышитым нагрудником первосвященника.

Рожденная Моисеем идея воинского стяга затем, как известно, была перенята всеми другими народами планеты, и история человечества знает немало примеров, когда герои того или иного народа предпочитали погибнуть, но не допустить попадания этого высокого символа в руки врага.

Вероятно, что еще одним нововведением Моисея стала передача армейских команд с помощью специально отлитых серебряных труб с раструбом, как у колокольчика. Их длина составляла около локтя (46 сантиметров). Простые, понятные всем и разносящиеся на многие сотни метров сигналы, передаваемые трубными звуками, позволяли мгновенно доносить приказы командования до самой многочисленной армии, что, безусловно, ускоряло скорость маневра, давая ей немалое преимущество даже при встрече с превосходящим по численности противником. Помимо этого, с помощью труб людей созывали на общий сбор, сообщали о начале движения из стана и т. д. Наконец, протяжные трубные звуки, безусловно, призваны были служить поднятию боевого духа еврейского войска, как бы притягивать к нему милость Бога, а значит, и победу. Библия сообщает характер основных сигналов, подаваемых с помощью труб:

«Когда обе трубы трубят долгим звуком, вся община пусть собирается у входа в Шатер откровения. Если долгим звуком трубят лишь одна из них, то руководители, вожди тысяч Израиля будут собираться к тебе (к Моисею. — **п. л.**).

Когда затрубите рядом коротких звуков, станы на востоке начнут движение. А когда затрубите вторично рядом коротких звуков, двинется стан на юге.

Итак, когда сынам Израиля нужно будет двигаться, пусть трубят им рядом коротких звуков. А когда нужно собрать общину, пусть трубят трубы долгим звуком, а не короткими звуками.

Священники, потомки Аарона будут трубить в трубы. Это будет вечным законом для будущих поколений.

Когда вы идете на войну против врага, который нападает на вас в вашей стране, то трубите отрывисто в трубы, и вспомнит о вас Бог, ваш Господь, и будете спасены от ваших врагов.

И в дни вашей радости, в ваши праздники и на праздновании нового месяца трубите в трубы над всеожожениями вашими и вашими мирными приношениями. Это будет воспоминанием пред Богом вашим. Я Бог ваш, Господь» (Чис. 10:3—10).

Распределив вокруг стана полки различных колен, Моисей занялся распределением обязанностей среди левитов, которые должны были уметь разбирать Переносной храм, перевозить с места на место все его аксессуары, чтобы ничего не повредить.

Моисей предельно четко распределил обязанности между каждой семьей колена Леви:

«Вот служба потомков Кегата в Шатре общения, она Святая Святых. Когда стан собирается трогаться, Аарон и его сыновья будут входить и снимать завесу разделения, используя ее, чтобы покрывать Ковчег Завета. На нее они будут класть покрытие из шкур, обработанных синим, а поверх ткань из небесно-голубой шерсти, а затем поставят на место шесты для переноски.

Они расстелят небесно-голубую ткань на внутреннем столе, затем положат на нее формы для хлеба, чаши для курений, половинки труб и покрывающие боковые рамки, так чтобы хлеб мог оставаться на столе постоянно...» (Чис. 4:4—7).

Не буду утомлять читателя подробным цитированием этого отрывка, представляющего собой детальную инструкцию по разборке и транспортировке Переносного храма. Вслед за обязанностями семьи Кегата в этой инструкции перечисляются обязанности родов Гершона и Мрари.

В итоге каждый левит точно знал, что ему следует делать, когда евреи снимались с места и переходили на новую стоянку, и каково его место в бою. Помимо переноса и сбора Храма и обеспечения сохранности его аксессуаров, левиты наводили в Храме порядок, пели в хоре и играли на музыкальных инструментах во время жертвоприношения, несли вокруг Храма круглосуточную охрану.

После этих нововведений, еврейский стан уже представлял собой единый военный организм, способный не только с легкостью отразить атаку, но и выполнить любую другую боевую задачу.

Час завоевания Ханаана приближался, и, осматривая еврейские полки, Моисей ощущал, как всё его существо трепещет от нетерпения в ожидании этого часа, не подозревая, что планам о скором и быстром завоевании Ханаана не дано было сбыться.

Двадцатого числа второго весеннего месяца ияра 2449 года (май 1311 года до н. э.), спустя ровно 20 дней после объявления о переписи боеспособного населения, поднявшийся над Переносным храмом облачный столп показал, что евреям снова пора в путь. Пришло время покинуть подножие горы Синай, возле которого они провели без малого год, и двигаться дальше — в сторону Земли обетованной.

В это время Иофор, тесть Моисея, засобиравшись домой, в Мадиама. Его решение, судя по всему, застало Моисея врасплох. Ему было жалко терять столь мудрого и опытного советчика, и он начал всячески уговаривать Иофора продолжить идти с евреями дальше. Доводы, которые приводил Моисей, выглядят вполне логично, и к тому же, чтобы убедить тестя изменить решение, он не поспешил ни на лесть, ни на богатые посулы, пообещав ему и долю в военной добыче, и участок земли, которую еще предстояло завоевать: «Сказал Моше: "Не покидай нас. В конце концов, ты знаком с местами, где мы собираемся ставить стан в пустыне, и ты можешь быть нашим проводником. Если ты с нами пойдешь, мы разделим с тобой все добро, что Бог нам дарует"» (Чис. 9:29—31).

Библия не приводит окончательного ответа Иофора зятю, однако большинство комментаторов считают, что он отверг эти предложения Моисея и вернулся к себе домой.

Отправление евреев в путь началось с того, что левиты вынесли из Шатра откровения Ковчег Завета и Моисей произнес фразу, с которой евреи на протяжении многих столетий выступали на войну и которая и сегодня произносится во многих синагогах мира, когда свиток Торы выносят к молящимся: «Встань, Боже, и рассея врагов Твоих, и да побегут от Тебя ненавистники Твои!»

После этого левиты с Ковчегом двинулись в путь, раздались отрывистые трубные звуки, и вслед за Ковчегом двинулся легион Иуды — полки колен Иуды, Иссахара и Завулона.

Тем временем левиты уже разобрали Переносной храм; часть убранства погрузили на повозки, запряженные быками, часть подняли на руки, и роды Гершона и Мрари двинулись с деталями Храма вслед за легионом Иуды.

За этой группой левитов двинулся легион Рувима, то есть полки колен Рувима, Симеона и Гада. Сразу после них начали движение левиты из рода Кегата, которым было поручено ношение храмового светильника, жертвенников и другой священной утвари.

За сынами Кегата шел легион Ефрема — колен Ефрема, Манассии и Вениамина. В арьергарде шел легион Дана, безопасность тыла которого, в свою очередь, обеспечивали полки колена Наффалима.

Уже из описания порядка движения становится понятно, насколько четко и разумно удалось Моисею за время пребывания у Синая организовать жизнь огромной массы идущих за ним людей.

Спустя три дня евреи пришли в пустыню Паран, которая, судя по карте, расположена почти в 160 километрах от горы Синай. Таким образом, за день израильтяне проходили свыше 50 километров. В принципе это — вполне реальный дневной переход для кочевого племени. Однако около двух миллионов человек могли двигаться по пустыне с такой скоростью лишь при условии, что они очень хорошо организованы и точно следуют указаниям своих лидеров. Таким образом, сам факт, что евреям удалось преодолеть за три дня столь значительное расстояние, вроде бы доказывает, что среди них царили железная дисциплина и беспрекословное подчинение приказам Моисея.

По поводу того, что происходило с евреями в следующий месяц с небольшим, существуют различные точки зрения. Некоторые из теологов настаивают на том, что события развивались в том же порядке, как описано в Библии, однако некоторые считают, что на самом деле, как и в ряде других случаев, эта часть книги Чисел отклоняется от последовательного изложения, намеренно переставляя различные события местами.

Автор этой книги относит себя к числу сторонников второй версии, и чуть ниже я попытаюсь объяснить с читателями по поводу своей позиции. Пока же отметим то, что не вызывает сомнений ни у одного из комментаторов Пятикнижия: 29-го числа третьего месяца сивана 2449 года (примерно в июне 1311 года до н. э.) Моисей отправил 12 лучших еврейских воинов на разведку Земли обетованной.

Глава седьмая. С КЕМ ИДТИ В РАЗВЕДКУ?

За те 40 дней, которые прошли с того времени, как евреи покинули подножие Синая, они, как считают ряд комментаторов, дошли до самого края пустыни Паран и стали станом в оазисе Кадеш-Барнеа, находившемся всего в трех днях пути от Ханаана. Именно отсюда Моисей и послал разведчиков, чтобы ему доставили как можно более подробные сведения о земле, которую евреям предстояло завоевать.

Согласитесь, с точки зрения нормальной человеческой логики шаг этот представляется не просто вполне разумным, но и крайне необходимым. Ни один полководец не бросит свою армию в неизвестность, не имея хотя бы приблизительной карты местности, ничего не зная о ландшафте, не представляя, пусть в самых общих чертах, где и с каким противником он может встретиться. Предварительная разведка во все времена была важнейшей частью действий любой армии, и судьба любого завоевательного похода в немалой степени зависела от достоверности сведений, которые сообщали разведчики.

Вот почему наказ, который Моисей дает перед отправкой в Ханаан разведчиков, звучит как предельно четкие указания военачальника своим бойцам перед очень важным заданием:

«Идите на север, к Негеву. И продолжайте на север до холмистой страны. Посмотрите, что это за земля и народ, который живет там, сильный он или слабый, мало их или много. Хороша или плоха страна, которую они населяют? Города, где они живут, открытые или укрепленные? И какая там почва, тучная или тощая? Есть ли на земле деревья или нет? Постарайтесь принести плодов земли» (Чис. 13:17—20).

Из этого текста явственно следует, что Моисей имел о Ханаане не большее представление, чем все другие евреи. Ему были знакомы окраины пустыни Негев — вероятно, он забредал туда, когда был пастухом у Иофора, но вся остальная часть этой страны была для него загадкой. Даже из постановки задачи разведчикам видно, что, отправляя их, Моисей преследует сразу несколько целей.

Во-первых, ему крайне важно убедить евреев в том, что земля, куда он их ведет, — поистине благодатное место, земля, «текущая молоком и медом», способная обеспечить зажиточное существование всему народу. Вот почему разведчики должны доставить сведения о плодородии почвы, имеющихся там видах растений и по возможности принести плоды этих растений.

С другой стороны, разведчики должны доставить сведения, необходимые для ведения военной кампании: составить карту местности, нанеся основные населенные пункты, отметив какие из них обнесены крепостными стенами, а какие — нет; оценить примерную численность населения и армий, которыми располагают местные правители; выяснить, есть ли у них конница, боевые колесницы и т. д.

Разумным представляется и то, что Моисей крайне тщательно отобрал людей для этой опасной миссии: каждый разведчик должен был представлять одно из колен Израиля; каждый должен был быть замечательным воином, пользующимся огромным авторитетом у сородичей — чтобы донесение разведчиков вызвало бы абсолютное доверие у народа. И не случайно Библия сохранила для потомков имена всех двенадцати:

«От колена Реувена — Шамуа, сын Закура.

От колена Симона — Шафат, сын Хори.

От колена Иегуды — Калев, сын Йефунэ.

От колена Исахара — Игаль, сын Йосефа.

От колена Эфраимова — Гошеа, сын Нуна.

От колена Биньямина — Пальти, сын Рафу.

От колена Звулуна — Гадизель, сын Соди.

От колена Менаше — Гади, сын Суси.

От колена Дана — Амизель, сын Гмали.

От колена Ашера — Стур, сын Михаэля.

От колена Нафтали — Нахби, сын Вофси» (Чис. 13:4—14).

Сегодня нам не составляет труда проследить описываемый Библией маршрут разведчиков. Войдя в Ханаан, будущую

Эрец-Исраэль, землю Израиля, со стороны Негева, они дошли до Хеврона, оттуда направились в сторону Иордана, прошли вдоль него на север и уже оттуда вышли к берегу Средиземного моря и повернули обратно.

Нет никакого сомнения в том, что увиденное в Ханаане удивило и напугало их. Населявшие Ханаан народы не были семитами; внешне они были значительно выше и крупнее израильтян, а обитавшие в районе Хеврона представители племен Ахиман, Шешай и Тальман вообще поразили их своим огромным, под два метра ростом — они показались разведчикам настоящими великанами.

Но еще большее впечатление произвели на них многолюдные ханаанские города, обнесенные прочными стенами из натурального камня, ширина которых порой доходила до десяти метров. Не могло быть и речи о том, чтобы взять такие города с помощью армии, не имеющей ни осадных орудий, ни опыта штурма крепостей и вообще состоящей исключительно из легкой пехоты. Лучники, разместившиеся в бойницах стен, легко расстреляют пытающуюся подступить к этим стенам легкую пехоту, а затем городской гарнизон выйдет из ворот города, чтобы завершить разгром. Если же на помощь осажденному городу подойдет армия другого царя и ударит с тыла, то часть евреев будет перебита, а часть обращена в рабство.

Обо всем этом разведчики и говорили на устраиваемых ими в поле или в горах, подальше от глаз туземцев, привалах, чем дальше, тем больше приходя к мысли, что завоевание Ханаана евреями невозможно. Если же Моисей все же решит начать военный поход в эту страну, то это обернется гибелью для всего народа. А значит, нужно сделать все, чтобы отговорить его от этой затеи — или добиться того, чтобы народ осознал серьезную опасность этого предприятия и открыто высказал Моисею и его брату Аарону нежелание участвовать в этой военной авантюре.

Точнее, к такому выводу пришли десять из двенадцати разведчиков. Один из них — Калев (в синодальном переводе — Халев) из колена Иуды — вообще не высказывал своего мнения, предпочитая молчать, и вообще держался

обособленно. Зато Иисус Навин открыто выражал несогласие с товарищами. Беззаветно преданный Моисею, он вновь и вновь убеждал их, что раз Бог через Моисея сказал, что евреи получают эту землю, значит, так оно и будет. А то, что хананеи живут в больших и укрепленных городах, то, что у них такие сильные армии, — это совершенно неважно, ведь с евреями — сам Бог!

Уже когда разведчики собирались назад, Иисус напомнил им, что Моисей хотел, чтобы они принесли и показали людям плоды их будущей земли. Десять разведчиков заявили, что они отнюдь не собираются выполнять этот приказ, и тогда Иисус обнажил меч.

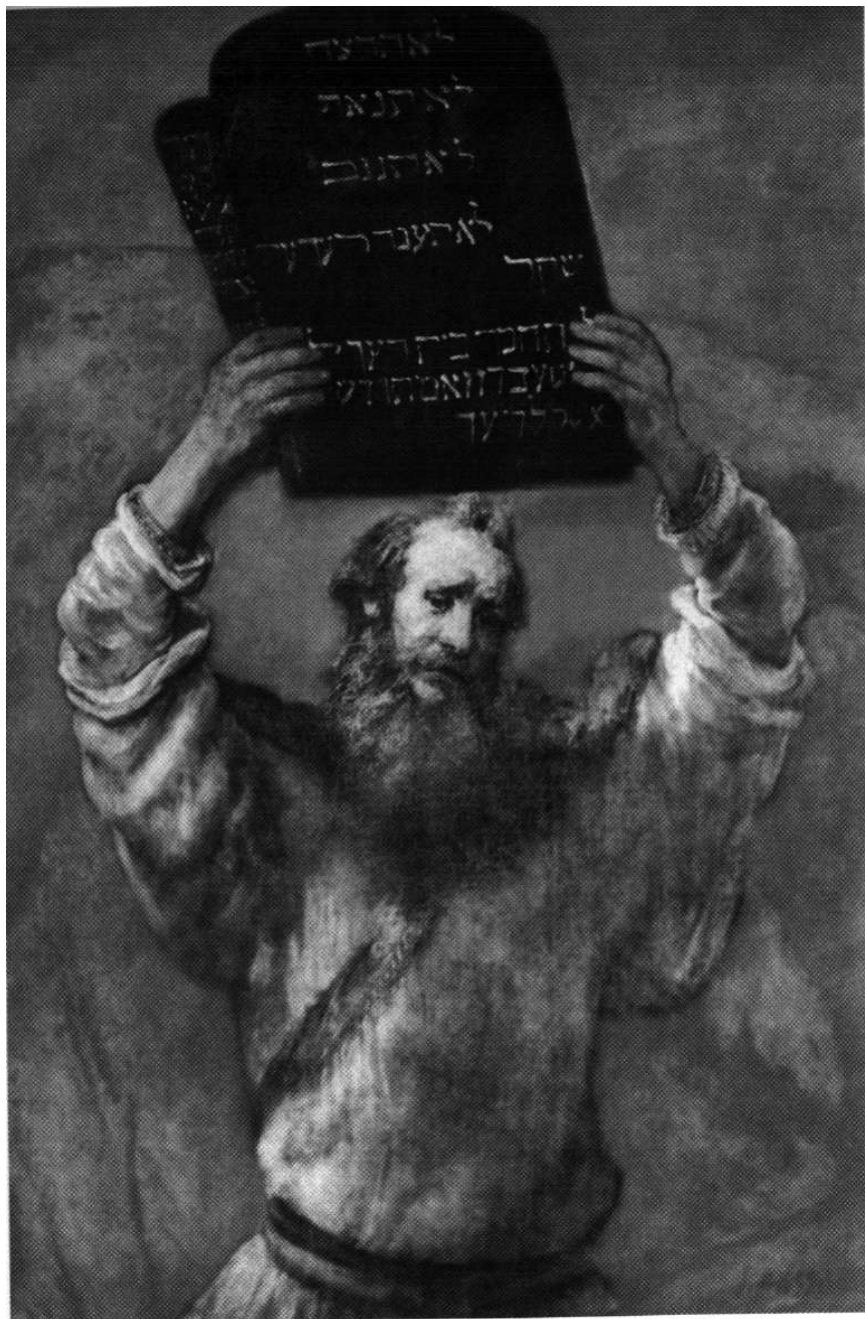
— Либо вы подчинитесь мне и наберете плодов, либо здесь прольется кровь — моя или ваша! — сказал он.

Сражаться с таким сильным и опытным воином, как Иисус Навин, никто из разведчиков не захотел, и они сорвали виноград, гранаты и инжир, чтобы принести их в стан. Однако в тот момент, говорит мидраш, в их головах окончательно созрел план, как вести себя по возвращении в лагерь. Поэтому, хотя плоды земли Израиля и в самом деле отличаются крупными размерами, разведчики приложили все усилия, чтобы отыскать неестественно большие плоды — сорванную ими виноградную гроздь несли на двух палках восемь человек, да и гранат и инжир были так велики, что каждый из них мог нести только взрослый мужчина.

Когда 12 разведчиков появились в еврейском стане, их встретили криками ликования. Народ ждал, что они сразу направятся в шатер Моисея, дадут подробный отчет, ответят на его вопросы, а затем Моисей сам расскажет народу о результатах их миссии. То, что разведчики призвали всех собираться на центральной площади стана, заявляя, что они хотят дать отчет Моисею и Аарону прилюдно, было, по меньшей мере, странно.

— Вот они — плоды той земли, в которую хочет вести вас Моисей! — провозгласили разведчики, показывая на гранат, инжир и гигантскую кисть винограда. — Вам кажется, что они выросли в благодатной земле, земле, текущей молоком и медом?! Но подумайте сами, могут ли фрукты подобного размера вырасти в климате, пригодном для жизни обычных людей? Нет — они растут только там, в такой жаре и влажности, которые могут выдержать только живущие в той стране великаны. Слышите вы все: великаны населяют эту страну! И живут они в таких огромных и так хорошо укрепленных городах, каких вы никогда не видели! На юге там живут амалекитяне, а кто они такие, вы помните и без нас! В горах живут хетты, евусеи и эмо-реи; в долине у реки Иордан и у моря — хананеи. И все это народы сильные и великие! Так судите сами: можем ли мы идти на них войной?!

Ответом на речь разведчиков были возмущенные крики. И если разобрать слова орущей толпы было почти невозможно, смысл воли народа был ясен: никто из евреев не хотел идти на эту, заранее обреченную на поражение, войну. Иисус Навин попытался было взять слово, но его никто не захотел слушать: всем было ясно, что он начнет убеждать народ в правоте Моисея.

Моисей, разбивающий Скрижали Завета. Картина Рембрандта. 1659 г.

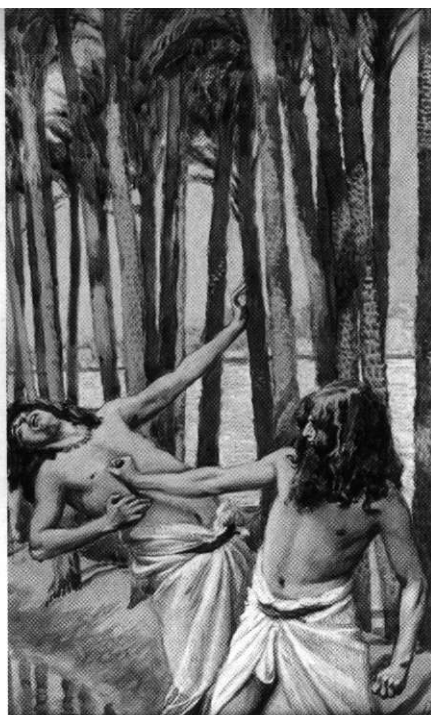
Нахождение Моисея дочерью фараона.

Картина К. Флавицкого. Конец 1850-х гг.

Обретение Моисея. Картина Л. Альма-Тадема. 1904 г.

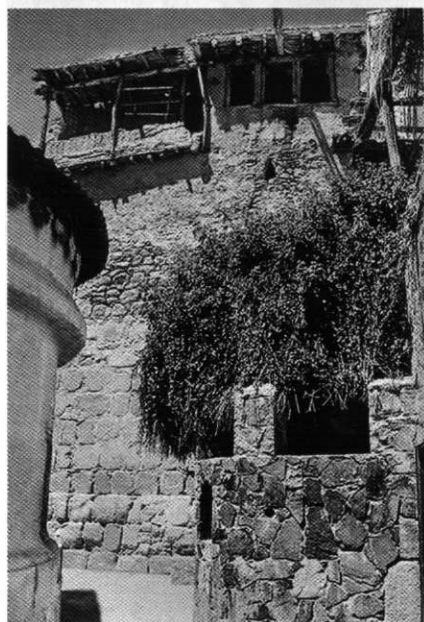

Моисей убивает египтянина.
Картина Дж. Тиссо.
1896—1902 гг.

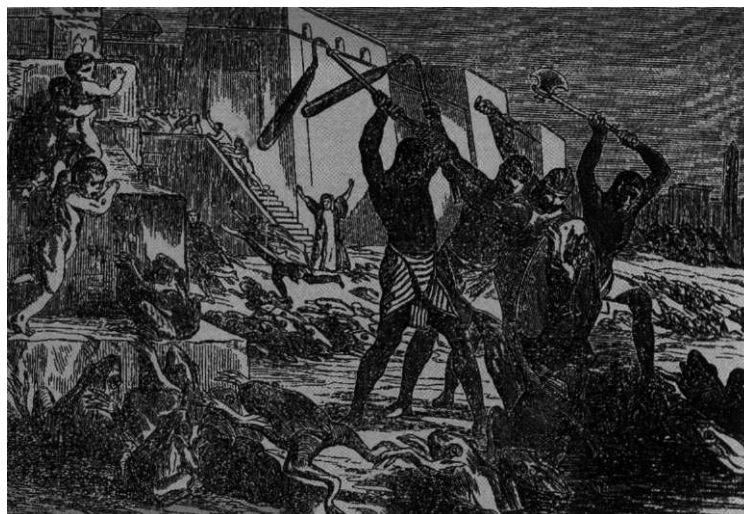

Моисей, защищающий
дочерей Иофора.
Картина Ч. Ферри.
1660—1689 гг.

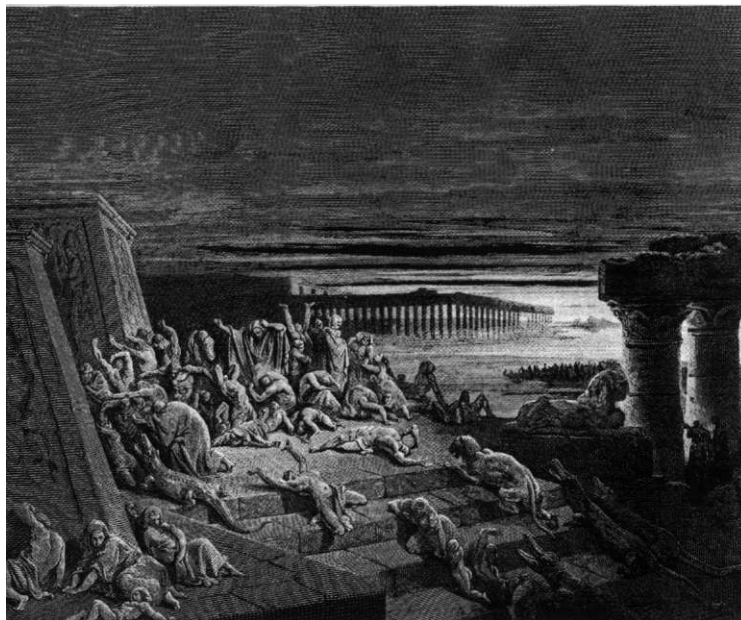

Моисей перед пылающим кустом. Картина Д. Фети. 1613-1614 гг.

Вторая казнь египетская. Жабь. Гравюра. Иллюстрированная библейская энциклопедия архимандрита Никифора. 1891 г.

Девятая казнь. Тьма по всей Земле египетской. Гравюра Г. Доре. 1860-е гг.

Неопалимая купина. Монастырь Святой Екатерины. Египет, Синай

Танец Мириам. Миниатюра. Псалтырь Томича. 1360-1363 гг.

Моисей и сбор манны небесной. Картина Г. Рени. 1615 г.

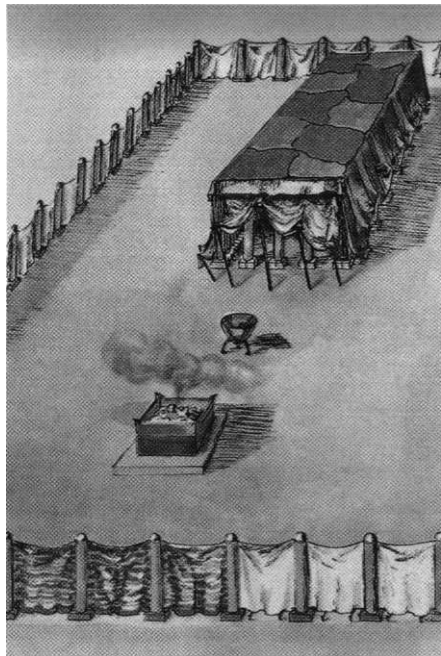
Моисей, получающий
Скрижали Завета.
Икона. Византия. XIII в.

Поклонение
золотому тельцу.
*Картина Н. Пуссена.
1633—1637 гг.*

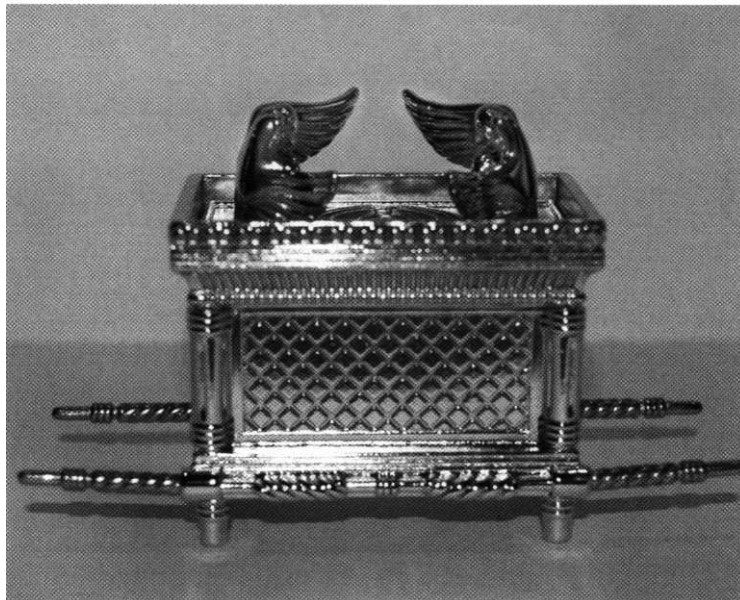

Моисей разбивает Скрижали с Законом. Гравюра Г. Доре. 1860-е гг.

Переносной храм.
Рисунок. XIX в.

Ковчег Завета.
Реконструкция.
Институт изучения Храма,
Иерусалим

Аарон в облачении первосвященника. Икона. Греция. XVIII в.

Менора. Реконструкция. Институт изучения Храма, Иерусалим

Валаамова ослица. Картина Рембрандта. 1626 г.

Моисей со свитком Торы.
Фреска в синагоге в Дуре. Сирия.
III в.

Завещание и смерть Моисея.
Фреска Л. Синьорелли.
1481—1482 гг.

Моисей. Скульптура Микеланджело. Около 1515г.

Но тут слово взял молчавший да того Калев, один из военачальников колена Иуды — самого многочисленного, а значит, и самого влиятельного колена.

— Не верьте этим людям! — провозгласил Калев. — Нас не меньше, чем жителей этой страны! И разве в наших руках нет оружия?! Бог уже столько сделал для Израиля и сделает еще больше! Он даст нам овладеть этой страной!

— Не слушайте этого безумца! — перебил Калева один из разведчиков. — Может быть, нас и в самом деле не меньше, чем их, но они сильнее нас! Сказали же мы вам: великаны живут в той стране! А видели ли вы когда-нибудь великанов? Знаете ли вы, что мы по сравнению с ними — как кузнечики по сравнению с нами?!

Это была уже откровенная ложь, но ей поверили. Теперь весь гнев народа был обращен на Моисея и Аарона — один за другим в центр площади выходили люди, пенявшие Моисею и Аарону за то, что они втянули всех в эту авантюру, вывели их из Египта, где была пусть тяжелая, но все-таки относительно безопасная и налаженная жизнь. А теперь все они вместе с детьми обречены умереть в этой пустыне или — если и дальше последуют за Моисеем — на рабство и смерть от меча.

Библия, как всегда, предельно кратко и емко передает суть речей этих ораторов: «И зарыдало все общество, и плакал народ в ту ночь. И роптали на Моше и Аарона все сыны Израиля и сказало им все общество: "Лучше умерли бы мы в стране Египетской или в пустыне этой бы... Зачем Бог ведет нас в страну эту, чтобы пали мы от меча, чтобы жены наши и малые дети наши стали добычей?! Не лучше ли нам возвратиться в Египет?!"» (Чис. 14:1).

Как видим, плач народа по самому себе, начавшийся днем, продолжился и ночью. С каждым новым таким выступлением страсти накалялись все больше и больше, враждебность по отношению к Моисею с каждой минутой росла. И вот уже в толпе стали раздаваться крики о том, что следует убить Моисея и Аарона за те беды, которые они навлекли на народ, а затем выбрать нового вождя, который поможет евреям вернуться в Египет и уговорит фараона не наказывать их.

«И сказали они друг другу: "Назначим себе нового главу и возвратимся в Египет!"» (Чис. 13:14).

Библия говорит, что после этого Моисей и Аарон пали ниц перед народом, демонстрируя тем самым готовность принять любое его решение.

Далее нам сообщается о том, что Иисус Навин и Калев предприняли отчаянную попытку переломить настроение толпы:

«А Иегошуа, сын Нуна, и Калев, сын Йефунэ, из тех, кто высматривал страну, разорвали одежды свои. И сказали они всему обществу сынов Израиля так: "Страна, которую прошли мы, чтобы высмотреть, страна эта очень и очень хороша. Если благоволит к нам Бог, то приведет он нас в эту страну, которая течет молоком и медом. Не восставайте же против Бога и не бойтесь народа той страны. Ведь они — пища для нас, ушло благословение их, а с нами Бог! Не бойтесь их!"» (Чис. 13:6—9).

Однако эти призывы не возымели никакого действия, и евреи уже собрались было закидать Иисуса и Калева камнями у Шатра откровения, но неожиданно яркий свет, хлынувший из шатра, ослепил их, и народ в страхе разбежался.

«И собралось все общество сынов Израиля забросать их камнями, но слава Бога явилась в Шатре откровения всем сынам Израиля...» (Чис. 14:10).

Если мы попробуем воспользоваться домысливанием, этим любимым методом некоторых исследователей и популяризаторов Библии, то нам не составит труда воссоздать логичную картину последующих событий.

Если народ был готов забить камнями Иисуса и Калева, то почему ему было бы не попытаться сделать то же с Моисеем и Аароном? Но тут вокруг пророка и первосвященника смыкается верная гвардия левитов, и даже самые горячие головы решают отказаться от этой затеи.

Тем временем за ночь Иисус и Калев обходят шатры семейств своих колен, убеждая их, что десять разведчиков — попросту лгуны; что завоевание обещанной Богом земли возможно; что ее жители только кажутся такими непобедимыми, на самом же деле они побегут, как только увидят на горизонте еврейское войско, а земля та и вправду очень и очень хороша...

К утру уже не только левиты, но и еще два колена — Иуды и Ефрема, состоящие из профессиональных воинов, оказываются целиком на стороне Моисея и разговоры о том, что надо выбрать нового вождя, стихают сами собой. Однако сам Моисей переживает тяжелый внутренний кризис: он начинает осознавать, что хотя евреи многочисленны и ему удалось собрать их в более-менее организованную армию, по уровню своего сознания они остались рабами. Они еще не готовы рисковать жизнями ради обладания землей, в их душах слишком силен страх, заложенный египтянами, а значит, такая армия и в самом деле вряд ли будет способна одерживать победы над противником.

И Моисей объявляет народу, что он решил отложить поход на неопределенное время, что вызывает в массах вздох облегчения и внешне окончательно успокаивает страсти. Однако вся эта история сильно подорвала его авторитет как лидера, что подтверждает дальнейший ход событий.

Лишь спустя 39 лет, почувствовав приближение смерти, Моисей вновь решает повести свой народ на завоевание обетованной Богом земли, доходит со своей армией до ее границы и умирает, так и не увидев, как воплощается в жизнь его самая заветная мечта.

Согласитесь, такая трактовка событий выглядит вполне реалистичной.

Однако комментаторы Библии с ней... категорически не согласны, и будет справедливо, если читатель познакомится и с их точкой зрения.

Все комментаторы Библии обычно начинают с того, что обращают внимание на первую фразу повествования о разведчиках: «И говорил Бог, обращаясь к Моше, так: "Пошли от себя людей, чтобы высмотрели они страну Кнаан, которую Я даю сынам Израиля"..."» (Чис. 13:1).

Ключевым, по их мнению, здесь является словосочетание «пошли от себя». Бог отнюдь не давал Моисею указание отправить в Ханаан разведчиков. Моисей это сделал «от себя», по своей инициативе, и уже сам по себе с точки зрения религиозного человека являлся проявлением неверия, недоверия к Богу и Его обещаниям, что он отдаст в руки евреев необычайно богатую страну.

Мидраш уточняет: Моисей это сделал не по собственному желанию, а подчинившись настойчивому требованию народа, не желавшего идти воевать неизвестно куда и неизвестно за что. Народ требовал точно выяснить, действительно ли земля, которую Бог обещал их предкам, так хороша и можно ли ее завоевать. И уже в самом этом требовании проглядывал изначальный страх перед будущим военным походом, и этот страх не мог не передаться разведчикам еще до того, как они вышли из стана.

Войдя в Шатер откровения, Моисей, продолжает мидраш, спросил Всевышнего, должен ли он подчиниться требованию народа и послать в Ханаан лазутчиков или нет. «Если хочешь послать — посылай. Но ты делаешь это от себя. Я в этом не участвую», — ответил ему Бог.

Тот страх, который лишь слегка ощущался десятью из двенадцати разведчиками, когда они выходили из Кадеш-Барнеа, безусловно, многократно усилился, когда они увидели переполненные людьми города, окруженные мощными крепостными стенами. И многочисленность населения, и физические данные людей, и высокий технический уровень цивилизации хананейских народов — все это привело их в уныние и навело пораженческие настроения. Уничжительный взгляд на самих себя по сравнению с хананеями («мы были в их глазах как кузнечики») — психологически вполне объяснимый образ, рожденный людьми, парализованными страхом, в глазах которых даже незначительное преимущество противника многократно увеличивается.

Таким образом, вне всякого сомнения, когда разведчики решили «чуть» гиперболизировать свои и без того гиперболизированные представления о Ханаане, они были движимы самыми благородными устремлениями — они казались себе едва ли не спасателями нации.

И потому-то они и являются с отчетом не к Моисею и Аарону, зная, что те могут совершенно иначе истолковать результаты похода, а обращаются поверх них непосредственно к народу. При этом разведчики тщательно продумывают свою речь: они отнюдь не говорят о том, что земля бесплодна и никуда не годится. «Нет, — говорят они, — земля эта,

возможно, для кое-кого и хороша, но не для нас. А если бы даже она была бы и хороша для нас, завоевать ее невозможно».

Аргументы Иисуса Навина и Калева, если вчитаться в текст, отнюдь не сводятся к тому, что у евреев достаточно сил, чтобы одержать победу над народами Ханаана. Они лишь пытаются напомнить, что и победа, и поражение — в руках Бога. Именно то, что Бог лишил хананейские народы Своего покровительства за их развращенность и обещал евреям отдать эту землю, и является гарантией победы последних — вот смысл речей Иисуса и Калева, и именно этим доводам толпа не желает верить.

Но вот в тот самый момент, когда толпа уже готова забить насмерть Иисуса и Калева, в происходящее вмешивается сам Бог, возмущенный именно неверием народа — и это после стольких чудес, которые Он совершил у всех на глазах!

Дальше перед нами разворачивается диалог между Моисеем и Богом, очень напоминающий тот, который произошел между ними после греха золотого тельца: Всевышний снова угрожает уничтожить всех евреев, кроме Моисея, а от него произвести новый еврейский народ, а Моисей умоляет его этого не делать:

«И сказал Бог, обращаясь к Моше: "До каких пор будет гневить Меня этот народ и до каких пор не поверят они в Меня — при всех знамениях, которые Я совершил среди него? Поражу его мором и уничтожу его, и произведу от тебя народ достойнее и многочисленнее его". И сказал Моше Богу: "Но услышат египтяне, из среды которых Ты вывел мощью Своей народ этот, и скажут жителям той страны, которые слышали, что Ты, Бог, в среде народа этого, что лицом к лицу являлся Ты, Бог, и облако Твое стоит над ними, и в столпе облачном идешь Ты перед ними днем, и в столпе огненном ночью, — что умертвил Ты народ этот, как одного человека. И скажут народы, которые слышали о славе Твоей так: из-за того, что у Бога нет сил привести народ этот в страну, которую Он обещал им, погубил Он их в пустыне. Пусть же теперь возвеличится мощь Господа, как Ты говорил, сказав: Бог долготерпелив и безмерна любовь Его, прощает Он грех и непокорность"..."» (Чис. 14:11—18).

Вот как комментирует эти слова раввин Й. Герц:

«Моисей остается настоящим руководителем, который даже в момент бунта, направленного против него, не думает о собственном спасении и мести бунтовщикам. Он с самоотверженной любовью защищает народ, когда ситуация кажется совершенно безнадежной, находит аргумент, который оказывается действенным и успокаивает гнев Всевышнего, хотя суровый приговор и остается в силе. Смысл аргумента Моисея таков: "Какой бы народ ни пришел бы служить Всевышнему после уничтожения первого избранного народа, он не будет предан Творцу всем сердцем: его постоянно будут терзать сомнения, не поступит ли и с ними Бог Израиля так, как поступил Он с теми, кто был до него. Эти сомнения не позволят вступить ему в Святую землю, завоевание которой требует полной веры, — и окажется, что правы были египтяне, предрекавшие беглецам неизбежную гибель в пустыне"»¹.

И Бог прощает.

Но прощает народ в целом, а не согрешивших перед Ним разведчиков и взрослых мужчин, пожелавших поверить лжецам, а не Ему, обещавшему им победу. Приговор, который Он выносит, кажется поистине ужасным, но справедливым: в течение сорока лет — по числу тех дней, в течение которых разведчики обходили Землю обетованную — евреи будут блуждать по пустыне. За это время умрут все мужчины от двадцати лет и старше — ведь они сами сказали, что Моисей вывел их для того, чтобы они умерли в пустыне. Но вот их дети — те самые, о которых они плакали, утверждая, что Моисей обрек их стать добычей хананеев, — станут хозяевами Святой земли и вкусят ее плоды. Вместе с ними туда войдут и Калев с Иисусом Навином — единственные, кто не присоединился к панике и клевете.

Видные еврейские теологи утверждают, что у всего происшедшего после возвращения разведчиков был еще один, весьма важный аспект.

Двенадцать лазутчиков отправились на разведку 29-го числа месяца сивана и вернулись через 40 дней. Итак, их возвращение состоялось 9-го числа месяца ава 2449 года (в начале августа 1311 года до н. э.). Таким образом, именно 9 ава евреи поколения пустыни горько плакали о своей судьбе, за что накликали беду не только на себя, но и на своих потомков. «Сегодня вы плакали зря! — сказал Бог, если следовать одному из мидрашей. — Но у ваших потомков будет повод плакать в этот день!»

День 9 ава считается у евреев самым черным, самым трагическим днем национальной истории — на 9 ава пришлось разрушение Первого и Второго Иерусалимского храмов, а также целый ряд других печальных событий, в связи с чем и сегодня

это день строжайшего поста и скорби.

Библия также рассказывает, что после того как Моисей огласил приговор Всевышнего, многие раскаялись в том, что поддались паникерским настроениям лазутчиков. На следующий день несколько десятков видных представителей различных колен явились к Моисею и заявили, что они со своими подчиненными готовы хоть сегодня выступить на завоевание Земли обетованной.

— Нет, — покачал головой Моисей. — Бог произнес свой приговор, и если вы сейчас выйдете на войну, то лишь еще раз нарушите Его волю. Не делайте этого, ибо без помощи Бога и в самом деле мы не можем завоевать эту землю. Первыми, с кем вы столкнетесь, будут амалекитяне — и они разгромят вас наголову.

Однако пришедшие к Моисею военачальники продолжали настаивать на своем, требуя вдобавок, чтобы Моисей дал указание левитам пойти впереди них с Ковчегом Завета. И после того как Моисей наотрез отказал им, они, собрав свыше шестидесяти тысяч воинов, все же выступили в поход и вошли в Ханаан со стороны Негева.

Однако уже в тот момент, когда евреи начали взбираться на один из многочисленных в этом районе холмов, их заметили патрули амалекитян, и им пришлось лицом к лицу столкнуться с армией последних. Положение амалекитян было явно более предпочтительным, ведь они двигались с горы, а не под гору, как евреи, — и это решило исход боя. Вскоре евреи обратились в бегство, а амалекитяне преследовали их до Хормы, то есть почти до самой границы

Синайского полуострова. Лишь несколько человек из шестидесяти тысяч бойцов сумели добраться до стана и рассказать о том, что произошло¹.

Моисей слушал их рассказ с особым вниманием: для него он подтверждал не только то, что без помощи свыше евреям победы не одержать, но и то, что входить в Святую землю со стороны Негева не стоит — вторжение надо было начинать с другой, более уязвимой границы.

Надо заметить, что с точки зрения историка рассказ Библии об этой неудачной попытке завоевания Ханаана (как и свидетельство мидраша, что еще за 30 лет до прихода Моисея в Египет из этой страны попытались уйти тысячи представителей колена Ефрема) подтверждает версию, по которой в действительности завоевание евреями Ханаана происходило не за одну военную кампанию, а шло волнами, растянувшись на десятилетия, а то и на столетия. Причем, судя по всему, говорят эти историки, оно было отнюдь не таким кровавым, как это описывается в Книге Иисуса Навина. По их мнению, проникая в Ханаан и постепенно завоевывая те или иные области, евреи не уничтожали местное население, а начинали жить с ним как добрые соседи, постепенно его ассимилируя.

Впрочем, это тема уже совсем другой книги.

Глава восьмая. БУНТ.

После того как Моисей объявил, что теперь народу придется долгие годы странствовать по пустыне, пока не вырастет новое поколение мужчин, не помнящих рабства, огромный еврейский стан снова тронулся в путь. Теперь они двигались в самую глубь Синайской пустыни, не приближаясь ни к Египту, из которого они вышли, ни к Ханаану, куда обещал привести их Моисей. Это был путь без цели, дорога в никуда по однообразному ландшафту, с днями, похожими один на другой и весьма однообразным рационом — ведь даже если не верить, что единственной пищей евреев в пустыне была дарованная

Господом манна, все равно понятно, что их пища в те дни вряд

ли могла отличаться разнообразием. К тому же, согласно мид- рашу, манна так хорошо усваивалась организмом, что человек практически переставал испытывать нужду в естественных отправлениях, и этот факт многим казался ненормальным, заставлял усомниться, что манна является здоровой и полезной для человека пищей.

При этом, быстро позабыв, что они сами являются виновниками того, что завоевание земли для их оседлого расселения откладывается, евреи сначала глухо, а затем все громче и громче начали выражать свое возмущение Моисеем. Они говорили, что Моисей единолично принимает все решения, однако пока он не исполнил ни одного своего обещания; что, как и почти полтора года назад, после своего выхода из Египта, они снова обречены скитаться по пустыне, а Моисей и его Бог, похоже, и сами не знают, куда их ведут...

Таким образом, возмущение Моисеем вскоре породило и сомнение в Боге, в истинности той религии, которую принес Моисей, со множеством моральных, ритуальных и прочих, порой совершенно необъяснимых с точки зрения логики запретов. Следствием этого бунта против Бога, говорится в книге Второзакония, стал грандиозный пожар, вспыхнувший на окраине стана. Никто даже не успел понять, откуда взялся этот огонь, так что его сверхъестественный характер не вызывал сомнения, — и то, что огонь погас сразу, как только Моисей обратился к Богу, лишь еще раз подтвердило, что речь идет о наказании свыше:

«И стал народ как бы роптать на Бога, и услышал это Бог, и возгорелся гнев его, и загорелся у них огонь Бога, и пожрал край стана. И возопил народ к Моше, и помолился Моше Богу, и погас огонь. И назвали место это Тавъэра ("Пожар"), потому что там загорелся у них огонь Бога» (Чис. 11:3).

В Библии эти народные волнения описываются перед походом разведчиков в Ханаан, но, как уже не раз указывалось на страницах этой книги, Пятикнижие не придерживается хронологической последовательности изложения событий. Поэтому автор данной книги присоединяется к мнению тех комментаторов Священного Писания, которые считают, что бунт в Тавере, массовое отравление мясом перепелов и спор между Моисеем с одной стороны и Мириам и Аароном с другой, происходили не до, а после возвращения разведчиков — в этом случае они выглядят куда более психологически обоснованными.

Кроме того, если чудо с перепелами и в самом деле имеет естественное объяснение, то оно могло происходить только осенью, во время очередного сезонного перелета птиц. Если учесть, что разведчики отправились выполнять свою миссию в июне, а вернулись в еврейский стан в августе, то логично предположить, что перепела появились в Синайской пустыне в сентябре—октябре, то есть после возвращения разведчиков.

Очень скоро выяснилось, что ропот народа в Тавере был лишь началом — на следующей стоянке он раздался снова, причем с еще большей силой. На сей раз зачинщиками возмущения были все те же египтяне, вышедшие с евреями: они с тоской вспоминали свою сытную и свободную жизнь в Египте и проклинали тот день, когда уверовали в Моисея и его Бога и пошли за ним неизвестно куда. Однако очень скоро к египтянам примкнули и многие евреи, вспоминавшие, как много было в Египте разнообразных фруктов, овощей и зелени, как вкусны они были, как один вид их радовал глаз — совсем не то, что эта белая, похожая на стеклянные шарики манна. «А рыба?! — восклицали другие. — Помните, какой вкусной была свежая рыба из Нила?! Доведется ли нам попробовать ее когда-нибудь еще раз?!»

Эти воспоминания, из которых начисто стерлись страдания и унижения рабства, но зато расцветались необычайно яркими красками те немногие блага, которыми обладали евреи в Египте, невольно накладывались и на возмущение наложенными Моисеем запретами. Причем, согласно устным источникам, особенно возмущал евреев введенный Моисеем запрет на интимные отношения с ближайшими родственниками, что разрешалось у египтян, и эти египетские обычаи были восприняты значительной частью евреев. Однако предлогом для бунта стало именно однообразие рациона и уже один раз прозвучавшее требование народа накормить его мясом¹:

«А сброд, который среди них, стал проявлять прихоти, и снова заплакали сыны Израиля и сказали: "Кто накормит нас мясом?! Помним мы рыбу, которую ели в Египте даром, огурцы и дыни, и зелень, и лук, и чеснок. А теперь душа наша иссохла, нет ничего, кроме манна, что пред глазами нашими"..."» (Чис. 11:4-6).

Любопытно, что Пятикнижие ничего не говорит о том, как именно повел себя в этой ситуации Моисей; что он ответил на требования народа. Вместо этого перед читателем предстает разговор Моисея с Богом, его молитва к Нему, еще раз позволяющая понять всю уникальность личности Моисея как народного лидера:

«И услышал Моше, как народ плачет по семействам своим, каждый у входа в свой шатер, и весьма воспламенился гнев Бога, и Моше было прискорбно. И сказал Моше Богу: "Зачем сделал Ты зло рабу Твоему, и отчего я не удостоился милости в глазах Твоих, что возлагаешь бремя всего народа этого на меня? Разве я носил во чреве весь народ этот, как носит пестун ребенка, в страну, которую Ты поклялся отдать отцам его? Откуда у меня мясо, чтобы дать всему этому народу, когда плачут они передо мной, говоря: дай нам мяса, и будем есть? Не могу я один нести весь народ этот, ибо слишком тяжело это для меня. Если так Ты поступаешь со мной, то лучше умертви меня, если я удостоился милости в глазах твоих, чтобы не видеть мне бедствия моего"» (Чис. 11:11 — 12).

Как видно из этого отрывка, Моисей ни в чем не обвиняет народ. Нет, с одной стороны, его претензии обращены к самому Богу, которому пророк напоминает, что выпавшие народу испытания и в самом деле достаточно тяжелы. С другой стороны, он считает, что он несет прямую ответственность за происходящее, так как не справился со своей ролью лидера и провалил порученную ему Богом миссию.

В ответ Бог, во-первых, велит Моисею создать своеобразный парламент из семидесяти старейшин, представляющих все колена Израиля (и таким образом снять с себя упреки в узурпации власти), а во-вторых, — сообщить, что народ получит столь вожделенное мясо, однако это чудо не только не пойдет на пользу, но и приведет к страшным бедствиям.

Моисей, задумавшись, каким образом он может выбрать 70 старейшин из двенадцати колен, чтобы ни у одного из колен не было сомнений в справедливости этого выбора, призвал к себе 72 человека, самых авторитетных среди своих соплеменников — по шесть из каждого колена. При этом он предложил им тянуть жребий возле Шатра откровения — 70 жребиев предоставляли вытянувшим их старейшинам место в парламенте, а два были пустыми.

Сразу после этой жеребьевки, сообщает Библия, на всех старейшин снизошел дух пророчества — причем не только на 70 избранных, но и на Эльдада и Мейдада, которые вытянули пустой жребий.

«И оставались два человека в стане. Имя одному Эльдад, а имя другому — Мейдад. И овладел ими дух пророчества, ибо были они из записанных, но не вышли к шатру. И отозвался Иегошуа, сын Нуна, прислуживавший Моше, на избранных им, и сказал: "Господин мой, Моше, удержи их!" И сказал ему

Моше: "Уж не ревнуешь ли ты за меня? О, если бы все сыны народа Бога были пророками, лишь бы Бог дал им дух Свой!"..."» (Чис. 11:26-29).

И вновь не так уж важно, как читатель относится к этой истории — как к абсолютной правде или занятой выдумке. Куда важнее еще один урок подлинного служения нации и умения поставить ее интересы выше личных.

«Моисей изрекает здесь истину, которая впоследствии была доказана самой историей: духовность не является собственностью или привилегией какого-либо класса, сословия или общественной группы» — так комментирует этот эпизод Торы христианский философ Дж. Т. Макнил.

Сходное мнение выражает в своем комментарии и соплеменник Моисея раввин Гирш:

«Здесь нам показано, что назначение конкретных личностей для осуществления высшей духовной власти в Израиле не означает, что одна группа людей в Израиле получила духовную монополию. Более того, мы видим, что дарование Божественного духа не зависит от какой-либо особой "должности" или "профессии". Самый скромный в народе может быть признан столь же достойным части Божественного духа, как и наипервейший обладатель самой высокой должности.

В то же время ответ Моисея будет служить постоянным напоминанием всем тем, кого когда-либо призовут служить в качестве учителей и руководителей в Израиле, что идеальная цель их усилий должна заключаться в том, чтобы сделать излишними свои услуги. Все классы нации должны достичь такого высокого духовного уровня, при котором исчезнет необходимость в советниках и учителях... Словами "Что ты ревнуешь за меня?!" наш Моисей успешно ликвидировал навсегда какое бы то ни было основание для разделения на "духовенство" и "мирян" в подлинном Израиле..."¹

Наконец, на следующий день после этого сбывается обещание Бога до отвала накормить евреев мясом — повторяется уже знакомое им чудо с перепелами:

«А ветер поднялся по велению Бога, и принес перепелов с моря, и покрыл ими стан на день пути туда и на день пути сюда вокруг стана, и около двухлоктей над землей. И встал народ, и весь тот день, и всю ночь, и весь следующий день собирали перепелов; наименее успевший собрал десять хомеров, и разложили их себе вокруг стана. Еще было мясо в зубах их, еще не пережевано, как гнев Бога возгорелся на народ, и поразил Бог народ мором весьма сильным. И нарекли тому месту имя Кив- рот-Гатаава («Могила прихоти». — *п. л.*), ибо там похоронили прихотливый народ. Из Киврот-Гатаавы двинулся народ в Хацерот, и оставался в Хацероте» (Чис. 11:31—35).

З. Косидовский в своих «Библейских сказаниях» вновь указывает, что этот рассказ Пятикнижия выглядит вполне реально. «А вот другой эпизод из Библии, — пишет он. — На пути от горы Синай до Кадета израильтянам снова не хватило продовольствия, и снова стали раздаваться жалобы. Тогда прилетели во второй раз перепела и изголодавшиеся странники жадно кинулись их вылавливать. Но не в пример предыдущему случаю птичье мясо оказалось в высшей степени вредным для здоровья, почти все израильтяне тяжело заболели, а многие заплатили жизнью за свою жадность. В Пятикнижии этот драматический эпизод изложен как притча с моралью, которая учит, что Бог не прощает тех, кто восстает против Его воли. Всё говорило о том, что именно так следовало понимать этот фрагмент сказания. В нем проявились типичные черты дидактической народной притчи. Тем большее удивление вызвало то обстоятельство, что описанный случай отнюдь не является творением буйной фантазии.

Директор Пастеровского института в Алжире профессор Сержан обнаружил, что на Синайском полуострове действительно иногда появляются ядовитые перепела. Это птицы, которые перед отлетом в Европу останавливаются в Судане и кормятся там зернами с отравляющими свойствами. Мясо таких птиц вредно и даже крайне опасно для человеческой жизни. Израильтянам, видимо, не повезло. Они охотились именно на таких перепелов, и их злосчастное приключение нашло отражение в библейском сказании»¹.

В сущности, все происшедшее можно истолковать проще. Как уже рассказывалось, в период перелета стаи перепелов и других птиц нередко покрывают огромные просторы Синая. Библия сообщает нам, что эти перепела не могли подняться над землей больше, чем на два локтя, то есть приблизительно на 90 сантиметров. И это явление тоже хорошо знакомо многим из тех, кто весной или осенью бывал в современном Израиле или на Синайском полуострове. Подчас после длительного перелета птицы так устают, что оказываются не в состоянии взлететь, чтобы убежать от преследующих их людей — они лишь перепархивают с места на место на высоте около одного метра, так что поймать их не составляет особого труда. Далее Библия сообщает, что евреи, собрав перепелов в огромных количествах, разложили их тушки вялиться на солнце и ели их затем в течение... двадцати девяти дней. Теперь остается добавить, что, как повествует мидраш, у большинства евреев после этого начался понос с кровью — и станет ясно, что речь идет об эпидемии дизентерии, от которой в ту далекую эпоху и в самом деле могло умереть множество людей. И дело тут могло быть не в том, что мясо перепелов было изначально отравлено, а в том, что оно попросту испортилось, лежа на солнце.

Напавший на израильтян мор несколько охладил страсти, заставив их думать о выживании, а не о своих претензиях к Моисею. Однако тут на пророка свалились неприятности с самой неожиданной стороны — в собственной семье. С обвинениями в адрес Моисея выступили, казалось бы, самые близкие ему люди — брат Аарон и сестра Мириам.

«И говорили Мирьям и Аарон против Моше по поводу кушитки, которую он взял, ибо жену кушитку взял он себе. И сказали: "Разве только с Моше говорил Бог? Ведь и с нами Он тоже говорил!" И услышал Бог. А человек этот, Моше, был скромнейшим из всех людей, что на земле.

И сказал Бог, внезапно обратившись к Моше, Аарону и Мирьям: "Выйдите вы трое к Шатру откровения". И вышли они трое. И сошел Бог в столпе облачном, и стал у входа в шатер, и призвал Аарона и Мирьям, и вышли они оба. И сказал Он: "Слушайте слова Мои: если и есть между вами пророк Бога, то Я в видении открываюсь ему, во сне говорю с ним. Не так с рабом Моим Моше: во всем доме Моим доверенный он. Из уст в уста говорю Я с ним, и явно, а не загадками, и образ Бога видит он. Как же не боитесь вы говорить против раба Моего Моше?!" И возгорелся гнев Бога на них и ушел Он от них. И облако отошло от шатра, и вот — Мирьям покрыта проказою, как снегом. И взглянул Аарон на Мирьям — и вот прокажена она. И сказал Аарон Моше: "Прошу, господин мой, не сочти нам за грех, что мы глупо поступили и согрешили. Да не будет она как мертвец, который выходит из чрева матери своей полуистлевшим!" И возопил Моше к Богу, говоря: "О, Всесильный, умоляю, исцели ее!"

И сказал Бог, обращаясь к Моше: "Если бы отец ее плюнул ей в лицо, разве не скрывалась бы она от стыда семь дней? Пусть будет она заключена семь дней вне стана, а потом придет". И была заключена Мирьям вне стана семь дней; народ же не отправлялся в путь, пока не вернулась Мирьям. А затем двинулся народ из Хацерота и остановился в пустыне Паран» (Чис. 12:1—14).

Существуют две основные версии, объясняющие этот отрывок.

Первая, безусловно, апологетическая, то есть призванная всячески обелить Мириам и Аарона и убедить читателя, что они вовсе не посягали на власть и авторитет Моисея, а были движимы исключительно беспокойством за свою невестку Сепфору, которая по происхождению не была кушиткой, то есть уроженкой Эфиопии, — просто евреи называли «кушита-ми» всех темнокожих людей. Согласно этому мидрашу, Мириам и Аарон, дескать, были возмущены тем, что Моисей отказал жене в интимной близости, мотивируя тем, что после этой близости человек считается ритуально нечистым, а разговор с Богом следует вести в состоянии ритуальной чистоты. По мнению Мириам и Аарона, объясняет мидраш, ни один человек, на какой бы высокой духовной ступени он ни стоял, не должен отказываться от радостей мирской жизни. И эта позиция, надо заметить, в целом согласуется с позицией иудаизма, не приемлющего института монашества¹. Таким образом, по этому мидрашу суть претензий Мириам и Аарона сводилась к тому, что Моисей пытается выставить себя в глазах народа «святей всех святых», то есть что он не в меру возгордился своей близостью к Богу.

Тогда-то Бог и обращается к Аарону и Мириам «внезапно», то есть в момент их близости с супругами, и призывает их на Свой суд. От того что Всевышний вступил с ними в разговор в столь интимный момент, сестра и брат Моисея, находящиеся вдобавок в состоянии ритуальной нечистоты, испытывают жгучий стыд. Тогда Бог объясняет им разницу между Моисеем и ними: Моисей — единственный человек на планете, к которому Всевышний может обратиться в любой момент, и в любой момент он должен быть готов к разговору с Богом, а потому и должен находиться в состоянии ритуальной чистоты. Таким образом, объяснил Господь, Моисей был прав, когда решил отстраниться от жены.

По другой, более жесткой версии, Мириам и Аарон неожиданно попытались оспорить то, что Моисей является более великим пророком, чем они («Разве только с Моше говорил Бог? Ведь и с нами Он тоже говорил!»), и пытались обвинить Моисея в том, что он сам не следует собственным законам. К примеру, он запретил евреям вступать в браки с другими народами, а сам женат не на еврейке. Да и не просто не на еврейке, а на негритянке, женщине другой расы! И Моисею, желал он того или нет, пришлось давать ответ на эти расистские обвинения.

Однако какая бы из этих двух версий ни была ближе к истине, читатель не может не обратить внимания на два момента вышеприведенного отрывка.

Во-первых, здесь Библия впервые говорит о том, в чем заключалось принципиальное отличие Моисея от всех пророков, живших до и после него: Бог передавал ему Свою волю не в видениях или во сне посредством неких образов или слов, смысл которых еще предстояло расшифровать, а говорил с ним явно, голосом, причем отвечая на любые его вопросы. Талмуд, объясняя различие между пророчеством, которое получал Моисей, и пророчествами других

пророков, говорит, что они отличались друг от друга так, как изображение в гладком, идеальном и блестящем зеркале отличается от изображения в зеркале с не столь идеальной поверхностью и вдобавок чуть подернутом дымкой.

Во-вторых, и в этом инциденте Моисей предстает как человек, не помнящий нанесенных ему обид и оскорблений, не пытающийся никому мстить, а наоборот — молящий Бога за своих обидчиков. И это величие его духа, безусловно, не может не вызывать восхищения — насколько же он по своему характеру отличался от сотен и тысяч королей, царей, халифов, падишахов, президентов, премьеров и генсеков, прошедших по земле после него!

Говоря о различных версиях этих событий, нельзя не вспомнить еще одну — все они происходили в рамках одного, затянувшегося на несколько месяцев бунта против власти Моисея. С этой точки зрения, выступление Мириам и Аарона было одним из проявлений бунта, охватившего часть левитов, то есть самую близкую и преданную Моисею группу людей. И апофеозом этого мятежа стало выступление Корея — левита, двоюродного брата Моисея, открыто обвинившего его в узурпации власти и раздаче высоких должностей исключительно горстке своих приближенных.

дой власти и почестей, но представляющего себя прежде всего как сторонника демократии, равенства и выразителя воли народа. Будучи сыном Ицхара, внуком Кеата и правнуком самого Леви, родоначальника левитов, Корей был убежден, что Моисей раздает почести и привилегии исключительно по своему выбору, намеренно обходя при этом его, Корея!

Корей считал себя вполне достойным стать первосвященником, но Моисей определил на эту роль своего родного брата Аарона, а не его! При распределении должностей среди левитов у Корея были все основания надеяться, что Моисей поставит его главой рода Кегата, однако и эта почетная должность досталась его двоюродному брату Элиафану! И это притом что Корей, который, согласно преданию, нашел и ограбил сокровища Иосифа, был самым богатым человеком среди евреев, пользовался большим уважением в среде левитов и, вне сомнения, имел право претендовать на высокое положение в обществе. Словом, если разобраться, у Корея были причины обижаться на Моисея, и он лишь ждал подходящего момента, чтобы высказать свои обиды. И лучшего времени для этого, чем период брожения в народе, трудно было найти.

Однако, согласно устному преданию и «Иудейским древностям» Иосифа Флавия, Корей бросает вызов Моисею далеко не сразу. Для начала он тайно встречается с лидерами колена Рувима и убеждает их в том, что так как их предок был первенцем, то и обязанности первосвященника должен исполнять кто-либо из этого колена или избранный этим коленом левит, а никак не брат Моисея. Кроме того, Корей напомнил, как при освящении жертвенника Моисей даровал честь первому принести дары лидеру колена Иуды Нахшону, сыну Аминадава, хотя, если следовать порядку рождения сыновей Иакова, то первым дары должен был принести вождь колена Рувима. Нахшон получил это право, продолжил Корей, исключительно потому, что тоже является членом узурпировавшей власть семьи Моисея — ведь Аарон женат на сестре Нахсона Елизавете (Элишеве).

В итоге ему удастся склонить на свою сторону нескольких лидеров колена Рувима — прежде всего ненавидящих Моисея еще со времен жизни в Египте Датана и Авирара, а также Она, сына Пелета.

Затем Корей направился к лидерам других колен и также начал активно убеждать их, что Моисей узурпировал власть. Все они слышали слова Бога, вновь и вновь повторял Корей, но Бог не сказал при этом, что почетная должность первосвященника и посты глав колен, членов совета старейшин и прочие должны распределяться именно Моисеем. И вообще, если уж делать по справедливости, то роль первосвященника должен выполнять глава того или иного колена. Так как колен двенадцать, то есть совпадает с числом месяцев года, то, чтобы никому не было обидно, каждый лидер колена может занимать этот высокий пост один месяц в году. Эти речи, понятно, тоже нашли отклик в сердцах тех, к кому они были обращены.

Наконец, Корей решил подорвать доверие к Моисею в среде самых верных ему людей — левитов. И здесь его обвинения были похожими: Моисей взвалил на семьи левитов тяжелую и «грязную» работу (на самом деле, священную работу по перевозке, сборке и разборке Переносного храма, его уборке и охране конечно же никак нельзя было назвать «грязной»), в то время как высокие должности кознов раздал своему брату и племянникам. Между тем, продолжал Корей, все левиты равны и каждый вполне может служить в Храме в качестве козна.

Лишь убедившись, что он нашел сторонников и среди левитов, Корей объявляет сбор ближайших и наиболее влиятельных среди них, которых оказывается 250 человек, и в их сопровождении направляется к шатру Моисея, чтобы открыто обвинить его в тирании и узурпации власти:

«Когда они собрались против Моше и Аарона, то сказали им: "Вы берете на себя слишком много, ибо вся община — все святые, и Бог среди них. Так зачем вы возносите себя над общиной Бога?"» (Чис. 16:3).

При этом Флавий добавляет в эту картину важную деталь, помогающую понять суть происходящего: говоря о 250 «мужах именитых», следовавших за Кореем, Библия имеет в виду исключительно тех, кто вошел в Шатер откровения для разговора с Моисеем. На самом деле за этими 250 вождями бунта шла огромная толпа, умело настроенная Кореем против Моисея и готовая забить его камнями.

«Вскоре эти речи распространились дальше, и так как каждый из слушателей мог прибавить что-либо в обвинения Аарона, то подобные обвинения стали раздаваться по всему стану. И вот с Кореем вошли в соглашение двести пятьдесят лучших мужей, решивших как можно скорее лишить брата Моисеева священства, а самого Моисея обесчестить. Также и народная толпа была возбуждена; она даже решила побить Моисея камнями и с этой целью в беспорядке, с шумом и гамом стекалась в народное собрание. Перед Скинией Господа Бога народ стал кричать, что следует изгнать тирана и освободить евреев от гнета того, кто, прикрываясь Господом Богом, издает насильственные постановления. Ведь если бы сам Предвечный выбрал себе священнослужителя, то Он назначил бы на эту почетную должность человека достойного, а не дал бы ее лицу, которое во многом значительно уступает другим; наконец, если бы Господь Бог и хотел бы даровать эту почетную должность Аарону, то Он поручил бы это назначение всему народу, а не предоставил бы его одному брату назначенного»¹.

Итак, обвинения были брошены. Богач Корей обвинил Моисея в гордыне и потребовал всеобщего равенства и выбора первосвященника всем народом, не сомневаясь, что в этом случае будет избран именно он.

Однако Моисей, понимая мотивы, которые движут Кореем, всю беспочвенность, цинизм и смехотворность его обвинений отнюдь не спешит сказать об этом вслух — он осознает, что сейчас, на этой стадии бунта, авторитет Корея так велик, что любые попытки поколебать его лишь укрепят его положение.

Поэтому, согласно Флавию, Моисей в своей речи сосредоточился не на критике Корея, а на нелогичности его главного обвинения — в том, что он по собственной инициативе назначил первосвященником Аарона и вообще несправедливо раздает должности. Главным его аргументом, по Флавию, стало утверждение, что если бы он действительно искал почестей и был бы движим личными амбициями, то он назначил бы первосвященником себя и постановил, что эта должность, как и обязанности коэнов должны передаваться его потомкам, однако он этого не сделал. Одновременно, истово веря в свою миссию и в то, что все, что он делает, — он делает по прямому указанию Бога, Моисей предлагает дождаться утра и испытать справедливость позиции Корея на практике. Пусть все, кто считает, что он назначил Аарона первосвященником по собственной инициативе и на самом деле в Храме может служить любой, говорит Моисей, возьмут совки и возложат благовония на жертвенник воскурений. Если Бог примет все воскурения, то прав Корей. Если же будет принято только воскурение Аарона, а остальные отвергнуты, то значит, прав он, Моисей — Аарон и его потомки и в самом деле выбраны на роль коэнов самим Богом.

При этом Моисей честно предупредил, что Бог может разгневаться на бунтовщиков и жестоко покарать их.

Это предложение Моисея было принято, и ему удалось отсрочить дальнейшее развитие бунта, по меньшей мере, до утра следующего дня. Этот выигрыш во времени Моисей решил использовать для проведения сепаратных переговоров с основными группами заговорщиков, чтобы объяснить им, кто такой Корей и что на самом деле стоит за его требованиями «демократизации жизни общества».

В первую очередь Моисей направляется, разумеется, к левитам, так как ему было крайне важно вернуть прежде всего их доверие. При этом он произносит свою речь перед левитами в присутствии самого Корея, обращаясь то к нему лично, то ко всем левитам, тем самым показывая, что в отличие от своего оппонента он отнюдь не собирается действовать за его спиной:

«И сказал Моше Кореху: "Слушайте же, сыны Леви! Мало вам того, что выделил вас Всесильный Израиля из общества Израиля и приблизил вас к себе для совершения службы в Шатре откровения Бога, чтобы стоять перед обществом, чтобы служить за них, и приблизил тебя и всех братьев твоих, сынов Леви, с тобой — а вы еще просите священнослужения! Поэтому ты и все сообщники твои собираетесь против Бога. Аарон же тут при чем, что вам роптать на него?!"» (Чис. 16:8—10).

Таким образом, Моисей начинает речь с напоминания левитам, что они и без того получили привилегированное положение в народе. Дальше он показывает, что от речей Корея пахнет дешевым популизмом и демагогией: все левиты по определению не могут быть первосвященниками и коэнами, следовательно, когда Корей требует этой должности для всех, он требует ее именно для себя. Что же касается Аарона, то он занял должность первосвященника исключительно потому, что таково было переданное Моисею повеление Бога — Аарон не домогался этой должности, не интриговал, как Корей, не пытался подкупить народ, да и сама эта должность, наряду с привилегиями, связана с немалым числом тяжелых обязанностей.

И эта речь Моисея производит желанное впечатление: многие левиты снова с обожанием смотрят на своего вождя-пророка, забыв, что совсем недавно требовали его свержения. По одному из мидрашей, именно после этой речи Моисея сыновья Корея стали по другую сторону баррикад от своего отца и решили прекратить дальнейшее участие в бунте.

Поговорив с левитами, Моисей послал гонцов к Датану и Авираму с приглашением явиться к нему в шатер для откровенного разговора. Однако эти двое наотрез отказались прийти, заявив, что больше не считают Моисея вождем и не подчиняются его приказам, хотя Моисей ничего им не приказывал, а именно приглашал к себе для того, чтобы лицом к лицу прояснить позиции друг друга.

То, что Моисей решил обратиться к этим двоим отдельно от остальных, видимо, объяснялось тем, что, поддерживая Корея в стремлении отстранить Моисея от власти, Датан и Авирам по существу создали среди мятежников свою фракцию. В отличие от Корея их не интересовала должность первосвященника. Они объединили вокруг себя ту часть народа, которая разочаровалась в Моисее как в лидере и решила вернуться в Египет, который теперь, в пустыне, представлялся им настоящим раем. Датан и Авирам обвиняли Моисея в том, что он не выполнил ни одного своего обещания, что он так и не привел их в землю, текущую молоком и медом, обрек народ на медленную гибель в песках Синая. Словом, они утверждали, что Моисей потерпел полное фиаско как лидер и только слепой может не видеть и не признавать этой очевидной правды. Значит, у него нет права на лидерство и его власти следует положить конец:

«И позвал Моше позвать Датана и Авирама, сынов Элиава, но они сказали: "Не пойдем! Разве мало того, что ты вывел нас из страны, текущей молоком и медом, чтобы умертвить нас в пустыне? Ты еще и властвовать хочешь над нами?! Не привел ты нас в страну, текущую молоком и медом, не дал нам по участку поля и виноградника! Неужели глаза тем людям выколешь? Не пойдем!"» (Чис. 16:12—14).

Тогда Моисей сам направился к Датану и Авираму, жившим на расстоянии четырех тысяч локтей (около двух километров) от его шатра, однако они вновь отказались как выйти к Моисею, так и принять его у себя.

Обвинения Датана и Авирама в провале миссии и своекорыстии вызвали особую боль в душе Моисея, который не извлекал и никогда не пытался извлечь каких-либо материальных выгод либо других преимуществ из своего положения вождя. И не случайно Моисей сетует Богу именно на Датана и Авирама, а не на Корея:

«И весьма досадно стало Моше и сказал он Богу: "Не обращай внимания, пожалуйста, на дар их! Ни у кого из них не взял я ни одного осла и зла не сделал никому из них"» (Чис. 16:15).

Надо сказать, что в эту ночь не спал не только Моисей, но и Корей. Он тоже переходил от шатра к шатру, произнося против Моисея одну зажигательную речь за другой и призывая всех выйти утром на главную площадь стана и покончить с властью «тирана». При этом — если верить мидрашу — Корей применял для убеждения народа те же аргументы, которые спустя более трех тысячелетий будут использовать в борьбе с религией марксисты: он утверждал, что десятина и пожертвования, которые евреи должны отдавать левитам и коэнам, являются самым настоящим ограблением народа; что, опутывая людей множеством зачастую совершенно необъяснимых запретов, внушая страх перед Богом, Моисей стремится поработить их и заставить безропотно обслуживать духовенство.

И хотя он сам, Корей, тоже из левитов, он решительно против таких законов. В каком настроении находился в те минуты Моисей, насколько одиноким он себя чувствовал, свидетельствует его знаменитый псалом:

«Кто восстанет за меня против злодеев? Кто встанет за меня против творящих беззаконие? Если бы не Господь в помощь мне, скоро в могиле поселилась бы душа моя. Если говорил я — "Пошатнулась нога моя!" — милость Твоя, Господи, поддерживала меня. Когда много тревог у меня, утешения Твои ободряют мою душу. Станет ли другом Тебе сидящий на престоле нечестивости, делающий беззаконие законом себе? Толпами собираются они на душу праведника и кровь невинную обвиняют. Но был Господь — оплотом мне, и Бог мой — скалой защиты моей. И Он воздал им за беззаконие их и за злодейство их истребил, истребил их Господь, Бог наш» (Пс. 94 [93], 16—23).

Наконец, на исходе этой длинной ночи, едва забрезжил рассвет, тысячи людей начали стекаться на главную площадь стана. Давайте попытаемся, основываясь на тексте Библии, взглянуть на происходившее глазами человека из той толпы.

Вот на площади появляется Корей с 250 соратниками. С величавым достоинством они держат в руках медные совки с зажженными благовониями, которые они собираются возложить на жертвенник, чтобы доказать, что каждый еврей может и имеет право служить в Храме, что никто из них ничем не хуже Аарона и его сыновей. Вот из своих шатров, расположенных всего в нескольких десятках метров от площади, выходят Датан и Авирам вместе с детьми и женами. Они не собираются приносить воскурения на жертвенник, но всем своим видом демонстрируют предвкушение удовольствия от предстоящего унижения Моисея.

А вот, наконец, появляются и Моисей с Аароном. За ними следуют Иисус Навин и несколько левитов в кожаных кольчугах и с мечами на бедрах, но Моисей жестом приказывает им оставаться на месте. Без всякой охраны, один, он выходит на центр площади и становится неподалеку от Корей и его приспешников, впрочем, не слишком близко приближаясь к ним. Аарону, который также держит в руках совок с благовониями, он велит встать рядом с 250 мятежниками.

В этот момент по толпе проносится глухой ропот недовольства, но в облике Моисея столько спокойствия и уверенности в себе, от него исходит нечто такое, что ропот стихает, и на площади устанавливается мертвая тишина.

— Евреи! — говорит Моисей. — Эти люди убеждают вас, что я — самозванец, что я лгу, когда внушаю вам, что действую от имени Бога! Они твердят, что я просто придумываю от Его

имени всякие запреты, чтобы дурачить вас; что я думаю только о своей выгоде и почестях и раздаю почетные должности только своим близким родственникам. Так или нет?!

— Да! — выдыхает в едином порыве толпа.

— Вы знаете, как я предложил разрешить наш спор, — продолжает Моисей. — Если Бог позволит им подойти к жертвеннику и принести свои воскурения — значит, правы они, а не я, и в вашей воле решить, как поступить со мной дальше. Но знайте также и то, что Бог приговорил их к смерти за дерзость. А потому, если вы не хотите разделить их участь, отступите в сторону от бунтовщиков, ибо вот-вот случится нечто страшное, и они умрут...

Моисей произносит эти слова с такой уверенностью, что толпа невольно подается назад и вокруг Корей и его сообщников образуется пустота. Отшатывается толпа и от шатров семей Датана и Авирама, однако лишь для того, чтобы снова замереть и увидеть, что будет дальше...

— Вы можете сказать: все мы — смертны, и даже если они умрут, это еще не доказательство, что я говорю вам только то, что мне говорит Бог, — снова берет слово Моисей. — Что ж, если они умрут обычной смертью, то считайте, что я и в самом деле все выдумал. Но я говорю вам: сейчас Бог сделает такое, чего вы никогда не видели — раскроет земля свои уста и поглотит все их имущество и они живыми сойдут в Преисподнюю, — и вы узнаете, кто прав и на чьей стороне Бог...

Не успел Моисей закончить эти слова, как раздался страшный грохот и на том месте, где стояли Датан и Авирам с их женами и детьми, также на месте шатров Корей и остальных мятежников разверзлась земля, поглощая и сами шатры, и находившихся возле них людей. Прошло не больше мгновения — и земля снова сошлась, словно воды реки, но на месте шатров абсолютно ничего не было. Люди даже не успели осознать, что произошло, как вдруг неизвестно откуда взявшееся ослепительно яркое пламя охватило тела Корей и его единомышленников, превратив их в живые факелы, корчащиеся и стонающие от боли. Они все еще продолжали кричать, когда земля расступилась уже под их ногами, увлекая их в бездну. Но странное дело — посреди всего этого ада спокойно, целый и невредимый стоит Аарон, и огонь не трогает его, и земля не расступается под его ногами.

Зрелище это было настолько страшным, что люди в ужасе бросились бежать с площади, опасаясь, что и их постигнет участь сторонников Корей — ведь каждый из них и в самом деле считал, что Корей прав. Теперь, кажется, ни у кого не осталось никаких сомнений в правоте Моисея и Божественном характере его миссии. Однако до конца бунта было еще далеко...

Едва все опомнились от происшедшего, в адрес Моисея прозвучали новые обвинения — теперь народ обвинял его в том, что он использует свои особые отношения с Богом для того, чтобы упрямить Его жестоко расправиться со всеми, кто осмеливается в чем-либо упрекнуть его и покушается на его, Моисея, власть. «Бог бы простил Корей и его людей, но Моисей не захотел этого и умолил Творца убить их! Моисей — убийца, и неважно, чем он убил Корей и других людей

— силой оружия или своей молитвой! Моисей — тиран, жестоко расправляющийся со всеми инакомыслящими!» — витийствовали новые бунтовщики в стане.

И Бог снова заступает за своего пророка и снова обрушивается со страшной карой на избранный Им народ — в стане начинается новая эпидемия, и только вмешательство Моисея, его страстные молитвы и некие специальные благовония, воскуренные Аароном и отогнавшие самого ангела смерти, помогают остановить болезнь. Но к тому времени, когда эпидемия прекращается, умирает 14 700 человек — и это, не считая участников бунта Корея! Таким образом, буквально за несколько дней в стане умерло почти 15 тысяч человек!

Вот как повествует об этих событиях Библия:

«И возроптало все общество сынов Израиля на следующий день на Моше и Аарона, и сказали: "Вы умертвили народ Бога!" Но когда собралось все общество против Моше и Аарона и направилось к Шатру откровения, то вот покрыло его облако, и явилась Слава Бога. И пришли Моше и Аарон к Шатру откровения.

И говорил Бог, обращаясь к Моше, так: "Отстранитесь от общества этого, и Я уничтожу их вмиг!" И пали они ниц. И сказал Моше Аарону: "Возьми совок и положи на него огонь с жертвенника, и положи смесь благовоний, и неси скорее к обществу, и искупи их, ибо изливается ярость Бога, начался мор". И взял Аарон, как говорил Моше, и побежал в среду собрания, и вот начался мор в народе, и возложил он смесь благовоний, и искупил народ. И стал он между мертвыми и живыми, и прекратился мор. И было умерших от мора четырнадцать тысяч семьсот, кроме умерших из-за Корея. И возвратился Аарон к Моше ко входу в Шатер откровения, ибо мор прекратился» (Чис. 17:6—15).

Однако Моисей понимал, что народ, возможно, напуган происходящими событиями, но все еще не успокоился до конца — идеи Корея о равенстве всех колен, о том, что главы каждого из них достойны должности первосвященника, что избранность колена Леви ничем не оправдана, продолжали будоражить людей, порождая все новые вопросы.

И чтобы окончательно уверить народ в том, что сам Бог избрал Аарона и его потомков на роль священнослужителей в Храме, Моисей предложил провести еще одно испытание. По очередному полученному им от Бога указанию он велит вождям всех двенадцати колен принести свои посохи в Шатер откровения и кладет их рядом с посохом Аарона. Когда же на следующий день Моисей вынес посохи на площадь, то все увидели, что посохи вождей остались такими же, как и были, а на посохе Аарона появились зеленые ветки, цветы и даже плоды миндаля — с помощью столь явного чуда Бог еще раз продемонстрировал избранность семьи Аарона на священнослужение.

После этого страсти в стане, наконец, начинают стихать, и в течение последующих тридцати восьми с лишним лет никто не пытается оспорить лидерство Моисея, и евреи спокойно живут на просторах Сина, рождая детей, умирая и готовясь к новому витку своей национальной истории.

Любопытно отметить, что, согласно еврейским источникам, погибли отнюдь не все участники бунта Корея.

Одним из выживших стал Он, сын Пелета, попросту не пришедший вместе с другими единомышленниками Корея на площадь. Не явился же Он на площадь, утверждает предание, из-за... своей жены. Будучи мудрой женщиной, та поняла, что вся затея Корея плохо пахнет, и начала всячески убеждать мужа отказаться от участия в заговоре. Когда же уговоры не помогли, она попросту напоила мужа до такой степени, что, когда Корей и 250 его ближайших соратников стояли перед Моисеем, Он мирно спал в своем шатре.

Остались в живых и дети Корея, которые, как уже говорилось, в последний момент отказались следовать за отцом. Впоследствии многие потомки Корея занимали высокие должности в Храме, были руководителями хора левитов, а также авторами храмовых песнопений, вошедших в книгу Псалмов (Псалтырь).

Но самым выдающимся из прямых потомков Корея был, безусловно, пророк Самуил — согласно Библии, второй по значимости и по степени приближенности к Богу после Моисея. Согласно некоторым комментаторам, именно пророк Самуил отчасти был «виновником» бунта своего предка — они утверждают, что Корей также обладал определенным пророческим даром; он видел, что среди его потомков будет и один из самых выдающихся пророков и духовных лидеров еврейского народа. Но увидеть большего ему дано не было, а из этого пророческого видения Корей сделал неверный вывод, что сумеет одержать над Моисеем победу. Разумеется, так называемая критическая школа исследования Библии трактует все происходившие в те дни события совершенно иначе, ища вполне рациональные объяснения. При этом она не отрицает, что рассказ о бунте Корея, вероятнее всего, отражает подлинные события — как и рассказ о претензиях, предъявленных Аароном и Мириам Моисею. Однако вопрос заключается в том, что именно было подоплекой этих событий. Базисом для всех существующих версий является гипотеза, что процесс объединения целого ряда близкородственных семитских племен в единый еврейский народ и завоевание этими племенами Ханаана происходили на протяжении даже не десятилетий, а столетий. Известный советский исследователь Библии И. И. Скворцов-Степанов был убежден, что первоначально все эти семитские племена были языческими, у каждого был свой тотем, о чем, помимо прочего, говорят и их знамена — лев как символ племени Иуды, волк как символ племени Вениамина, бык как символ колена Ефрема, лань как символ колена Наффалима, змей — символ колена Дана и т. д. Заслуга Моисея, с точки зрения этой гипотезы, заключается в том, что он сумел связать эти племена в единый воинский союз, спаянный, помимо всего прочего, общей религией, в которой племенной бог одного из этих племен провозглашается единственным истинным Богом, Творцом всего сущего. Этот Бог заключил союз со сплотившимися в оазисе Кадеш-Барнеа племенами и требует от них в рамках этого союза безоговорочной верности — в обмен на дарование военных побед и благоденствия. Само собой, в каждом колоне-племени, составившими новый народ, находились те, кто пытался вернуться к отправлению культов знакомых богов, но эти попытки подавлялись Моисеем и преданными ему левитами, исповедовавшими тот самый культ Единственного Невидимого Бога¹. Версия эта выглядит довольно убедительной, но даже если она верна, то нисколько не умаляет величия Моисея. Наоборот — в этом случае он предстает еще более выдающейся фигурой, подлинным творцом не только новой, революционной по своей сути религии, но и совершенно новой нации.

Американский исследователь П. Дэвис, взгляды которого довольно подробно излагает З. Косидовский, выдвинул гипотезу, по которой и инцидент с золотым тельцом, и история бунта Корея появляются в Библии как отражение борьбы между двумя группами жрецов, исповедующих разные культы, но одновременно утверждавших, что именно их культ является культом подлинного и единственного Бога.

«Приведенные в Библии удивительные подробности, — пишет Косидовский, — дали Поуэллу Дэвису основания для сконструированного интересного вывода. Жрецами Яхве, говорит он, первоначально могли быть исключительно потомки Левия. Они действовали не только на территории Иудеи, но и в северной части Ханаана, где выступали среди тамошних древнееврейских племен (Дэвис не верил в правдивость изложенных в Библии событий едва ли не до периода поздних пророков. — П. Л.) в роли миссионеров Моисеевой религии. Но наряду с левитами там действовала другая каста жрецов, занимавшихся культом Яхве в образе быка и обосновывавших свои права тем, что они происходят от великого верховного жреца Аарона. Таким путем сформировались две обособленные, соперничавшие между собой жреческие корпорации, имевшие собственные традиции и собственную родословную.

С момента падения северного государства Израиль жрецы стремились к монополизации культа в Иерусалимском храме. В результате были уничтожены все культовые центры в Ханаане, а за отстраненными от храмов жрецами признавалось право выполнять свои обязанности в Иерусалиме. Разумеется, жрецов было слишком много. Поэтому только самые выдающиеся и богатые пользовались этой привилегией, а рядовых жрецов понизили до роли храмовых служек. Таким образом, большинство левитов потеряли жреческое звание и заняли низшую ступень в духовной иерархии.

Эта коренная перегруппировка сопровождалась борьбой. Отголоски конфликтов, происходивших на несколько веков раньше, явно чувствуются в сказании о бунте левитов, Мари-ам и Аарона. В Книге Чисел (гл. 12, ст. 2) мы читаем: "Одному ли Моисею говорил Господь? Не говорил ли Он и нам?" Составители Пятикнижия, разумеется, старались показать, что новая жреческая корпорация была создана по велению самого Яхве. В доказательство они ссылались на чудеса, которые должны были подтвердить это веление. Палка Аарона зацвела и принесла плоды миндаля, левитов поглотила земля, а Мари-ам поразила тяжелая болезнь — проказа. Одного только Аарона не постигло наказание. Легко понять, почему: не в интересах жрецов было подрывать в глазах народа авторитет их родоначальника и верховного жреца, которому они были обязаны своими правами и привилегиями. Яхве "простил" Аарону совершенную им ошибку, поскольку заранее отвел ему высокое место среди своих последователей.

Новая жреческая каста окончательно сформировалась в результате компромисса между избранной верхушкой южных левитов и северных аронидов. Перед лицом недовольной массы низших жрецов надо было оправдать свою привилегированную позицию. На традиционные левитские полномочия ссылаться было нельзя, ведь большинство левитов лишились этих полномочий. Вдобавок в новосозданную касту приняли жреческую аристократию северных районов Ханаана, которая никак не могла доказать своего, даже отдаленного родства с левитами.

Составители Библии нашли очень изобретательный выход из этих трудностей. В Пятикнижии они выдвинули версию, будто Аарон был братом Моисея, который и назначил его первосвященником Яхве. Наделив Аарона столь высоким приоритетом, жрецы обосновали свои привилегии тем, что они являются его наследниками по прямой линии. Таким путем они старались санкционировать в глазах обойденных левитов свое особое положение в религиозной жизни народа...»¹

Все это звучит занимательно, но, увы, совершенно бездоказательно и нелогично. Дело даже не в том, что в угоду этой теории Дэвиса следует переписать почти весь «Танах», известный в христианской традиции как Ветхий Завет. Дело прежде всего в явной ее алогичности: ведь если всё и в самом деле обстояло так, как предположил П. Дэвис, то победу как раз должны были одержать именно «левиты», а не «арониды» — ведь территория Иудеи и Иерусалим (чего Дэвис не отрицает) были территорией левитов; арониды же, по Дэвису, были как раз жрецами в Израиле, а не в Иудее.

Словом, с гипотезой Дэвиса получается в точности по Булгакову: «Воля ваша, профессор, но вы что-то не то придумали. Над вами люди потешаться станут...»

Если посмотреть на все с рациональной точки зрения, то рассказ о бунте Корея предстает довольно типичной, даже банальной историей о борьбе за власть между племенными вождями и духовенством, а также внутри самого духовенства на раннем этапе становления самих властных институтов.

Еще один вопрос, который неминуемо возникает при чтении этих страниц Библии: а где именно все это происходило? Землетрясение, сгорание заживо с последующим провалом под землю вновь — как и рассказ о Синайском откровении — вызывает у критиков Библии ассоциации с вулканической деятельностью и выходом на поверхность месторождений нефти или природного газа.

Показательно, что, согласно нарисованной Библией картине, незадолго перед смертью Корей и его сообщники держали в руках совки с горящими углями и курящимися на них благовониями. Если они стояли в этот момент у места выхода природного газа, то вполне мог произойти взрыв такой силы, что он сопровождался бы ослепительной огненной вспышкой, и в результате взрыва тела заговорщиков были бы попросту уничтожены — так что вполне могло возникнуть впечатление, что их поглотила земля. (Правда, эта версия никак не объясняет, каким же образом остался жив стоявший рядом с Кореем и другими бунтовщиками Аарон.)

Однако, как уже было сказано, на Синае нет никакой вулканической деятельности (хотя есть и месторождения нефти и газа). Кроме того, до сих пор в Синайской пустыне не удалось найти однозначных доказательств пребывания там евреев — что привело к появлению в исторической науке школы, сторонники которой придерживаются мнения, что никакого исхода евреев из Египта и их странствований по пустыне не было и в помине.

В связи с этим в последние десятилетия некоторые из ученых, считающих, что текст Пятикнижия представляет собой рассказ о вполне реальных событиях, приходят к выводу, что все существующие на сегодняшний день версии о маршруте исхода, пролегающем через Синайский полуостров, вероятнее всего, неверны. Моисей вел свой народ совсем по иному пути, и путь этот пролегал через районы с активной вулканической деятельностью.

В качестве альтернативы Синаю эти исследователи называют Мадиям, который должен был быть особенно хорошо знаком Моисею. Однако в последнее время ряд израильских историков и археологов склоняются к тому, что артефакты эпохи Исхода следует искать... в Сахаре, ибо именно туда, по их мнению, направились евреи, покинув Египет.

Версия эта выглядит, по меньшей мере, заслуживающей рассмотрения сразу по нескольким причинам.

Во-первых, еще в обозримом прошлом в Сахаре было немало действующих вулканов; есть там и крупные месторождения нефти и газа, значит, ландшафт Сахары куда больше напоминает ландшафт той пустыни, по которой бродили евреи в Библии, чем ландшафт Синая.

Во-вторых, в эпоху Моисея Синайский полуостров находился под протекторатом Египта и египетская армия чувствовала себя на его просторах хозяином. Это означает, что фараон вряд ли дал бы сбежавшим рабам спокойно странствовать в течение сорока лет по этой территории. А вот огромные просторы Сахары египтян как раз пугали, и потому если Моисей и в самом деле хотел оторваться от преследований, то выбор Сахары выглядит более логичным.

В-третьих, те же израильские ученые утверждают, что в Сахаре имеется гораздо больше мест, исконные названия которых напоминают названия стоянок израильтян в Библии, чем в том же Синае.

Наконец, и сама длительность странствий евреев — в течение сорока лет — выглядит с точки зрения этой версии куда более убедительной.

Однако, где бы ни пролегали пути евреев в течение этих сорока лет, главным делом Моисея, согласно религиозной традиции, стало написание за эти годы Торы — того самого Пятикнижия, на котором зюкдятся все три авраамические религии — иудаизм, христианство и ислам. Произведенная Моисеем этой книгой революция в мировоззрении, этике, в социальных и прочих областях настолько велика, что жизнь человечества без нее уже просто немыслима.

И вот сейчас пришло время поговорить об этой революции более подробно.

Глава девятая. ЗАКОН.

С точки зрения иудаизма, христианства и ислама, Моисей предстает, во-первых, провозвестником подлинного монотеизма, а во-вторых, величайшим духовным учителем и религиозным законодателем, давшим человечеству кардинально новый нравственный да и юридический кодекс, оказавший решающее влияние на формирование общечеловеческих ценностей.

Оба эти принципиальных пункта в разное время по ряду причин оспаривались представителями различных областей знаний — прежде всего, разумеется, религиоведами и историками, придерживающимися порой полярно противоположных мировоззренческих установок.

В первую очередь они оспаривали сам тезис, что Моисей является автором Пятикнижия, не говоря уже об утверждении иудаизма, что вся эта книга от начала до конца была продиктована Моисею самим Богом и вообще была «написана» Всевышним «черным огнем по белому огню» еще до Сотворения мира.

К вопросу о происхождении Торы мы еще вернемся в третьей части этой книги, а пока отметим, что большая часть стоящих на позициях так называемой библейской критики историков и мыслителей убеждена, что текст Пятикнижия является компиляцией нескольких древних источников, ни один из которых не принадлежит перу Моисея; что само еврейское законодательство складывалось постепенно и уже затем было кодифицировано оставшимися безвестными составителями Пятикнижия. Правда, дата этой кодификации постоянно сдвигается в сторону все большей и большей древности. Если еще полтора столетия назад находились те, кто утверждал, что окончательный текст Пятикнижия сложился едва ли не в IV веке до н. э., то затем, ввиду все новых и новых археологических находок и лингвистических исследований Библии, это время было сдвинуто до VI, потом до VII и VIII веков до н. э.

Расшифровка в конце 2009-го — начале 2010 года надписей на глиняных черепках, найденных в Киафе и относящихся к X веку до н. э., показала, что это варианты известных изречений Пятикнижия о необходимости защищать и оказывать помощь пришельцу, сироте и вдове. Надписи на черепках, разумеется, отнюдь не доказывают, что в X веке до н. э. евреи уже обладали каноническим текстом Пятикнижия. Однако они, вне сомнения, свидетельствуют, что в эту эпоху им уже было известно то, что сегодня принято называть «Законом Моисеевым», а значит, не только не опровергают версию о том, что Моисей мог быть автором Пятикнижия, но и увеличивают вероятность того, что это утверждение соответствует действительности.

Однако, пытаясь отнять у Моисея право на авторство одной из величайших книг за всю историю человечества, рационалисты на этом не останавливаются и оспаривают и приоритет Моисея в провозглашении монотеизма.

Так, на протяжении большей части XIX и всего XX столетия последователи марксистско-ленинской философии утверждали, что идея Единственного Бога неминуемо рождается в ходе развития человеческого общества при появлении абсолютной монархии. Таким образом, говорили философы-марксисты, нет ничего удивительного, что рано или поздно к ней пришли евреи. Предельно четко эта мысль была выражена еще Ф. Энгельсом и затем вновь и вновь цитировалась в различных советских учебниках по истории, философии, научному атеизму ит. д.

«Единый Бог, — писал Энгельс, — никогда не был бы осуществлен без единого царя...», а «...единство Бога, контролирующего многочисленные явления природы, объединяющего противоположные силы природы, есть только копия единого восточного деспота, который видимо или действительно объединяет сталкивающихся в своих интересах людей»¹.

При этом ни Энгельс, ни его последователи не задавались вопросом о том, почему же монотеизм возник именно в среде евреев, никогда на самом деле не знавших абсолютной монархии, более того — в форме, отвергающей право любого монарха на абсолютную власть и передающей такую власть закону. В то же время ни в Египте, ни в Ассирии, ни в Вавилоне, ни в пришедшей им на смену Персии, ни, наконец, в Древнем Риме возникновение абсолютных монархий отнюдь не привело к появлению монотеизма. Даже если считать, что фараон Эхнатон и в самом деле исповедовал монотеизм (хотя и далеко не такой последовательный, как монотеизм Моисея), то не стоит забывать, что ему не

удалось утвердить эту идею в египетском обществе, вроде бы вполне готовом, если верить Энгельсу, к ее восприятию — протомонотеизм Эхнатона умер вместе с ним. Персидский зороастризм тоже очень далек от подлинного монотеизма, а уж о Древнем Риме с его практикой введения в сонм богов императоров и говорить нечего.

Известный христианский историк религии Э. Ренан высказал любопытную мысль о том, что евреи стали провозвестниками монотеизма исключительно в силу случайных обстоятельств, только потому, что сама жизнь в пустыне, когда человек оказывается один на один с огромными безжизненными пространствами, — такая жизнь, дескать, естественным путем приводит к идее монотеизма. Но и эта идея явно не выдерживает проверки опытом: почему-то ни один из многочисленных народов, населявших Сахару, Калахари и другие известные пустыни планеты, «естественным» путем к монотеизму не пришел.

Таким образом, все попытки принизить религиозный гений Моисея, отказать ему в исключительности личности и роли в мировой истории выглядят не просто натянутыми, но и совершенно бездоказательными, и это, кстати, признают многие честные исследователи.

Несколько иначе обстоит дело с вопросом, насколько революционным и новаторским было законодательство, данное Моисеем евреям. Сторонники версии, согласно которой Моисей вне зависимости от того, кто он по происхождению — еврей или египтянин, был хорошо знаком с египетской и другими древними юридическими системами, довольно убедительно отстаивают мысль, что на самом деле в своем законе Моисей лишь суммировал эти знания.

Вот, например, как доказывал справедливость этой теории известный советский историк А. Б. Ранович в статье «Миф об исходе и Моисее».

«Далее доказано, — писал Ранович, — что "Книга Завета" является одним из многих аналогичных восточных кодексов и испытала на себе значительное влияние со стороны последних. В 1901 — 1902 годах при раскопках в Сузах найдена стела с изображением царя Хаммурапи (около 1750 года до н. э.), получающего законы от бога Шамаша, и с полным текстом этих законов. Законы Хаммурапи в течение долгого времени были на всем Востоке образцом уголовного и гражданского кодекса, каким было, например, римское право, доньше изучаемое в буржуазных странах как совершенный образец. Обрывки кодекса Хаммурапи имеются и от VIII—VII веков: это свидетельствует, что этот свод законов был в обращении через двенадцать-тринадцать веков после его составления и мог послужить образцом для еврейского законодательства. И действительно, при сравнении текста кодекса Хаммурапи и "Книги Завета" мы встречаем текстуальные совпадения, свидетельствующие о заимствовании из кодекса Хаммурапи.

Кодекс Хаммурапи

П. 21. Установлено: если кто вломился в дом, его убивают на месте взлома.

П. 117. Установлено: если кто-нибудь попал в долговое обязательство, и он потому отдал за деньги жену или сына, или дочь отдал в кабалу, они должны три года оставаться в услужении в доме покупателя или кредитора; на 4-й год они должны быть отпущены на волю.

П. 124. Установлено: если кто передал другому при свидетелях на сохранение серебро, золото или что-л. ибo другое и потом отрекся от "Книга Завета"

Исх. 22, 1. Если вор захвачен при подкопе, и его ударили, и он умер, нет крови на нем.

Исх. 21, 2. Если купишь раба еврея, пусть служит он шесть лет, а на седьмой год пусть выйдет на волю даром... 7. А если кто продаст дочь свою в рабыни...

Исх. 22, 6. Если отдаст кто серебро или вещи ближнему на сохранение, а они украдены будут из дома этого человека, то, если вор этого, то пусть он соответствующего человека уличит; тогда этот должен отдать то, от чего он отрекся, вдвойне.

П. 126. Установлено: если у кого-либо нечто, принадлежащее ему, не пропало, а он все же объявил "нечто, принадлежащее мне, пропало", (и) со своей стороны неправомерным образом заявил об убытке, то

сообразно тому, что нечто, принадлежащее ему, не пропало, пусть он точно назовет перед богом свою (мнимую) пропажу. Тогда пусть он отдаст в ущерб себе то, что он рекламировал, вдвойне.

П. 200. Установлено: если кто выбил зубы лицу, равному ему, то ему выбьют зубы.

П. 206. Установлено: если кто во время драки ударил другого и при этом нанес ему повреждение, то пусть виновный поклянется: "сознательно я его не ударил"; он должен также удовлетворить врача.

будет обнаружен, пусть он заплатит вдвойне. 7. Если вор не будет обнаружен, пусть хозяин дома явится к богу и покажет, что он не простер руки на собственность ближнего своего... 9. Если кто даст ближнему своему осла или вола, или всякий (другой) скот на хранение и он умрет или будет поврежден или увезен, и нет очевидца, то клятва Ягве да будет между ними, что он не простер руки к собственности ближнего.

Исх. 21, 24. Око за око, зуб за зуб...

Исх. 21,18. Если ссорятся люди и ударит один другого камнем или кулаком, и тот не умрет, но сляжет в постель, 19. то если встанет и будет выходить из дома с палкой, ударивший не будет повинен, но пусть заплатит за простой и пусть лечит его.

Такого же типа законодательные кодексы известны и по другим источникам. Так, в 1922 году опубликован хеттский свод законов, относящихся приблизительно к 1300 году до н. э., представляющий собой переработку более древнего

кодекса, как это явствует из самого текста, где часто указывается, какое наказание полагалось за то или иное преступление "раньше" и какое "теперь". Интересно, что и здесь находятся кое-какие совпадения с библейскими предписаниями:

Хеттский кодекс

2. 6. Если кто разведет огонь на своем поле и пустит его на поле другого, покрытое посевом, и зажжет его, то тот, кто зажег, должен забрать зажженное поле и дать владельцу поля хорошее поле.

2. 83. Если мужчина овладел женщиной в горах, то только муж-

9 П. Люкимсон
"Книга Завета"

Исх. 22, 4. Если кто потравил поле или виноградник, пустив скот свой травить чужое поле, то пусть платит лучшим из поля своего и лучшим из виноградника

своего... 5. Если огонь выйдет и найдет тернии и выжжет копны или жатву или поле, то должен заплатить, кто зажег пожар.

Втор. 22, 23. Если будет молодая девушка обручена мужу и кто-то чина считается преступником и должен умереть; но если он овладел ею в доме, то (и) женщина согрешила, женщина (тоже) должна умереть. Если муж захватил и убил обоих, то против него уголовное преследование не возбуждается.

нибудь встретит ее в городе и ляжет с нею, 24. то обоих выведите к воротам того города и побейте их камнями до смерти... 25. Если же кто в поле встретит обрученную отроковицу и, схватив ее, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину, лежавшего с нею.

Кодекс Хаммурапи и хеттский кодекс были не первыми и не последними восточными кодексами. Еще в 1915 и в 1919 годах были опубликованы отрывки из шумерского кодекса, относящегося, вероятно, к эпохе 3-й династии Ура (XXIII век до н. э.). В 1922 году был опубликован также древнеассирийский кодекс, относящийся приблизительно к 1100 году до н. э.

Таким образом, и до "Моисеевой" эпохи и после нее в передней Азии были в обращении законодательные своды, в которых еврейские законодатели нашли готовые образцы для письменного оформления обычного права и судебной практики своего времени, не нуждаясь в творчестве "богооткровенного пророка", и при этом заимствовали оттуда ряд постановлений. То обстоятельство, что "Книга Завета" предполагает оседлое земледелие и уделяет значительное место денежным отношениям — явления, совершенно несовместимые с бытом кочующих в пустыне скотоводов, — показывает, что "Книга Завета" не могла появиться ранее IX—VIII века до н. э.

Что касается "этических заповедей", то они имеют свою аналогию в тех "списках грехов", какие существовали у вавилонян.

Приведем небольшой отрывок из такого списка.

Из серии "Шурпу" (заклинания против напасти, сопровождаемые сжиганием цветов, фруктов, шерсти и т. д.). Молящийся перечисляет возможные грехи, в которых он может быть повинен.

Оскорбил ли он бога, презрел богиню?

Против бога его грехи, против богини его злодеяния?

Оскорбление... ненависть к старшему брату?

Обидел он отца и мать, оскорбил старшую сестру?

Давал ли он в малом, а в большом отвергнул?

Говорил ли он вместо "нет" "да"?

Говорил ли он вместо "да" "нет"?

Говорил ли он скверное, совершил неподобающее?

Сказал ли он дурное?..

Применял ли он неверные весы и не применял весы верные?

Принимал он неправедные деньги, а праведных денег не взял?

Отверг он законного сына и утвердил сына незаконного?

Нарушил ли он межу, владение и границу?

Вторгся ли он в дом своего друга?

Приблизился ли он к жене друга своего?

Пролил ли он кровь ближнего своего?

Забрал ли он одежду ближнего своего?

Не отпустил ли он сам на волю человека?

Увел ли он честного человека из его семьи?

Распустил ли он собравшихся сожителей?

Противился ли он старшему над собой?

Были ли его уста прямы, а сердце неверно?

Было ли обещание на его устах и отказ в сердце? и т. д.»¹.

Проведенный А. Б. Рановичем сравнительный анализ шумерского и хеттского кодексов с законами Пятикнижия и в самом деле выглядит весьма убедительно. Но в том-то и дело, что законодательство Моисея отнюдь не отменяет всех предыдущих достижений в области морального развития человечества. Напротив, вбирая их в себя, оно выводит представления о морали, гуманизме, духовности на принципиально новый уровень. Причем выводит не эволюционно,

а именно революционно, то есть скачкообразно, и в основу этой революции положена именно истина о единственности Бога. Провозглашенная Моисеем дефиниция «Слушай, Израиль! Господь — Бог твой, Господь — один!» является формулой последовательного монотеизма и одновременно неприятия любых форм язычества.

Провозглашая единственность Бога, объявляя Его единственным источником всего сущего, Моисей одновременно провозглашал и идею изначального равенства и братства всех людей, ведущих свое происхождение от одного общего предка, а значит, и их исходное равенство в правах. Идея единственности Бога освобождала человека от необходимости обожествления сил природы, лежащей, согласно материалистической философии, в основе происхождения религии. Одновременно она объявляла мерзостью все виды служения этим силам с целью задобрить их и снискать их расположение — и прежде всего человеческие жертвоприношения и сексуальные оргии, бывшие неотъемлемой частью большинства языческих культов. Как известно, даже в Древнем Риме и Древней Греции, политеизм которых вызывает у некоторых историков и философов искреннее восхищение, вплоть до победы христианства было принято приносить человеческие жертвы.

Объявив человека духовно созданным по образу и подобию Бога, то есть существом, обладающим мощным интеллектом для саморазвития и свободой выбора между добром и злом, Моисей одновременно коренным образом изменил представление о ценности человеческой личности, каждого человеческого индивидуума.

Наконец, то, что изложенные в Пятикнижии законы (как те, что обязательны для исполнения только евреями, так и те, что адресуются всему человечеству) объявлялись исходящими от самого Бога и освящались Его именем, делало законодательство Моисея принципиально отличным от всех других законодательных кодексов древности. Эти законы в силу своей Богоданности приобретали характер неизменных и неоспоримых моральных стандартов, не оставляющих места для морального релятивизма. Если в Пятикнижии, к примеру, провозглашен однозначный запрет на мужеложство, то отношение человека, верящего в Бога, к этому виду сексуальных связей не может быть изменено со ссылкой на то, что со временем нравы общества меняются. Абсолютность Богоданных законов проявляется еще и в том, что они касаются всех без исключения. Им равно должны следовать все слои общества, и нарушивший их человек должен получить положенное наказание, независимо от статуса в обществе. Даже царь может быть приговорен судом к смерти, если он нарушил закон, требующий подобного приговора. И это создание единого правового и морального стандарта, исходящего из одного источника, в итоге также способствовало единению всего человечества на базе общих ценностей.

Об этом же говорит и П. Джонсон, когда отмечает, что законодательство Моисея было огромным шагом вперед не только по сравнению с моральным и правовым мышлением египтян (у которых закон носил личностный характер, то есть устанавливался и менялся фараоном в зависимости от его прихотей), но и по сравнению с вышеописанными месопотамскими кодексами, в которых закон также объявлялся священным или освященным богами.

«Но, хотя в некотором смысле свод Моисея являлся частью ближневосточной традиции, его отличия от других древних кодексов настолько многочисленны и фундаментальны, что он представляется чем-то совершенно новым, — пишет Джонсон. — Во-первых, хотя утверждалось, что остальные кодексы выпущены Богом, они были изложены и преподнесены от имени конкретных царей, как, например, Хаммурапи или Иштар; поэтому они поддаются переработке и изменениям и вообще носят светский характер. В то же время, согласно Библии, авторство законов, изложенных в Пятикнижии, принадлежит самому Богу, а потому ни одному израильскому царю и непозволительно было, да и не приходило в голову, издать собственный свод законов. Моисей (а впоследствии и Езекиль, продолживший законодательные реформы) был пророком, а не царем, занимался не творением, а передачей законов. Неудивительно, что в его кодексе не делается различия между законом религиозным и светским (они просто совпадают), между законами гражданскими, уголовными и моральными.

Эта неразделимость имеет важные практические последствия. Согласно духу законов Моисея, все их нарушения оскорбляют Бога. Всякое преступление есть грех, всякий грех — преступление. Нарушение законов носит абсолютный характер, и не во власти человека помиловать или сделать для кого-либо исключение... Большинство сводов законов Древнего Ближнего Востока посвящено проблемам собственности, причем сами люди в некотором смысле представляются собственностью, стоимость которой поддается оценке. Кодекс Моисея ориентирован на Бога. Например, в других кодексах обманутый муж может простить неверную жену и ее любовника. Напротив, кодекс Моисея требует предания обоим смерти (так как усматривает в прелюбодеянии глобальную угрозу институту семьи и общественной морали. — П. Л.). Также если другие кодексы предусматривают монаршее право помиловать даже в случае убийства, Библия подобное право отвергает, равно как и право богатого человека откупиться от возмездия денежным штрафом; она требует казни за убийство, даже если убит "всего лишь" слуга или раб. Существует и ряд других преступлений, когда гнев Господень настолько велик, что никакой денежной компенсации недостаточно. В тех же случаях, когда убийство, телесное повреждение или иное прегрешение носят неумышленный характер, Бог считается менее оскорбленным и по закону возможна компенсация. Преступивший закон тогда "должен заплатить столько, сколько назначат судьи"...

...Здесь, разумеется, заключен парадокс, как, впрочем, во всех случаях применения смертной казни. Согласно теологии Моисея, человек сотворен по образу Бога, в связи с чем его жизнь не просто драгоценна — она священна. Убить человека — значит совершить преступление против Бога, причем настолько тяжелое, что за него полагается высшая мера наказания, то есть своего рода конфискация, отнятие жизни; денежного штрафа здесь недостаточно. Таким образом, ужасный факт смерти призван подчеркнуть святость человеческой жизни! В итоге согласно закону Моисея встретили свою смерть многие мужчины и женщины, которые в соответствии со светскими законами окружающих государств могли бы отделаться выплатой компенсации пострадавшим или их семьям.

В результате той же аксиомы верно и прямо противоположное: там, где другие кодексы предусматривают смертную казнь за преступление против собственности, например, грабеж во время пожара, кражу со взломом, ночное нарушение неприкосновенности жилища либо похищение жены, в кодексе Моисея о таком наказании речь не идет. По

сравнению с нарушениями прав собственности жизнь человека слишком священна. Кодекс также отвергает искупление чужой вины: за преступления родителей нельзя казнить их сыновей или дочерей; за преступление мужа нельзя заставить жену заняться проституцией. Более того, не только человеческая жизнь является священной; ценной является и личность человека, воплощающая образ Божий. Если, например, среднеассирийский кодекс предусматривает ряд жестоких физических наказаний, включая уродование лица, кастрацию, сажание на кол, забивание до смерти, то кодекс Моисея относится к телу с уважением, сводя жестокость к минимуму. Порка ограничена сорока ударами и должна выполняться "перед лицом судьи"... Фактически кодекс Моисея бы намного гуманнее любого другого, поскольку, будучи богоцентрированным, он автоматически ставит в центр всего и человека...»

Разумеется, мы не сможем на страницах этой книги сколько-нибудь подробно остановиться на всех аспектах кодекса Моисея, оказавших влияние на различные стороны жизни человечества, — этим вопросам посвящено множество тяжелых фолиантов на разных языках, способных составить внушительную библиотеку. Но давайте попробуем хотя бы мельком,

пунктиром, остановиться на некоторых из этих аспектов.

дении Моисеем целого ряда сексуальных запретов — на гомосексуализм, скотоложество, а также на интимные отношения близких родственников — детей с родителями, брата с сестрой, свекра с невесткой, тети с племянником, а также отчима с падчерицей, мачехи с пасынком и т. д. Все эти виды сексуальных отношений были чрезвычайно распространены практически у всех языческих народов, вплоть до принятия ими христианства. Не случайно в фольклоре многих народов Европы в период перехода от язычества к христианству встречается сюжет о том, как прекрасная принцесса кончает жизнь самоубийством (или пытается это сделать), чтобы не дать отцу жениться на ней.

Запретив подобные интимные отношения, Моисей сделал гигантский шаг вперед в формировании новой сексуальной культуры человечества, противопоставив новые нормы сексуального поведения языческой чувственности, поощряющей, а порой и воспевающей самые низменные человеческие инстинкты.

В поисках смысла этих заповедей Пятикнижия многие исследователи объясняют их тем, что Моисей, дескать, заметил, что близкородственные браки часто приводят к появлению нездорового потомства и, запретив их, позаботился о физическом здоровье народа.

Однако несостоятельность этого объяснения вновь очевидна.

Во-первых, как уже было сказано, интимные отношения с близкими родственниками практиковались у многих народов древности, и никто из них на основе подобных генетических соображений от таких отношений не отказывался. Да и, к примеру, многие народы Азии не видели ничего предосудительного в удовлетворении своих сексуальных потребностей с животными, а греки и римляне аналогичным образом относились к гомосексуализму. Во-вторых, мнение о том, что близкородственные браки автоматически приводят к появлению нездорового потомства, на самом деле не соответствует действительности, и тому есть немало подтверждений.

Поэтому автору этой книги куда ближе высказывания тех еврейских и христианских мыслителей, которые увидели в этих запретах стремление положить конец половой распущенности и укрепить институт семьи. Эти мыслители указывают, что сексуальные отношения между матерью и сыном, отцом и дочерью, свекром и невесткой и т. д. в итоге затрудняют нормальные, основанные на альтруистической симпатии и подлинных родственных чувствах отношения между различными поколениями и ветвями одной и той же семьи. Видимо, с этим связан и запрет на брак с сестрой жены при ее жизни и, скажем, запрет на брак с падчерицей.

Объявляя сам институт семьи священным, вводя суровое

наказание за супружескую измену и прелюбодеяние (под этим в первую очередь понимается вступление мужчины в интимные отношения с замужней женщиной), кодекс Моисея регламентирует и интимную жизнь супругов в еврейской семье. В частности, он запрещает мужу приближаться к жене не только непосредственно в период месячных, но и в течение семи дней после их окончания — до тех пор пока женщина, считающаяся все это время «нечистой», не совершит ритуального омовения в специальном бассейне — микве.

Чрезвычайно важно отметить, что целый ряд законов Пятикнижия посвящен защите прав, чести и достоинства женщины, бывшей зачастую в Древнем мире, да и в Средневековье, совершенно бесправным существом. Закон Моисея надежно защищает женщину от клеветы и произвола мужа и, самое главное, создает институт развода, позволяющий расторгнуть неудавшийся брак и при этом защищающий финансовые интересы разведенной женщины — муж в случае развода должен был выплатить жене «выходное пособие» в размере, указанном в их брачном договоре.

Чтобы полностью оценить значение закона о разводе, достаточно вспомнить, как расторгались браки у других народов как в эпоху Моисея, так и тысячелетия спустя:

«Поскольку бракосочетание не было правовым актом, то и развод мог осуществляться безо всякого юридического вмешательства; мужчина все решал по своему усмотрению. Ни о каком возмещении речи не шло. На какое-либо содержание женщина также претендовать не могла.

Муж также мог прогнать жену, если она не "слушалась" его, отказывалась выполнять супружеские обязанности или не вызвала у него желания спать с ней, если она была бесплодна, не рожала сына, применяла предохранительные средства, вытравливая плод и просто если ему больше нравилась другая женщина. У арабов в древности муж мог прогнать жену только из-за того, что в его доме случилось или могло случиться какое-нибудь несчастье, а за всякое несчастье отвечала женщина, как хранительница дома»¹.

Не менее революционный характер носят и законы Пятикнижия, касающиеся общественно-экономических и частных отношений между людьми. Даже если принять ту точку зрения, что Моисей не является автором этих законов и что они были введены в еврейском обществе только в X или даже VII веке до н. э., это нисколько не меняет отношения к ним. Причем при самой поздней датировке этих законов они относятся к эпохе, когда во всех цивилизациях древности царит рабовладельческий строй; когда раб считается такой же собственностью хозяина, как и любая неодушевленная вещь; когда моральные нормы — в той степени, в какой они вообще существуют — действуют в лучшем случае внутри одной

семьи; когда общество в целом уже созрело до необходимости гарантировать своим членам защиту их жизни и имущества, но ему и в голову не приходит, что оно должно заботиться о слабых и неимущих... В эту самую эпоху на Земле каким-то образом появляется закон, возводящий любовь к ближнему в ранг высшей добродетели и обязывающий общество заботиться о выживании и благополучии всех его членов.

Этот закон не только, подобно законам Хаммурапи, предписывает через определенное время отпустить на волю человека, оказавшегося в рабстве за долги, но и запрещает обращаться с ним с излишней жестокостью, а в случае нанесения ему хозяином какой-то травмы предписывает отпустить этого раба на волю. Более того — отпуская раба, рабовладелец обязан выдать ему «подъемные» для начала самостоятельной жизни.

Этот закон предписывает избегать любых злоупотреблений по отношению к самым незащищенным членам общества, к каковым относит не только вдов и сирот (Исх. 22:21), но и чужеземца, решившего поселиться среди народа (Исх. 22:20). Более того: он уравнивает чужеземца в правах с коренными жителями Земли — дело неслыханное не только в Древнем мире, но и в Средневековье. Да и сегодня в большинстве стран мира отнюдь не спешат выдавать полноценное гражданство всем, кто хочет в них поселиться.

Это законодательство не просто запрещает давать деньги в рост (правда, этот запрет уже касается только своих соплеменников), но и обязывает богатого человека дать деньги в долг бедняку (Исх. 22:24; Лев. 25:36). При этом запрещается отбирать у должника в качестве залога последнюю одежду и орудия труда, мучить его постоянным напоминанием о долге и, наконец, предписывается простить долг в особые годы (каждый седьмой год, отсчитываемый с момента заселения евреями Святой земли) (Втор. 15:2; 15:7—14; 24:10-17).

Точно так же этот закон запрещает отбирать за долги у бедняка землю — она может быть отобрана только до окончания ближайшего «седьмого года», то есть на период от нескольких месяцев до семи лет, а продана — максимум до ближайшего «юбилейного года», то есть не более, чем на 49 лет, после чего вновь должна быть возвращена ее владельцам (Лев. 25:14—29).

Чтобы обеспечить пропитание даже самым бедным членам общества, Пятикнижие предписывает оставлять для них не сжатым край поля и не собирать до конца урожай в садах и виноградниках — чтобы это могли сделать неимущие, а также — с той же целью — не подбирать упавшие при сборе жатвы колосья и плоды и ягоды при сборе урожая (Лев. 19:9—10). Запрещено также возвращаться и забирать забытый в поле сноп — он также должен достаться пришельцу, вдове или сироте (Втор. 24:19).

Закон Моисеев регулирует и отношения между наемным работником и работодателем, предписывая последнему честно и своевременно расплачиваться за выполненный для него труд (Лев. 19:13).

Одной из величайших новаций, провозглашенных Моисеем, стало объявление субботы днем абсолютного покоя, когда запрещено не только работать самому, но и нагружать работой членов своей семьи, наемных работников, рабов и животных. Мистическое и культовое значение субботы в иудаизме огромно, однако, даже не вдаваясь в глубинный смысл «седьмого дня», хочется отметить, что на протяжении даже не столетий, а тысячелетий народам древности казалось более чем странным правило, согласно которому человек должен посвящать один день в неделю отдыху и самопознанию, да еще и позволять отдохнуть своим рабам и животным. Понадобилась поистине целая эпоха, чтобы в сознании людей утвердилось понимание важности и справедливости введенного Пятикнижием «права на отдых».

Заповедь об обязательном соблюдении субботы встречается в Пятикнижии многократно, однако наиболее ярко ее фундаментальное значение проявилось в том, что она была включена в число Десяти заповедей (Исх. 20:8—10). Запрет на работу объявляется в Пятикнижии и в дни главных праздников — Песаха (Пасхи), Шавуота (Пятидесятницы), Рош а-ша-на (Нового года по еврейскому календарю), Судного дня и Суккота (Праздника кущей). Основой существования любого общества Моисеем было объявлено наличие справедливого, беспристрастного и неподкупного суда, не делающего разницы между богатым и бедным, знатным и простолюдином и т. д. (Исх. 23: 2—3, 6, 7—8; Втор. 1:17, 16:18). Отсюда становится понятным, почему многие страницы Пятикнижия напоминают законодательный кодекс, детально регулирующий имущественные отношения между людьми, а также определяющий наказания за различные виды уголовных преступлений. Эти страницы и в самом деле напоминают законодательные кодексы древних народов, да и было бы странно, если бы было иначе. Однако в области уголовного права Закон Моисеев с точки зрения гуманности представляет собой поистине гигантский шаг вперед по сравнению как с современными ему, так и более поздними кодексами законов древних народов. К примеру, смертная казнь, согласно Пятикнижию, полагается только за умышленное убийство, сексуальные преступления и за различные формы идолопоклонства. Человек, совершивший непредумышленное убийство, не подлежит смертной казни, но за родственниками убитого признается право на месть. Это право, однако, не распространяется на специальные города-убежища, куда и предлагается удалиться нечаянному убийце — то есть наказанием ему является изгнание из родных мест (Чис. 35:12). Причем Пятикнижие вводит в уголовное право и еще один, незнакомый, насколько известно автору, другим древним народам принцип: нельзя осудить человека на смерть на основе показаний только одного свидетеля или в том случае, если есть малейшее сомнение в истинности показаний свидетелей (Исх. 23:7; Чис. 35:30). В большинстве других преступлений Пятикнижие требует не тюремного заключения преступника, не нанесения ему какого-либо увечья (скажем, отсечения руки за кражу), а выплаты им денежной компенсации пострадавшему от его действий человеку. Даже пресловутый принцип «око за око, зуб за зуб», что ясно следует из контекста, трактуется именно как требование определить размер нанесенного увечьем материального и морального ущерба, с тем чтобы нанесший этой увечье человек выплатил его, а заодно оплатил и всю стоимость лечения (Исх. 21:18). Во всяком случае, именно так понималась эта заповедь в еврейском обществе на протяжении всего известного нам периода истории. В то же время существовала и небольшая группа крайне редко встречавшихся преступлений, за которые полагалось то или иное физическое наказание — палочные удары или даже отсечение руки (Втор. 25:2—3, 12).

Законы Пятикнижия принято делить на две большие группы — «мишпатим» и «хуким» (обычно переводятся как «установления» и «законы»). Смысл законов «мишпатима» логически объясним и понятен: к примеру, почему следует наказывать вора, компенсировать ущерб, нанесенный чужому полю или любому другому имуществу, и т. д.

Под «хуким» же понимают Богоданные законы, которые человек способен понять лишь частично, либо они вообще непостижимы с рациональной точки зрения.

К таким заповедям относятся в первую очередь запреты на употребление в пищу всех животных, не имеющих одновременно раздвоенных копыт и жвачной системы пищеварения; рыб, не имеющих чешуи и плавников; различной морской живности; целого ряда птиц, в основном хищных, морской живности и пресмыкающихся (Лев. 11:2—44; Втор. 14:1, 19, 21); а также запрет на смешение молочной и мясной пищи и др. (Исх. 23:19; 34:15). К этому же ряду заповедей, безусловно, относятся заповеди о так называемой тумее («тумье») — ритуальной нечистоте, в состоянии которой человек не должен был входить в Храм, вступать в интимные отношения с супругом и т. д. (Лев. 12:2-33, 14:2-10, 15:3, 15:16, 15:19—29, 18:19 и др.), а также об очищении от нее (там же; Чис. 19:2-21).

Сюда же следует отнести и многие сексуальные запреты, смысл которых невозможно объяснить на основе человеческой логики, и многие законы, касающиеся коэнов — касты священнослужителей, а также порядка жертвоприношений.

На протяжении всех минувших веков неоднократно предпринимались попытки найти естественное объяснение этим заповедям. К примеру, запрет на употребление в пищу свинины (он упоминается в Пятикнижии особо, так как свинья имеет раздвоенные копыта, но не имеет жвачной системы пищеварения) пытались объяснить тем, что этот вид мяса является скоропортящимся, особенно в жарком климате Ближнего Востока. Моисей, дескать, запретил его евреям, чтобы избежать массовых пищевых отравлений (которых, как показывает история с перепелами, и без того было немало). Но если это так, то к такому же запрету должны были прийти и многие другие живущие в различных жарких странах Азии и Африки народности, однако у них его почему-то нет.

Запрет на вступление в интимную связь с женщиной в период месячных и требование ее омовения для очищения можно было бы объяснить требованиями гигиены или, как это делал Дж. Фрэзер в «Золотой ветви»¹, мистическим страхом перед менструальной кровью, но в это объяснение никак не укладывается требование к женщине подождать до ритуального омовения еще семь дней после окончания месячных.

Таким образом, вольно или невольно мы приходим к выводу, что речь и в самом деле идет об иррациональных запретах, которые евреи исполняют потому, что они даны Богом. Это не исключает поиск их объяснения, но и не избавляет от исполнения, даже если такого объяснения не существует.

И все же подлинное величие Моисея не только как законодателя, но и как духовного учителя человечества проявилось в том, что наряду с законом он принес людям и заповеди, способствующие их нравственному развитию. Уже одна из Десяти заповедей — «Не возжелай...» (Исх. 20:14) обращена к внутреннему миру человека и призвана вытравить из его души зависть и недоброжелательство по отношению к ближнему.

Ко внутреннему миру, миру мыслей и чувств человека обращен и целый ряд других заповедей Закона Моисеева, например, заповедь «не питать к брату твоему ненависти в сердце твоем» (Лев. 19:17).

К этому же ряду можно отнести такие заповеди, как «Не внимай пустому слуху», то есть никогда не выслушивай в спорном вопросе только одну сторону (Исх. 23:1); не обижать друг друга словами (Лев. 25:17); запрет на ложь и обман ближнего (Лев. 19:11); запрет давать заведомо дурные советы (Лев. 19:14), запрет на сплетни (Лев. 19:16) излословие (Лев. 19:14); призывы подавить в себе желание отомстить за причиненное зло и не быть злопамятным (Лев. 19:18), а также обязанность каждого помочь человеку, оказавшемуся в беде (Лев. 19:16).

Квинтэссенцией всех этих и других заповедей, безусловно, является заповедь «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19:18). Не случайно, когда некий римлянин попросил еврейского мудреца Гилеля обучить его всему Закону Моисееву, пока он стоит на одной ноге, Гилель произнес эту заповедь и добавил: «В ней — вся Тора. Все остальное — комментарии. Иди и учи!»

Гигантский гуманистический заряд Пятикнижия Моисеева проявляется и в том, что оно требует гуманного отношения не только к людям, но и к животным. Например, Пятикнижие запрещает отбирать какого-либо новорожденного животного у матери прежде чем ему исполнится семь дней (Лев. 22:27). Запрещается также забивать овцу или корову в один день с ее детенышем (Лев. 22:28); запрещено оскотлять животных (и уж тем более — человека! — Лев. 22:24). Во время молотбы Пятикнижие запрещает «заграждать» рот волу, чтобы животное не испытывало мучений от того, что не может воспользоваться находящейся вокруг пищей (Втор. 25:4). Кроме того, закон обязывает возвратить заблудившихся животных их хозяину (Втор. 22:1) и обязывает человека расседлать уставшее животное, напоить и накормить его, даже если оно ему не принадлежит (Втор. 22:24).

В связи со всем вышесказанным невольно возникает вопрос: в чем же, согласно учению Моисея, заключается награда за следование заповедям Всевышнего и наказание за их нарушение?

Не секрет, что одним из неперенных составляющих любой религии являются вера в загробную жизнь и посмертное воздаяние человеку за его добрые и злые дела. В египетской религии идея суда над душами умерших и воздаяния ей по ее делам появляется в эпоху Среднего царства и подробно излагается в Книге мертвых. Именно знаменитая 125-я глава этой книги, в которой приводится отчет умершего перед судом Осириса, дает нам представление о моральном кодексе египтян и о том, в чем заключается его схожесть и отличие от Закона Моисеева. «Эта идея нравственной ответственности человека и связь ее с верой в загробную жизнь, в страшный суд чрезвычайно характерна, — писал советский историк религии С. А. Токарев, выражая типичную точку зрения марксистско-ленинской философии по данному вопросу. — Очевидно, она была разработана жрецами в интересах господствующего класса как ответ на

растущие классовые противоречия. Рабовладельцы и жрецы стремились запугать суеверную массу поработанного народа заградными наказаниями и утешить их надеждой на загробную награду»¹.

Если бы учение, которое нес Моисей, было бы порождением и продолжением, развитием египетской религии, как это пытаются представить некоторые религиоведы, то она бы, безусловно, несла в себе идею загробной жизни и посмертного воздаяния. Однако, как уже отмечалось в первой части книги, во всем Пятикнижии нет ни слова о жизни после смерти, о посмертном существовании души и т. д. Те же исследователи признают, что подобные воззрения возникают у евреев относительно поздно и объясняют их влиянием греческой философии. Талмуд, разумеется, придерживается по данному поводу иной точки зрения; его мудрецы настаивают, что намеки на будущее воскрешение мертвых и вечность души имеются и в Пятикнижии, но это в любом случае только намеки.

В явной же форме награда, которую обещает Пятикнижие за исполнение заповедей Творца, вполне конкретна и материальна: долгая и благополучная жизнь на земле; возможность продолжить себя в детях и порадоваться их счастью; обильные урожаи и хороший приплод скота. И, наоборот, наказанием являются неурожай, голод, болезни, гибель от руки врагов и изгнание с родной земли.

«И будет, если вы будете послушны повелениям, которые Я даю вам сегодня: любить Господа Бога вашего и служить Ему всем сердцем вашим и всей душой вашей, то дам Я дожди земле вашей в срок, от начала и до конца зимы, и соберешь ты свой хлеб и вино, и оливковое масло; и дам траву для скота на луга твои: и будешь ты есть досыта. Однако берегитесь, чтобы ваши сердца не поддались соблазну, чтобы не свернули вы с пути и не стали служить другим богам и поклоняться им. Ибо тогда разгневается на вас Господь, и замкнет небеса; и не будет дождя, и земля не станет приносить свои плоды; и исчезнете вы вскоре с той благодатной земли, которую Господь дает вам. Примите эти слова Мои всем сердцем вашим и всей душой вашей... Чтобы дни ваши и дни сыновей ваших умножились на земле, которую Господь клятвенно обещал отцам вашим, — как дни существования небес над землею» (Втор. 11:13-29).

Фундаментальной идеей учения Моисея является идея свободы выбора — человек тем и отличается от животного и стоит даже выше ангелов, что в отличие от тех и от других наделен такой свободой — и в этом, по большому счету, и заключается суть его подобия Богу. Но предоставляя человеку свободный выбор, Бог в Пятикнижии постоянно подчеркивает, что выбирая, следовать ли ему по пути исполнения данных Богом нравственных и религиозных норм, или презреть эти нормы, человек выбирает между жизнью и смертью как для себя, так и для своих потомков. И дело тут не в жизни души после смерти (хотя не исключено, что и в ней), а в той, постоянно в той или иной форме муссируемой Пятикнижием мысли, что только основанное на высоких моральных нормах общество является жизнеспособным и имеет будущее.

При этом Моисей подчеркивал, что выполнение данных через него заповедей отнюдь не требует от человека неких чрезмерных усилий, аскетизма, духовного подвижничества и т. д. Нет, их справедливость и полезность для общества вполне доступна пониманию любого, даже не обладающего высоким интеллектом человека; да и следование им посилено любому. Таким образом, согласно Моисею, каждый человек вполне способен исполнять волю Бога, пытаться постичь Его, вести праведный образ жизни и подняться на самые высокие нравственные и духовные вершины.

«Заповеданное, что я тебе сегодня предписываю, не слишком таинственно или удалено от тебя. Не на небесах оно, чтобы ты сказал: "Кто поднимется на небо и принесет это нам, чтобы мы могли это слушать и исполнять?" Не за морем оно, чтобы ты говорил: "Кто отправится за море и принесет это нам, чтобы мы могли это слушать и исполнять?" Оно очень близко к тебе, на устах твоих и на сердце твоём, чтобы мог ты это исполнять» (Втор. 30:11—14).

Эта доступность в сочетании с огромным духовным и нравственным зарядом, которое несло в себе учение Моисея, в итоге и стали теми факторами, которые не просто обеспечили жизнеспособность иудаизма, но и привели к тому, что он стал основой для рождения двух религий, воспринятых значительной частью человечества.

Повторим, задача этой главы заключалась лишь в крайне поверхностном знакомстве читателя с базовыми нормами Закона Моисеева, но хочется верить, что этого оказалось достаточно для понимания того, свет каких великих истин принес этот закон в мир.

Часть третья. СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ.

Глава первая. ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ.

Библия почти ничего не рассказывает о сорока годах жизни израильтян в пустыне¹, хотя из описания последующих событий можно понять, что все эти годы основной пищей евреев была все та же падавшая с неба манна; что в течение этого времени постепенно ушли из жизни те, кто выходил из Египта, будучи вполне взрослыми, сформировавшимися людьми, да и те, кто был совсем молодым, успели повзрослеть и войти в почтенный возраст. Но за это же время пяти-шестилетние мальчишки, цеплявшиеся при выходе из Египта за мамину юбку, превратились во взрослых, зрелых мужчин, способных командовать полками. Появились новые тысячи и тысячи молодых, здоровых воинов, выросших на просторах пустыни, знавших о Египте лишь из рассказов отцов и дедов, но зато с молоком матери усвоивших мысль, что это им предстоит завоевать для своего народа землю, текущую молоком и медом; землю, в которой ветви деревьев висят под тяжестью плодов, а в виноградниках созревают гроздья, каждое из которых с трудом могут поднять четверо взрослых мужчин.

То, что в этой земле, возможно, живут грозные великаны, их не пугало — наоборот, они жаждали помериться с ними силами и, готовясь к грядущим битвам, днями напролет тренировались во владении пращей, копьем и мечом. Слушая с детства рассказы о чуде рассечения моря, о том, как все евреи слышали голос Бога у горы Синай, о том, как Бог гневался на тех, кто осмеливался нарушать Его заповеди и выступать против Моисея, они не испытывали сомнений в

своей Богоизбранности и с трепетом внимали словам Моисея, Боговдохновенность которых также не вызвала у них никаких сомнений.

Словом, по самому своему образу мышления, по своему мировоззрению и мироощущению они были совершенно иными людьми, чем их родители, не говоря уже о дедах и прадедах. В сущности, это был уже другой народ, явно находившийся в стадии, которую И. Н. Гумилев называл пассионарной активностью, и жаждавший эту активность реализовать.

Прервав рассказ о происходящих событиях на том, как Моисей подавил вспыхнувший в пустыне бунт, Пятикнижие точно обозначает дату возобновления рассказа — месяц нисан 2487 года, то есть март—апрель 1272 года до н. э. Именно в начале этого месяца Моисей решает, что пришло время вести евреев на завоевание Земли обетованной.

То, что эти события разворачиваются именно ранней весной, безусловно, не случайно. Тот, кто бывал на Ближнем Востоке, знает, что примерно с ноября по март здесь идут такие проливные дожди, что кажется и впрямь разверзлись все хляби небесные. Прокладывая путь между холмами пустыни, вода несется бурными потоками, увлекая за собой огромные камни. Пересекать эти то и дело возникающие на пути реки невозможно; оставшиеся же участки суши превращаются от дождя в вязкое месиво, по которому и люди, и животные передвигаются с огромным трудом — не говоря уже о том, что при этом они вымокают с головы до ног.

Зато в марте дожди почти прекращаются, а уже в апреле — мае большинство появившихся в период ливней рек и ручьев пересыхает и можно беспрепятственно совершать дальние переходы. Вот почему испокон веков и вплоть до наших дней все войны в этом регионе велись исключительно весной и летом и прекращались с наступлением осени.

Израильяне в момент возобновления библейского повествования стоят станом в Кадеше, и это, по мнению ряда исследователей, отнюдь не существующий и по сей день Кадеш-Барнеа, из которого Моисей посылал отряд разведчиков, а некое другое место, видимо, в районе нынешнего Эйлатского (Акабского) залива. Во всяком случае, из самого текста Библии вполне понятен задуманный Моисеем план военной кампании — он собирается прорываться в Ханаан не с юга, как раньше, а с востока, бросив свою армию через Иордан. Однако для реализации этого плана ему нужно было пройти через земли трех относительно крупных государств региона — Идумеи (Эдома), Моава и Аммона, причем так как их завоевание не входило в планы Моисея, то и поход ему нужно было продумать так, чтобы не изматывать свою армию в ненужных сражениях.

Избежать битвы с правителями этих трех стран можно было только одним путем — получить их согласие на беспрепятственный проход израильтян через их территорию, и Моисей искренне рассчитывал, что ему удастся об этом договориться. Расчет этот строился на том, что все три народа — идумей, моавитяне, аммонитяне — были, в отличие от индоарийских народов Ханаана, семитами. Более того — их языки были очень похожими на еврейский, да и происхождение у них было родственное: идумей считались потомками Исава-Эдома — брата праотца еврейского народа Иакова; а моавитяне и аммонитяне были потомками Лота — племянника Авраама.

Вот почему, все еще оставаясь в Кадете, Моисей направляет послов к царю Идумеи Адару с письмом, текст которого приводится в Пятикнижии.

«Так сказал брат твой Израиль: знаешь ты о всех бедах, с которыми мы встретились. Отцы наши переселились в Египет, жили мы в Египте долгое время, и египтяне делали зло нам и отцам нашим. Но когда мы воззвали к Богу, Он услышал наш голос и отправил посланца вывести нас из Египта. А теперь мы в Кадеше, городе у твоей границы. Дай, пожалуйста, нам пройти по твоей стране. Не пойдём мы по твоим полям и виноградникам и не будем пить из колодцев твоих, пока мы не выйдем из твоих границ, будем мы идти царским путем, не свернем ни вправо, ни влево» (Чис. 20:14—17).

Текст этого письма чрезвычайно показателен. Моисей начинает его с того, что напоминает царю идумеев Адару о братских узах, связывающих их с евреями, вызывает к его милосердию и, одновременно, самым тоном письма заверяет его в своих самых мирных намерениях. Напоминает он и о Боге Авраама, Исаака и Иакова, который, вероятнее всего, должен был быть знаком идумеям и, вероятно, почитался ими, правда не как единственный Бог, а один из сонма богов. И уже после этого Моисей переходит к изложению своей просьбы: он просит дать евреям возможность пройти по тянущейся через все его царство с юга на север мощеной столбовой дороге, которая во все времена играла важную роль в этом районе. При этом Моисей гарантирует Адару, что его народ не причинит его царству никаких убытков — не потопчет посевы, не нанесет ущерба садам и виноградникам и даже не станет пользоваться водными источниками Идумеи.

Однако, прочитав письмо, царь Адар отнесся к послам Моисея необычайно холодно и в ответном послании не только отказал вождю израильтян в их просьбе, но и пригрозил, что, если они попытаются пройти этой дорогой без его разрешения, он бросит против них всю свою армию: «Ответил Эдом: не пройдешь через меня, или выйду с мечом навстречу тебе!» (Чис. 20:18).

В сущности, этого владыку сильного и процветающего государства можно было понять. Адар не доверял обещаниям Моисея, видя в евреях-кочевниках огромную толпу варваров. Что бы ни говорил их вождь, контролировать такую массу народа и столь большое поголовье скота было невозможно: в какой-то момент то или иное стадо все равно сбилось бы с пути и начало бы топтать посевы. Да и в то, что взятого с собой израильтянами запаса воды хватит на время прохода для них и для их скота, Адар не верил. Но самое главное — он, по всей видимости, был связан еще и некими тайными обязательствами с соседями, видевшими — и не без оснований — в надвигавшихся из пустыни кочевниках угрозу самому своему существованию.

Однако Моисей прекрасно понял опасения царя Идумеи и потому, не обращая внимания на оскорбительный и угрожающий тон ответа, направил к нему послов с новым письмом:

«Будем мы держаться торной дороги. Если мы или наш скот выпьют твоей воды, мы уплатим полную цену, без сомнения. Мы хотим только пешком пройти» (Чис. 20:19).

Таким образом, во втором письме Моисей вновь гарантирует неприкосновенность посевов и водных источников идуме-ев, оговаривая при этом, что если опасения Адара все же оправдаются и евреи воспользуются местными колодцами, то сполна заплатят за использованную ими воду. Однако и этот аргумент не произвел на идумеев никакого впечатления. Вновь дав послу Моисея отрицательный ответ, они стали подтягивать свою армию к границе, так что стоявшие в Кадеше евреи увидели, как вдалеке ошетинились копьями хорошо вооруженные и обученные полки Адара:

«Но он (царь Эдома. — П. Л.) сказал: "Не пройдешь. И выступил Эдом против него с многочисленным народом и с рукой сильной". И отказался Эдом позволить Израилю пройти через границу его, и отошел Израиль от него» (Чис. 20:20).

жутот времени, который разделял два этих письма? Если следовать логике Библии, ответ на этот вопрос ясен.

«И пришли сыны Израиля, все общество, в пустыню Цин в первый месяц. И разместился народ в Кадеше, и умерла там Мирьям, похоронена была там, и не было воды для общества...» (Чис. 20:1).

Напомним, что, согласно мидрашу, на протяжении всего времени странствий в пустыне евреев сопровождал «колодец Мирьям» — на каждой новой стоянке евреи обнаруживали каменную глыбу, которая словно сопровождала их по пустыне и из которой начинала течь вода, едва они заканчивали разбивать свои шатры. Талмудические источники настаивают на том, что Бог даровал евреям это чудо «в заслугу Мирьям». Если Моисей воплощал собой всю суровость закона, был прежде всего военным и политическим лидером; если Аарон олицетворял собой рвение в служении к Богу, то Мириам, согласно сказаниям, была самым воплощением доброты и участия. Она являлась той самой, необходимой в любых властных структурах фигурой, к которой может прийти простой человек, чтобы излить душу и попросить о помощи или заступничестве, а потому пользовалась всеобщей любовью. И вода, этот извечный символ блага у многих народов планеты, начинала изливаться из скалы на каждой стоянке в награду за душевную щедрость Мириам — так, во всяком случае, это понимали евреи.

Согласно мидрашу, скончавшаяся на 125-м году жизни Мириам умерла не от болезни или старости, а в результате «поцелуя Всевышнего»: до последней минуты жизни Мириам ничем не болела, не испытывала никаких страданий — просто, когда настал ее час, душа ее покинула тело. И в это же время перестала течь вода из «колодца Мирьям», словно Бог хотел показать, что чем дальше, тем больше евреям придется полагаться не на чудеса, а на самих себя, самостоятельно справляясь с возникающими на их пути трудностями.

Вот почему Моисей просил царя Идумеи во втором письме не только разрешить пройти через его территорию, но и дать возможность за плату пользоваться колодцами. Ответ царя Адара поставил Моисея перед непростым выбором. Он мог принять его вызов и начать войну, но с учетом родства между двумя народами это была бы братоубийственная война. Но он мог и отступить и, сделав крюк, выйти сразу в степи Моава. И Моисей выбирает второе, снова уводя свой народ в безжизненные пески и камни пустыни. Это его решение вызывает вполне понятное недовольство народа:

«...И не было воды для общества, и собрались они против Моше и Аарона. И спорил народ с Моше и сказали так: "Лучше было умереть нам, как умерли наши братья пред Богом. Зачем привели вы собрание Бога в пустыню?! И зачем вывели нас из Египта?! чтобы привести нас в это дурное место, лишенное посева и смоковниц, и винограда, и фанатов. Да и воды нет для питья!"» (Чис. 20:2—5).

На первый взгляд перед нами — повторение уже не раз возникавшей в прошлом ситуации: столкнувшись с трудностями, народ обращается с претензиями к Аарону и Моисею, требуя от них эти трудности решить. И претензии вроде бы те же самые...

Но это — только на первый взгляд.

Стоит внимательнее вчитаться в текст, чтобы понять, какая огромная разница разделяет эти претензии и те, которые звучали 40 лет назад. Никто уже не требует от Моисея и Аарона вернуть их в Египет. На этот раз народное собрание возмущено другим: почему вместо того, чтобы вступить в бой с идуме-ями, приблизив народ тем самым к желанному обладанию обещанной землей, Моисей опять увел их в пустыню, в это «дурное место», где и воды-то для питья толком нет (то есть какая-то вода есть, но ее мало!)?!

Моисей считает, что столкновение с Идумеей было опасно? Но стоило ли вообще ему выводить народ из Египта, если он боится опасностей?! И не лучше ли пасть в бою, как те, кто послушался Моисея после истории с разведчиками, чем продолжать бродить по пустыне?!

Таким образом, это — совсем другой бунт, и Бог относится к нему, согласно комментаторам, совершенно по-другому. Однако высказанные в лицо претензии выводят Моисея из себя, и в гневе он перестает правильно воспринимать слова Бога и точно им следовать. Как следствие происходит одно из самых драматических, с точки зрения религиозного человека, событий Пятикнижия.

«И говорил Бог, обращаясь к Моше, так: "Возьми посох и созови все общество, ты и Аарон, брат твой, и скажите скале у них на глазах, чтобы дала она воду. И извлечешь ты для них воду из скалы и напоишь общество и скот их". И взял Моше посох, бывший перед Богом, как он и повелел ему. И созвали Моше и Аарон собрание перед скалой, и сказал им Моше: "Слушайте же строптивые: не из этой ли скалы извлечь нам для вас воду?" И поднял Моше руку свою, и ударил по скале посохом своим два раза, и обильно потекла вода, и пило общество и скот его..."» (Чис. 20:7—11).

Однако именно эти действия Моисея и вызывают, согласно Библии, такой гнев Бога, что он решает наказать и его, и его брата Аарона, лишив их права ввести евреев в Ханаан и увидеть своими глазами исполнение того, о чем они сами пророчествовали. Так, спустя 120 лет сбывается предсказание придворного астролога фараона — смерть к освободителю евреев приходит «от воды»:

«И сказал Бог, обращаясь к Моше и Аарону: "За то, что вы не поверили мне, чтобы ознаменовать святость Мою на глазах у сынов Израиля, не введете вы собрание это в страну, которую Я дал им!"...» (Чис. 20:12).

Вот как рассказывается этот эпизод в знаменитом сборнике «Агада» Х. Н. Бялика и И. Х. Равницкого:

«Злословия и издевательства продолжали преследовать Моисея. Когда стало известно, что Моисей готовится источить воду из скалы, злонамеренные люди начали вышучивать его, говоря:

— Что же, разве вы не знаете, что он был когда-то пастухом у Иофора, а пастухи большие мастера в поисках за водою. Моисей сначала отыщет родник, — а потом приведет нас туда и скажет: "Вот глядите, я из камня воду вам источу!" Хорошо, вот пред нами камень; пусть он из этого камня добьет нам воды, из другого камня не желаем! — и они толпами начали останавливаться у каждого камня.

Увидел это Моисей, и хотя Господь и повелел ему: "из любого камня, как они того пожелают, ты источи им воду", он, однако, будучи вне себя от гнева, крикнул:

— За мною ступайте!

И он дал себе клятву, что только из камня, который он сам выберет, он источит им воду.

"И поднял Моисей руку свою и ударил в скалу жезлом своим дважды".

После первого удара вода из скалы стала сочиться медленно, капля за каплей.

— Бен-Амрам! — закричали кругом голоса. — Этой воды хватит разве что для грудных младенцев или, в крайнем случае, для сейчас отлученных от груди детей.

Возмущенный их словами, Моисей ударил вторично в скалу, и обильным потоком хлынула вода»'.

В целом картина происшедшего вроде бы представляется вполне ясной: евреи снова, пусть уже по другим причинам, поставили под сомнение лидерство Моисея; нехватка воды стала еще одним поводом для выражения недовольства. Тогда Моисей повторяет то, что он уже один раз делал: находит источник воды, спрятанный под тонкой коркой известняка, и так как из-за всех брошенных ему упреков он приходит в ярость, то и вкладывает всю эту ярость в удар посохом по корке. Но, как свидетельствует устное предание, и после этого нашлись те, кто уже не верит в Божественность миссии Моисея, считает его просто ловким обманщиком, а чудо с водой объясняет так же, как потом будут объяснять его критики Библии: дескать, в бытность пастухом Моисей блестяще обучился такому способу добычи воды.

Однако все это совершенно не объясняет, в чем же именно заключался грех Моисея и Аарона, причем грех этот был, как следует из Библии, так велик, что »ни оба были приговорены Богом к смерти. Это — еще один из вопросов, проводящих границу между верующим и атеистом, ибо предлагаемое религиозными авторитетами объяснение, в чем именно состоит грех Моисея, для атеиста звучит совершенно нелепо.

Комментаторы Библии обращают внимание на то, что Бог велит Моисею сказать скале, чтобы она дала воду. Если бы Моисей, говорят они, продемонстрировал бы евреям, что просто сказанным словом, одной силой молитвы к Богу можно менять материальную природу вещей, это публичное чудо стало бы поворотным и в сознании евреев, и, возможно, всего человечества. Моисей, продолжают они далее, безусловно, не сомневался, в том, что Всевышний даст воду по его слову. Однако, впад в ярость и потеряв контроль над собой, он ударил по скале посохом, то есть подкрепил свои слова физическим действием, словно не верил и не доверял Творцу и тем самым не дал «ознаменовать Его святость» в глазах народа, не довел до абсолюта убеждение людей в силе простой молитвы. Кроме того, по мнению раввина Р. Ш. Гирша, грехом было в данном случае проявление гнева: что бы ни случилось, в какой бы сложной ситуации ни оказался подлинный политический лидер, он никогда не должен позволять эмоциям брать над собой верх и тем более плохо думать о своем народе и говорить с народом подобным образом. В этом смысле поведение Моисея и стоявшего рядом с ним Аарона оказывается недостойным лидеров — за что им следует наказание.

Вспомним, что в куда более тяжелой ситуации, во время пляски вокруг золотого тельца, Моисей повел себя совершенно иначе: демонстрируя внешне ярость и гнев, он продолжал любить народ, думать о нем и на самом деле действовал хладнокровно, тщательно продумывая каждый свой следующий шаг.

Следуя дальше по пустыне, евреи подошли к «горе Ор», месторасположение которой неизвестно: споры о том, о какой именно горе идет речь, продолжаются в научных кругах до сих пор. Некоторые отождествляют ее с горой Джебель-Неби-Ма-рун, что на арабском означает «гора пророка Аарона» — она расположена неподалеку от знаменитого древнего города Петры, в 90 километрах к югу от Мертвого моря. Другие считают, что речь идет о Джебель-Мадуре («горе огня»), находящейся к северо-западу от Мертвого моря. Здесь, у этой горы Ор, и пришло время умирать Аарону.

Чтобы читатель не упрекнул автора в излишней склонности к нагнетанию чудес, я снова позволю себе пространную цитату из «Агады» Бялика и Равницкого, пересказавших на русском языке этот широко известный фольклорный сюжет:

«Когда наступило время Аарону покинуть земной мир, Господь сказал Моисею:

— Иди к Аарону и скажи ему, что его час пришел.

Встал Моисей рано утром, подошел к шатру Аарона и стал звать его:

— Аарон, брат мой, выйди ко мне!

Вышел Аарон и спрашивает:

— Что заставило тебя встать так рано и прийти ко мне?

— Этой ночью, размышляя о мудрости божественной, я остановился над одним вопросом, которого я никак уяснить себе не мог. По этому поводу я и пришел к тебе.

— А какой это вопрос?

— На память я объяснить этого не могу; требуемое место находится в книге "Бытия". Принеси книгу эту, и почитаем ее.

Принес Аарон книгу "Бытия", и стали они вместе читать главу за главой, и после каждого повествования Аарон приговаривал:

— Как хорошо сделано все Господом, как прекрасно сотворено Им все на свете!

Когда дошли до рассказа о сотворении человека, Моисей заговорил:

— Что сказать об Адаме, который грехопадением дал смерти доступ к миру? И меня, который брал верх над духами небесными, и тебя, который был в силах ангела смерти останавливать — даже нас не тот ли ждет конец? Долго ли нам жить осталось?

— Недолго, брат мой!

Продолжая таким образом, Моисей постепенно подготовил Аарона к мысли о близости его кончины. Почувствовал Аарон, что приблизился час его и говорит:

— Не ввиду ли этого ты и разговор весь завел?

— Да, брат мой!

Видевшие Аарона в эту минуту заметили — точно умалился сразу рост его.

И взмолился Аарон:

— Сердце мое трепещет во мне, и ужасы смертные напали на меня.

— Готов ли ты к смерти? — продолжал Моисей.

— Я готов, — был ответ.

— Взойдем на гору Ор.

Поднялись на гору втроем: Моисей, Аарон и Елеазар, сын Аарона.

Видел это народ, но не знал, что идет Аарон в последний путь свой. "Господь призвал его на гору", — подумали израильтяне.»

На вершине горы открылась перед ними пещера. Они вошли туда и нашли там зажженный светильник и готовый, чудного вида фоб.

Начал Аарон снимать одежды свои; снимал одну за другою, и Елеазар надевал их на себя, а вокруг Аарона туман клубился, точно пеленою обвивал его.

— Брат мой! — воскликнул Моисей. — Когда умерла сестра наша, мы с тобой позаботились о ее пофегении; при твоей кончине находимся я и Елеазар. Кто же в мой смертный час будет находиться при мне?

В это мгновение раздался голос Предвечного:

— Клянусь, Я сам приму душу твою!

И сказал Моисей:

— Войди, брат мой, и ложись в фоб.

Аарон лег.

— Протяни руки свои, — продолжал Моисей. — Закрой глаза. Смежи уста.

Одно за другим исполнил Аарон. Тогда сошла Шехина, облобызала его — и отлетела от Аарона душа его.

Моисей и Елеазар склонились к усопшему и стали целовать ланиты его. Но сошло Облако Славы и заволокло фоб Аарона, а глас небесный прозвучал: "Удайтесь отсюда!" И едва Моисей и Елеазар вышли из пещеры, вход закрылся за ними.

Израильтяне стояли у подножия горы, ожидая их возвращения. Заметив сходящими с вершины Моисея и Елеазара и не видя между ними Аарона, стали недоумевать, предчувствуя недоброе. А народ любил Аарона за миролюбие и миротворчество его. Этой минутой воспользовался сатана и начал подсфегать народ против Моисея и Елеазара. Пошел ропот кругом. Одни говорили: "Это Моисей убил Аарона из зависти". Другие: "Убил его Елеазар, дабы поскорее унаследовать сан первосвященника". Третьи допускали возможность и естественной кончины его. Когда же приблизились Моисей и Елеазар, все окружили их и стали спрашивать:

— Куда девался Аарон?

— Господь принял его для жизни вечной, — отвечал Моисей.

— Мы не верим тебе! — закричал народ. — Он, быть может, обидное слово сказал тебе, и ты приговорил его к смерти.

С камнями в поднятых руках стал наступать народ на Моисея и Елеазара, угрожая тут же покончить с ними. И вдруг — открылась пещера; ангелы подняли гроб с телом Аарона и вознесли его высоко над землею. Медленно плыл гроб в лазурной тишине, и пение ангельское раздавалось вокруг него.

— Он отходит к миру, — пели ангелы, — да будет покоиться на ложе своем.

"И оплакивал смерть Аарона тридцать дней весь народ Из-раилев".

Плакали мужчины, плакали женщины. В то время как Моисей был неумолим в отношении малейшего правонарушения, Аарон кротостью своей очаровывал каждого. Никто от него не слышал "ты — грешник!" или "ты — грешница!". Встретится он с человеком злым, преступным, он первый обратится к нему с приветствием и слово ласковое скажет. Придет тому на ум дурное дело совершить, вспомнит он об Аароне и подумает: "Горе мне! Как же я после этого в лицо ему взгляну?" Или — узнает Аарон о распре между двумя людьми. Придет он к одному и говорит: "Вот ты в злобе на товарища своего, а послушал бы, что он втайне говорил про тебя: Сердце мое — говорит — сжимается от боли. Я глубоко раскаиваюсь и готов волосы на себе рвать от отчаяния, что не смею в глаза взглянуть товарищу моему, перед которым я один во всем виноват". И не уйдет, пока не увидит, что не осталось более ни капли злобы в душе этого человека. От него пойдет Аарон к другому с теми же увещательными и ласковыми словами. Встретятся эти люди и кинутся в объятия друг к другу. Вот почему смерть Аарона вызвала глубокую скорбь во всем народе»¹.

При всей наивности этой фольклорной истории из нее ясно видно, что если Аарон и в самом деле был любим народом, то Моисей такой любви не внушал — перед ним скорее трепетали, чем любили, зная по опыту, что любой бунт против него в итоге заканчивается наказанием бунтовщиков самим Богом; что в итоге Моисей всегда оказывается прав, а его противники навлекают несчастья и на свою голову, и на голову народа. Подлинное осознание народом величия своего вождя и масштабов его личности придет, как впрочем всегда бывает, уже после его смерти.

Как только еврейский стан, оплавав Аарона, двинулся дальше, на него из пустыни Негев налетел со своим отрядом царь небольшого города-государства Арада. Безусловно, месторасположение этого библейского Арада не совпадает с

расположением современного израильского города с таким же названием, однако, судя по всему, он находился недалеко от него.

Во всяком случае, большинство археологов отождествляют этот библейский Арад с раскопками Тель-Арада, находящегося в 21 километре к западу от Мертвого моря. Этот древний Арад, по всей видимости, был населен давними врагами евреев — амалекитянами. Трудно сказать, что именно побудило царя Арада напасть на евреев. Не исключено, что, когда он узнал о появлении огромной армии израильтян на подступах к Ханаану, у него просто сдали нервы, и он решил нанести превентивный удар. Возможно, он помнил о том, какую блестящую победу одержали амалекитяне над евреями чуть больше сорока лет назад, когда они гнали их до Хормы.

И поначалу казалось, что военная удача все еще на стороне амалекитян. За счет внезапности нанесенного им удара царь Арада смял арьергард израильтян и даже захватил в плен несколько десятков воинов. Но очень быстро выяснилось, что амалекитяне явно недооценили противника — шедшие в строгом боевом порядке, разбитые по коленам еврейские полки развернулись и пустились в погоню за уходящими с пленными и захваченной добычей амалекитянами. Последние попытались было сопротивляться, но это лишь еще больше раззадорило евреев — они начали гнать армию царя Арада все дальше и дальше, до Хормы.

Непонятно, была ли это та же самая Хорма, до которой в свое время гнали евреев, или евреи называли Хормой любое место, преданное ими разорению и запустению, но ясно одно: арадцы не сумели защитить своего города. Арад вместе со всеми прилегающими к нему городками и селами был разрушен до основания, а их население, вероятнее всего, уничтожено. Узнав о судьбе Арада, народы Ханаана, наконец, начали осознавать, с каким грозным врагом им придется иметь дело.

Разгромив армию Арада, Моисей тем не менее не стал продвигаться в Ханаан дальше с юга, а решил действовать в соответствии с тщательно разработанным планом и велел главам колен продолжать двигаться от горы Ор, где похоронили Аарона, в сторону Моава.

Здесь произошла одна любопытная история, которая вызывает определенную растерянность у комментаторов, а по мнению историков, однозначно доказывает, что монотеизм на том этапе еще не утвердился в сознании народа и даже такому ревнителю, как Моисей, время от времени приходилось идти на уступки прежним языческим взглядам и привычкам.

«Двинулись сыны Израиля от горы Ор по дороге Южного моря, чтобы обогнуть землю Эдома, и народ в пути стал падать духом. И высказывался народ против Бога и Моше: "Зачем вы нас вывели из Египта, чтобы умирать в пустыне? Нету здесь ни хлеба, ни воды! Опротивела нам эта несущественная пища!"

И послал Бог на народ ядовитых змей, и начали они жалить народ, и многие в Израиле умерли. Пришел народ к Моше и сказал: "Согрешили мы, высказываясь против Бога и против тебя. Помолись Богу и пусть Он заберет от нас змей".

Когда стал Моше молиться за народ, Бог сказал Моше: "Сделай себе образ ядовитого змея и помести его на знамя. Всякий ужаленный посмотрит на него и будет жить". Сделал Моше медного змея, поместил его на высоком шесте, и когда змея кусала человека, тот смотрел на медного змея и оставался жив...» (Чис. 20:4-9).

Все комментаторы сходятся на том, что на этот раз открытого бунта против Моисея не было — был уже не раз возникавший в народе ропот на скудость и однообразие рациона, основу которого составляла все та же манна: «И высказывался народ против Бога и Моше» — именно высказывался, а не бунтовал. Из всех комментаторов наиболее реалистичную картину происшедшего, видимо, и в самом деле близкую к тому, что произошло на самом деле, рисует Иегуда ха-Хасид.

По его мнению, решив разнообразить свою пищу, мужчины, не спросив Моисея, вышли за пределы стана на охоту, не зная, что просторы Негева, особенно в конце весны — начале лета, буквально кишат ядовитыми змеями. В результате многие из них были ужалены этими тварями, а некоторые умерли от их укусов. Далее они сами пришли к выводу, что Бог наказал их за недовольство и ропот против Него и Моисея, и прибежали к вождю с покаянием и просьбой о помощи: «Пришел народ к Моше и сказал: "Согрешили мы, высказываясь против Бога и против тебя. Помолись Богу и пусть Он заберет от нас змей"...»

И Моисей не только помолился об их исцелении, но и установил на шесте медного змея, чтобы люди помнили о том, какая опасность поджидает их за станом, и не покидали его.

Соглашаясь в целом с версией Иегуды ха-Хасида о том, какие события лежат в основе этого эпизода, критики Библии не принимают его объяснения по поводу назначения медного змея. По их мнению, еврейский ученый в данном случае просто нашел элегантное решение для возникающего в этом месте явного противоречия действий Моисея с первыми тремя из Десяти заповедей. На самом же деле, с их точки зрения, речь шла о не- ком идоле в образе змея, культ которого еще долго продолжала отправлять часть евреев или, по меньшей мере, о рецидивах этого культа.

Вот как трактовал данную историю И. И. Скворцов-Степанов, отстаивавший версию, что евреи окончательно пришли к монотеизму лишь спустя несколько веков после своего расселения на территории между морем/и Иорданом и личность Моисея, возможно, имеет реального прототипа, но сам его образ в Библии в значительной степени вымышлен.

«Таким образом, — писал он, — Ягве первоначально был племенным богом-предком только иудейского племени (колена) и присоединенных к нему чужих родовых групп... Североизраильские племена восприняли культ Ягве от иудейского населения лишь впоследствии, по возникновении израильского царства. Но даже и в области Иудеи Ягве не был единственным богом. Мы уже не говорим о том, что одна часть населения, храня предания о Синае, представляла Ягве и поклонялась ему в образе быка, а другая часть, под влиянием левитских воззрений, почитала его в образе пылающего столба пламени, подземного огня Кадеса (Кадеша. — П. Л.). Кроме того, в широких кругах находило еще и поклонение змея Нехуштана. Это, по всей вероятности, был бог какого-нибудь арабского или хананейского клана (рода), в свое время растворившегося в племени Иуды и передавшего ему свой культ. В "Четвертой книге Моисеевой"

(Чис. 21:4—8) рассказывается, что, когда народ стал роптать на Моисея, выведшего его в пустыню, где нет ни хлеба, ни воды, "послал Господь на народ ядовитых змей...".

...Это явным образом позднейшее объяснение культа змеи, возникшее в эпоху, когда уже утратилось представление о действительных источниках этого культа. Выходило, как будто и змее поклонялись по повелению Ягве и как будто культ змеи и был самого Ягве.

Позже, когда в Иерусалиме был построен Храм Ягве, там нашло себе место и "медное изображение" этой змеи, перед которым поставили жертвенник (кадильник). И лишь Езекия, царь Иудеи (около 700 лет до н. э.), как рассказывается в "Четвертой книге царств" (18:4), велел уничтожить этого идола и положил конец культу змеи.

Он (Езекия) отменил высоты (т. е. уничтожил жертвенники, устроенные на горах), разбил статуи, срубил дубраву (т. е. священную рощу) и истребил медного змея, которого сделал

Моисей, потому что до самих тех дней сыны Израилевы кадили ему и называли Нехуштан»¹.

И. И. Скворцов-Степанов допускает здесь одну явную ошибку: медный змей не был и не мог быть установлен в Иерусалимском храме, однако в целом его версия выглядит достаточно убедительно. Разумеется, она не может быть принята религиозным человеком, и потому религиозные авторитеты всегда настаивали, что водруженный на шесте медный змей для самого Моисея и для евреев того времени не был идолом и превратился в такового лишь впоследствии.

Для нас же важно, что все эти события произошли в самый канун военного похода, в который отправлялось огромное еврейское войско под предводительством Моисея.

В начале летнего месяца ава 2487 года (июль—август 1273 года до н. э.) израильтяне похоронили последних мужчин из поколения Исхода — тех, кто вышел из Египта вместе с Моисеем². Теперь в живых из них остались только трое — сам Моисей, Иисус Навин и вождь колена Иуды, Калев. Под руководством этих трех патриархов евреи двинулись на север и подошли к впадающей в Мертвое море речке Арнон, служащей границей между Моавом и Амореями (Эморея).

Теперь до Земли обетованной и в самом деле было, что называется, рукой подать — нужно только пройти через землю амореев, чтобы оказаться на берегу Иордана, прямо напротив Гильгала, находившегося всего в нескольких часах пешего перехода от Иерихона.

Современная академическая наука, как уже говорилось, в целом признает истинность описанных в Библии событий, хотя, конечно, рассматривает и трактует их в несколько ином свете. Значительная часть ученых сходится во мнении, что большую часть времени евреи, вышедшие из Египта, все же находились в оазисе Кадеш-Барнеа. Здесь, считают они, Моисей (или тот вождь, который стал его прототипом) начал объединять вокруг себя и заключать союзы с другими бродящими по пустыне семитскими племенами, соблазняя обещаниями раздела земли и добычи после завоевания Ханаана и спланировав их в единую армию. На основе этого военного союза племен и возник впоследствии единый еврейский народ.

Вот, к примеру, как видится ход описываемых событий известному советскому историку И. М. Дьяконову — автору главы, посвященной истории Палестины в фундаментальной «Истории Древнего мира»:

«...Конечно, в библейском тексте события с конца XIII по X в. до н. э. изложены со смещением, искажением исторической перспективы (что обычно для преданий), многие события забыты, многие однородные факты соединены в один, реальное перемешано с явными легендами. Тем не менее канву повествования, относящегося к событиям этого времени, как они описаны в библейских "Книге Иисуса Навина" и (в меньшей мере) в "Книге Судей", все-таки составляют воспоминания о действительных событиях, а не сказочные мотивы.

Очевидно, племенному вторжению в Заиорданье, а затем и собственно в Палестину должны были предшествовать консолидация племен и образование самого израильского племенного союза, почитавшего общее божество — Яхве. Районом консолидации был, очевидно, скотоводческий оазис Кадеш-Барнеа на севере Синайского полуострова; в этом предание, вероятно, отражает историческую действительность, но первоначальный состав племенного союза подлежит большому сомнению. Действительная картина вторжения, как она рисуется по археологическим данным, сильно отличается от рисуемого Библией согласного одновременного движения двенадцати племен...»¹

Для того чтобы оценить правдивость рассказа Библии, резонно также задаться вопросом о том, что же происходило в этот период в Египте, под властью которого находилась тогда Палестина, насколько военная и политическая ситуация того времени благоприятствовала реализации замысла Моисея.

Здесь мы вновь сталкиваемся с несколькими версиями хронологии этих событий. В. В. Струве, отождествлявший евреев с упоминаемыми в египетских хрониках хабиру, относил завоевание ими Палестины к более раннему периоду — ко времени смуты в период Эхнатона, примерно к 1400 году до н. э. Дошедшие до нас письма палестинских князьков, царьков и наместников, молящих фараона помочь им отбиться от воинственных хабиру (а таких писем и в самом деле было немало. — П. Л.), Струве трактует как свидетельства именно тех событий, которые запечатлены в последней книге Пятикнижия и в Книге Иисуса Навина. При этом Струве был убежден, что эта война была куда менее кровавой по сравнению с тем, как она описывается в Библии. По его версии, население палестинских городов, ненавидящее Египет за колоссальные поборы, встречало евреев едва ли не как освободителей. Горожане нередко сами открывали перед ними ворота городов и затем сливались с евреями¹.

Но давайте посмотрим, что происходило в Древнем Египте в то время, которое соответствует наиболее активному периоду деятельности Моисея, согласно еврейской хронологии событий, то есть в 1313—1273 годах до н. э. И тут возникает весьма интересная картина. Согласно самой распространенной точке зрения, это — как раз эпоха правления великого Рамсеса II, воцарившегося на престоле около 1300 года.

В этой датировке почти никто не сомневается, и если дело доходит до точных дат, то расхождения между исследователями оказываются минимальными. В авторитетной «Истории Древнего мира» время правления Рамсеса II определяется как 1300—1233 годы до н. э.² А. Менз сдвигает это время на год и дает даты 1301 — 1234 годы³. Брестед

и Тураев высказывают предположение, что Рамсес воцарился еще раньше — в 1302 году до н. э.⁴ Однако все эти вариации по существу ничего не меняют. Не случайно авторы академической «Истории Древнего мира» предпочитают в качестве времени воцарения Рамсеса II указывать «конец XIV или начало XIII века до н. э.»⁵.

Рамсес II, как известно, был великим воителем, вернувшим на какое-то время Египту прежнее величие. Однако в первые десятилетия своего правления Рамсес II, как известно, сосредоточился на войнах с хеттами и их союзниками за Сирию и Северную Палестину. При этом, очевидно, он двигался навстречу хеттам по приморской дороге, через Газу и Аскалон. Территория вокруг берегов Иордана, глубинные области Палестины, таким образом, его в тот момент не интересовали и были предоставлены сами себе. И, видимо, этим моментом и воспользовался Моисей для того, чтобы дать приказ своей армии выйти на войну.

Если исходить из этого совмещения наиболее употребляемых египетской и древнееврейской хронологий, то становится абсолютно понятной песня, прославляющая победы сына Рамсеса II Мернептаха, вступившего на престол после своего отца и скончавшегося в 1215 году до н. э., где говорится, что «Израиль обезлюдел, семени его нет, Палестина стала безвредной вдовой для Египта...».

Как уже указывалось в первой части книги, эта песня считается первым документальным источником, в котором упоминается Израиль. Однако при этом историки, считающие, что события Исхода произошли именно в царствование Мернептаха, недоумевают: почему об Израиле здесь говорится не только как о народе, но и как о стране, которая «обезлюдела»?!

Но в том-то и дело, что они считают, что это именно Мернептах нагнал евреев у Черного моря — и то, что сами евреи считали чудом и дарованной им Богом победой, на самом деле, дескать, считал своей победой Мернептах. Однако, исходя из предложенных выше предпосылок, всё объясняется куда проще: когда Мернептах предпринял этот поход (а это приблизительно 1225 год до н. э. или, если следовать Брестеду и Тураеву, 1223 год до н. э.), евреи уже несколько десятилетий жили в Палестине, ведя непрестанные войны как с филистимлянами, так и с некоторыми коренными народами. Эта междоусобица, разумеется, значительно облегчила Мернептаху его палестинскую кампанию, обернувшуюся, видимо, огромными жертвами среди всех народов, населявших эту местность.

Но к Моисею и Иисусу Навину Мернептах не имеет никакого отношения, а вот его отец, Рамсес II, своими походами на территорию нынешних Сирии и Ливана, видимо, существенно облегчил последним задачу взятия Ханаана.

Глава вторая. «КОГДА ВЫЙДЕШЬ НА ВОЙНУ...»

Как известно, Моисею не суждено было стать тем лидером, под началом которого евреи завоевали Ханаан, однако он, безусловно, был идейным вдохновителем похода, с самого начала объявив это завоевание главной целью исхода из Египта. При этом жестокость наставлений, которые Моисей от имени Бога дает евреям в Пятикнижии по поводу того, как следует вести эту войну, не может не поразить современного читателя:

«Когда приведет тебя Бог, Всесильный твой, в страну, в которую вступаешь, чтобы овладеть ею, то изгонит Он многие народы перед тобой: хеттов, и гиргашеев, и эмореет, и кнаане-ев, и призеет, и хивеев, и йевусеев. И когда отдаст их тебе Бог, Всесильный твой, и ты разгоришь, то уничтожь их. Не заключай с ними союза и не позволяй им жить у тебя. И не роднись с ними: дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего... Но вот как поступайте с ними: жертвенники их разбейте, и священные деревья их срубите, и изваяния их сожгите огнем...» (Втор. 7:1—5).

Чуть ниже, в той же последней книге Пятикнижия, данное повеление конкретизируется и выглядит еще более зловещим: «В городах же этих народов, которые Бог Всесильный Твой дает тебе в удел, не оставляй в живых ни души. Но уничтожь их: хеттов и эмореет, кнаанеев и призеет, хивеев и йевусеев, как повелел тебе Бог Всесильный твой...»

Итак, Моисей, если опираться только на эти слова и вырывать их из контекста, приказывает своему народу вести против жителей Ханаана подлинную войну на уничтожение. Войну, в которой не берут пленных, не щадят ни женщин, ни детей. Войну, от методов ведения которой и в самом деле кровь стынет в жилах.

Эти слова Пятикнижия не раз вызывали и, несомненно, еще не раз вызовут в будущем рассуждения о некоей особой еврейской жестокости, о том, что, заявляя на протяжении тысячелетий о своем неотъемлемом историческом праве на Святую землю, евреи сами пришли туда как захватчики, истребив коренное население. Воинствующие атеисты из этих слов Пятикнижия не раз делали вывод, что иудаизм, а также выросшие из него христианство и ислам «одобряют кровавые войны».

В связи с этим можно заметить, что сегодня практически ни один народ в мире не живет на той земле, где жили его предки, где начали формироваться язык и специфические антропологические особенности. Почти все современные народы некогда пришли в те страны, где они сегодня проживают, как завоеватели, начисто уничтожив коренное население либо произведя такое уничтожение частично и ассимилировав оставшихся в живых. Ничего не поделаешь — именно так велись войны, причем относительно и не в таком далеком прошлом, и эти страшные страницы просто невозможно вычеркнуть из истории человечества. Разница между всеми этими войнами и завоеванием Ханаана заключается лишь в том, что другие захватчики обычно не оставляли письменных памятников о сражениях и через два-три поколения объявляли себя коренными жителями завоеванной страны.

Одним из последних по времени подобных геноцидов, перед которым меркнут даже ужасы преступлений нацистов в годы Второй мировой войны, стало уничтожение коренных жителей Америки, на крови и костях которых сегодня существуют и процветают США, Канада и другие страны.

Однако, соглашаясь отчасти с этими доводами, многие критики Торы напоминают о том, что в период исхода евреев из Египта на Ближнем Востоке уже существовали мощные цивилизации, которые тоже, безусловно, вели друг с другом войны, причем достаточно кровавые, однако они уже находились на том уровне развития, когда полное физическое истребление противника считается недопустимым. То, что ведомый Моисеем народ исповедовал именно такую, самую

жестокую из всех возможных, практику ведения войны, с их точки зрения, доказывает, что евреи в тот период, несмотря на монотеизм, стояли, с позиций гуманизма, на более низкой культурной ступени, чем остальные народы региона. И не удивительно, что эти самые народы смотрели на евреев также, как спустя тысячелетия культурные оседлые народы будут смотреть на гуннов, скифов, варягов, моголов и т. д. — как на диких, пугающих своей жестокостью и разрушающих цивилизацию варваров. Надпись на обнаруженной археологами древней стеле «Мы — те, кто бежал от разбойника Иисуса Навина» подтверждает как факт вторжения евреев в Ханаан под предводительством этого героя Библии, так и отношение хананеев к этим захватчикам.

Однако для того, чтобы уяснить, как же обстояло дело на самом деле, стоит взглянуть на эту войну глазами Моисея, его современников и его далеких потомков, а также попытаться понять, что происходило в те давние времена в действительности.

После битвы с армией четырех царей Бог, приоткрывая перед Авраамом ход будущей истории, вновь повторяет это обещание:

«В тот день заключил Бог Авраамом союз, сказав: "Потомству твоему отдам Я эту страну, от реки Египетской до великой реки Прат: кейнеев, и кнзеев, и кадмонеев, и хеттов, и призеев, и рефаим, и эмореев, и кнаанеев, и гиргашеев, и йевусеев"..."» (Быт. 15:18-21).

Впоследствии Авраам закрепляет свое право и право своих потомков на эту землю, купив у хеттов огромное поле в Хевроне. Далее, согласно Библии, Бог подтверждает данный Им обет Аврааму в откровениях, данных его сыну Исааку и внуку Иакову:

«...И вышел Иаков из Беэр-Шевы и пошел в Харан. И пришел водно место и переночевал там... И снилось ему: вот лестница стоит на земле, а верх ее достигает неба, и вот ангелы Всесильного восходят и спускаются по ней. И вот Бог стоит над ним и говорит: "Я — Бог Всесильный Авраама, отца твоего, и Всесильный Ицхака. Землю, на которой ты лежишь, тебе отдам и потомству твоему"..."» (Быт. 18:10—13).

Вернувшись в Ханаан после двадцати лет жизни у своего тестя Лавана, Иаков первым делом покупает за огромную сумму большой земельный участок близ Шхема, расширяя таким образом наследственные наделы своей семьи.

И, наконец, вспомним, что о своем завете с Авраамом, Исааком и Иаковым и об обещании передать землю хананеев Бог говорит уже во время своего первого явления Моисею:

«И сказал Бог: "Увидел Я бедствие народа Моего, который в Египте, и услышал вопль его из-за притеснителей, ибо познал Я боль его. И сошел Я спасти его из-под власти Египта и привести его из той страны в страну прекрасную и просторную — страну, текущую молоком и медом: на место кнаанеев, и хеттов, и эмореев, и призеев, и хивеев, и йевусеев"..."» (Исх. 3:7—9).

Таким образом, согласно Библии, евреи на протяжении всего времени египетского рабства продолжали помнить о той стране, из которой они пришли в Египет, сохраняли с ней экзистенциальную связь и верили, что рано или поздно вернутся в эту землю и станут ее полноправными хозяевами. Причем право на обладание этой землей они обуславливали ссылкой на Единого Бога: будучи Творцом всей Вселенной, Он, следовательно, является и единственным ее хозяином, и именно Он — Тот, кто наделяет народы их землей, и Тот, кто вправе отнять у них эту землю.

Любопытно, что археологические находки последнего времени в прилегающих к пустыне Негев районах Израиля подтверждают, что протоеврейские племена жили в районах Ханаана в глубокой древности, однако затем по непонятным пока ученым причинам (вполне возможно, что и из-за затянувшейся на много лет засухи¹) были вынуждены покинуть эту местность и двинуться в сторону Египта. При этом их переселение было внезапным или рассматривалось ими как временное — в своих домах они оставили всю утварь. Это косвенно указывает на то, что, возможно, предки евреев покинули Ханаан не из-за голода, как об этом повествуется в Книге Бытия, а были попросту изгнаны какими-то пришельцами. В этом случае не удивительно, что они сохранили "память о земле своего Исхода, и тогда само еврейское завоевание Ханаана выглядит как «реконкиста» — отвоевание у захватчиков потерянной родины. Этим отчасти может быть объяснена и та жестокость, к которой призывал евреев Моисей.

Однако Пятикнижие Моисеево рассматривает Землю обетованную и заповедь уничтожения проживающих в ней хана-нейских народов и с другой стороны — с той точки зрения, что эта земля является священной, неким особым духовно-мистическим центром мира. И потому нарушение Божественных норм морали живущими там людьми Богу особенно отвратительно. В Пятикнижии неоднократно подчеркивается, что хотя по уровню развития материальной цивилизации народы Ханаана не уступали египтянам, но при этом были куда больше их, до омерзения распущенны в сексуальном отношении, превратив животную похоть в основную движущую силу своего повседневного поведения. Об этом прямо говорится в главе Книги Левит, посвященной запретным сексуальным отношениям:

«Не оскверняйтесь ничем этим, ибо всем этим осквернялись народы, которых Я изгоняю от вас. И осквернилась страна, и Я взыскал с нее за вину ее, и исторгла страна живущих в ней. Вы же соблюдайте установления мои и законы мои и не делайте ничего из этих мерзостей, ни житель страны, ни пришелец, живущий среди вас. Ибо все эти мерзости делали люди этой страны, бывшие до вас, и осквернилась страна. И не исторгнет страна вас, когда вы оскверните ее, как исторгла она народ, бывший до вас, ибо всякий, кто сделает какую-либо из этих мерзостей — души делающих это отторгнуты будут из среды народа их. Соблюдайте же предостережение Мое, чтобы не поступать по гнусным обычаям, которые совершались прежде вас, дабы не осквернялись ими: Я — Бог, Всесильный ваш» (Лев. 18:24-30).

Именно то, что народы Ханаана погрязли в разврате и их языческие культы включали в себя человеческие жертвоприношения, и лишило их, с точки зрения Библии, самого права на существование. Таким образом — и в этом, видимо, заключалась «концепция Моисея» — право евреев на Святую землю обуславливается двумя факторами: во-первых, данным Богом обещанием их праотцам, а, во-вторых, утратой права на эту землю живших на ней народов.

«И когда будет Бог изгонять их перед тобой, не говорите себе: "За заслуги мои Бог привел меня овладеть этой землей". За преступления народов этих изгоняет их Бог перед тобой. Не за праведность твою и прямодушие ты

приходишь овладеть этой землей, а из-за преступности этих народов, которые Бог изгоняет перед тобой, и чтобы сдержать слово, которым поклялся Бог твоим отцам Аврааму, Ицхаку и Якову. Осознай же, что не за праведность твою Бог дает тебе эту землю хорошую во владение, ибо ты очень упрямый народ...» (Втор. 31:4—6).

В христианском богословии получила довольно большое распространение мысль о том, что данные законы были введены в Библию только потому, что соответствовали уровню сознания евреев того времени. Ни Моисей, ни тем более сам Бог их, дескать, не одобряли. Оставляя в стороне проблематичность такого утверждения с теософской точки зрения, напомним читателю, что язычество само по себе было отвратительно Моисею, а два его аспекта внушали ему особое омерзение: человеческие жертвоприношения и сексуальная распущенность. Те, кто предавался этим грехам, в его глазах не просто не имели права на существование, но и подлежали уничтожению, чтобы эта мерзость не распространялась среди других людей. Поэтому нет никакого сомнения, что указание о тотальном уничтожении погрязших в этих грехах народов было отдано именно Моисеем и, как ни абсурдно для современного читателя это прозвучит, оно не только не вступало в конфликт с его гуманистическими убеждениями, но и находилось с ними в полном согласии. То, что это указание не было выполнено Иисусом Навином и его армией (и именно из гуманистических соображений), было как раз нарушением завещания Моисея.

Следует также заметить, что, согласно основанной на тексте Библии еврейской концепции, земля Израиля вообще не может принадлежать какому-либо народу полностью — она находится в исключительной собственности Бога. Тот, в свою очередь, храня верность своему союзу с еврейским народом, передает эту землю ему в пользование — но с требованием соблюдения всех условий этого союза. В случае же нарушения евреями этих условий и уподобления их хоть в чем-то хананейским народам, они, как и хананеи, лишатся родины и будут изгнаны, «извергнуты землей» и обречены на рассеяние по всему миру.

«Уведет Бог тебя и избранного тобой царя к народу, неизвестному тебе и твоим отцам, и там будешь служить тем, кто идолам поклоняются, дереву и камню. Станут ужасаться тебе, будешь притчей и посмешищем среди всех народов, куда Бог приведет тебя... Будет жизнь твоя висеть на волоске, днем и ночью ты будешь в таком ужасе, что не будешь верить, что ты жив...» (Втор. 28:38, 66).

По Библии, разница между хананеями и евреями заключается только в одном — изгнав еврейский народ, Всевышний, помня о своем союзе с ним, во-первых, не даст удержаться в обетованной им земле ни одному другому народу, а, во-вторых, снова вернет в эту землю евреев, как только они расскаются и очистятся от своих грехов:

«Спросят все народы: "За что Бог сделал такое с этой землей? В чем причина столь великого гнева?" И ответят они: "Потому что они оставили союз, который Бог, Господь их отцов, заключил с ними, когда вывел Он их из Египта... Бог явил гнев против этого народа, наведя на них всё проклятие, что записано в этой книге. Бог изгнал их с этой земли с гневом, в ярости и в великом негодовании и забросил Он их в другую страну, где они остаются по сей день..."

Придет время... и вернешься ты к Богу, твоему Господу, и будешь слушаться, делая все, что Я заповедую тебе сегодня. И расскаетесь ты и дети твои от всего сердца и всей души. Бог тогда возвратит то, что осталось от вас, и помилует вас. Бог, Господь твой, соберет тебя опять из всех народов, среди которых рассеял тебя. Даже если будет твое рассеяние до краев небес, Бог, Господь твой, соберет тебя оттуда и возьмет обратно тебя...» (Втор. 29:23—24; 30:2-3).

Таким образом, ни Моисей, ни идущие за ним евреи, безусловно, не сомневались в своем праве на Ханаан и в справедливости той войны, которую они ведут. Однако, согласно мидрашу, евреи отнюдь не собирались полностью уничтожать местные народы. Мидраш сообщает, что перед началом похода на Ханаан Иисус Навин направил его царям письмо, в котором уведомлял их о своем намерении захватить их земли. В этом же письме он предлагал им либо покинуть страну и отправиться всем народом на поиски нового местожительства, либо отказаться от идолопоклонства и в этом случае мирно жить бок о бок с евреями. Но, предупреждал далее Иисус Навин, народ, который осмелится выйти на войну с евреями, будет уничтожен до основания.

Достаточно пролистать страницы Книги Судей, Книгу пророка Самуила и другие книги Библии, чтобы убедиться, что коренные народы Ханаана не только не были уничтожены в ходе той военной кампании, но и еще на протяжении многих столетий жили рядом с евреями, увы, подчас далеко не лучшим образом влияя на них. При этом они явно пользовались теми же имущественными и гражданскими правами, что и захватившие их земли евреи. К примеру, царь Давид, живший спустя три столетия после Моисея, купил, согласно Библии, землю для будущего Иерусалимского храма у богатого йевусея, то есть представителя того самого народа, который, согласно Пятикнижию, должен был быть уничтожен.

Все это давно уже заставляет историков предполагать, что грозные призывы к полному уничтожению покоренных народов, звучащие в Библии, никогда не были осуществлены евреями и их целью, вероятнее всего, было достижение психологического эффекта запугивания. Более того — по мнению этих историков, картина завоевания евреями Ханаана, описываемая в Книге Иисуса Навина, во многом вымышлена. Евреи, по их мнению, вторглись в Ханаан, который к тому времени уже был значительно ослаблен и опустошен войнами с соседями. При этом постепенно расселявшиеся здесь пришедшие из пустыни израильтяне чаще всего избегали открытых столкновений с армиями местных царей, а предпочитали селиться на развалинах разрушенных городов и деревень, заново отстраивая их, либо на пустынных местностях. Лишь с течением времени, по мере роста их численности и объединения еврейских племен, они начали частично вытеснять, а частично ассимилировать хананеев, но все равно до поголовного уничтожения последних дело не доходило.

Здесь, думается, крайне важно отметить, что законодательство Моисея включало в себя и законы ведения войны, на основе которых и действовала еврейская армия, а также политические лидеры и военачальники еврейского народа. И эти законы, безусловно, заслуживают того, чтобы остановиться на них особо.

Первое и главное правило ведения любой войны, согласно Пятикнижию, заключается в том, что «Когда подступишь ты к городу, чтобы завоевать его, то предложи ему мир. И будет, если он ответит тебе миром и отворит тебе, то пусть весь народ, который находится в нем, платит тебе дань и служит тебе...» (Втор. 20:11).

Безусловно, в данном случае речь идет о завоевательной войне, то есть войне по овладению Ханааном, однако правило, по которому следует любому противнику предлагать мир (даже в том случае, если проведена мобилизация армии и войска проделали немалый путь), считалось общим для любой войны.

«Танах» (Ветхий Завет) неоднократно объявляет мир высшей ценностью, рассматривает существование народа в мире как одно из главных благ, и не случайно все пророки представляли будущие мессианские времена прежде всего как эпоху наступления всеобщего мира. j-

Далее следует закон, который в тексте касается только ханаанских городов, но в принципе носит всеобщий характер: если город, против которого ведется война, отказался принять условия мира, то его следует осадить, но осадить лишь с трех сторон — оставив четвертую свободной, чтобы те жители города, которые пожелают его покинуть, могли бы беспрепятственно это сделать. Что касается правила об уничтожении всех жителей города, не пожелавших ни сдаться, ни покинуть его, то оно действительно касается исключительно городов тех семи ханаанских народов, которые должны были быть уничтожены, ибо так, по словам Моисея, повелел Бог.

Более того — Закон Моисеев запрещает во время войны уничтожать растущие вокруг осажденного города плодовые деревья:

«Если осаждать будешь город долгое время, чтобы взять его, то не порти деревьев его, поднимая на них топор, потому что от него ты ешь, и его не срубай. Ибо разве дерево полевое — это человек, чтобы уйти от тебя в крепость? Только дерево, о котором ты знаешь, что плоды его несъедобны, его можешь срубить, чтобы строить осадные башни против города, который ведет с тобой войну, пока не покоришь его» (Втор. 20:19—20).

По одному из мнений, этот закон продиктован прежде всего заботой о жителях осажденного города: рано или поздно осада с него будет снята и обитателям города понадобится пища. В этом случае растущие за городом фруктовые деревья могут оказать существенную помощь горожанам. К тому же выращивание одного такого дерева требует достаточно долгого времени, то есть, вырубая фруктовые деревья, нападающая сторона наказывает своего противника на несколько лет вперед, что, безусловно, несправедливо.

Чрезвычайно любопытен закон, предписывающий гуманное отношение к пленным, и прежде всего к приглянувшейся воину плененной чужеземке:

«Когда выйдешь ты на войну против врагов твоих, и отдаст их Бог, Всесильный твой, в руки твои, и возьмешь у них гшених, и увидишь среди пленных женщину красивую, и возжелаешь ее, и захочешь взять в жены, то приведи ее в дом свой, и пусть она обреет голову свою и не стрижет ногти свои, и снимет с себя одежду пленницы, и пусть сидит в доме твоём и оплакивает отца своего и мать свою месяц. А затем войдешь к ней и станешь мужем ее, и она будет тебе женою. Если же случится, что ты не захочешь ее, то отпусти ее, куда она пожелает, но не продавай ее за серебро, не издевайся над нею, ибо ты принудил ее...» (Втор. 21:10—14).

Большинство комментаторов отмечают, что этот закон прежде всего призван стоять на страже запрета на брак еврея с иноплеменницей. Пятикнижие признает, что у войны — свои законы; оказавшись на войне, мужчина нередко забывает о традициях и обычаях своих предков и вопреки им может увлечься женщиной из чужого народа, овладеть ею, а затем и привезти на родину, чтобы на ней жениться. В этом случае Библия предлагает еврейскому мужчине в течение месяца проверить силу своего чувства. Если после того как женщина обреет голову и в течение месяца будет сидеть в рубище, будучи лишена возможности пользоваться косметикой и вообще ухаживать за своим телом, мужчина все равно захочет на ней жениться, значит, женщина должна пройти церемонию гиюра — перехода в еврейство, — после чего они смогут сочетаться браком по еврейскому обряду.

Однако если захвативший ее в плен мужчина вдруг охладит к своей пленнице, ему все равно запрещено дурно обращаться с ней и продавать ее как рабыню. Нет, он должен просто отпустить ее на свободу и дать ей на первое время денег, так как это из-за него она оказалась вдали от родных мест в столь бедственном положении. И это уже, согласитесь, чрезвычайно гуманный закон, особенно с учетом нравов народов древности. В целом, как отмечал отец Александр Мень, «ветхозаветные правила ведения войны были довольно мягкими, даже в сравнении с нынешним временем»¹. Многие из них стали общепризнанными лишь после принятия нынешних международных законов о правилах ведения войны, а до некоторых человечество до сих пор не доросло.

Наконец, необычайно интересными представляются принципы, на основе которых Моисей построил свою армию и с которыми вел ее в бой.

Как описывается во Второзаконии (20:1—9), перед началом сражения перед армией выступал «коэн машиах» — специально «помазанный» на войну священнослужитель. Прежде всего он призывал воинов не бояться противника, даже если он более многочислен и лучше вооружен, напоминая им, что исход сражения на самом деле зависит от Бога, который не оставит Свой народ, если тот, в свою очередь, хранит верность Его заповедям. Затем этот «коэн машиах» обращался к армии со следующим призывом: «Тот, кто построил новый дом, но не справил в нем новоселья; тот, кто насадил виноградник, но не дождался его плодов; тот, кто обручился с девушкой, но не успел жениться на ней, или тот, кто женился, но прожил с женой меньше года; наконец, тот, кто простр боится идти в бой, пусть выйдет из строя».

- Такое общее обращение избавляло находившихся в армии трусов от позора — ведь никто не знал, по каким именно конкретным причинам тот или иной мужчина не хочет идти на войну. Но одновременно этот призыв и избавлял армию от тех, кто в данный момент не желал воевать, боялся за свою жизнь, а значит, в бою мог впасть в панику и ввести в это состояние своих товарищей.

Таким образом, этот принцип, с одной стороны, был продиктован заботой о людях, о сохранении рода (считалось крайне важным не допустить, чтобы мужчина погиб на войне, не оставив после себя потомства), а заодно значительно усиливал боеспособность армии.

Вышедшие из строя после призыва «коэна машиаха» мужчины не покидали армию, но составляли ее тыловые части, призванные обеспечивать боевые подразделения всем необходимым.

Еще один любопытный закон касается поведения солдат внутри и вокруг воинского стана:

«Когда выйдешь ты станом против врагов твоих, то берегись всего дурного. Если будет у тебя человек, который нечист от случившегося ночью, то пусть выйдет он за пределы стана и не входит в стан. А к вечеру пусть омоется он водой, а когда зайдет солнце, может войти в стан. И место пусть будет у тебя вне стана, и будешь туда выходить. И пусть будет у тебя лопатка на перевязи твоей, и когда будешь садиться снаружи, копай ею и закрой испражнение свое. Ибо Бог, Всесильный твой, ходит среди стана твоего, чтобы избавлять тебя и низлагать врагов твоих перед тобой: пусть даже будет стан твой свят: чтобы не увидел он у тебя наготы и не отступился от тебя» (Втор. 10-15).

Этот закон соблюдать чистоту внутри стана, удалять за его пределы на сутки тех, у кого было замечено ночное истечение семени или признаки какого-либо кожного или другого заболевания, а также устроить специальное место для отправления естественных надобностей и обязать каждого солдата выкапывать перед испражнением ямку, а затем тщательно закапывать свои нечистоты... Так вот этот закон на протяжении многих столетий служил, да и сегодня служит поводом для иронии со стороны воинствующих атеистов, отказывающихся понять, какое дело может быть Богу до того, как человек отправляет свои естественные надобности.

Вот, к примеру, с каким сарказмом писал об этом законе Моисей Ем. Ярославский в своей знаменитой «Библии для верующих и неверующих»: «Бог, оказывается, и этим занимается... Бедный еврейско-христианский бог! Ничего другого его дикарский ум не мог придумать, кроме ямки, куда испражняться, и лопаточки, чтобы засыпать эту ямку!»¹

Но в том-то и дело, что Моисей в своем кодексе законов касался поистине всех аспектов человеческой жизни. И даже если отбросить в сторону комментарии, согласно которым данный отрывок Библии требует от каждого солдата соблюдения не только физической, но и нравственной чистоты, то нельзя не признать, что этот закон позволял предотвращать распространение внутри воинского стана различных инфекционных заболеваний, от которых на протяжении всей истории погибло куда больше воинов, чем от рук врага.

Ну а для того, чтобы осознать всю новаторскую суть этого закона, стоит вспомнить, что не только в древности, но и вплоть до недавнего времени у многих народов Запада и Востока не было принято стесняться естественного отправления своих нужд, а первые закрытые туалеты появились всего два- три столетия назад. Из-за их отсутствия вплоть до Нового времени даже в таких европейских столицах, как Париж, Вена, Прага, на улицах, особенно летом, стояла ужасающая вонь. И в этом отношении знаменитый еврейский квартал Праги являл собой резкий контраст с другими районами города — в нем «не пахло». И объяснялось это тем, что еще в древности у евреев было принято строить во дворах домов и в общественных местах пусть и поначалу весьма примитивные, но все же туалеты; и у евреев считалось постыдным справлять любую, даже малую нужду на виду у всех. В Талмуде эта стеснительность объявляется тем признаком, по которому еврей может почти безошибочно опознать другого еврея.

Таким образом, даже в этой, может быть, и не самой эстетичной, но неотъемлемой части человеческой жизни Моисей тоже умудрился совершить «маленькую революцию».

Глава третья. В СТЕПЯХ МОАВА.

Земли, тянущиеся за рекой Арнон, на самом деле не были исконно аморрейскими — эта полоса длиной около 90 километров была отвоевана амореями (эмореем) во главе с их царем Сигоном (Сихоном) у тех же моавитян. Так здесь, на восточном берегу Иордана, возникло новое государство со столицей в большом и хорошо укрепленном городе Есевоне (Хешбоне). На севере царство Сигбна граничило с царством Васан (Башан), простиравшимся до Галлада (Галаад, Гиллад, на еврейском — Гильад), от которого Васан отделяла гора Хер-мон. По Иосифу Флавию, царство Ога включало в себя и Гал-лад, то есть современные Голанские высоты.

Согласно еврейской легенде, Сигон и Ог были братьями-великанами, родившимися еще до Всемирного потопа от одного из ангелов, принявшего человеческий облик и жившего на Земле. Они с двумя другими великанами уцелели во время Потопа, уцепившись за Ноев ковчег. По другой легенде, великаном был только Ог, а Сигон был простым человеком, его другом. Если принять на веру первую из этих легенд, то и Сигону, и Огу было в то время по 700—800 лет. Чтобы читатель получил представление об их росте (согласно легенде, разумеется), скажем, что длина легендарной железной кровати Ога составляла больше четырех метров. Об этой кровати мельком упоминается в завершающей книге Пятикнижия — Второзаконии: «Ибо только Ог, царь Башана, уцелел из всех исполинов. Вот колыбель его, железная колыбель, та, что в Рабат-Бней-Амоне: девять локтей длина ее и четыре локтя ширина ее, по локтю мужескому...» (Втор. 3:11).

Верный установленным им законам ведения войны Моисей направил к Сигону послов с предложением мира и просьбой дать ему беспрепятственно пройти со своей армией через его земли, чтобы выйти на восточный берег Иордана.

«И отправил Израиль послов к Сихону, царю эмореев со следующим посланием: "Дай нам пройти через твою страну. Не свернем мы ни к полям, ни к виноградникам и не будем пить из колодцев воды. Мы проследуем Царским путем, пока не пройдем через твои пределы"» (Чис. 21:21).

Таким образом, Моисей снова гарантирует (на этот раз уже далеким от евреев по крови амореям), что его народ пройдет через их страну, не причинив ее жителям никакого материального ущерба. Однако, очевидно, Сигон к тому времени уже был связан некими обязательствами с царями стран, расположенных на западном берегу Иордана и потому на просьбу Моисея ответил резким отказом. Сразу после этого Сигон направил Огу и царям Заиордания письмо с просьбой о помощи и выступил со своей армией в поход против начавших наступление на его страну израильтян. Две армии столкнулись лицом к лицу у Яаца — небольшой крепости, расположенной в десяти километрах от Есевона.

По мнению ряда библеистов, в этом и заключалась стратегическая ошибка Сигона: ему ни в коем случае нельзя было встречаться со значительно превосходящим его в численности противником на открытой местности. Лучшее, что он мог

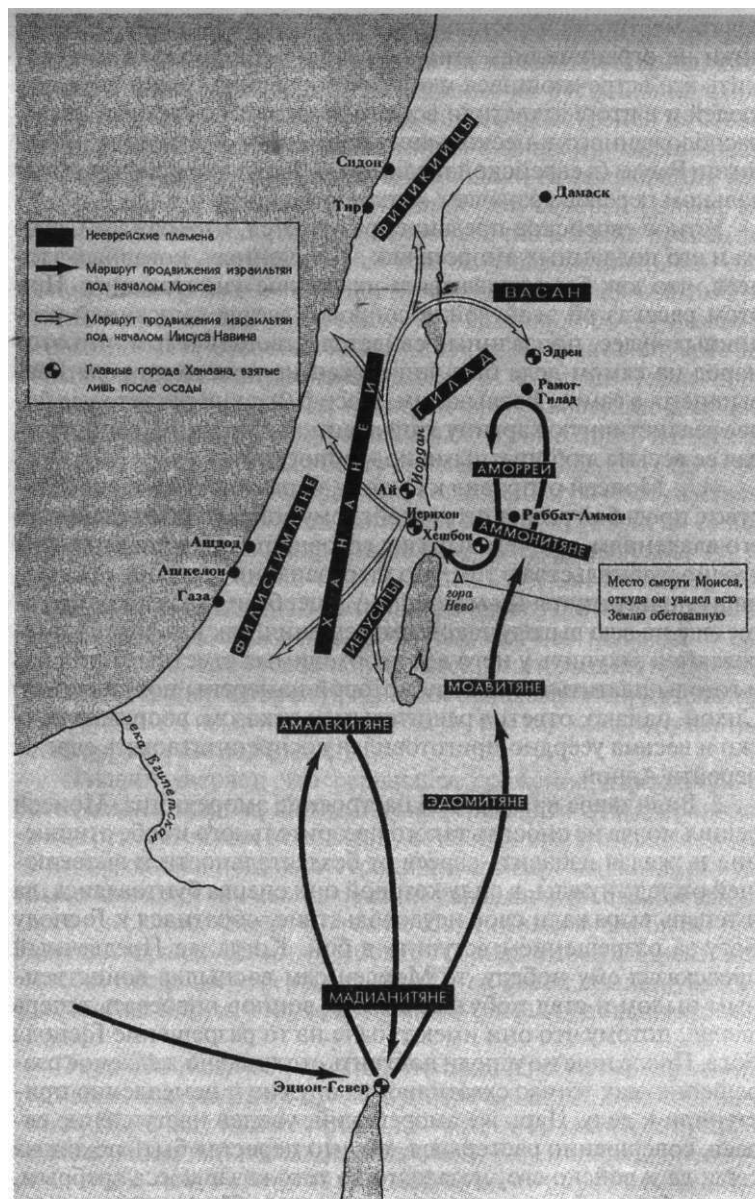
сделать в сложившейся ситуации, — это попытаться отсидеться за мощными стенами Есевона-Хешбона. У израильтян, как наверняка помнит читатель, на тот момент не было никакого опыта штурма крепостей, так что у Есевона они бы увязли надолго. А к этому времени к городу подошли бы армии союзников Сигона и ударили бы по армии Моисея с тыла. Однако Сигон, как уже было сказано, вывел армию в поле и тем самым обрек себя на поражение.

По всей видимости, очень скоро израильтяне смяли первые ряды армии Сигона и обратили ее в бегство. По другой версии, аморреи бросились бежать, даже не вступив в битву — ужаснувшись численности надвигающейся на них армии. Преследование отступавших аморреев продолжалось до Васана, то есть заняло путь в десять километров, и тут начал сказываться то, что привыкшие к долгим странствиям по пустыне евреи оказались куда выносливее. Нагоняя аморрейских воинов, евреи безжалостно убивали их, не обременяя себя пленными. В итоге, когда жалкие остатки аморрейской армии добежали до Васана, они не успели захлопнуть за собой ворота и в город ворвались солдаты Моисея. Началась страшная резня, в результате которой — если верить Пятикнижию — все местное население было уничтожено. Сам Сигон погиб в городе во время уличных боев.

Это истребление заиорданских аморреев продолжалось и дальше, до тех пор пока армия израильтян не подошла к реке Ябок, с севера отделяющей царство Сигона от Васана, а с востока — от родственных израильтянам аммонитян, с которыми Моисей воевать не собирался.

Опустошив аморейское государство, евреи стали его полновластными хозяевами. По существу, у них впервые появилась земля, на которой они могли осесть: «И поселился Израиль в стране аморреев» (Чис. 21:25).

Однако Моисей решил не останавливаться на достигнутом и послал небольшой отряд дальше, на север, приказав ему

Вероятный маршрут продвижения израильтян в Ханаан по М. Гилберту (Гилберт М. Атлас по истории еврейского народа. Иерусалим, 1990. С. 20)

разведать местность и составить подробное описание. Но разведчики не ограничились этим поручением, а продолжили громить все встречающиеся на пути аморейские села и вырезать людей и в итоге захватили все земли вплоть до городка Язера, расположенного в нескольких километрах от столицы аммонитян Раввы (в еврейской традиции — Рават-Аммон, что в буквальном переводе означает «столица Аммона»).

Устное еврейское предание, разумеется, изображает Сигона и его подданных амореев как законченных, коварных злодеев, что как бы оправдывает их полное уничтожение. При этом рассказ об этой войне сопровождается описанием различных чудес, призванных свидетельствовать о том, что этот народ на самом деле был уничтожен не просто по воле Всевышнего, а самим Всевышним. Иосиф Флавий рисует куда более реалистичную картину этой военной кампании, сопровождая ее весьма любопытными подробностями.

«1. Моисей отправил к Сихону, царю той страны, посольство с просьбой разрешить еврейскому войску прохождение по его владениям, причем выразил готовность представить какие угодно ручательства в том, что ни страна, ни подданные Сихона не подвергнутся ни малейшему ущербу, и указал, кроме того, еще на всю выгоду такого разрешения, так как евреи намереваются закупить у него все необходимые съестные припасы и готовы платить им за воду, которой намерены пользоваться. Сихон, однако, ответил решительным отказом, вооружил войско и весьма усердно приготовился воспрепятствовать евреям перейти Арнон.

2. Видя такое враждебное настроение амореянина, Моисей решил молча не сносить такого презрительного к себе отношения и, желая избавить евреев от бездеятельности и вытекающей отсюда нужды, в силу которой они сперва бунтовались, да и теперь выражали свое неудовольствие, обратился к Господу Богу за разрешением вступить в бой. Когда же Предвечный предсказал ему победу, то Моисей сам воспылал воинственным пылом и стал побуждать своих воинов повоевать теперь вволю, потому что они имеют ныне на то разрешение Господа Бога. Последние не успели получить столь давно желаемое разрешение, как тотчас схватились за оружие и немедленно приступили к делу. Царь же аморейский, увидев наступление евреев, совершенно растерялся, так что перестал быть похож на себя, да и войско его, незадолго до того казавшееся храбрым, теперь было объято паническим страхом. Поэтому амореяне даже не решились дожидаться открытого боя и нападения со стороны евреев, но обратились тотчас же в бегство, видя в последнем более надежное средство спасения, чем в рукопашном бое. Они рассчитывали на прочные укрепления своих городов, которые, однако, не принесли им ни малейшей пользы, когда они пытались скрыться за ними: видя их отступление, евреи тотчас пустились за ними в погоню, вмиг расстроили их боевой порядок и нагнали на них панику. И в то время, как амореяне в ужасе бежали в города, не прекращали преследования их и охотно подвергались теперь трудностям, которые раньше подорвали бы их силы; а так как они отлично владели пращами и вообще ловко обращались со всякого рода метательным оружием, да и, кроме того, легкость вооружения облегчала им преследование, то они либо настигали врагов, либо поражали из ' пращей и метательными копьями тех из неприятелей, которые были слишком далеко, чтобы захватить их в плен. Таким образом произошло массовое избиение врагов; бегущие вдобавок очень страдали от полученных ран; кроме того, их мучила ужасная жажда, гораздо более сильная, чем у евреев (дело происходило в летнее время); и вот, когда большую массу амореян пригнало к реке желание напиться, евреи окружили их со всех сторон и перебили их дротиками и стрелами из луков. Тут же пал и царь аморейский Сихон. Евреи же стали снимать с убитых оружие, овладели богатой добычей и захватили огромное количество съестных припасов, так как все поля были еще полны хлеба. Еврейское войско беспрепятственно проходило по всей стране, забирая припасы и овладевая неприятельскими городами, чему ничто не мешало, так как все вооруженные силы врагов были перебиты...»¹

Флавий уверяет, что решающее сражение израильтян со следующим врагом, царем Васана великаном Огом, произошло на реке Ябок или неподалеку от нее. Ог выступил на помощь Сигону, однако подошел к границам его царства, когда все уже было кончено, так как завоевание евреями этой страны заняло всего несколько дней. Согласно Пятикнижию, эта битва произошла гораздо севернее Ябока, у города Едреи (Эдреи). Устное же предание утверждает, что Ог со своей армией укрылся за стенами Едреи, к которым армия Моисея подошла глубокой ночью.

Утром Моисей обнаружил, что одна из стен города намного выше, чем казалось при ее осмотре накануне в ночной темноте. Поначалу Моисей решил, что за ночь защитники Едреи сумели значительно надстроить стену. Ему понадобилось время, чтобы понять, что на городской стене сидит сам великан Ог, решивший метнуть в евреев огромный камень, на самом деле, целую скалу. Однако Бог послал мириады муравьев, которые проделали в этой скале огромную дыру — так, что сквозь эту дыру скала опустилась на плечи Ога, и великан уже не смог поднять ее и так и застыл, словно прирос к земле. Воспользовавшись этим, Моисей подпрыгнул и своим боевым топором ударил по лодыжкам Ога, перерубив их. Кровь ручьем хлынула из раны царя Васана, и вскоре он скончался, после чего начался разгром его, оставшегося без предводителя, войска.

Но это, повторим, легенда.

Пятикнижие сообщает о завоевании Васана предельно кратко, однако из этого описания ясно следует, что израильтяне расправились с его населением столь же беспощадно, как и с амореями:

«И повернули они, и поднялись по дороге в Башан. И выступил Ог, царь Башана, против них, он со всем народом своим на сражение в Эдреи. И сказал Бог, обращаясь к Моше: "Не бойся его, ибо в руку твою передаю Я его, и весь народ его, и страну его. И сделай с ним, как сделал ты с Сихоном, царем эмореев, жившим в Хешбоне". И поразили они его, и сыновей его, и весь народ его, не оставив у него ни одного уцелевшего. И овладели страной его» (Чис. 21: 33—35).

Теперь под властью израильтян оказалась вся Трансиордания с ее необычайно плодородными землями. Но для Моисея она, безусловно, была прежде всего прекрасным плацдармом

для решающего броска к заветной цели.

«Исследуя область Иордана в поисках доказательства подлинности библейского текста, — пишет Келлер, — ученые обнаружили сооружения примечательного типа, уже встречавшиеся ранее в других местах. Это были знаменитые мегалитические камерные гробницы, или дольмены, сложенные из высоких овальных камней, перекрытых массивными горизонтальными блоками. Они использовались для захоронения покойников. Тот факт, что эти грандиозные памятники древней культуры встречаются также в Индии, Восточной Азии и даже на островах южных морей, объясняют массовыми миграциями населения в доисторический период.

В 1918 году немецкий ученый Густав Далман обнаружил недалеко от Аммана, современной столицы Иордании, дольмен, вызвавший огромный интерес научной общественности. Дело в том, что эта находка удивительным образом пролиvalа свет на загадочный фрагмент библейского текста. Амман стоит в точности на месте древней Раввы. В Библии о царе-исполине Оге говорится следующее: "Вот одр его железный и теперь в Равве, у сынов аммоновых: длина его девять локтей и ширина четыре локтя, локтей мужеских" (Втор. 3:11). Размеры дольмена, обнаруженного Далманом, приблизительно совпадают с этими мерками. Этот "одр" был сложен из базальта — исключительно твердого серо-черного камня. Вид подобной гробницы с большой вероятностью мог породить библейское описание "железного одра" царя-исполина. Дальнейшие исследования показали, что дольмены встречаются в Палестине часто, особенно в Трансиордании, к северу от реки Джабок (ныне Адж-лун, в Библии — Ябок. — *п. л.*). Более тысячи таких древних памятников были найдены на травянистых нагорьях. Местность к северу от Джабока, по словам Библии, и есть та страна, которой правил васанский царь Ог...

К западу от Иордана дольмены встречаются только в окрестностях Хеврона. Разведчики, которых Моисей послал из Кадеса, "пошли в южную страну и дошли до Хеврона... там видели... исполинов, сынов Енаковых, от исполинского рода" (Чис. 13:23, 34). Вероятно, они видели каменные гробницы, обнаруженные уже в наши дни в Хевроне, близ "Долины Винограда"...

Сразу после рассказа о разгроме Васанского царства Библия переходит к повествованию о царе Моава Валаке (Балаке), пригласившем пророка Валаама проклясть израильтян, раскинувших свой стан на границе его царства.

История о чудесной Валаамовой ослице настолько неправдоподобна и вместе с тем сам рассказ о взаимоотношениях Валаама и Валаама настолько психологически яростен и поэтичен, что многие библеисты считают эту часть Книги Чисел попросту великолепной вставной новеллой, призванной еще раз подчеркнуть Всомогущество Бога и Его любовь к избранному Им народу Израиля. Даже некоторые глубоко религиозные еврейские философы и комментаторы Священного Писания считали, что эту историю нельзя понимать буквально, ее нужно воспринимать как некую аллeгорию. Заговорившая ослица и ангел, вставший с мечом на пути Валаама, по их мнению, символизируют, соответственно, низменное, животное и высокое, духовное начала, сосуществовавшие в Валааме, но в определенный момент объединившиеся, чтобы не дать ему пойти против воли Бога.

Ряд других выдающихся еврейских религиозных философов, таких как Рамбам или Рамхаль, считают, что говорящая ослица либо приснилась Валааму, либо хотя ослица и в самом деле говорила с ним, но это было мысленное, так сказать, телепатическое общение, то есть Валаам слышал ее голос «внутренним слухом».

И все же классическая точка зрения заключается в том, что весь этот рассказ следует понимать буквально: был визит послов Моава и Мадиама к Валааму; был разговор Валаама с Богом; были и говорящая ослица с ангелом, ибо Бог захотел, чтобы ослица заговорила, а для Него нет ничего невозможного.

Спор о том, какая из этих версий права, бессмыслен, так как ни одна из точек зрения в данном случае совершенно недоказуема. Тем не менее, думается, читателю будет любопытно взглянуть на все происходящее глазами Библии и еврейского устного предания, у которых, разумеется, свой угол зрения и своя логика.

Как уже говорилось, Моисей не собирался нападать ни на Моав, ни на отстоявший еще дальше от Ханаана Мадиама, однако сами моавитяне и мадианитяне об этом не знали. Евреи были для них дикими кочевниками, варварами, которые уже жестоко расправились с их соседями и в любой момент могли вторгнуться в пределы их стран. Любому, кто подъезжал к границе Моава и поднимался на близлежащие холмы, открывался вид на раскинутые всего в нескольких километрах от этой границы шатры израильтян. Этих шатров было так много, что они тянулись до горизонта и, казалось, не поддаются исчислению. Эта бесчисленность потенциального врага повергала моавитян в панический ужас. Они понимали, что естественным путем, с помощью одной лишь военной силы такого противника не одолеть, а значит, нужно сначала ослабить его с помощью колдовства, магии, силы проклятия; лишить этого врага покровительства его богов и попытаться завоевать это покровительство самим. В эти дни царь моавитян Валак, бывший, как утверждает мидраш, могущественным магом, и вспомнил о Валааме.

Разумеется, Валак обратился именно к Валааму не случайно. Узнав, что евреи верят в существование единственного Бога, он вспомнил, что Валаам придерживается... той же веры и даже когда-то вещал от имени этого Бога, а значит, он сможет найти с этим Богом общий язык.

Талмуд говорит, что сведения, которыми обладал Валак, были совершенно достоверными: Валаам и в самом деле был монотеистом. Будучи потомком Лавана Арамеянина, зятя праотца еврейского народа Иакова, Валаам еще в юности приобщился к сохранявшемуся со времен Ноя знанию о том, что в мире существует только один Бог. Таким образом, он оказался в числе тех великих людей, принадлежавших к разным народам, которые задолго до Моисея и независимо от праотцев евреев исповедовали веру в Господа — таких, какими были Мельхиседек, Иов, Иофор и некоторые другие.

Больше того — постигнув идею единственности Бога, Валаам сумел подняться на такую духовную высоту, что получил право общаться с Всевышним, то есть достиг пророческого уровня.

Однако если уже упоминавшиеся здесь Мельхиседек, Иов и Иофор, также обладавшие глубокими эзотерическими знаниями, до конца жизни были абсолютными праведниками и сохраняли нравственную чистоту, то Валаам решил использовать эти свои знания для личного обогащения. С этого момента он утратил дар пророчества и превратился в обычного колдуна, способного манипулировать некими потусторонними, нематериальными силами. Впрочем, нет — не в обычного, а в великого колдуна, и в этом качестве он и служил в свое время у египетского фараона. В этом же качестве он был призван Сигоном проклясть Моав, и моавитяне верили, что именно проклятие Валаама помогло Сигону овладеть принадлежавшими им до этого Есевом и его окрестностями.

Поэтому, повторим, нет ничего удивительного в том, что на собранном Валаком экстренном совете старейшин и князей Моава и Мадиама было решено поддержать предложение последнего и купить магические услуги Валаама для

победы над евреями — так же как некогда Сигон купил его услуги для победы над моавитянами. И сразу по окончании этого совещания представительная моавитяно-медиамская делегация выехала к Валааму:

«А Балак, сын Ципора, в то время был царем Моава. И отправил он послов к Валааму, сыну Беора, в Птор, который у реки, в стране сынов народа его, чтобы позвать его, сказав: "Вот народ вышел из Египта, и вот покрыл он лик земли и расположился напротив меня. А теперь, прошу, пойд и прокляни мне народ этот, ибо он сильнее меня! Может быть, смогу я разбить его и изгнать его из страны. Ведь я знаю, кого ты благословишь — тот благословен, а кого проклянешь — тот проклят". И пошли старейшины Моава и старейшины Мидьяна с приспособлениями для колдовства в руках их, и пришли к Валааму, и передали ему слова Балака. И сказал он им: "Переночуйте здесь эту ночь, и дам я вам ответ, как говорить будет мне Бог"....» (Чис. 22:4—8).

Ночью Валаам впервые за много лет пытается выйти на связь с Богом и к своему удивлению получает ответ: Всевышний категорически запрещает ему идти в Моав и проклинать «народ этот». Однако утром Валаам не говорит посланцам Валака прямо, что Бог запретил ему проклинать евреев, а заявляет им, что «не хочет Бог позволить мне идти с вами».

Когда послы передают этот ответ Валаама Валаку, тот понимает его однозначно: колдун отказал ему исключительно потому, что обещанной ему платы оказалось недостаточно. А значит, надо пообещать ему еще большую награду. И Валак отправляет к Валааму вторую делегацию с обещанием оказать ему «великие почести» и сделать «все, что скажешь», в обмен на проклятие израильтян.

И тут в душе Валаама природная жадность начинает бороться со страхом перед Богом. С одной стороны, он пытается объяснить посланцам царя моавитян, что со Всевышним не шутят, что вопреки принятым у язычников представлениям человек не может действовать против Его воли, так как любая подобная попытка обречена. С другой стороны, внутренний голос начинает убеждать его, что Бог на самом деле не так уж всемогущ, всеведущ и непоколебим, каким Он сам любит представляться, что действительно умный человек вполне может «переиграть» Его.

И подчиняясь этому голосу, Валаам просит послов Валака остаться еще на одну ночь, чтобы он снова мог вопрошить Бога и попытаться переубедить его.

И Всевышний, видя упрямство Валаама, говорит ему: «Ладно, если ты так хочешь пойти с этими людьми, то иди с ними, но знай, что делать ты будешь только то, что Я тебе скажу!»

Так рано утром Валаам отправляется в путь на своей любимой ослице — любимой во многих смыслах этого слова, ибо разъезжая на ней днем, он скотоложествовал с ней по ночам, так что это животное было ему по-настоящему близко. Однако, восседая на ослице, Валаам не переставал размышлять о том, каким образом он может перехитрить Бога, но так как Богу известны все тайные помыслы человека, то увидев, о чем думает Валаам, Он разгневался и послал ангела остановить его.

Дальше, наверное, лучше всего будет просто процитировать Библию:

«И воспыал гнев Всесильного за то, что он пошел, и стал ангел Бога на дороге в помеху ему, а он ехал на ослице своей и два отрока его с ним. И увидела ослица ангела Бога, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке его, и свернула ослица с дороги и пошла-по полю, и ударил Валаим ослицу, чтобы вернуть ее на дорогу. И стал ангел Бога на тропинке между виноградниками — забор с одной стороны и забор — с другой. И увидела ослица ангела Бога, и прижалась к стене, и прижала ногу Валаама к стене, и он снова ударил ее. А ангел Бога прошел дальше и стал на тесном месте, где не было пути, чтобы свернуть вправо или влево. И увидела ослица ангела Бога и легла она под Валаамом, и воспыал гнев Валаама и он ударил ослицу палкой. И отверз Бог уста ослицы, и сказала она Валааму: "Что сделала я тебе, что ты бил меня три раза?" И сказал Валаам ослице: "Ведь издевалась ты надо мной. Будь в руке моей меч, тотчас убил бы я тебя!" И сказала ослица Валааму: "Но ведь я же ослица твоя, на которой ты ездил издавна до сего дня! Разве было у меня обыкновение так поступать с тобою?" И сказал он: "Нет". И открыл Бог глаза Валаама, и увидел он ангела, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке его, и преклонился он, и пал ниц. И сказал ему ангел Бога: "За что бил ты ослицу твою уже три раза? Ведь это я вышел помехою, ибо крута была дорога передо мною. И увидела меня ослица. И свернула от меня три раза; если бы не свернула бы она от тебя, то я бы тотчас бы убил тебя, а ее оставил в живых". И сказал Валаам ангелу Бога: "Согрешил я, ибо не знал я, что ты стоишь передо мной на дороге. Теперь же, если тебе это неужгодно, то я возвращусь обратно". И сказал ангел Бога Валааму: "Иди с этими людьми, но только то, что я говорить буду тебе, то говори!"....» (Чис. 22:22—35).

Описание дальнейших действий Валаама напоминает обычные языческие ритуалы, принятые у вавилонян, ассирийцев, греков и других народов древности: стремясь задобрить богов и добиться их благосклонности, жрецы сначала приносят им обильные жертвы, а затем пытаются войти в транс и в этом состоянии возвестить «волю богов».

Валаам проделывает то же самое, но, несмотря на все его усилия, вместо проклятий с его уст срываются благословения. В пророческом трансе он предсказывает еврейскому народу вечное существование, победу над всеми его врагами, спокойную и благополучную жизнь на обещанной Богом земле.

Эти благословения Валаама самым внимательным образом анализируются многими выдающимися религиозными авторами; одно из них («Как прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Израиль...») религиозные евреи произносят каждое утро сразу после входа в синагогу.

Однако разбор благословений и пророчеств Валаама имеет весьма косвенное отношение к теме этой книги, и потому мы от него уклонимся. Скажем только, что Валак и Валаам несколько раз меняли место, с которого Валаам обзирал еврейский стан и на котором приносил жертвы на семи жертвенниках в надежде, что перемена места каким-то образом поменяет настроение Бога.

Наконец, после третьей неудачной попытки Валаама проклясть евреев Валак приходит в ярость. Он не желает слушать объяснений пророка, что в момент, когда царь ждет от него проклятий, Бог овладевает всем его существом и заставляет произносить то, что Он считает нужным.

В языческое сознание Валака такое просто не вмещается — он отказывается понимать, что в мире существует только одна Сила, управляющая не только природой, но и человеком и способная при желании полностью подчинить его

Своей воле. Ему непонятен Бог, которого нельзя подкупить; как непонятно и то, почему, если не удалось подкупить одного бога, нельзя подкупить другого?! В ярости он советует Валааму как можно скорее уносить ноги из своей страны, пока он не убил его:

«И разгневался Балак на Валаама, и всплеснул он руками своими, и сказал Балак Валааму: "Проклясть врагов моих призвал я тебя, а ты вот благословил три раза. А теперь беги к себе! Думал я оказать тебе почести, но вот Бог лишил тебя почестей"…» (Чис. 24:10-11).

Валаам действительно сделал вид, что отправился к себе домой, однако на самом деле остался в соседнем Мадиаме. Здесь он собрал местных князей и объявил им, что у него возник совершенно замечательный план, с помощью которого можно сделать евреев ненавистными Богу, после чего Он сам проклянет Свой народ и отвернется от него.

В тот же день посланник из Мадиама прибыл к Валаку, чтобы передать ему письмо с планом Валаама. поколением израильтян легкие льняные ткани, пиво и крепкие вина, изготовленные из напоенного солнцем местного винограда; различные плоды и пряности; оружие и украшения — словом, всё, чем славился Моав среди народов, живших по обе стороны Иордана. И, разумеется, евреи просто не могли удержаться от соблазна посетить этот рынок, на котором вскоре развернулась бойкая торговля.

Стоявшие у входа в превращенные в торговые лавки шатры молодые, соблазнительно одетые моавитянки и мадианитянки зазывали внутрь покупателей, прелагали им различные товары, делали огромные скидки, угощали вином... Нередко прямо там, в шатре, рассматривание товаров и дегустация вин заканчивались любовным соитием.

Кроме того, моавитяне оказались необычайно гостеприимными. Вдобавок ко всему, они были, напомним, семитами, родственным евреям народом, говорившим на необычайно близком к ивриту языке, так что языкового барьера между продавцами и покупателями на этом рынке почти или вообще не существовало.

Прошло несколько дней — и многие евреи стали часто ездить из Шитима в Моав в гости к тамошним жителям, устраивавшим роскошные пиры в честь новых соседей. Сам царь Валак устроил пир в честь вождей еврейских племен, и некоторые из них, в том числе и Шлумиэль бен Цуришадай по прозвищу Зимри, откликнулись на это приглашение. На этом пиру Зимри заметил дочь Валака, красавицу Хазву (Козби), и девушка приглянулась ему. Заметив это, Валак подошел к Зимри и сказал, что с удовольствием даст свое согласие на брак дочери с еврейским вождем, так как это положит начало подлинному братанию между и без того родственными народами.

Пир продолжался изо дня в день и заканчивался, как правило, дикими сексуальными оргиями, а также поклонением Ваал-Фегору (Бааль-Пеору) — одному из богов Моава. Говоря словами Талмуда, в Моаве евреи блудили «как черви», то есть попросту удовлетворяли обуявшую их животную похоть с любой моавитянкой, которая подворачивалась им под руку.

Что касается Ваал-Фегора, то он, согласно устной еврейской традиции, был богом, всячески поощрявшим плотские удовольствия, и одним из видов служения Фегору было публичное отправление перед его идолом естественных надобностей. Многие евреи не видели в том, что они отправляют малую и большую нужду неподалеку от идола, никакого идолопоклонства, хотя более гнусный обряд поистине трудно было и придумать.

В этом и заключался, утверждают все те же еврейские источники, план Валаама: он решил разложить израильтян морально, побудить их преступить заповеди своей религии — и таким образом лишиться покровительства Бога.

И гнев Бога не замедлил последовать: в еврейском стане разразилась новая эпидемия: сильные взрослые мужчины вдруг начали умирать один за другим по совершенно непонятной причине.

Впрочем, наверное, на все это можно посмотреть и по-другому — не исключено, что никакого изначально злодейского, тонкого умысла в действиях моавитян и мадианитян не было. И рынок, который они раскинули близ Шитима, был самым обычным рынком, из тех, которые на Ближнем Востоке испокон веков раскидывали в начале осени — самом благодатном времени года в этом регионе. В сущности, каждый такой рынок напоминал огромный палаточный город, часть шатров которого составляли торговые лавки, а часть — публичные дома и харчевни. Были здесь и палатки всевозможных прорицателей и колдунов, гадавших на будущее, снимавших или насылавших порчу и т. д.

Буйный вихрь этой ярмарки увлек многих евреев. Они и в самом деле охотно пользовались услугами моавитянок и профессиональных проституток из Мадиама; вступали в деловые и личные контакты с моавитянами; охотно отзывались на приглашение прийти в гости и т. д. Не исключено, что в результате сексуальных контактов с моавитянками многие еврейские мужчины заражались каким-то неизвестным им до этого венерическим заболеванием. Не умея, в отличие от моавитян, вовремя заметить его симптомы, не зная методов лечения, заразившиеся мужчины умирали...

Словом, это была обычная встреча двух родственных и живущих по соседству народов, которых затем было немало в человеческой истории. Скажем больше: именно такие контакты между соседними древними племенами, возникновение между ними родственных, экономических, культурных и других связей в итоге и закладывали основу для возникновения большинства современных наций. Однако Моисей, безусловно, смотрел на все происходившее совершенно иначе.

Он прекрасно понимал, насколько шатки еще в сознании народа заложенные им представления о Боге как Творце и Владыке Вселенной, единственном, кто направляет человеческую историю, устанавливает абсолютные законы, по которым должно жить человеческое общество, и т. д. Контакт с моавитянами, знакомство евреев с их разнузданными куклами могли привести к крушению дела всей его жизни, которая (и он, видимо, это чувствовал) подходила к концу. Именно осознав всю опасность исходящей от моавитян угрозы, Моисей впервые за многие годы повелел объявить общий сбор в стане.

Выступив на этом сборе с пламенной речью против тех, кто блудодействует с моавитянками и мадианитянками, а также поклоняется идолам Моава, обвинив их в предательстве Бога, Моисей объяснил — и, видимо, небезосновательно — начавшийся в стане мор именно этим грехом. В заключение своей речи пророк потребовал, чтобы каждое колено выявило в своей среде таких грешников и предало бы их смертной казни через повешение или побитие камнями.

Однако призыв Моисея Тс массовой расправе с развратни-ками и отступниками не встретил особой поддержки в народе. Особенно бурно свое недовольство призывами Моисея выражали люди колена Симеона, шатры которых располагались в Шитиме и которые особенно близко сошлись с иноплемениками. Они заявили, что не видят в любви к женщинам другого народа никакого греха, а потому не только не казнят тех, кто спал с женщинами Моава и Мадиама, но и, если другие колена потребуют их выдачи для казни, будут защищать своих братьев с оружием в руках.

Чтобы продемонстрировать, что он и его люди не собираются подчиняться указу Моисея и не видят ничего плохого в контактах с моавитянами и мадианитянами, даже в родстве с ними, вождь колена Симеона Зимри привел в стан дочь Вала-ка Хазву и объявил ее своей женой.

— Моисей утверждает, что нам запрещены браки с женщинами из других народов. Но разве он сам не женат на мадиани-тянке, разве его жена не является дочерью мадиамского жреца Иофора?! Моя невеста Хазва — дочь царя Валака, по рождению такого же мадианитянина, как и Иофор. Так в чем разница между моей невестой и женой Моисея?! Какое он вообще имеет право указывать, с кем нам спать?! — спросил Зимри прежде, чем ввести Хазву в брачный шатер, и эти его слова были встречены громкими возгласами одобрения.

Моисею, говорят комментаторы, конечно, было что возразить на обвинение Зимри. Его Сепфора не была язычницей, кроме того, она выразила желание стать частью еврейского народа, да и вступил он с ней в брак еще до Синайского откровения, когда подобные браки не были запрещены евреям Богом. Однако он понимал, что в глазах толпы довод Зимри обладает убийственной правотой и народ вряд ли захочет слушать его оправдания. А потому он лишь низко склонил голову и молчал. И его молчание невольно повергло старейшин в панику, ибо они тоже понимали всю опасность происходящего, а в такие минуты нет ничего опаснее, чем растерянность и бездействие лидера.

И тут Финеес (в еврейском прочтении — Пинхас), внук

Аарона, неожиданно, на глазах у толпы, схватил копье и даже не вошел, а ворвался внутрь брачного шатра Зимри. Увидев, что тот совокупляется с Хазвой, лежа на ней сверху, Финеес вонзил копье в анус Зимри с такой силой, что, пройдя через его тело, оно вонзилось в чрево Хазвы и вошло глубоко во внутренности мадианитянки. Зимри и Хазва еще корчились в последней агонии, когда Финеес выволок их нанизанными на копье из шатра на всеобщее обозрение.

Жестокость этого убийства потрясла евреев.

Колено Симеона было в ярости — по их мнению, Финеес, сын Елеазара-коэна, совершил самый настоящий самосуд, на который не имел никакого права. Единственным мотивом, которым руководствовался Финеес, убив Зимри и Хазву в момент любовного соития, считали они, было желание вступить за честь Моисея, приходившегося ему родным дядей. В то, что ярость Финееса объяснялась исключительно религиозным рвением, жадной наказать человека, посмеявшегося публично нарушить заповеди Всевышнего, люди колена Симеона не верили. Не верили, тем более что меньше всего на роль такого ревнителя подходил Финеес, родившийся от брака его отца Елеазара... с мадианитянкой. И хотя мать Финееса, как и ее соплеменница Сепфора, приняла еврейство, Финеес по этой причине был лишен права быть козном — ведь согласно переданному Богом через Моисея закону, правом на принадлежность к священническому сословию обладал лишь сын коэна, рожденный только от еврейки по крови, которая к тому же, выходя за него замуж, всенепременно должна быть девственницей или, на худой конец, вдовой. Сын коэна от разведенной женщины или от женщины, принявшей еврейство, уже козном не являлся и служить в Храме не мог.

Однако поступок Финееса, как уже бывало в прошлом, вывел из состояния апатии и растерянности левитов и возглавляемый Иисусом Навином отряд личной охраны Моисея. Сам Моисей объявил, что Бог только что говорил с ним и сообщил ему, что, несмотря на всю его внешнюю отвратительность, поступок Финееса угоден Богу, который уже готов был истребить евреев. Но из-за того, что среди них есть такие люди, как Финеес, Он прощает народ. Финеес же в награду за свой самоотверженный поступок получает право служить в Храме, то есть быть козном, и особую защиту от Бога.

Все рассказанное выше представляет собой пересказ устного народного предания. В самой Библии об этих событиях говорится довольно кратко:

«И поселился Израиль в Шитиме, и начал народ распутничать с дочерьми Моава. И звали они народ приносить жертвы божествам их, и ел народ, и кланялся божествам их. И прилепился Израиль к Бааль-Пеору, и разгневался Бог на Израиль. И сказал Бог, обращаясь к Моше: "Созови всех глав народа и повесь тех, кто поклонялся Бааль-Пеору, сделай это во имя Бога под солнцем, и отвратится гнев Бога от Израиля". И сказал Моше судьям Израиля: "Убейте каждый людей своих, прилепившихся к Бааль-Пеору!" И вот один человек из сынов Израиля пришел и подвел к братьям своим мидьянитянку на глазах Моше и на глазах у всего общества сынов Израиля. А они плакали у входа в Шатер откровения. И увидел это Пинхас, "сын Эльазара, сына Аарона-коэна, и встал он из среды общества, и взял копье в руку свою, и пошел за израильянином в шатер, и пронзил их обоих, израильянина и женщину ту, в чрево ее, и прекратился мор среди сынов Израиля. И было умерших от мора двадцать четыре тысячи. И говорил Бог, обращаясь к Моше, так: "Пинхас, сын Эльазара, сына Аарона-коэна, отвратил гнев Мой от сынов Израиля, возревновал за Меня среди них, и не истребил Я сынов Израиля в ревности моей. И поэтому скажи: вот Я заключаю с ним Мой союз мира. И будет он ему и потомству его союзом вечного священнослужения за то, что возревновал он за Всесильного Своего и искупил вину сынов Израиля. А имя убитого израильянина, который убит был вместе с мидьянитянкой — Зимри, сын Салу, вождь отчего дома Шимона. А имя убитой мидьянитянки — Козби, дочь Цу-ра, главы племен отчих домов в Мидьяне"» (Чис. 25:1—14).

На дворе в это время стояла поздняя осень 2488 года от Сотворения мира, то есть 1272 год до н. э.

Дни Моисея уже были сочтены...

Глава четвертая. ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА.

Несмотря на то, что все события трех последних месяцев жизни Моисея вроде бы детально описаны в Библии, и еврейские, и христианские теологи поломали немало копий по поводу того, какова же была на самом деле их последовательность.

В основном этот вопрос возникает из-за того, что устное предание настаивает, с одной стороны, что в течение тридцати шести последних дней своей жизни, то есть с 1-го числа месяца швата по 6-е число месяца адара (то есть с 16 января по 22 февраля 1273 года до н. э.), Моисей ежедневно собирал евреев, чтобы зачитывать им последнюю, пятую книгу Торы.

Так как большую часть этой книги составляет повторение уже данных евреям законов и предупреждение о наказаниях за их нарушение, то это книга и получила в христианской традиции название Второзаконие.

Но одновременно те же источники утверждают, что Моисей скончался сразу же после окончания войны с мадианитянами. Это не раз повергало тех же теологов в недоумение.

Во-первых, руководить военной кампанией против мадианитян Моисей поручил Финеесу — и в то же время трудно поверить, что он зачитывал Второзаконие без Финееса, вошедшего после истории с Зимри и Хазвой в круг самых близких Моисею людей и ставшего одним из духовных лидеров нации.

Во-вторых, после окончания войны с мадианитянами Моисей успевает принять участие в распределении добычи: дожидается очищения воинов; выслушивает просьбу колен Рувима и Гада, пожелавших остаться в Заиорданье; обходит каждое колено, вручая ему свиток Пятикнижия, и благословляет его; передает властные полномочия Иисусу Навину, то есть совершает целый ряд действий, которые по определению он просто не мог успеть сделать в течение одного дня.

Эта некоторая растерянность теологов всегда вызывала определенное «злорадство» историков и критиков Библии. Те из них, кто убежден в реальности личности Моисея, делают из возникающей путаницы выводы, что на самом деле он умер совсем не той смертью, которая описана в Библии, и выдвигают по этому поводу самые разные гипотезы, с которыми мы еще познакомимся.

Сторонники точки зрения, по которой Моисей — мифическая фигура, у которой, возможно, был один или даже несколько прототипов, видят в этом доказательство того, что и история исхода, и завоевание евреями Ханаана, как это описано в Библии, и утверждение, что Моисей является автором полного и окончательного текста Пятикнижия, на самом деле не имеют под собой никаких оснований. К этим гипотезам мы еще вернемся чуть позже.

Пока же, если следовать логике библейского текста, сразу после мора Моисей приступает к новой переписи боееспособного населения, то есть всех мужчин старше двадцати лет.

Перепись проводилась с двумя вполне конкретными целями. Во-первых, для того, чтобы точно выяснить численность еврейской армии, которая должна вот-вот двинуться на Ханаан, а во-вторых, произвести предварительный, ориентировочный раздел земли, которую только предстоит захватить.

Поэтому на этот раз перепись сопровождалась составлением родословных книг, которые затем должны были послужить основой для раздела Земли обетованной.

Результаты переписи оказались следующими:

Колено Рувима насчитывало 43 730 взрослых мужчин.

Колено Симеона — 22 200 мужчин (оно потеряло больше всего людей в результате мора, разразившегося в Шитиме).

Колено Гада — 40 500 мужчин.

Колено Иуды — 76 500 мужчин.

Колено Иссахара — 64 300-муж*ин.

Колено Завулона — 60 500 мужчин.

Колено Манассии — 52 700 мужчин.

Колено Ефрема — 32 500 мужчин.

Колено Вениамина — 45 600 мужчин.

Колено Дана — 64 400 мужчин.

Колено Асира — 53 400 мужчин.

Колено Наффалима — 45 400 мужчин.

Таким образом, всего армия израильтян насчитывала 601 730 воинов.

Перепись левитов, которым не полагался отдельный земельный надел, была, как и прежде, проведена отдельно. Всего было насчитано 23 тысячи левитов старше одного месяца. При этом и комментаторы, и библеисты отмечают, что в этой переписи отсутствуют члены семьи Шими, происходящие от Гершона, сына Моисея, семья Узиэля, сына Кегата, и еще ряд других левитских семей, и это, безусловно, создает плодородную почву для домыслов о том, что с ними произошло.

После составления родословных книг, в которые были внесены все мужчины с указанием, к какому колону, к какому роду и к какой семье этого рода они принадлежат, Моисей созвал общее собрание стана и разъяснил, по какому принципу должна быть поделена земля, которую им предстояло завоевать.

Согласно его предложению, вся она должна была быть изначально поделена на 12 равных частей, и каждое колено должно было вытянуть жребий, чтобы определить, в какой именно части страны будет располагаться его надел. Затем каждый из этих двенадцати участков уменьшается или увеличивается пропорционально численности того колена, которому он достался, — чтобы каждый еврей получил приблизительно равный земельный участок. Сами участки между мужчинами внутри колен также распределялись на основе жребия, после чего эта земля должна была стать вечным наследственным наделом того, кому она досталась. Даже если он продавал его, этот надел должен был быть возвращен ему или его потомкам в бли-

жайший седьмой или пятидесятый год, отсчитываемый с момента заселения Земли обетованной. В случае, если еврей умирал, не оставив после себя наследника, земля должна была отойти его ближайшим родственникам, то есть в любом случае остаться за его семьей.

Уже после того как Моисей провозгласил этот принцип раздела земли и составление родословных книг было вроде бы завершено, ему пришлось столкнуться с неожиданной моральной и юридической проблемой. В ходе переписи к главе колена Манассии обратились пять дочерей Салпаада (Цлофхада) — члена этого колена, вышедшего вместе со всеми из Египта и умершего вскоре в пустыне, так и не оставив после себя наследника мужского пола. Доводы пяти женщин звучали вполне обоснованно: если земля полагается всем семьям, вышедшим из Египта, то значит, она полагалась бы и их отцу, если бы он был жив или его сыновьям, тем более что Салпаад, подчеркнули они, не участвовал ни в одном бунте против Моисея — он умер за свой грех, ведомый Богом. Так неужели его семья должна лишиться положенного ей надела только потому, что у Салпаада не было сыновей?!

Услышав это требование, старейшины колена Манассии растерялись: с одной стороны, в их сознании полноправными наследниками могли быть только сыновья; с другой — доводы Махлы, Ноа, Хоглы, Мильки и Фирцы (Тирца) показались им убедительными. Не зная, как решить эту проблему, они обратились к Моисею, а тот, согласно тексту Пятикнижия, запросил Бога и получил Его ответ на свой вопрос:

«И сказал Бог, обращаясь к Моше так: "Справедливо говорят дочери Цлофхада. Дай им в удел владение среди братьев отца их и отдай удел отца их им. А сынам Израиля скажи так: если человек умрет, а сына у него нет, то отдайте его удел дочери его. А если нет у него дочери, то дайте удел братьям его. А если нет у него братьев, то дайте удел его братьям отца его. Если же нет братьев у отца его, то дайте удел его ближайшему ему родственнику из семейства его, чтобы он наследовал его". И будет это сынам Израиля установленным законом, как Бог повелел Моше» (Чис. 27:6-12).

Здесь следует заметить, что еще до этого Моисей установил законы наследования, согласно которым дочерям не полагалась часть наследства, оставшегося от родителей. Их долю в имуществе отца и матери составляет полученное накануне свадьбы приданое, после чего они уже не имеют права ни на что претендовать. Все наследство после смерти мужчины делится исключительно между его вдовой и сыновьями, причем старший сын, первенец, получает при этом двойную долю.

Объявив закон о «дочерях Салпаада», Моисей таким образом провозгласил, что в случае отсутствия у мужчины сыновей его полноправными наследниками становятся дочери, что, вне сомнения, было чрезвычайно важным шагом на пути к равноправию женщины.

Занимаясь вопросами переписи и принципами раздела земли между коленами, Моисей почти уверился, что Бог решил простить ему грех у Мей-Мерива и разрешит ему войти вместе со всем народом в Святую землю, увидеть, как исполняется то, о чем он пророчествовал еще в Египте. Но, услышав эти его мысли, Всевышний тут же обратился к Моисею, чтобы сообщить, что дни его жизни подошли к концу. Ему не дано будет войти в Землю обетованную, но в награду за его заслуги ему будет дано перед смертью подняться на гору Аварим, расположенную напротив переходов через Иордан, откуда открывается величественный вид на всю землю, которой еще только предстояло стать Эрец-Исраэль — землей Израиля. Кроме того, ему была обещана столь же легкая смерть, какой умерли его сестра Мириам и брат Аарон, — смерть, которую в еврейской мистике принято обозначать как «поцелуй Всевышнего». Отличие этого вида смерти от всех остальных, говорят еврейские мистики, заключается в том, что душу человека из тела забирает не ангел смерти, а сам Бог, и в момент Его «поцелуя» человек не только не испытывает страдания, но и наоборот переживает самое высшее из всех возможных состояний физического и духовного наслаждения. Вот как описывается этот, происходящий, видимо, примерно за два месяца до смерти Моисея его диалог со Всевышним:

«И сказал Бог, обращаясь к Моше: "Взойди на эту гору Аварим и посмотри на страну, которую Я дал сынам Израиля. И когда осмотришь ее, приобщишься и ты к народу твоему, как приобщился Аарон, брат твой. Ибо вы поступили вопреки слову моему в пустыне Цин, когда роптало общество, — чтобы явить святость Мою у той воды на глазах у них, в Мей-Мерива, Кадете, пустыне Цин". И говорил Моше Богу так: "Да назначит Бог, Всесильный дух всякой плоти, человека над обществом, который выходил бы перед ними, и который выводил бы их, и который приводил бы их, чтобы не было общество Бога как стадо, у которого нет пастуха". И сказал Бог, обращаясь к Моше: "Возьми себе Иехошуа сына Нуна, человека сильного духом, и возложи на него руку твою. И поставь его перед Эльазаром-коэном перед всем обществом, и дай ему указания на глазах у них. И дай ему от величия твоего, чтобы слушалось его все общество сынов Израилевых. И пусть он стоит перед Эльазаром-коэном, а тот будет спрашивать для него решение урим перед Богом; по слову его будет выходить, и по слову его будет входить он, и все сыны Израиля, все общество"..."» (Чис. 27:12-22).

Этот диалог показателен тем, что, получив сообщение о приближающейся смерти, Моисей — в соответствии со строем своей личности — думает прежде всего не о себе, а о народе; о том, кто именно станет его преемником, и сможет ли тот справиться с теми нелегкими задачами, которые неминуемо встанут при завоевании Ханаана. При этом чрезвычайно важно то, что Моисей не настаивает на том, чтобы его полномочия вождя были переданы по наследству кому-то из его сыновей, а передает их тому, кого считает наиболее достойным роли политического и военного лидера нации. Да, разумеется, с точки зрения глубоко религиозного читателя Библии Иисуса Навина назначает сам Бог, но и при этой трактовке из текста видно, что Моисей просит Господа, умеющего читать в душах людей, назвать имя достойнейшего из всех претендентов на власть, возможно даже втайне надеясь, что Бог назовет имя его сына Гершома.

Как мы видим, и в этом Моисей разительно отличается от всех остальных вождей древности и Средних веков: будучи в течение сорока лет вождем нации, он не создал династии, не попытался провозгласить себя царем, заложив таким образом основы демократической передачи и принципа преемственности власти.

Хотя саму начатую по приказанию Моисея войну против мадианитян иногда трактуют как едва ли не массовое, варварское истребление всего этого народа, на самом деле, как видно из самого текста Библии, речь шла скорее о карательной операции. В ней принимало участие только 12 тысяч воинов, и ни о каком поголовном истреблении

мадианитян не было и речи, так как евреям еще не раз приходилось сталкиваться с этим народом в будущем. Чтобы убедиться в этом, достаточно просто пролистать страницы Книги Судей. Вместе с тем это была, безусловно, крайне жестокая военная операция, сопровождавшаяся почти полным уничтожением населения той части Мадии, куда вошли израильтяне. Моисей не случайно отправляет в этот поход по тысяче воинов от каждого колена, а его командиром назначает Финееса, в жилах которого кровь матери-мадианитянки, — ему было важно, чтобы к этой карательной акции оказался причастен весь народ. Эта война должна была продемонстрировать евреям, с какой непримиримостью следует относиться к тем народам или отдельным индивидуумам, которые попытаются отвратить их от веры в единого Бога. И значение этой войны было тем более велико, что Моисей прекрасно сознавал, что монотеизм еще не укоренился в сознании народа и после его смерти он вполне может предать память о Синайском откровении, начать исповедовать культы окружающих народов и таким образом похоронить дело всей его жизни.

Иосиф Флавий сообщает, что, узнав о приближающейся к их границам армии израильтян, мадианитяне заняли все проходы в страну между горами, воздвигнув на них фортификационные сооружения — видимо, что-то вроде насыпных валов, с которых они осыпали приближающегося врага стрелами. Однако евреи прорвали эту линию обороны (причем, как отмечает Библия, не потеряли при этом ни одного человека) и ворвались в страну, опустошая все на своем пути, безжалостно убивая всех мужчин и оставляя в живых только женщин и детей, захватывая их в плен. В этой войне было убито пять царей Мадии, видимо, царей расположенных здесь городов — Евия, Рекема, Цура, Хура и Реву. Был среди пленных и пророк Валаам, мечтавший проклясть евреев, но так и не сумевший этого сделать.

Однако когда они с богатой добычей и пленными возвратились в стан, Моисей был крайне разгневан на командиров — тысяченачальников и стона начальников — зато, что они оставили в живых взрослых женщин, так как именно они и соблазняли израильтян. И дальше из уст пророка звучит приказ, который не может не вызвать содрогания современного человека, но который в то время, видимо, был не такой уж редкостью:

«И сказал им Моше: "Вы оставили в живых всех женщин? Ведь они соблазняли сынов Израиля по совету Валаама, изменили Богу ради Пеора, и возник мор в обществе. А теперь убейте всех малых детей мужского пола, и всякую женщину, которую познал мужчина, убейте. Всех же малых детей женского пола, которых не познал мужчина, оставьте в живых для себя"» (Чис. 31:15-18).

При этом вся захваченная у мадианитян добыча, по указанию Моисея, была разделена на две части. Половину должны были разделить между воинами, непосредственно принимавшими участие в сражении, а другую — между всем народом. Одну пятисотую часть добычи (то есть 0,2 процента), доставшейся воинам, нужно было передать кознам, а одну пятидесятую часть добычи (2 процента), доставшейся народу, — левитам. Уже потом военачальники принесли часть захваченных им драгоценностей как дополнительный дар в Шатер откровения от имени всего отряда — в благодарность Богу за то, что ни один из его бойцов не погиб.

Библия, как обычно, предельно точно сообщает объем добычи, захваченной у мадианитян и число оставленных в живых девочек:

«И было добычи, не считая добычи, которую взяло войско: мелкого скота шестьсот семьдесят пять тысяч; и крупного скота — семьдесят две тысячи; и ослов шестьдесят одна тысяча; и людей — женщин, которых не познал мужчина — тридцать

две тысячи...» (Чис. 31:32—35).

тальных. Этим и объясняется гнев Моисея, его обвинения в том, что два колена эти хотят погубить весь народ.

Однако потомки Рувима и Гада, видимо, предвидели, что их слова могут быть восприняты именно так, и заранее подготовили ответ на подобное обвинение:

«И подошли они к нему и сказали: "Загоны для овец построим мы для скота нашего здесь и города для малых детей наших. А мы быстро пойдем перед сынами Израиля, пока не приведем их на место их; пусть же останутся малые дети наши в городах, защищенных от жителей этой страны. Не возвратимся мы в дома наши, пока не получит каждый из сынов Израиля удел свой. Ведь не возьмем мы с ними удела по ту сторону Иордана и далее, ибо получаем мы удел наш на восточной стороне Иордана"» (Чис. 32:18—19).

Таким образом, сыновья Рувима и Гада отменили все обвинения Моисея в свой адрес, заявив, что они готовы, оставив свои семьи в новых домах, продолжать воевать вместе со всеми. Более того — в обмен на то, что они первыми из всех колен получают земельный удел, они будут и первыми в составе штурмовых отрядов идти в бой. Это Моисея устроило, однако он оговорил, что, во-первых, так как речь идет об очень обширной территории, которую двум коленам попросту не удержать, то вместе с племенами Рувима и Гада там поселятся еще и половина колена Манассии, а во-вторых, на этой территории будут выделены города-убежища для тех, кто, случайно совершив убийство, решит укрыться от мести родственников убитого.

Нужно сказать, что сама жизнь доказала, что, позарившись на тучные пастбища, эти колена совершили ошибку: оторвавшись от остальной части евреев, они оказались менее защищенными, первыми лишились своего имущества и были уведены в плен ассирийцами.

По всей видимости, колена Рувима, Гада и Манассии немедленно приступили к строительству домов и обнесению своих городов стенами, а также совершили ряд походов против аморреев, расширив свои границы на север:

«И дал Моше им, сынам Гада, и сынам Реувена, и половине колена Менаше, сына Йосефа, царство Сихона, царя эмореев, и царство Ога, царя Башана, страну с городами ее и окрестностями. Города с землями вокруг. И построили сыны Гада Ди-вон, и Атарот, и Арозер, и Атрот-Шофан, Язер, и Ягбегу, Бейт-Нимру, и Бейт-Гаран — укрепленные города с загонами для овец. А сыны Реувена построили Хешбон в Эльаде и Кирьята-им, и Нево, Вааль-Меон, изменив имена городам, которые построили. И пошли сыны Махира, сына Менаше, в Гильад, и завоевали его, и изгнали эмореев, которые были в нем, и отдал

Моше Гильад Махиру, сыну Менаше, и поселился он в нем. А Яир, сын Менаше, пошел и завоевал селения их, и назвал их Хавот-Яир, и Новах пошел, и завоевал Кнат и пригороды его, и называл их Новах по имени своему» (Чис. 32:33—42).

Историки, разумеется, читают эти слова Библии иначе, чем теологи. По их мнению, они служат доказательством теории о том, что завоевание Ханаана происходило постепенно, а еврейские или протоеврейские племена поселились, по меньшей мере, на восточном берегу Иордана задолго до того, как Моисей вывел часть еврейского народа из Египта. К тому времени, когда Моисей со своей армией пришел в Трансиорданию, евреи там уже жили в городах, часть из которых они построили сами, а часть завоевали еще до Моисея. С этой точки зрения рассказ о войнах с великанами Сигонем и Огом является вымыслом, отголоском тех войн, которые вели протоевреи гораздо раньше — возможно, за столетие до событий, о которых повествует Библия. Целью этого вымысла было, возможно, желание связать племена Рувима, Гада и Манассии с остальным еврейским народом и объяснить, каким образом эта его часть осталась на восточном берегу Иордана, в то время как все остальные евреи поселились на западном.

Проблема, как всегда, заключается в том, что никакого документального и археологического подтверждения у этой версии нет.

Глава пятая. СМЕРТЬ.

Когда были поделены все трофеи, добытые во время войны с мадианитянами, когда отшумели страсти, связанные с просьбой колена Рувима и Гада, Моисей понял, что ему пришло время умирать — как и сказал ему Бог. Но так велика была в нем, говорит мидраш, сила жизни; так страстно желал он войти вместе со всем народом в обещанную евреям землю, что Моисей начинает молить Бога отменить вынесенный ему приговор и разрешить ему ступить туда. Он едва ли не физически чувствовал зов этой земли; она манила его, и один вид простирающихся за Иорданом холмов будоражил ему кровь, заставляя забыть, что позади уже 120 нелегких, подчас горьких, как полынь, лет. Величайший из пророков планеты самозабвенно молил Всевышнего о милосердии, и столько силы было заключено в его молитве, что начали «рушиться небеса» — там, в «высших мирах», началось настоящее «неботрясение». Ангелы воды, воздуха, земли и огня пытались хоть как-то заглушить эту молитву, но она прорывалась вновь и вновь через все завесы небес, и даже когда Бог велел закрыть «Врата небес» для молитв Моисея, они прорывались через все заслоны и продолжали сотрясать высшие миры.

Тот же мидраш говорит, что Бог напомнил Моисею два его греха, из-за которых он был лишен права войти в землю Израиля.

Первый грех заключался в том, что, когда Моисей пришел в Мадиям в дом Иофора и дочери последнего представили его как египтянина, Моисей не поспешил их поправить. Таким образом, он решил, что будет лучше, если его будут считать егип- 'тянином, а тот, кто хоть раз отказался от своего народа, не может претендовать на право жить в предназначенной этому народу земле. Подобный поступок не красит никого, но он представляется еще более страшным грехом, когда речь идет о личности такого масштаба, как Моисей.

Вторым грехом было то, что вместо того чтобы словом приказать скале дать воду, Моисей ударил по ней посохом, лишив евреев и весь остальной мир веры, что дух, слово первичны по отношению к материи, а не наоборот.

Всего, продолжает то же устное предание, Моисей вознес 515 молитв, ровно столько, сколько, согласно каббале, ежедневно возносят Господу ангелы, и еврейские мистики до сих пор спорят о том, какой тайный смысл несет в себе эта цифра. Однако в тот момент, когда Бог предложил Моисею сохранить его жизнь ценой уничтожения еврейского народа, Моисей умолкает — это предложение всегда было для него чудовищным и неприемлемым.

Вот как Библия рассказывает об этой молитве от имени самого Моисея: «И молился я Богу в то время, говоря: "Господь Бог! Ты начал показывать рабу Твоему величие Твое и мощную руку Твою; кто же тот Всесильный на небе и на земле, который совершил бы подобное деянием Твоим и свершениям Твоим? Дай мне перейти и увижу я эту хорошую страну, что по ту сторону Иордана, прекрасную гору эту и Ливан". Но разгневался Бог на меня из-за вас и не слушал меня...» (Втор. 3:23—26).

Как видим, в этой молитве вновь проявляется весь характер Моисея, его величие и скромность как человека — он не упоминает о своих заслугах, не говорит о том, что вся его жизнь была посвящена служению избранному им народу. Нет, он, говоря словами Раши, просит лишь милостивого разрешения войти в землю Израиля...

Как уже говорилось, согласно сложившейся традиции, с 1-го числа месяца швата и по 6-е число месяца адара 2488 года Моисей ежедневно собирал евреев, читая им очередную главу из книги Второзакония. Вновь и вновь Моисей напоминал им о Синайском откровении, о данных там Десяти заповедях; об опасности возвращения к идолопоклонству; о заповедях, касающихся всех аспектов человеческой жизни — от правил государственного устройства до норм сексуального поведения. Моисей напоминал и о необходимости, когда они останутся без него, завоевать Землю обетованную и изгнать или уничтожить проживающие на ней народы.

Своим главным наследием Моисей объявил написанную им книгу, содержащую заповеди и законы, которые он получил непосредственно от Бога. Сохранение этой книги и верность ее заповедям на протяжении всех поколений, утверждал Моисей, и является главной исторической миссией еврейского народа. Более того — суть этой миссии состоит в передаче содержащегося в этой книге уникального правового и этического кодекса всему человечеству, ибо только на основе этих норм может быть построено по-настоящему гуманное и справедливое общество. Еще более того — еврейскому народу в качестве носителя этих истин предстоит сыграть совершенно особую роль в истории человечества.

«Храните же и исполняйте, ибо это — мудрость ваша и разум ваш на глазах всех народов, которые, лишь услышат обо всех этих установлениях, скажут: "Как мудр и разумен народ этот великий!" Ибо кто такой народ великий, к которому боги были так же близки, как Бог Всесильный наш, каждый раз, когда мы взываем к Нему? И кто такой народ

великий, у которого установления и законы справедливы, как все это учение, которое я даю вам сегодня?! Только берегись и весьма оберегай душу свою, чтобы не забыл ты того, что видели глаза твои, и чтобы не ушло это из сердца твоего все дни жизни твоей, и поведай о них сынам твоим и сынам сынов твоих» (Втор. 4:6—9).

В этот день Моисей, до того выступавший с укорами, предупреждениями, а подчас и с угрозами в адрес своего жестоко-выйного народа, начал обходить весь стан, двигаясь от лагеря одного колена к другому, чтобы благословить всех и вручить старейшинам собственноручно подготовленную им копию свитка Торы.

Первым Моисей благословил колено Рувима, пожелав его мужчинам долголетия — ведь согласно данному ими обещанию они должны были идти в первых рядах воинов, завоевывающих Ханаан. «Да живет Реувен не умирает, и пусть люди его будут многочисленны» — так звучало благословение Моисея для этого колена.

«Услышь, Бог, голос Иегуды и к народу его приведи его; сил его хватит ему, а Ты будь помощью против врагов его» — этими словами Моисей благословил колено Иуды, которому предстояло стать опорным коленом Израиля, и потому ему действительно нужны были и силы, и помощь Свыше.

Колену Леви Моисей пожелал, чтобы оно соответствовало порученной ему высокой роли и оставалось главным хранителем его закона: «Туммим и урим твои — благочестивому мужу твоему, которого Ты испытывал в массе, которого укорял Ты при Водах Распри, который сказал об отце своем и о матери своей: не видел я их, и братьев своих не узнавал, и детей своих не признавал, ибо соблюдают они слово твое и союз твой хранят, учат законам твоим Якова и учению твоему Израиль; возлагают воскурение перед Тобою и всежжение на жертвенник Твой. Благослови, Бог, мощь его и дело рук его; порази чресла восстающих на него, и ненавистники его да не восстанут» (Втор. 33:8-11).

Вениамину Моисей предсказал жизнь в спокойствии и безопасности: «Возлюбленный Богом будет жить в безопасности, полагаясь на Него, Он охраняет его весь день и между плеч его обитает» (Втор. 33:12).

Коленам Манассии и Ефрема, произошедшим от Иосифа, Моисей пообещал богатство и благополучие за счет щедрости полученной ими в удел земли: «А о Йосефе сказал он: "Благословенна страна его изобилием небесной росы и влаги из бездны, лежащей внизу, и изобилием плодов от солнца, и изобилием урожаев от луны, и от вершин гор древних, и изобилием от холмов вечных, и изобилием земли всего, что в ней, и волею Обитавшего в Кусте Ежевики от плодов его пусть ляжет на голову Йосефа и на темя лучшего из братьев его. Первенец быков его — великолепие его, а рога дикого быка — рога его; ими будет он бодать все народы вместе до края земли — это десятки тысяч Эфраима и это тысячи Менаше"» (Втор. 33:13—17).

Далее последовали благословения колен Завулону, Иссахара, Дана, Гада, Неффалима и Асира.

«А о Звулуне сказал он: "Радуйся, Звулун, выходу твоему, а Исахар — в шатрах твоих. Народы созовут они на гору, там принесут они жертвы справедливости, ибо изобилием морей питаться они будут и сокровищами, скрытыми в песке"».

А о Гаде сказал: "Благословен Гад, расширяющий пределы свои. Как лев покоится он и рвет мышцу и темя. И высмотрел он начало себе, ибо там участок законодателем назначенный. И придет он с главами народа, и справедливость Бога исполнит, и суд его с Израилем".

А о Дане сказал: "Дан — левенок, выпрыгнет он из Башана".

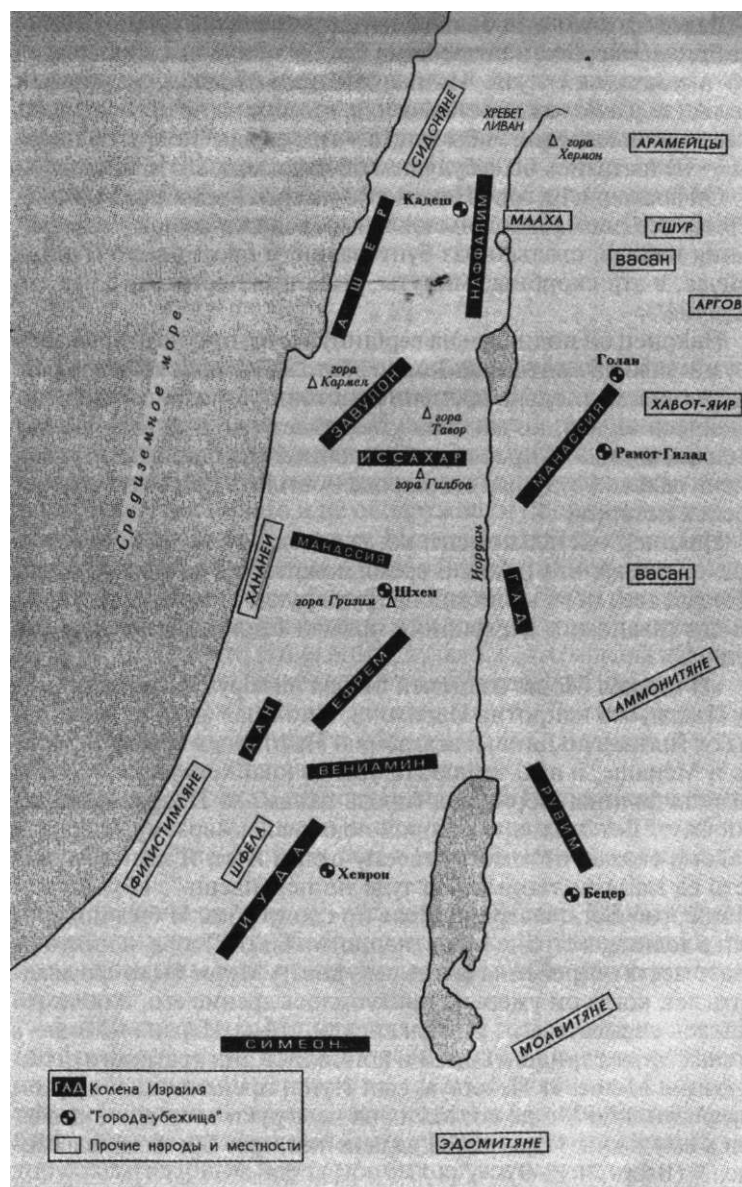
А о Нафтали сказал он: "Нафтали доволен и полон благословением Бога, Западом и Югом овладей!"

А об Ашере сказал он: "Благословен среди сынов Ашер. Да будет он любим братьями своими и оmyвает в масле ногу свою. Железо и медь — затворы твои, и по мере дней твоих благополучие твое"...» (Втор. 33:18—26).

Нетрудно заметить, что Моисей обошел своим последним благословением колено Симеона — он так и не простил этому колену происшедшего в Шитиме, того, что мужчины именно из этого колена задавали тон в свальном грехе с моавитянками и мадианитянками и в поклонении Ваал-Фегору.

Любопытно, что выдающиеся пророки, герои, судьи выходили на протяжении древней еврейской истории из всех колен, за исключением колена Симеона — и этот факт объясняется комментаторами именно тем, что Моисей лишил его своего благословения.

Каббалисты убеждены, что благословения Моисея, данные им коленам Израиля, содержат в себе величайшие пророчества и тайны мироздания, бльшая часть которых до сих пор остается неразгаданной.

Распределение Ханаана между двенадцатью коленами Израиля по М. Гилберту (Гилберт М. Атлас по истории еврейского народа. Иерусалим, 1990. С. 21)

Вслед за этим он объявил, что поднимается на гору Нево, чтобы там умереть, и потребовал, чтобы никто не сопровождал его в последний путь. Никто, добавил Моисей, не должен знать, где расположена его могила, чтобы она не превратилась в место поклонения, дабы никто — ни евреи, ни другие народы — не пытались бы в будущем обожествить его личность.

Он восходил на гору Нево легко и стремительно, ибо в свои 120 лет все еще был полон сил. Он восходил туда под тихие рыдания народа, столько раз бунтовавшего против него и лишь сейчас, в эти скорбные минуты, до конца постигшего все его величие.

Наконец он поднялся на вершину Нево, откуда открывался изумительный вид на всю Землю обетованную, от края до края. Мы не знаем, сколько времени простоял Моисей, пытаясь наглядеться на нее, но мидраш утверждает, что в те минуты ему было дано увидеть пророческим зрением как ближайшее, так и очень далекое будущее его народа — вплоть до конца человеческой истории.

Наконец настал момент, когда ангелы тронули Моисея за плечо, сказав, что пришло время лечь в могилу. И когда Моисей свел ноги и сложил на груди руки, те же ангелы укрыли его саваном, а Всевышний принял Своим «поцелуем» его душу.

«И взошел Моше из степей Моава на гору Нево, на вершину Писги, что напротив Иерихона, и показал ему Бог все страны от Гильяда до Дана, и всю землю Нафтали, и землю Эфраима и Менаше, и всю землю Иегуды до крайнего моря, и Юг, и область долины Иерихона, города пальм, до Цоара. И сказал Бог ему: "Вот страна, о которой поклялся я Аврааму, Ицхаку и Якову, сказав: потомству твоему отдам Я ее. Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но туда не перейдешь". И умер там Моше, раб Бога, в стране Моав по слову Бога. И был похоронен в долине, в стране Моав, напротив Бейт-Пеора, и никто не знает места погребения его до сего дня. А Моше было сто двадцать лет, когда он умер: не притупилось зрение его, и не истощилась свежесть его. И оплакивали сыны Израиля Моше в степях Моава тридцать дней и кончились дни траурного оплакивания Моше. И Иегошуа, сын Нуна, преисполнился духом мудрости, ибо Моше возложил на него руки свои и повиновались ему сыны Израиля, и делали так, как Бог повелел Моше...» (Втор. 34:1—9).

Эта последняя, 34-я глава Второзакония, согласно традиции, была написана уже Иисусом Навином. Поэтому нам остается только представить, как Иисус Навин окунул перо в чернильницу и дописал последние слова Пятикнижия:

«И не было более пророка в Израиле, подобного Моше, которого знал Бог лицом к лицу — по всем знамениям и чудесам, которые посылал его Бог совершать в земле Египетской с фараоном, и со всеми рабами его, и со всей страной его, и по всем могучим деяниям, и по всем страшным свершениям, которые совершил Моше на глазах у всего Израиля» (Втор. 34:10—12).

Подругой версии, эти слова были написаны самим Моисеем и финальную точку после них поставил он сам. Поставил — и заплакал.

Согласно еврейской легенде, отыскать могилу Моисея невозможно, хотя местонахождение горы Нево известно и никогда не было тайной. Когда Иудеи начали править римляне, гласит легенда, они решили найти эту могилу и направили на Нево специальную экспедицию. Когда они поднялись на вершину горы, так ничего и не обнаружив, и посмотрели вниз, то неожиданно увидели могилу Моисея недалеко от подножия горы. Однако, спустившись, они поняли, что могила на самом деле находится наверху, близко к вершине. Тогда они разделились на две группы: одна поднялась наверх, а другая осталась у подножия. Тем, кто стоял внизу, казалось, что могила находится наверху, а взойшедшие на вершину видели могилу внизу.

Таким образом, говорит эта легенда, сам Бог позаботился о том, чтобы последняя воля Моисея была исполнена и никто никогда не смог обнаружить его могилы.

Однако историкам ни последняя глава Пятикнижия, ни эта легенда правдоподобными не кажутся, они считают, что обстоятельства смерти Моисея таят в себе не меньше загадок, чем его жизнь.

Сложившиеся в науке взгляды на смерть Моисея лучше других суммировал и обобщил все тот же З. Косидовский, поэтому позволим себе привести довольно обширную цитату из его книги:

«...Даже в смерти Моисея есть нечто толкающее нас на разного рода домыслы. Библия гласит, будто он умер на горе в моавитской равнине и неизвестно, где его похоронили. Таким образом, народный вождь, законодатель и пророк исчезает бесследно; не существовало и не существует его гробницы, которую благодарный народ мог бы окружить культом!

В поисках разрешения этой загадки некоторые ученые обратили внимание на то, что в древних мифологиях национальные герои очень часто погибают при таинственных обстоятельствах. Достаточно назвать хотя бы Геракла, Тесея и сына

Коринфа Беллерофонта; Илию и Ромул, например, исчезают на небе в огненных колесницах, а Эдип гибнет в священной роще Эвменид, неумолимых богинь мести.

Не все, однако, исследователи видят в библейском варианте один из типичных примеров создания мифов вокруг образа героя. В обстоятельствах, при которых закончилась жизнь Моисея, они доискиваются следов подлинных событий. Приведем вкратце некоторые из выдвинутых ими гипотез.

В Пятикнижии встречается невнятное упоминание о какой-то вине Моисея (не такое уж, как мы видели, оно невнятное; напротив, всё вполне понятно, хотя наказание кажется по своей суровости несопоставимым с самим грехом. — П. Л.). И должно быть, вина была весьма серьезной, если Яхве в наказание лишил Моисея права вступить вместе с израильским народом в Ханаан. Некоторые намеки в библейском тексте указывают, что провинился Моисей в Кадете (и вновь непонятно, почему Косидовский называет «намеками» то, о чем в тексте говорится совершенно прямо. — П. Л.). Быть может, вина Моисея состояла в том, что из-за его небрежности израильтяне пренебрегли своими обязанностями: не приносили жертв Яхве и даже отказались от обряда обрезания (а вот об этом в тексте как раз ни слова и ни намек. — П. Л.).

Разумеется, легко предположить, что версию о вине задним числом сочинили иудейские священники, желая на примере Моисея показать, на сколь тяжкие последствия обрекает себя тот, кто не считается с законами и предписаниями Яхве. Однако не исключено, что автором этой версии является сам израильский народ и она передавалась из поколения в поколение на протяжении столетий. Быть может, израильтяне таким путем выразили какую-то обиду на Моисея, какую-то застарелую претензию и вместе с тем и попытку оправдать свое собственное поведение.

Какая же это могла быть обида? Судя по Библии, взаимоотношения израильтян с Моисеем не были идиллическими. Укажем хотя бы на описания конфликтов и кровавых побоищ, в которых гибли многие тысячи людей. Виновником их был сам Моисей, который с необычайной суровостью и фанатизмом карал каждый факт отступничества от Яхве. Это должно было оставить в душе поколений глубокий след.

У некоторых исследователей Библии даже возникло предположение, что во время бунта израильских идолопоклонников на стоянке в Моаве Моисей был убит и похоронен в общей могиле.

Сторонники этой гипотезы ссылаются на обстоятельства, которые действительно дают много поводов для размышлений.

Итак, прежде всего из библейского текста недвусмысленно вытекает, что в последний период своей жизни Моисей был в добром здравии. Правда, он был очень стар, но, как мы читаем в Книге Второзакония (гл. 34, ст. 7), "зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась". Замечено также, что вокруг смерти Моисея возник как бы заговор молчания. Это, пожалуй, один из немногих случаев, когда смерть героя описывается так лаконично (но только если учитывать сам текст Библии и забывать о мидрашах, незнакомых христианскому читателю, но хорошо знакомых еврейскому — П. Л.). Создается впечатление, что первоначальное, подробное описание было попросту устранено из текста, будто редакторы Библии решили скрыть подробности, которые шли вразрез с созданным образом Моисея. По мнению некоторых специалистов по Библии, намеки относительно именно такой судьбы Моисея можно найти в книгах пророков Осии и Амоса, а также в псалме 106.

В глазах своих современников Моисей был деспотом, но следующие поколения все более ясно отдавали себе отчет о его заслугах перед еврейским народом. Постепенно на протяжении многих лет вокруг его образа складывался ореол мифов и чудес. Трудно было согласовать с этим образом насильственную смерть Моисея: вина и неблагодарность его народа были бы тогда слишком вопиющи, слишком тягостны для потомства. Поэтому родилась версия, будто Моисей умер естественной смертью, будто таким путем Яхве наказал его за какие-то грехи, то есть, иначе говоря, израильский народ не несет ответственности за его кончину, если бог сделал так, что Моисей умер у самого порога обетованной земли.

Разумеется, эту хитроумную теорию можно с равным успехом принять или отвергнуть, ибо она выведена из чересчур шатких исходных положений. Ее пример показывает, как на самом деле мало мы знаем о Моисее. При всем при том, как нам кажется, можно все-таки считать фактом наиболее вероятным, что действительно существовал человек по имени Моисей, который вывел израильтян из египетского плена»².

Надо заметить, что все авторы, высказывающие гипотезу о том, что Моисей был убит во время очередного бунта евреев в пустыне, строят ее на следующей фразе из книги пророка Осии: «Через пророка вывел Яхве Израиль и через пророка охранял его. Сильно разгневал Эфраим Яхве, и за то кровь его оставит на нем» (Ос. 12:13—14). Однако достаточно открыть текст Книги пророка Осии в оригинале, то есть на иврите, чтобы увидеть, что вышеприведенная фраза попросту не очень точно переведена. В буквальном переводе этот текст звучит следующим образом: «И через пророка вывел Господь Исраэля из Египта, и через пророка был он охраняем. Прогневал Эфраим Господа до горечи, потому кровь их падет на него, и поругание его обратит на него Господь его»¹. С учетом предыдущего текста смысл этого отрывка предельно ясен: кровь языческих жертвоприношений, приносимых потомками Ефрема (а никак не кровь пророка!), обернется в итоге против них самих, ибо этими жертвоприношениями они прогневали Господа «до горечи».

Да и даже если допустить, что Моисей и в самом деле был сначала убит, а затем возвеличен своим народом, то Осия, проповедовавший в 750—734 годах до н. э., то есть спустя много столетий после Моисея, уже никак не мог помнить об этом. Таким образом, нам не остается ничего другого, как оставить эту гипотезу на совести ее авторов.

В качестве альтернативы вышеприведенному суждению автор этой книги предлагает попытаться мысленно смоделировать описанную в Библии ситуацию и посмотреть на нее глазами самого Моисея. Давайте зададимся вопросом: могли ли у него быть причины желать, чтобы его могила осталась неизвестной?

И ответ возникает сам собой: безусловно, да. Больше всего, как уже говорилось, Моисей боялся, что после его смерти евреи вернутся к язычеству — это означало бы крушение всего дела его жизни, делало бы ее напрасной. Одним из наиболее вероятных вариантов такого возвращения могло стать обожествление самого Моисея — подобно тому как греки, к примеру, обожествили Геракла — и построение языческого храма на его могиле. Подобное опасение было тем более обоснованным, что, как показала давняя история с золотым тельцом, евреи были очень близки к восприятию Моисея как эдакого бога, принявшего на время человеческий облик. Вспомним, что говорили они Аарону, когда решили, что Моисей не вернется с Синая: «Встань, сделай нам божество, которое пойдет перед нами! Потому что этот человек (в оригинале стоит слово «иш», то есть в буквальном переводе — «муж». — П. Л.) Моше, который вывел нас из страны Египетской, пропал и не знаем мы, что случилось с ним». Отсюда ясно видно, что в идущем впереди

Моисее они видели некое божество или богоподобное существо. И дальше, когда телец уже был сотворен, это подтверждается: «...И воскликнули они: "Вот божество твое, Израиль, которое вывело тебя из страны Египетской!"» — телец заменил Моисея, заместил его, стал его олицетворением.

Меньше всего Моисея устраивало такое развитие событий: возникновение его личного культа после смерти. Поэтому не исключено, что решение скрыть место своего будущего захоронения он принял еще в тот день, когда вернулся с Синая и разбил первые Скрижали Завета--*'

О том, насколько оправданны были опасения Моисея, свидетельствует то, что в последующие столетия могилы великих раввинов превращались евреями в места массового паломничества и поклонения. Такими могилами являются в наши дни могила рабби Нахмана из Брещлава в Умани; могила основоположника каббалы рабби Шимона бар-Йохая (Рашби) на горе Мирон; могила рабби Меира-чудотворца в Тверии и многие другие. До сих пор между крупнейшими религиозными авторитетами Израиля идут ярые споры о том, насколько легитимно такое почитание могил великих раввинов — если одни считают, что эти могилы можно рассматривать просто как некий канал связи с Богом и никакого элемента идолопоклонства тут нет, то другие объявляют это язычеством в чистом виде.

И так происходит не только у евреев — вспомним хотя бы культ могил шейхов у мусульман или христианскую веру в мощи святых. Подобные культы возникают уже и в наши дни. Не случайно, к примеру, в 1970 году перед передачей советской военной базы в Магдебурге под юрисдикцию Восточной Германии тогдашний глава КГБ Ю. В. Андропов приказал извлечь захороненные на этой базе останки Адольфа Гитлера, Евы Браун и супругов Геббельс, сжечь их, измельчить до состояния пепла и выбросить в озеро Бидериц. Как спустя 40 лет пояснил главный архивариус ФСБ России генерал В. С. Христофоров, это было сделано, чтобы нацисты не превратили останки нацистских вождей в святыню, чтобы не осталось никаких возможностей для создания их культа.

Словом, у Моисея и в самом деле были основания стремиться к тому, чтобы место его погребения осталось неизвестным. Не исключено, что поначалу местонахождение его могилы было известно самым близким ему людям, тем же Иисусу Навину и первосвященнику Елеазару, но, исполняя последнюю волю пророка, они сохранили это в тайне.

Кстати, Моисей не единственный пророк, место погребения которого неизвестно. Точно такое же пожелание и, видимо, по тем же соображениям сделал и основатель ислама Мухаммед.

Кроме того, этим своим шагом Моисей еще раз продемонстрировал, что память о свершениях человека, оставленные им духовные ценности куда важнее сохранившихся после него материальных артефактов — всех этих пирамид, статуй и храмов вместе взятых. Сама история подтвердила эту точку зрения.

«И не было более пророка в Израиле, подобного Моше, которого знал Бог лицом к лицу...»

Глава шестая. КНИГА НА ВСЕ ВРЕМЕНА, ИЛИ КТО АВТОР ПЯТИКНИЖИЯ?

Для религиозного человека главное, что оставил после себя Моисей, это Тора, Пятикнижие Моисеево, первая и, без преувеличения, важнейшая часть Библии, основа основ этой книги.

Как уже говорилось, согласно иудаизму, «Тора предшествовала Сотворению мира». Будучи начертана «черным огнем по белому огню» (причем имеется в виду не материальный, а духовный огонь), она была тем планом, который Всевышний составил, чтобы творить по нему Вселенную. Затем, после Синайского откровения, Бог продиктовал текст Торы Моисею, который и записал его в соответствии со всеми Его указаниями, чтобы в этом тексте был сохранен не только явный, но и тайный, скрытый от непосвященных смысл, в нем имеет значение не только каждое слово, но и каждая буква, сама форма этой буквы и даже незначительный значок под ней.

Таким образом, по еврейской традиции, подлинным автором Торы является сам Господь Бог. Моисей же, записавший весь ее текст либо с первого до последнего слова, либо до последней главы книги Второзакония, был лишь своего рода Его писцом, секретарем, передатчиком. Моисей изготовил перед смертью 14 одинаковых свитков Торы, 13 из которых он раздал коленам Израиля (с учетом того, что колено Иосифа разделилось на два колена — Ефрема и Манассии), и с тех пор из поколения в поколение текст Торы копировался с необычайной тщательностью, с учетом каждой мелочи.

Иерусалимский Талмуд рассказывает, что переписчики Пятикнижия работали при Храме, и здесь же действовала специальная коллегия, тщательно проверявшая каждый переписанный ими текст. В случае, если члены комиссии обнаруживали одну ошибку, весь свиток объявлялся непригодным и подлежал захоронению. Это правило действовало на протяжении тысячелетий и продолжает действовать сегодня во всех еврейских общинах: как только в свитке Торы, стбщем огромные деньги, обнаруживается допущенная переписчиком ошибка, его немедленно хоронят в земле.

Как известно, после изгнания со своей земли евреи были рассеяны по десяткам стран мира и некоторые еврейские общины вообще не контактировали или очень слабо контактировали с другими. Однако до сего дня все попытки сличения свитков Торы, изготовленных в разных еврейских общинах, разделенных друг от друга десятками тысяч километров, показывали, что все они абсолютно идентичны. Самими евреями это воспринимается как доказательство того факта, что они сумели сохранить текст Торы в том самом виде, в каком он был получен Моисеем от Бога. При этом та же традиция утверждает, что то, каким способом Бог сообщил Моисею текст Пятикнижия, невозможно постичь разумом, а человеческий язык способен выразить сам факт откровения, а не его сущность.

Идея Боговдохновенности (или Богодухновенности) Священного Писания была воспринята из иудаизма христианством. И католическая, и православная церковь объявили все книги Священного Писания Боговдохновенными, причем на протяжении столетий этот термин в христианстве понимался именно как указание на тот факт, что они были написаны едва ли не под диктовку Бога.

Однако даже при этом ряд христианских теологов все-таки выделяли Пятикнижие из других книг, предпочитая для обозначения особенного статуса этой книги называть ее Богооткровенной, а не Боговдохновенной. Иудаизм, в отличие от средневековых христианских богословов, никогда не считал, что книги других пророков написаны под диктовку Бога. Наоборот, еврейские религиозные авторитеты всегда указывали, что каждый пророк выражал переданное ему Богом откровение так, как он его понял — с учетом представлений своего времени, его уровня образования, интеллекта, писательского таланта, наконец. Однако, подчеркивали они, это не касается Пятикнижия, которое от начала до конца является абсолютно точным выражением Откровения Бога, так как сам характер пророчества, получаемого Моисеем, отличался от всех предшествовавших ему и родившихся после него пророчеств.

мнению. И греческие авторы, и ряд еврейских и христианских авторов Средневековья обнаруживали в тексте Пятикнижия ошибки, неразрешимые (с их точки зрения) противоречия, а также некоторые аморальные (опять с их точки зрения) постулаты, которые, по их мнению, не могли быть высказаны Богом. Либо, добавляли они, если Бог действительно является Автором этой книги, то данные отрывки ставят под сомнение утверждение, что Он является воплощением Абсолютного Знания, Добра, Справедливости и т. д.

И все же первый серьезный удар по догмату, что автор Пятикнижия — Моисей, нанес Б. Спиноза. В своем «Богословско-политическом трактате» он попытался доказать, что многие главы Пятикнижия не могли быть написаны, когда евреи были кочевым народом, не имеющим собственного государства — они были составлены в ту эпоху, когда евреи уже вели оседлый образ жизни и в их стране возникла монархия. В итоге Спиноза выдвинул довольно долго казавшуюся правдоподобной версию, что канонический текст Пятикнижия был скомпилирован из разных источников книжником Ездрой (на иврите он известен как Эзра-асофер, то есть Эзра-писец) в V веке до н. э.

Эта мысль была затем развита рядом других библеистов, и в первую очередь католическим богословом Ж. Астрюком, который в своем труде «Предположения о первоначальных источниках, которыми, видимо, пользовался Моисей при создании Книги Бытия» (1753), не оспаривая авторства Моисея, предположил, что при написании Книги Бытия пророк пользовался как минимум двумя существовавшими в его время версиями рассказа о Сотворении мира и последовавшими за ним событиями. Первый автор, согласно Астрюку, пользовался для обозначения Бога словом «Элогим», а второй — «Ягве».

Идея Астрюка была подхвачена целым рядом других исследователей и приобрела свое законченное выражение в книге протестантского богослова и историка Ю. Велльгаузена «Введение в историю Израиля», вышедшей в свет в 1878 году. Эта книга и сегодня считается самой фундаментальной работой по так называемой библейской критике.

Анализируя Пятикнижие прежде всего как литературное произведение, Велльгаузен пришел к выводу, что текст Пятикнижия представляет собой подготовленную еврейскими священниками в эпоху Ездры компиляцию четырех более древних источников.

Самый ранний из них обозначает Бога словом «Ягве», и потому этот источник Велльгаузен назвал Ягвистом и обозначил буквой J. На одно-два столетия позже, по его версии, появился другой источник, пользовавшийся для обозначения имени Бога словом «Элогим» — его Велльгаузен окрестил Элогистом и обозначил буквой E.

В VII веке до н. э. во время правления Иосии (Иошиягу) был написан еще один текст, положенный в основу книги Второзакония, и его автора Велльгаузен обозначил буквой *D.* И, наконец, уже в плену был написан жреческий кодекс, Книга Левит — источник Р. Для того чтобы объяснить спорные с точки зрения его теории места Пятикнижия, где оба имени Бога употребляются рядом, Велльгаузен ввел в свою теорию образ редактора-корректора, который, по его мнению, был священником во Втором храме.

Одним из краеугольных камней теории Велльгаузена стало утверждение, что книга Второзакония была, дескать, написана только на восемнадцатом году царствования Иосии и ее наиболее вероятным автором является первосвященник того времени Хелькия (Хилькиягу) или царский писец Сафан (Шафан). Прямое указание на эту версию Велльгаузен усматривал в самом тексте Библии:

«И было в восемнадцатый год царствования царя Иошиягу послал царь Шафана, сына Ацальягу, сына Мешулама, писца, в дом Бога, сказав: "Взойди к Хилькиягу, первосвященнику, пусть он пересчитает все деньги, принесенные в дом Бога, которые собрали у народа те, что стоят на страже у входа в Храм"...» (2 Цар. 22:3-4).

Далее хроника описывает начатые царем капитальные ремонтные работы в Храме, во время которых в его стенах был обнаружен свиток, который сама Книга Царств называет Книгой Закона, однако из самого контекста следует, что речь идет о пятой книге Торы — Второзаконии:

«И сказал Хилькиягу, первосвященник, Шафану, писцу: "Книгу Торы нашел я в доме Бога". И подал Хилькиягу книгу Шафану, и тот читал ее. И пришел Шафан, писец, говорил царю так: "Книгу дал мне Хилькиягу, священник". И читал ее Шафан царю. И было, когда услышал царь слова книги Торы, то разорвал он одежды свои. И повелел царь... "Пойдите спросите Бога обо мне, и о народе, и обо всей Иудее, о словах этой найденной книги, ибо велик гнев Бога, который воспылал на нас за то, что не приняли отцы наши слов этой книги, чтобы поступить так, как предписано нам"...» (2 Цар. 22:8—13).

С точки зрения Велльгаузена, этот эпизод представляет собой типичный рассказ о том, как написанная в одну эпоху книга приписывается другому автору, жившему в куда более древнюю эпоху, то есть Велльгаузен однозначно датировал Второзаконие VII веком до н. э., после чего объявил, что во всех случаях, когда Библия говорит о Торе вплоть до V века до

н. э. (то есть возвращения евреев из Вавилонского пленения), имеется в виду именно книга Второзакония. Окончательный текст остальных книг сложился позже.

Эта теория породила целую научную школу, на долгие годы ставшую господствующей в библеистике. Адепты этой школы выдавали все новые и новые труды, доказывающие, что Пятикнижие, да и весь Ветхий Завет являются не чем иным, как собранием множества фольклорных, устных или письменных источников; что многие его герои, и в первую очередь те, о которых говорит Пятикнижие, на самом деле никогда не существовали; что они «по определению» не могли быть созданы в ту эпоху, какой их принято датировать, и т. д.

Трудов было много, авторитет их авторов велик, их мнение выдавалось за окончательную истину, но тем не менее у всех адептов библейской критики была одна «маленькая проблема»: их теория не имела никакого практического подтверждения.

Между тем, казалось бы, все просто: достаточно найти один древний текст, написанный только Элогистом, и другой, написанный исключительно Ягвистом, — и вот оно, это долгожданное подтверждение!

Однако в том-то и дело, что такого подтверждения нет. Все обнаруженные до сих пор древние свитки Библии являются масоретскими, то есть традиционными, теми, которые известны нам и сегодня. Новые археологические открытия, включая и находку на горе Эйваль описанного в Пятикнижии жертвенника, который евреи должны были воздвигнуть уже после смерти Моисея, подтверждают истинность событий, о которых рассказывается в Пятикнижии. Однако при этом они никак не подтверждают теорию Велльгаузена.

Тем не менее и еврейские, и христианские теологи не могли не признавать того факта, что теория Велльгаузена и библейская критика в целом приобрели огромную популярность в массах и серьезно ударили по авторитету не только священнослужителей, но самой Библии. С этим было необходимо что-то делать, и в результате в современном богословии сформировались два ведущих направления в отношении к библейской критике.

Первые заявляют, что доводы, которые приводят в доказательство своих постулатов последователи Велльгаузена, слишком серьезны, чтобы сбрасывать их со счетов. А потому в этом вопросе следует искать компромисс между религией и наукой. Такой компромисс обычно обосновывают тезисом, что Боговдохновенность книг Священного Писания отнюдь не отменяет «человеческого фактора» в их создании, то есть того, что они записывались конкретными людьми из плоти и крови. Что касается Пятикнижия, то, признавая его Богооткровенный характер, сторонники этой точки зрения готовы признать, что в тексте, наряду со страницами, продиктованными самим Богом, есть и написанные Моисеем по собственной инициативе и как бы отражающие его личную точку зрения, но, возможно, есть и более поздние вставки.

«Уже за несколько веков до н. э. возникла легенда, согласно которой Пятикнижие все целиком было написано одним лишь Моисеем. Справедливость любого мнения не оспаривалась и христианами, т. к. долгое время не было оснований подвергать его сомнению. Когда же впервые были выдвинуты аргументы против этой легенды, многие восприняли их с исключительной враждебностью. Им казалось, что посягательство на авторство Моисея есть посягательство на авторитет самого Пятикнижия. Между тем религиозная значимость книги никак не может быть поколеблена из-за того, что она окажется написанной не одним, а несколькими авторами...

...Таким образом, вопрос об авторстве св. книг есть исключительно научно-исторический вопрос, который не имеет прямого отношения к вероучительной стороне Писания. От его решения в ту или иную сторону в плане догматическом и нравственном ничего не может измениться. Но зато, более точно установив историю написания той или иной книги, мы легче можем увидеть ее место в историческом контексте эпохи. А это в свою очередь окажет неоценимую услугу для экзегезы Писания»¹, — писал отец А. Мень.

И далее в своей, посвященной этой проблеме, работе Мень, суммируя взгляды исследователей этого направления, высказывает весьма элегантною формулу такого компромисса, позволяющую увязать утверждения библейской критики с авторским правом Моисея на Пятикнижие:

«В 444 г. священник Эзра, вернувшийся в Иерусалим из плена, публикует "Тору Моисееву". Это уже полностью все Пятикнижие. Построенное на основе Декалога и древнейших священных преданий, оно может называться "Моисеевым" не в том смысле, как мы называем Магометовым Коран, а в том смысле, в каком Трипитака называется "буддийской". Не будучи прямым автором всей книги, Моисей тем не менее определил ее дух и ее основное содержание.

Впоследствии это духовное авторство было понято буквально, "и вот, — говорит [А.] Карташев, — родилась благочестивая легенда о данной сразу, наперед всей истории, готовой теократии, со стройной армией богато обеспеченного священства и левитства, с пышными сложными богослужебными церемониями, с этим как бы сакральным Иерусалимом, точно спустившимся на Израиль раньше Иерусалима исторического, о котором мы хорошо знаем, с каким трудом и как медленно и малоуспешно, под бичами пророческих обличений продвигался он сквозь дебри идолопоклонства к чистоте монотеистического культа. В дополнение к этому культовому видению идут и детальные законы, как бы продиктованные с неба опять-таки в готовом виде, раньше исторического опыта, применительно к развитой земледельческой городской и государственной жизни, еще нереальной и невозможной в кочевом быту пустынного странствования"...

В заключение еще раз необходимо подчеркнуть, что выяснение подлинной истории происхождения Пятикнижия несколько не повлияло на его высокое достоинство как Св. Писания»¹.

Однако одновременно с этим «компромиссным» направлением в науке и в теологии сложилось другое, с точки зрения которого вся теория библейской критики построена на песке досужих, зачастую откровенно демагогических и противоречащих элементарной логике умопостроений, не имеющих ничего общего с научным мышлением и видением мира.

Уже в начале XX века появился целый ряд работ выдающихся лингвистов, историков, археологов и богословов, весьма аргументированно доказывающих всю несостоятельность теории библейской критики. На Западе наиболее выдающиеся работы такого рода принадлежат Дж. Робертсону, Дж. Орру, У. Бакстеру, Х. Виннеру, Д. Гоффману и др. В русском православном богословии несостоятельность этой теории продемонстрировали в своих работах такие выдающиеся ученые-богословы, как С. С. Глаголев и Г. П. Федотов.

В частности, разбирая версию о том, что книга Второзакония была сфабрикована первосвященником Хелкием, С. С. Глаголев писал:

«Прежде всего, если бы Хелкия вздумал выпустить книгу под именем Моисея, то он не включил бы в нее несомненно не принадлежащую и никогда не считавшуюся принадлежащею Моисею 34 гл. Второзакония. Не стал бы, конечно, Хелкия включать в книгу такие законы, которые давно устарели, забылись и не могли иметь никакого смысла и значения во дни Иосии (например, закон, охраняющий от родовой мести — гл. 19). Закон о царе в той форме, в какой он изложен в книге

Второзакония, тоже, нам кажется, неудобно было излагать Хелкии, ибо этот закон говорит прежде всего об избрании царя (17:14—15), а во времена Хелкии царская власть была наследственной. В устах Моисея такой закон был очень понятен: он, живший в стране с могучей царской властью, видевший и знавший много царств, обращался со своим законом к народу, который в его глазах находился накануне перехода из кочевого образа жизни в благоустроенный государственный. И мы имеем прямое указание, что при избрании царем Саула этот закон был призван к действию (1 Цар. 10:25). Но кроме этих отрицательных соображений представляется много положительных данных для утверждения, что эта книга написана во дни Моисея. От нее еще веет Египтом, пустыней, беспокойным образом кочевой жизни, в ней только еще слышатся надежды на успокоение в Земле обетованной. Гевраисты отмечают, что в ней встречаются слова и выражения, которые совсем вышли из употребления после времени Моисея. Таковы: *abib* — "колос" или "месяц жатвы" (16:1); *pe esat' el ammay* — "приложиться к народу своему" (32:50). Отмечают затем во Второзаконии целый ряд указаний и намеков на Египет и его обычаи и положение в эпоху Моисея. Так, в 4:15—18 находится запрещение произведений скульптуры, чтобы евреи не прельстились. Перечисление запрещаемого ясно указывает на скульптуру Египта. В 17:16 запрещается царю возвращать народ свой в Египет и в 20:5 говорится о надзирателях — *schoter-im*. Эти надзиратели чисто египетского происхождения. В 27:1—8 евреям повелевается написать слова закона на камнях, обмазанных известью. Такие камни употреблялись для писания в Египте. В 25:2 закон о палочных ударах — египетского происхождения. 11:10 ясно предполагает знание у тех, к кому обращена книга, условий египетского земледелия, его системы орошения при помощи каналов Нила. 7:15 и 18:60 говорят о болезнях, которые видели и знали евреи в Египте. В эпоху Исхода в Египте была широко распространена проказа, и Второзаконие дает относительно нее предписания. Второзаконие (как и вообще Пятикнижие) не знает городов, которые стали входить в силу и с которыми евреям приходилось считаться со времени Иисуса Навина. Таковым был Тир. Нет во Второзаконии упоминания о Иерусалиме. Во всех книгах Библии, древнейших, чем Хелкия, можно найти указания на существование Второзакония. Сравни Суд. 2:2 и Втор. 7:2—1, 1 Цар. 2:13 и Втор. 18:3. Наконец, обвинители Хелкии упускают из вида весьма важный факт существования самаританско-го Пятикнижия. Самаряне приняли закон Моисеев задолго до Хелкии, и видно, что они потом не пребывали в религиозном общении с иудеями (у них нет книг пророков). Откуда же у них явилась книга Второзакония?». Другие исследователи, приводя сходные аргументы, напоминали, что до того как Иосия вззошел на трон, еврейский народ в течение многих десятилетий практически не следовал заповедям монотеизма, скатился в пропасть самого примитивного язычества, и Иерусалимский храм на протяжении всего этого времени пребывал в запустении. Между тем изначально, с момента своего строительства при царе Соломоне Храм, помимо всего прочего, был главным хранилищем свитков Пятикнижия. Так стоит ли удивляться, что во время его капитального ремонта был найден один из таких свитков?!

Категорически был отвергнут противниками Велльгаузена и тот его тезис, что текст такой сложности и тонкости, как Пятикнижие, попросту не мог быть создан в XIII веке до н. э., так как евреи тогда не достигли такого уровня культуры. И историки, и богословы напомнили о том, что к тому времени в Египте уже существовали тексты, имеющие высочайшие художественные и интеллектуальные достоинства. Моисей же, согласно самому Пятикнжию, получил лучшее из возможных в Египте того времени образование. Если учесть, что археологические находки доказывают, что евреи той эпохи уже обладали письменностью, то высокие достоинства текста Пятикнижия лишь подтверждают авторство Моисея.

Однако большая часть авторов, противостоявших школе Велльгаузена, предпочли сосредоточиться на научном историческом или лингвистическом анализе текста Пятикнижия.

При этом они начали с того, что, к примеру, та же Книга Левит, написанная по версии Велльгаузена еврейским жрецом эпохи Второго храма, демонстрирует, что ее автор был хорошо знаком с особенностями жизни в пустыне, историческим бытом и фоном эпохи Исхода. Причем знаком настолько хорошо, что нигде не допустил ни одной исторической ошибки, нигде не позволил себе ни одного анахронизма. Но откуда столь дотошное знание жизни уже бесконечно далекой от него эпохи могло быть у жреца эпохи Второго храма?!

Далее, анализируя текст Книги Левит, эти авторы обращают внимание на то, что она содержит в себе многочисленные детали о стане израильтян, о расположении колен на стоянках в пустыне и т. д. Храм в ней описывается как сборная переносная конструкция, идеально приспособленная именно к условиям странствия по пустыне, а все законы Книги Левит даются исходя из того, что все евреи находятся неподалеку от Переносного храма и им не трудно прийти к нему пешком в праздник или для принесения жертв. Однако уже после завоевания Ханаана ситуация стала совершенно иной, и евреям приходилось затрачивать как минимум несколько недель на то, чтобы добраться до Иерусалима. После же Вавилонского пленения, когда значительная часть нации осталась в изгнании, эта ситуация осложнилась еще больше. Таким образом, если бы Книга Левит писалась в V веке до н. э., все законы звучали бы совершенно по-другому; ее автору и в голову бы не Пришло описывать Переносной храм и подлаживать под него все законы.

То же самое следует даже из поверхностного анализа текста Книги Левит. В нем то и дело встречается выражение «вся община» в значении «весь народ». Однако такое определение имело смысл только в тот период, когда весь народ стоял станом и мог собраться вместе. После расселения евреев в земле Израиля термин «вся община» уже никогда в этом значении не употреблялся, а священники и первосвященник назывались обычно просто «коэн» и «коэн а-гадоль», а никак не «сыновья Аарона» и «Аарон».

Наконец, в эпоху Ездры было просто невозможно представить того почтения к коэнам и левитам и тем привилегиям, которыми они должны обладать, согласно Книге Левит. К этому времени авторитет жреческого сословия среди живущих в земле Израиля евреев, увы, резко упал. Сам Ездра, негодуя на коэнов и левитов за то, что большинство из них отказалось вернуться на родину, значительно урезал их привилегии. Таким образом, напоминающая о них Книга Левит была Ездры крайне невыгодна, и если бы какому-либо из священников Храма пришлось бы в голову ее написать, Ездра бы приложил все усилия для того, чтобы она осталась неизвестной. Но если она была органической частью Пятикнижия (каковой является и с точки зрения композиции), то Ездры действительно некуда было деваться.

Еще один удар по школе Велльгаузена нанес лингвистический анализ текста Пятикнижия. Дело в том (об этом прямо говорится в Библии и ряде исторических сочинений), что, оказавшись в Вавилонском плену, многие евреи практически забыли родной язык. Даже по возвращении из плена разговорным языком среди евреев чаще был арамейский, а если они говорили на иврите, то речь все равно сопровождалась значительными вкраплениями персидских и арамейских слов. Но ничего подобного нет в Книге Левит, которая по версии Велльгаузена была написана именно в ту эпоху. Наоборот, в Книге Левит нет даже тех заимствований из арамейского и других языков, которые появились в иврите в эпоху Первого храма. Вся она с первого до последнего слова написана на древнем иврите эпохи Исхода, чрезвычайно близком к древнеарабскому, то есть в ту глубокую древность, когда разница между языками этих двух родственных народов была очень невелика и они могли понимать друг друга без переводчика.

Что касается разделения текста Пятикнижия на фрагменты, принадлежащие Элогисту, Ягвисту и т. д., то эти филологические экзерсисы «библейских критиков» ничего, кроме иронической усмешки, у серьезных литературоведов не вызвали. С тем же успехом, с их точки зрения, можно было аналогичным путем проанализировать любой другой текст, скажем, «Войну и мир» Толстого, и «доказать», что линию Ростовых писал один писатель, линию Болконских — другой, а затем некий редактор свел эти линии воедино.

Нелепость этих утверждений, в конце концов, была доказана... и самими «библейскими критиками». Продолжая анализировать Библию теми же методами, последователи Велльгаузена обнаруживали внутри ее текста все больше и больше «древних источников» и в итоге довели их число до тридцати, то есть до полного абсурда.

Характеризуя методологию школы библейской критики, тот же профессор Московской духовной академии С. С. Глаголев указывал на ее абсолютную ненаучность, тщательно завуалированную под подлинно научное знание.

«Библия — единственный памятник. Отрицая его, пытаются при помощи догадок воображения восстановить картины еврейского прошлого по самым незначительным и сомнительным данным. Верят самым сомнительным археологическим указаниям, малодостоверным записям, отрывочным и полупонятным намекам. Не хотят верить только Библии», — писал Глаголев в своей замечательной статье «Слабые стороны рационалистических библейских гипотез» (1899).

Известный современный израильский исследователь Библии и историк религии П. Полонский в своих работах, разумеется, совершенно независимо от профессора Глаголева, приходит к тем же выводам. Библейская критика, по его мнению, накопив за годы своего существования немало важного и интересного материала, на деле является лженаукой, чем-то вроде алхимии, предшествовавшей появлению химии, и ее главное предназначение — обслуживать

идеологию атеизма. Отсюда постоянная подтасовка или игнорирование «неудобных» фактов, полная умозрительность и т. д.

«Проблемой "Библейской критики" явилось то, что она почти с самого начала была использована атеизмом для поддержки и углубления своей идеологии. В тот период теория эволюции, выдвинутая Дарвином, воспринималась как способ опровержения религии, и потому возможность перенести эволюционные идеи на изучение Библии была новым и желанным орудием в "развенчании религиозных догм". На основании выделения в Торе "под-текстов" было без всякого на то научного обоснования объявлено, что каждый из них представляет собой один из независимых древних источников, в результате сведения которых вместе и появилась Тора. ~ Здесь следует особо подчеркнуть, что не только с точки зрения естественных ("точных") наук, но даже с точки зрения лингвистики и литературоведения, такой переход от "под-текстов" к "источникам" никак не может считаться научным доказательством. Настоящий устанавливающий авторство литературный анализ основан на сравнении многих литературных произведений, созданных в одну эпоху разными людьми. Но применение подобной процедуры установления авторства с помощью литературного анализа по отношению к Тексту, который является единственным оставшимся с древности и не имеющим в данной культуре параллельных текстов для сравнения, — такой анализ уже является очень проблематичным. И если наличие в Торе нескольких "слоев" повествования, отличающихся стилем и идеями, и можно считать вполне явным фактом, то приращение этим "под-текстам" статуса "источников Торы" является не научным выводом, а идеологической позицией...

...После этого изучение Библии стало искать другие пути. В тридцатые годы XX века вся схема Велльгаузена от начала до конца была официально отвергнута новой школой скандинавских критиков. Представитель этой школы Айвэн Энгель нанес теории Библейской критики смертельный удар, проанализировав злостный призрак Велльгаузена, его мифического "Редактора-фальсификатора" — это странное привидение в одеянии священнослужителя времен Второго храма, которое является на самом деле ключом ко всей теории Библейской критики, — и уничтожив его вежливым ученым лошадиным смехом, Энгель назвал его иронически "interpretatio europeica moderna". Изучая хитросплетения воображаемых Велльгаузенем интерполяторов, он обнаружил в них автопортрет европейского кабинетного ученого, упорно копающегося в Священном Писании, чтобы возвести гипотезу XIX века. Эти творческие муки кончаются ретроактивной проекцией своего собственного образа в V век до н. э. После Энгеля научное обоснование теории Велльгаузена было подорвано окончательно.

А вот еще один пример, иллюстрирующий то, что "Библейская критика" является не наукой, а видом идеологии. Как известно, одним из столпов Библейской критики является отождествление "Второзакония" (Пятой книги Торы) со свитком, найденным в Храме в эпоху реформ царя Йошиягу (см. Вторую книгу Царей, гл. 22) — и поэтому его датировали VII веком до н. э. Это отождествление было сделано на основании литературных соображений, не подкрепленных никакими археологическими данными. И вот, несколько лет назад группа археологов раскопала в Самарии, на горе Эйваль, остатки жертвенника — в точности соответствующие тому, что, согласно книге Второзакония, Моисей повелел сделать евреям после перехода Иордана, и археологически находка была датирована XIII веком до н. э. Археологи опубликовали статью о находке, показывая соответствие ее книге Второзакония. Как возмущены были этой статьей сторонники Библейской критики! Нет, они не отрицали, что найден жертвенник, они не оспаривали его датировку. Но они говорили: "Как же можно объяснять находку XIII века до н.э. на основании текста, написанного в VII веке до н. э.?" Иными словами, "литературная" датировка Второзакония эпохой царя Йошиягу стала для них догмой, и если археология противоречит этой догме — то тем хуже для археологии»¹, — писал Полонский в своей статье «Блеск и нищета "библейской критики"».

Однако, сосредоточиваясь на споре между сторонниками и противниками библейской критики, многие исследователи либо забывают, либо вообще игнорируют как минимум две загадки Пятикнижия, после знакомства с которыми вновь неминуемо встает вопрос о том, кто же на самом деле является автором этой книги.

благоденствие и мир в земле Израиля: долголетие, урожай, хороший приплод скота и т. д. При их нарушении следуют различные наказания. Сначала — засуха и неурожай, потом — эпидемии, далее — набеги врагов и — наконец — глобальное поражение от этих врагов, уничтожение еврейского государства и рассеяние среди народов. Вспомним, как звучат все эти предупреждения в книге Второзакония:

«Пошлет Бог на тебя проклятие, смятение и несчастье во всяком начинании рук твоих, которым ты заниматься будешь, пока не будешь ты уничтожен и беда не погибнешь вскоре из-за злодеяний твоих, потому что оставил ты Меня. Пошлет Бог на тебя мор, пока не истребит тебя с земли, в которую ты входишь, чтобы овладеть ею. Поразит тебя Бог чахоткой и лихорадкой, и горячкой, и воспалением, и засухой, и знойным ветром, и желтизной растений, и будут они преследовать тебя, пока не погибнешь...

...Обратит тебя Бог в бегство перед врагами твоими: одним путем выступишь ты против него и семью путями побежишь от него, и станешь ты страшилищем для всех царств земли. И будут трупы твои пищей всем птицам небесным, и животным земным. И никто не будет их отпугивать... И станешь ты сумасшедшим от зрелища, которое увидишь ты... Уведет Бог тебя и царя твоего к народу, которого не знал ни ты, ни отцы твои, и будешь ты служить там богам иным, дереву и камню. И станешь ужасом, притчей и посмешищем среди всех народов, к которым уведет тебя Бог» (Втор. 28:20—37).

Допустим — только допустим! — что Ю. Велльгаузен прав и книга Второзакония была написана первосвященником Хелькия в 621 году до н. э.

В этот период у евреев есть свое государство, ситуация в нем вполне стабильна и нет никаких оснований предполагать, что спустя 35 лет Иерусалим будет осажден, а затем разрушен, причем в ходе осады голод приведет к тому, что у защитников города не будет сил убирать трупы, их будут поедать птицы и крысы, а многие попросту сойдут с ума от голода и этого ужасающего зрелища. Каким образом все это стало известно Хелькии? Каким образом, если оставаться на рационалистических позициях, он мог провидеть не только поражение евреев в войне, которая еще не была даже на горизонте, но и их изгнание с родной земли, а также то, что в ходе этого изгнания они станут «ужасом,

притчей и посмешищем среди всех народов», то есть к евреям окружающие народы будут относиться хуже, чем к другим изгнанникам? Однако нет никаких сомнений, что эти слова Второзакония полностью сбылись.

Далее эта книга предупреждает о том, что последствия следующей национальной катастрофы могут оказаться еще страшнее:

«Нашлет Бог на тебя народ издалека, от края земли; как орел налетит народ, языка которого ты не поймешь, народ наглый, который без уважения относится к старцам и юношей не пощадит... И будет он теснить тебя во всех вратах твоих, пока не падут стены твои высокие и крепкие, на которые ты надеешься, по всей стране твоей. И будет он теснить тебя во всех вратах твоих по всей стране твоей, которую дал Бог, Всесильный твой, тебе. И будешь ты есть плод чрева твоего, плоть сыновей твоих и дочерей твоих, которых дал тебе Бог, Всесильный твой, в осаде и угнетении, которыми будет досаждать тебе враг твой...» (Втор. 28:49—53).

Ни в VII веке до н. э., ни в предшествующие столетия у евреев не было внешнего врага, языка которого они бы совсем не понимали. И ассирийцы, и вавилоняне были семитами, то есть говорили на родственных языках, да и язык египтян был хорошо знаком евреям из-за развитых торговых связей между странами. Врагом, языка которого они совершенно не понимали, были римляне. Латинский язык и в самом деле не имел никакой связи с семитскими языками и звучал совершенно чуждо для еврейского уха. Достаточно прочитать «Иудейскую войну» Иосифа Флавия, чтобы убедиться: приведенный выше отрывок из Второзакония является своеобразной аннотацией к тексту Флавия. В ходе антиримского восстания евреи полагались на неприступность своих крепостей — Гамлы, Масады, Иродиона, Иерусалима и др. Однако все они рухнули под ударами римлян, безжалостно уничтоживших затем их защитников. В Иерусалиме голод был таким сильным, что обезумевшие матери ели своих детей. Но все это, напомним, произошло в I веке н. э. Каким образом эти описания могли попасть во Второзаконие?!

Книга Второзакония провидит и то, что после потери родины евреи станут жертвами преследований и погромов во всех странах, где им доведется обретаться, и их жизнь будет проходить в постоянном страхе:

«И рассеет тебя Бог по всем народам, от края земли до края земли... Но и среди тех народов не найдешь ты покоя, и не будет отдыха ступне твоей, а даст Бог тебе там сердце встревоженное, тоску и скорбь души. И будет жизнь твоя висеть на волоске, и будешь пребывать в страхе день и ночь, и не будешь уверен, что выживешь...» (Втор. 28:64—67).

И снова тот же вопрос: каким образом автору Второзакония все это было известно? Даже если допустить, что речь идет о поздней ставке, сделанной во время Вавилонского пленения

(каноничность нынешнего текста Второзакония после этого периода сомнений ни у кого не вызывает), то ведь в Вавилоне евреи отнюдь не были рассеяны «от края до края земли»...

Наконец, некоторые предупреждения книги Второзакония о том, каково может быть наказание евреям за отступничество и впадение в грех атеизма, невольно заставляют вспомнить ад нацистских концлагерей и ужас Холокоста:

«Они досаждали мне небогом, гневил меня суетой своей, а Я буду досаждать им ненародом, народом подлым гневить буду их. Ибо пылающий огонь — гнев Мой, и сжигает он до глубин, преисподней... Изнурены они будут голодом и охвачены жаром, и мором лютым, и зуб звериный нашлаю я на них, и яд ползучих гадов. Извне будет губить меч, а из домов — ужас, и юношу, и девицу, и ребенка, человека седовласого. Сказал Я: положу им конец, сотруу людей память о них...» (Втор. 32:21—26).

Однако при этом союз между Богом и еврейским народом объявляется союзом вечным, и это означает, что в итоге Всевышний вновь и вновь будет прощать Свой народ, возвращать его в обещанную ему землю и восстанавливать утраченную этим народом государственность:

«И возвратит Бог, Всесильный твой, изгнание твое, и смилостивится над тобой. И опять соберет тебя среди всех народов, среди которых рассеял тебя Бог, Всесильный твой. Даже если будут изгнанники твои на краю неба, то и оттуда соберет тебя Бог, Всесильный твой, оттуда возьмет тебя. И приведет тебя Бог, Всесильный твой, в страну, которой овладели отцы твои, и овладеешь ею, и облагодетельствует он тебя, и размножит тебя более отцов твоих...» (Втор. 30:3—5).

Допустим, что этот текст и в самом деле датируется VII, а не X веком до н. э. Допустим, что писавший его человек был глубочайшим политическим аналитиком, как сказали бы сегодня, футурологом, сумевшим просчитать, что нынешнее благополучие еврейского государства сменится поражением еврейского народа в огне и его изгнанием с родной земли. Но каким образом он смог просчитать, что спустя 100 лет евреи вернутся и восстановят свою государственность? Каким образом он мог просчитать, что еще через шесть столетий события повторятся? Откуда ему было известно, что и после второго изгнания евреи снова возродят свое государство на той же, обетованной им Богом земле, соберутся на нее почти из ста стран мира, но все это произойдет уже спустя почти два тысячелетия?!

Если бы кто-то еще в начале XX века предположил, что в 1948 году на карте мира появится государство Израиль, его бы сочли за безумного фантаста. И уж тем более фантастическим выглядело предположение, что это государство при крайне малых своих размерах будет одной из самых сильных и процветающих стран своего региона. Но это — те факты, отрицать которые попросту нелепо.

И даже если они не подрывают основы библейской критики, то, вне сомнения, ставят перед любым непредвзятым читателем очень непростые вопросы.

Еще один загадочный аспект Пятикнижия открыт только для тех, кто знает иврит, то есть язык, на котором написана эта книга, но само его открытие стало возможным только после появления компьютерной техники.

В середине 80-х годов XX века выдающийся израильский (в прошлом — советский) математик Э. Рипс ввел в компьютер текст Пятикнижия, а затем стал пробовать отыскать в нем различные слова, читая текст через интервалы 3, 4, 5, 6 и более букв. Результат оказался поразительным: выяснилось, что если пытаться читать Тору через такие равные

интервалы, то начинают проступать не только отдельные слова, но и... новый текст. Причем в зависимости от интервала, выбранного для чтения, и слова, и текст оказывались разными.

Используя такой метод прочтения Пятикнижия, Рипс обнаружил в нем имена выдающихся писателей, ученых и политических деятелей прошлого, упоминания о различных событиях новейшей истории и т. д. Таким образом выходило, что Пятикнижие — это не просто некий вполне конкретный текст, но и зашифрованное послание, которое для расшифровки следует читать через определенное число букв. И не просто послание, а послание, содержащее сведения... обо всей будущей истории человечества.

Так, рядом со словом «Рузвельт» при таком прочтении обнаруживаются фразы «Он приказал ударить в день великого поражения» и «Хиросима в конце концов поразит весь мир. Атомная катастрофа 5705». Но 5705 год по еврейскому календарю — это 1945-й по григорианскому.

Слова «президент Кеннеди» стоят рядом со словом «Освальд» (именно так звали убийцу президента. — *п. л.*). «Он ударит в голову, смерть. Даллас», то есть указано даже место убийства. Имя президента Египта Анвара Садата, заключившего сепаратный мир с Израилем, встречается при таком прочтении во фразе «Халед застрелит Садата». Уже чуть дальше можно найти имя и фамилию убийцы президента — «Халед Исламбули. 8 тишрея». Президент Анвар Садат был убит 6 октября 1981 года, но 6 октября по еврейскому календарю — это 8 тишрея.

И вот таких совпадений набралось великое множество.

Надо сказать, идея, что в тексте Пятикнижия содержится некий другой текст, который можно прочесть, если найти соответствующий код, высказывалась неоднократно различными выдающимися еврейскими учеными и комментаторами Писания. Из христианских ученых приверженцем этой идеи являлся Исаак Ньютон, бывший великим богословом в не меньшей, а может быть и в куда большей степени, чем великим физиком. В 30-х годах XX века эт. идею — о том, что Тору можно читать и через равные буквенные шаги-интервалы, — выдвинул пражский раввин Вейсмандель. Однако пока не появились компьютеры, подобное прочтение текста Торы было невозможным.

Разумеется, будучи ученым, первооткрыватель «библейского кода» Э. Рипс решил ничего не принимать на веру. Он разослал статью о своем открытии целому ряду своих коллег — крупнейшим американским и английским математикам XX века, а также попросил проверить его шифровальщиков Агентства национальной безопасности США. Вердикт всех был одинаков: вероятность того, что в тексте Книги Бытия (а вначале для анализа была взята именно она) содержится скрытая информация в форме эквидистантных (то есть идущих через равные промежутки букв) последовательностей, составляет 99,998 процента.

Но в связи с этим возникал резонный вопрос: а нельзя ли подобным способом прочесть вообще любую книгу? Чем больше будет книга, тем больше, очевидно, вероятность того, что при прочтении через определенное число букв в ней могут возникнуть те или иные слова или тот или иной текст. На русском языке такой эксперимент был проделан с двумя великими книгами — романами «Преступление и наказание» и «Война и мир». Ни одна из них не дала подобного результата. Бесплодными оказались и попытки отыскать подобный код и в ряде книг на английском языке, а также на иврите. То есть во всех этих книгах время от времени возникали какие-то отдельные четырех-пятибуквенные слова, но их никогда не окружал связный текст, тем более текст, проливающий свет на те или иные события. Даже с остальными книгами Библии такое проделать не получалось. Стало ясно, что подобный код имеется только в одной книге в мире — Пятикнижии Моисеевом.

Одним из первых исследованиями нового кода увлекся американский журналист М. Дрознин, кстати, убежденный атеист. Для того чтобы работать с кодом, Дрознин выучил иврит и однажды, набрав в поисковике программы слова «Ицхак Рабин», обнаружил возле него связный текст «Роцеах ашер нирцах» и дату 5755 год — то есть 1995 год по христианскому летосчислению. Дрознин перевел эту фразу как «Убийца, который убьет», хотя на самом деле ее правильный перевод звучит как «Убийца, который будет убит». Последняя фраза выглядит для израильтян предельно понятно, так как в историю Израиля премьер-министр Ицхак Рабин, помимо прочего, вошел и как убийца евреев — человек, расстрелявший в 1948 году с берега судно «Альталена» с бойцами еврейской подпольной организации ЭЦЕЛ.

Впрочем, это не так уж и важно. Важно то, что в 1994 году Дрознин попытался передать Рабину письмо с предупреждением о том, что в 1995 году на него может быть совершено покушение. Письмо, видимо, дошло до Рабина, но он ему не поверил. 4 ноября 1995 года Ицхак Рабин был убит на площади в центре Тель-Авива человеком, убежденным, что политика премьера не отвечает интересам страны. Сев к компьютеру, Дрознин рядом с именем Рабина легко обнаружил и имя его убийцы — Игаль Амир. До этого он не мог его найти по той простой причине, что ему этого было знать не дано.

То, что это убийство удалось предсказать, но не удалось предотвратить, невольно наводило на мысль о предопределенности будущего (хотя, заметим, мысль эта глубоко чужда иудаизму, настаивающему на принципе свободы воли каждого человека).

Обо всем этом Дрознин рассказал в книге «Библейский код. Тайнопись будущего», переведенной на русский язык в 2000 году. В этой же книге он писал, что его исследования библейского кода показывают, что в 2006 году Израиль может подвергнуться ядерному удару.

В 2004 году автор этой книги встретился с профессором Э. Рипсом и спросил его, что тот думает о предсказаниях Дрознина. Рипс ответил, что считает их спекулятивными и не заслуживающими доверия. По словам Рипса, с расшифровкой кода все обстоит не так-то просто, особенно когда речь идет о событиях будущего — здесь все зависит от интерпретации найденного текста. Одновременно профессор Рипс поделился со мной своими последними открытиями, связанными с кодом. Например, найденным им в тексте Торы предложением «Александр Пушкин, великий русский поэт, будет убит на дуэли».

В 2006 году и в самом деле никакого ядерного удара по Израилю, слава богу, не было. Однако не стоит забывать, что именно в этом году на города и поселки Израиля с территории Ливана обрушился настоящий град ракет и Израилю пришлось вступить во вторую ливанскую войну, самое крупное военное противостояние с 1982 года.

В любом случае, книга М. Дрозина представляет собой определенную ценность, возможно, тем более значительную, что ее автор — человек неверующий.

«Рипсу, математику и верующему иудею, нет нужды спрашивать: "Кто же составил код?" — пишет Дрозин. — Ответ очевиден. Составитель кода, обвинитель и защитник — это Бог.

Однако для меня дело обстоит отнюдь не так просто. Я видел несомненные доказательства существования кода, а вот доказательств существования Бога у меня не было. Если библейские предсказания исходили от всемогущего Бога, то зачем Он трудился их делать? Он мог просто изменить будущее.

Сообщения кода, как мне казалось, исходили от кого-то другого — доброжелательного, но не всемогущего, — кто желал предупредить нас о грядущей опасности, чтобы мы устранили ее сами»¹.

Дрозин так и не дает собственного ответа на вопрос о том, кто же зашифровал в тексте Пятикнижия всю будущую историю человечества. Ссылаясь на некий высший разум, он понимает, что нелепо приписывать создание этого кода «инопланетянам», так как трудно представить, что даже самая могущественная цивилизация обладает способностью к такому предвидению будущего. Однако и слово «Бог» он, как и большинство атеистов, произнести просто боится.

Но в любом случае открытие тайного кода Пятикнижия еще раз доказывает, что эта книга стоит особняком даже в корпусе книг Священного Писания. А значит, и человек, бывший ее автором — а пока никто, как уже было показано, не опроверг убедительно авторство Моисея, — тоже был совершенно необычным, отличающимся от всех остальных «прошедших по Земле людей». И потому, возможно, нам стоит еще раз задуматься над одной из последних фраз Пятикнижия, приписываемой уже Иисусу Навину:

«И не было более пророка в Израиле, подобного Моше, которого знал Бог лицом к лицу...»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...Из тьмы столетий, из почти неподдающейся осознанию глубокости древности проступает к нам лицо Моисея, освещенное тем же светом, каким оно светилось, когда он сходил с Синая, прижимая к себе Скрижали Завета.

Временное расстояние между нами и им так велико, что мы не в состоянии в точности уловить черты его внешнего, да и порой внутреннего, духовного облика — они для нас слишком расплывчаты и потому порой загадочны.

Но, окидывая взглядом события его долгой жизни, мы не можем не осознавать, что Моисей, возможно, был первым, хотя и, безусловно, далеко не последним в обозримой истории, человеком миссии.

Во всяком случае, мы не видим до него фигуры в истории человечества, для которого власть, богатство, слава, то есть все материальные признаки величия не значили почти ничего, в то время как взятая на себя миссия являлась высшим смыслом жизни, высшей ценностью. Ради этой миссии такой человек способен с легкостью пожертвовать своей жизнью, а когда ее выполнение оказывается под угрозой, может пойти на самые страшные меры, став в глазах своих современников жестоким тираном.

Их было не так уж и мало в истории — людей миссии. Будда, апостол Павел, Мухаммед, Салахаддин, Мартин Лютер, То-мазо Торквемада, Робеспьер, Владимир Ленин — вот далеко не полный перечень людей миссии, имена которых уже не вычеркнуть из памяти человечества. Причем, как легко заметить, понять и оценить значение каждой из этих фигур для своих народов и мировой истории можно только с высоты времени. Почти каждому из них можно предъявить подчас поистине ужасные обвинения, и каждому есть что сказать в свое оправдание. Вопрос заключается в том, чего больше принес этот человек в мир — света или тьмы.

И с этой точки зрения фигура пророка Моисея опять возвышается и над всеми остальными людьми миссии, ибо принесенный им свет Десяти заповедей и призыва «Возлюби ближнего, как самого себя» так ярок, что в нем просто меркнут, забываются все доводы тех, кто пытается обвинить его в фанатизме и нетерпимости, суровости, а подчас и откровенной, пугающей жестокости. Как ни странно, но эти аргументы не только не умаляют величия его личности, не только не отталкивают от него, но и — даже если современный человек далеко не все может принять в его поступках — приближают нас к нему, делают его более понятным, представляют как человека своего времени, а не некую лубочную, идеализированную картинку.

Именно таким — живым, исполненным противоречий и подлинного величия — хотелось представить читателям Моисея автору этой книги.

И если ему это хоть в какой-то степени удалось, он будет считать свою задачу выполненной.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОИСЕЯ (согласно Пятикнижию и устным еврейским преданиям)

2368, 7 адара (1393 до н. э., февраль)² — в семье Амрама и Йохевед из колена Леви рождается мальчик, которого родители называли Еред-Авидгором.

6 сивана (апрель—май) — Йохевед опускает сына в вымазанной глиной корзине в воды Нила, где его подбирает дочь фараона Фер-муфис (в еврейской версии — Батья), которая и дает ему имя Моисей (Моисеус).

2370(1391 до н. э.) — Фермуфис забирает своего приемного сына Моисея во дворец фараона у его кормилицы и биологической матери Йохевед.

2379—2385 (1382—1376 до н. э.) — Моисей изучает «мудрость египетскую» в Гелиополисе. По всей видимости, речь идет обо всем комплексе знаний, которым обладали египетские жрецы. 2386(1375 до н. э.) — Моисей становится видным вельможей и военачальником при дворе фараона. 2388, по другой версии 2386 (1373 до н. э.) — Моисей убивает египетского надсмотрщика и бежит от наказания за это преступление в Куш (Эфиопию).

2395(1366 до н. э.) — после смерти царя Куша Кукиноса Моисей на правах его зятя становится царем этой страны. 2435 (1326 до н. э.) — Моисей изгоняется из Куша за отказ продолжить царскую династию и служить местным богам. Моисей бежит в Ма-диам и поселяется в доме Иофора.

15 нисана — 1 ияра (1314 до н. э., март—май) — Бог является Моисею в Неопалимой купине, велит ему отправиться в Египет и потребовать от фараона освободить евреев. Натолкнувшись на жесткий отказ фараона и возмущение евреев утяжелением их участи, Моисей возвращается в Мадиям, в дом своего тестя Иофора.

Ав (1314 до н. э., июль—август) — Моисей снова в Египте для продолжения своей миссии. Элзоль (август) — первая казнь египетская. Тишрей (сентябрь) — вторая казнь египетская.

2447, тишрей (1314 до н. э., октябрь) — третья казнь египетская.

Хешван (ноябрь) — четвертая казнь египетская.

Кислее (декабрь) — пятая казнь египетская.

Тевет (1313 до н. э., январь) — шестая казнь египетская.

Шват (февраль) — седьмая казнь египетская.

1 адара — 14 нисана (март—апрель) — восьмая, девятая и десятая казни; исход евреев из Египта.

21 нисана (апрель) — чудо рассечения Чермного (Тростникового) моря.

16 ияра (май) — начало выпадения манны.

1—7 сивана (июнь) — приход евреев в пустыню Син. Синайское откровение. Уход Моисея на гору Синай для первого разговора с Богом.

16—18 таммуза (июль) — не дождавшись Моисея, евреи впадают в грех поклонения золотому тельцу. Вернувшись в стан, Моисей раз-
бивает первые Скрижали Завета. Моисей сжигает золотого тельца и казнит три тысячи человек, особенно активно участвовавших в поклонении идолу. 2248, 18 таммуза — 2449, 10 тишрея; по другим данным, до 1 элуля (июль-сентябрь; по другим данным, до середины августа) — Моисей второй раз восходит на гору Синай. Проводит 40 дней в уединении в стане и затем вновь на 40 дней поднимается на Синай. 2449, 10 тишрея (сентябрь) — возвращение Моисея с Синая со вторыми Скрижалями Завета. Сбор пожертвований на строительство Переносного храма (Скинии Завета) и начало его сооружения. 25кислева (декабрь) — завершение изготовления всех деталей конструкции и убранства Переносного храма. 2449, 1 нисана (1312 до н. э., март—апрель) — обновление Переносного храма, первые жертвоприношения в нем.

1 ияра (май) — подведение итогов первой переписи населения.

2 ияра (май) — Моисей повелевает евреям тронуться в путь. Новый конфликт Моисея с народом. «Могила прихоти» в пустыне Паран. 29 сивана (июнь—июль) — Моисей отправляет 12 разведчиков «высмотреть Землю обетованную»

9 ава (июль—август) — возвращение разведчиков и плач в стане Израиля. Моисей сообщает евреям, что в наказание за плач Бог обрек их на сорокалетнее странствие по пустыне.

17элуля (август—сентябрь) — бунт Корея и его приспешников. 2487, 10 нисана (1274 до н. э., март—апрель) — смерть сестры Моисея, Мириам. Моисей приходит к выводу, что народ готов к завоеванию Ханаана, и велит евреям тронуться в путь.

1 ава (июль—август) — смерть брата Моисея, первосвященника Аарона.

Ав (август) — смерть последних представителей «поколения пустыни».

Элуль (август—сентябрь) — завоевание евреями Амореяского и Васанского царств в Заиорданье. 2488, тишрей (сентябрь—октябрь) — впадение в грех с моавитянками и мадианитянками. Мор. Подвиг Финееса (в еврейской версии — Пинхаса).

Хешван (ноябрь) — проведение Моисеем переписи боеспособного населения после мора.

Кислее (ноябрь—декабрь) — Моисей отдает указание Финеесу провести «операцию возмездия» против мадианитян.

1 швата — бадара (1273 до н. э., 16 января — 22 февраля) — Моисей зачитывает и разъясняет народу текст записанной им Торы. 7 адара (23 февраля) — смерть Моисея на горе Нево. 7 нисана (25 марта) — окончание траура по Моисею.

10 нисана (28 марта) — евреи во главе с Иисусом Навином вторгаются в Ханаан.

ЛИТЕРАТУРА

Издания Библии

Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Канонические; В русском синодальном переводе. М.: Российское библейское общество.

Живая Тора: Пятикнижие Моисея: Новый перевод на английский, основанный на традиционных еврейских источниках, с примечаниями, вступлением, картами, таблицами, чертежами и библиографией рабби Арье Каплана / Пер. на рус. яз. Г. Спинаделя. Нью-Йорк; Иерусалим: Моз-наим, 1998.

Кетувим (Писания) / Ред. пер. Д. Иосифон. Иерусалим: Мосад Арав Кук, 1975.

Первые и последние пророки: Текст сверен с рукописью и масорой Кэтэр Арам Цовы и сходных с ней рукописей Мордехаем Броером / Ред. пер. Д. Иосифон. Иерусалим: Мосад Арав Кук, 5738 (1978).

Пятикнижие и Гафтарот: Ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сончино»: В 5 т. / Пер. П. Гиль; сост. ком-мент. Й. Герц. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 1994—1997 (5755-5758).

Пятикнижие Моисеево, или Тора, с русским переводом и комментариями, основанными на классических толкованиях Раши, Ибн Эзры, Рамбана, Сфорно и др., и Гафтарой: В 5 т. / Под общ. ред. Г. Брановера. Иерусалим: Шамир, 5751-5756 (1991-1996).

Пятикнижие с толкованием рабби Шломо Ицхаки (Раши): В 5 т. / Пер. Ф. Гурфинкель. Иерусалим: Швут Ами, 2005—2007.

Пять книг Торы / Пер. Д. Иосифона. Иерусалим: Мосад Арав Кук, 1975.

Теилим (Псалмы) Швут Ами с избранными комментариями / Пер. А. Каца. Иерусалим: Швут Ами, 2003.
Тора (Пятикнижие Моисеево): Комментарии рава Гирша: В 5 т. Иерусалим: Швут Ами, 1993—2001.

Следует также отметить, что при написании названий книг Пятикнижия, употреблении различных имен, топонимов и т. д. автор старался придерживаться не их оригинального звучания на иврите, то есть еврейском языке, а сложившейся в русском языке традиции написания и употребления библейских имен и понятий — за исключением случаев, когда написание того или иного слова в его оригинальном звучании казалось ему более оправданным.

В то же время, учитывая тот факт, что даже в самых точных христианских переводах Ветхого Завета имеется немало ошибок (причем порой нелепых, как еще предстоит убедиться чи-

Разумеется, рассказываемая Пятикнижием история о явлении Моисею Бога в горящем, но не сгорающем кусте — Неопалимой купине — и все последующие события вызывали и вызывают немало вопросов у историков и исследователей Библии.

Скажем, к примеру, возможно, не самым важным, но весьма любопытным является вопрос: каким же именно растением была эта самая Неопалимая купина? В библейском тексте это растение обозначено словом «снэ», что можно перевести просто как «колючий кустарник». Раши считал, что это был терновник, а мидраш и вслед за ним Септуагинта и Вульгата утверждают, что речь идет о ежевике. При этом комментаторы подчеркивают, что важна не видовая принадлежность расте-

Еще одну, довольно стройную и вполне обоснованную теорию происхождения Моисея выдвигает Л. Мёллер. При этом Мёллер утверждает, что ему удалось сделать то, в чем потерпели неудачу все остальные историки, — отыскать следы Моисея

История десяти казней, посредством которых Всевышний заставил фараона отпустить евреев, в целом известна каждому читателю Библии, однако еврейские источники расцвечивают ее множеством деталей, которые, как мы увидим, чрез-

Надо заметить, что вопрос, действительно ли когда-либо на Египет обрушивались те глобальные бедствия, о которых рассказывает Библия, волновал еще древних и средневековых историков. В результате к XX веку в исторической науке и библеистике сформировались две основные концепции объяснения библейского рассказа о десяти казнях египетских.

Суть первой заключается в том, что на самом деле никаких десяти казней не было и в помине. В основу этого рассказа легла некая легенда о смерти наследного египетского принца, которая затем в еврейских сказаниях превратилась в казнь всех первенцев Египта, а дальше эта легенда все более и более расцвечивалась и наполнялась ужасающими подробностями, пока одна казнь не превратилась во все десять.

Сторонники этой теории обращают внимание на то, что к какому бы периоду египетской истории мы бы ни относили события Исхода евреев из этой страны — ко времени фараона Мернептаха или к смутному времени, наступившему после смерти Эхнатона, — египетские источники того периода ни словом не обмолвливаются ни о каких-то стихийных бедствиях, ни о самом исходе евреев. А ведь Библия уверяет, что обру-

Так выглядят происходившие в те дни в Египте события с точки зрения еврейских источников, однако историки, разумеется, оспаривают их достоверность.

Как уже говорилось, в современной библеистике существует несколько взглядов на события, предшествовавшие еврейскому Исходу из Египта.

Сторонники первой школы утверждают, что ничего подобного никогда в действительности не происходило, и вся эта история была придумана евреями позже. Хотя при этом остается совершенно непонятным, зачем какому-то народу придумывать, что на раннем этапе своей истории он влачил жалкое, униженное существование в рабстве у другого народа, а затем вырвался из этого рабства, ограбив своих бывших хозяев.

И вновь мы видим Моисея поднимающимся на Синай — на этот раз для получения Скрижалей Завета. Объяснив народу, что он оставляет его на сорок дней, вверяя попечению своего брата Аарона и племянника Хура, Моисей в сопровождении старейшин и верного Иисуса Навина, ученика и телохранителя в одном лице, направляется к горе Синай. У ее подножия он прощается со старейшинами, обнимает каждого из них и дальше следует только с Иисусом Навином. Но вот они доходят до той черты, которую запрещено переступать и Иисусу, — теперь он идет один, неспешными уверенными шагами поднимаясь на вершину Синая. В тот момент, когда достиг вершины, густое облако снова окутало гору, а на восьмой день народ в стане явственно увидел над горой огненный всполох: это истекли семь дней подготовки Моисея к встрече с Всевышним и ему было разрешено подняться в Высшие миры — так комментаторы объясняют последующие слова Библии:

«И взошел Моше на гору, и покрыло облако гору, и осенила слава Бога гору Синай, и покрывало ее облако шесть дней.

Наконец отзвучали последние слова Бога и, придя в себя на вершине Синая, взяв новые Скрижали Завета, Моисей начинает медленно спускаться с вершины Синая вниз, где его с нетерпением ждут Аарон, старейшины и весь народ. При этом Моисей не подозревал, что за время разговора с Богом, из-за того, что, как говорит мидраш, через его тело постоянно проходил свет Божественного присутствия, лицо Моисея начало светиться. Оно испускало такой поистине ослепительный свет, что когда Аарон и стоявшая за ним толпа увидели это свечение, их обуял страх. Они решили, что свечение является проявлением гнева и готовности Моисея свершить возмездие, выжечь

Как уже говорилось выше, еврейские мистики были убеждены, что Моисей вложил в устройство Переносного храма в целом и в каждую деталь его убранства в частности глубокий сакральный смысл, закодировал в них величайшие тайны мироздания.

Вот, например, как объяснял назначение храмового семилампового светильника раввин Ш. Р. Гирш:

«Если мы зададимся вопросом о значении меноры в святилище Божественного закона, то ответ на первый взгляд покажется вполне очевидным. Зажженная менора, предположим мы, выражает свое символическое значение через свет, который она распространяет, и кажется очевидным, что свет, в свою очередь, представляет собой понимание. В таком случае не было бы ничего легче, чем толковать менору, особенно учитывая ее положение напротив стола перед Ковчегом закона

Бунт Корея (в оригинальном еврейском произношении — Кореха) в том виде, как он представлен на страницах Библии, — это в принципе архетип любого заговора. Сам же Корей — это архетип лидера, являющегося антиподом Моисея, — харизматичного популиста, движимого исключительно жаж-

Иудаизм насчитывает в Пятикнижии 613 заповедей, определяющих весь круг взаимоотношений между человеком и Богом, человеком и членами его семьи, человеком и обществом. На этом основании значительная часть еврейских исследований предпочитает называть иудаизм не религией, а учением, образом жизни, так как, помимо чисто религиозных, он определяет и все другие аспекты жизни своих адептов — от публичных до самых интимных.

Продолжая разговор о противопоставлении провозглашенного монотеизма язычеству, нельзя вновь не вспомнить о вве-

И все же почему в своем первом письме Адару Моисей обещал не трогать водных источников, а во втором признавал, что они могут понадобиться евреям, и высказывал готовность заплатить за воду? Что могло произойти за тот короткий проме-

Начать, наверное, следует с того, что в еврейском национальном сознании неотъемлемое право евреев на клочок земли между Средиземным морем и Иорданом, называемый ими Святой землей, землей Израиля и Землей обетованной, неразрывно связано с представлением о существовании Единого Бога, который и обещал им эту землю в вечный удел (потому- то она и обетованная).

Первый, кому Всевышний дал это обещание, был праотец еврейского народа Авраам.

«И прошел Авраам по стране этой до места Шхема, до Элон- Морэ — а кнаанеи уже были тогда в той стране. И явился Бог Аврааму и сказал: "Потомству твоему отдам Я эту страну"..."» (Быт. 12:6-7).

Признавая, что в основу рассказа о покорении израильтянами Трансиордании положены некие реальные события, большинство историков все же полагают, что этот рассказ был записан значительно позже и, как это обычно бывает, на реальную основу напластовались различные домыслы. К примеру, многие исследователи сходятся во мнении, что легенда о том, что некогда в этой местности жили великаны, сложилась у древних евреев при виде гигантских гробниц-дольменов, в которых хоронили своих умерших жившие в Ханаане задолго до библейских событий народы. Понятно, что никакого другого объяснения, как того, что эти дольмены служили могилами или ложами для людей соответствующего роста, евреи дать не могли. Отголоски этой легенды о великанах мы встречаем не только в рассказе о Сигоне и Оге, но и в истории об отправленных Моисеем из Кадеша разведчиков.

Во всяком случае, именно такую версию о происхождении рассказа об Оге представляет в своей книге В. Келлер.

Проснувшись однажды утром, евреи обнаружили, что напротив их стана в Шитиме, в месте, где их шатры ближе всего подходили к границам Моава, соседи-моавитяне раскинули огромный рынок. Здесь продавались невиданные прежде этим

Предупредив Моисея о близкой смерти, Бог сообщает ему, что прежде, чем это произойдет, Моисей должен будет, во-пер- вых, повторить с евреями все заповеди и законы; а во-вторых, расплатиться с мадианитянами за то, что те пытались соблазнить евреев и вернуть их в язычество, выйдя против них на войну. И сразу после этой войны, добавляет Творец, Моисей должен будет умереть.

«И говорил Бог, обращаясь к Моше так: "Отомсти за сынов Израиля мидьянитянам, затем приобщишься ты к народу твоему"..."» (Чис. 31:1-2).

Комментаторы подчеркивают, что указание нанести удар именно по мадианитянам, а не по моавитянам, обусловлено тем, что последних еще можно было понять: хотя евреи не нападали на них, но стояли у самой их границы, и им было чего опасаться. Мадианитянами же, которые жили дальше и которым вроде бы ничего не угрожало, двигали исключительно коварство и развращенность.

Вскоре после окончания войны с мадианитянами к Моисею, Елеазару-коэну и к старейшинам всех колен обратились представители колен Рувима и Гада с просьбой разрешить им остаться в Заиорданье — уж очень им, лучшим скотоводам среди израильтян, приглянулись привольные пастбища недавно захваченных земель царств Сигона и Ога.

Однако у Моисея их просьба вызывает вспышку ярости: он видит в ней прежде всего нежелание этих двух колен продолжать битву за Землю обетованную, жажду как можно скорее начать размеренную благополучную жизнь, отделив собственную судьбу от судьбы остального еврейского народа. Между тем восточный берег Иордана Моисея не интересовал, так как указанные ему Богом границы будущей для евреев родины простирались между морем и западным берегом Иордана. Он также опасался, как подобные настроения повлияют на ос-

И вот наступило 7-е число последнего зимнего месяца адара (23 февраля 1273 года до н. э.) — последний день жизни Моисея:

«И говорил Бог, обращаясь к Моше в тот день, так: "Взойди на эту гору Аварим, гору Нево, что в стране Моав, что напротив Иерихона, и осмотри страну Кнаан, которую Я даю сынам Израиля во владение. И умри на горе, на которую ты взойдешь. И приобщись к народу своему, как умер Аарон, брат твой на горе Ор, и приобщился он к народу своему... издали увидишь ты страну эту, но туда не войдешь, в страну, которую Я даю сынам Израиля"» (Втор. 32:48—52).

Благословив колена, Моисей в последний раз собрал народ, благословил его и объявил, что срок его жизни истек. Затем в присутствии множества народа, и прежде всего всех семидесяти старейшин, Моисей объявил Иисуса Навина своим преемником и возложил руки на его голову. Устное предание утверждает, что в момент этого возложения к Иисусу перешли все знания и — частично — пророческий дар Моисея, так что его лицо тоже начало светиться, но этот свет не был таким ярким, как от лица Моисея.

Однако уже в древности и раннем Средневековье утверждение, что Моисей является единственным автором Пятикнижия и весь его текст продиктован Богом, было подвергнуто со-

Первый — открытый — аспект Пятикнижия заключается в том, что многие его страницы имеют откровенно пророческий характер. Как уже говорилось, с определенной точки зрения текст Пятикнижия можно рассматривать как своеобразный договор, контракт между еврейским народом и Богом.

В случае исполнения евреями указанных в этом контракте правил поведения (заповедей) Всевышний обязуется дать им.